Ю
Б 81

ШТАБ Р.К.К.А.
УПРАВЛЕНИЕ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ
И ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ОПЫТА ВОЙН

М. БОНЧ-БРУЕВИЧ

ПОТЕРЯ ГАЛИЦИИ В 1915 г.

ЧАСТЬ II

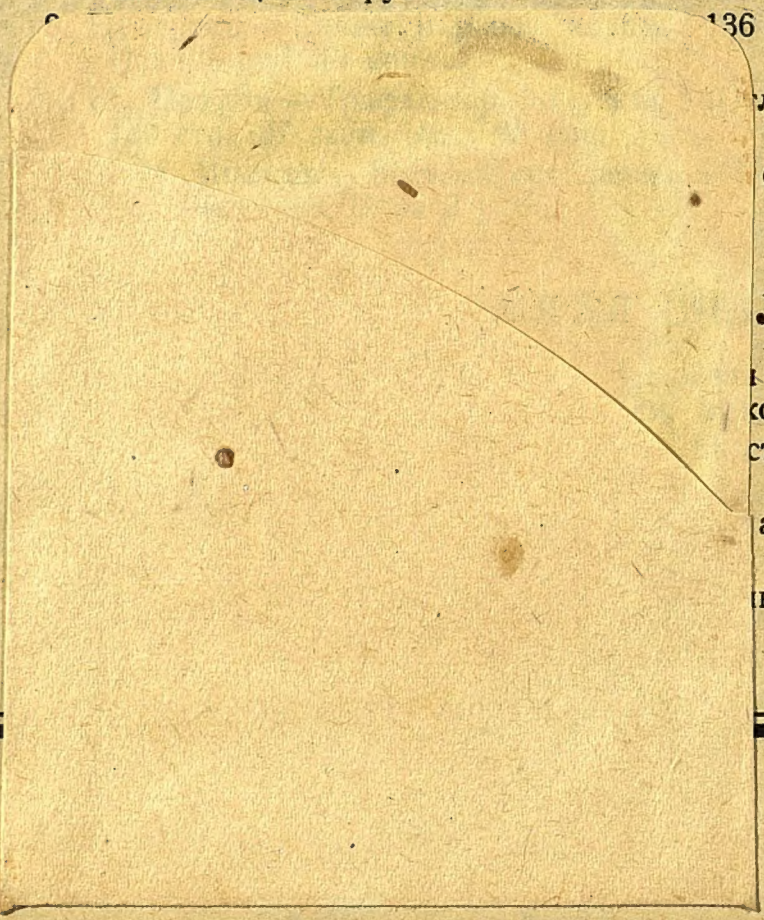
КАТАСТРОФА в 3-й АРМИИ

ИЗДАНИЕ ВОЕННОЙ ТИПОГРАФИИ ГУРККА
ЛЕНИНГРАД 1926 МОСКВА

57692/с

ИЗДАНИЯ
УПРАВЛЕНИЯ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ И ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ОПЫТА ВОЙН
ШТАБА Р. К. К. А.

1. **Петров** — Подготовка России к войне на море. 260 стр., 11 схем, 2 карты. Цена 2 руб.
2. **Зайончковский** — Подготовка России к мировой войне. Планы войны. 429 стр., 15 схем. Цена 2 руб. 80 коп.
3. **Барсуков** — Подготовка России к мировой войне в артиллерийском отношении. 215 стр. Цена 1 руб. 15 коп.
4. **Козлов** — Очерк военно-технического снабжения армии в мировую войну в 1914 — 1915 г. 112 стр. Цена 1 р. 10 к.
5. **Ковтюх** — От Кубани до Волги и обратно. 112 стр., 5 схем. Цена 75 коп.
6. **Покус** — Борьба за приморье. 112 стр., 9 схем. Цена 1 руб.
7. **Свечников** — Борьба на Северном Кавказе 1918—1919 г. 232 стр., 12 схем в красках. Цена 1 руб. 90 коп.
8. **Кокурин и Меликов** — Война с белополяками. 30 печ. листов. Цена 6 руб.



...36 стр., 8 схем.

...ландский бой.

...стр. с 215 черт.

...ЛИОТЕКА

...в боях под ...коп.

...стр., 4 схемы.

...августе 1914 г.

...ны. 52 стр.,

СРОК ВОЗВРАТА КНИГИ.

22 ДЕКАБРЯ 1929

Ю
Б81

СССР Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

355.48(47).1915

ШТАБ РККА

УПРАВЛЕНИЕ по ИССЛЕДОВАНИЮ и ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ОПЫТА ВОЙН

М. БОНЧ-БРУЕВИЧ

ПОТЕРЯ ГАЛИЦИИ в 1915 году

Часть II

КАТАСТРОФА в 3-й АРМИИ

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ Инв № 57692/8

ИЗДАНИЕ
ВОЕННОЙ ТИПОГРАФИИ ГУРККА
1926

ВОЕННАЯ.
ТИПОГРАФИЯ
Гл. Упр. Р.-К.К.А.
Пл. Урицкого, 10.
Ленинградский
Гублит № 16048.
Тираж 3000—17.
Заказ № 436.

ОТ РЕДАКЦИИ

В своем труде автор подробно анализирует стремление русского командования достигнуть разгрома австрийцев наступлением через Карпаты в Венгрию. Автор полностью исчерпал русские архивные материалы, но к сожалению слишком мало использовал военно-исторические работы иностранных историков, сосредоточив свое внимание только на мемуарах иностранных дипломатов. При рассмотрении военных действий автор уделяет все свое внимание главным образом действиям 3-й русской армии.

Несмотря на это труд автора является ценным для исследователя того периода 1915 г., когда начинался общий разгром русского фронта, закончившийся оставлением Галиции, Польши, Литвы и Курляндии. Настоящий труд автора является продолжением его работы, изданной бывшей Военно-Исторической Комиссией в 1921 г.

———

ПРЕДИСЛОВИЕ КО II ЧАСТИ.

Части I и II настоящего труда посвящены стратегическому обзору „Карпатской операции“ и, в частности, исследованию управления русскими армиями в этот период, разумея под Карпатской операцией действия армий Ю.-З. фронта с 7/20 декабря 1914 г., начала подготовки этой операции, до отступления 3-й армии за р. Танев, в пределы России, и до очищения 8-й армией Львовских позиций—включительно, т.-е. до 9/22 июня 1915 г., когда ген.-ад. Иванов отдал войскам Ю.-З. фронта директиву, определяющую программу дальнейших действий 3-й, 8-й, 11-й и 9-й армий. По этой директиве—3-й армии с группой ген. Олохова указывалось, „действуя в тесной связи с 4-й армией, прикрывать направление на фронт Люблин—Владимир Волынский“; 8-й и 11-й армиям ближайшими задачами ставилось „задерживать последовательное наступление противника, стремясь остановить окончательно его движение к пределам Киевского военного округа“; 9-й армии,—„сообразуя отход своего правого фланга с движением 11-й армии, продолжать развивать успех, достигнутый за последние дни... в целях наилучшего обеспечения левого фланга всего фронта“.

Часть I—охватывает „подготовительный“ период Карпатской операции.

Часть II—излагает „исполнительный“ период той же операции; она включает, главным образом, обзор решительного периода „Карпатской операции“, начавшегося ударом армии ген. Макензена 19 апреля/2 мая 1915 г. и длившегося до 10/23 мая 1915 г., когда выяснилась полная невозможность удержаться на р. Сан.

Особое место в части II принадлежит VI главе: „Влияние западных союзников России на Карпатскую операцию 1915 г.: в период ее замысла и в период кризиса“.

Здесь перед читателем вновь вкратце встают события конца 1914 г. и начала 1915 г., а также события апреля-мая 1915 г.,—периода наших жестоких неудач в Галиции; в этой главе на фоне боевых событий вырисовываются отношения западных союзников к России во время самых роковых для

нее положений, т.-е. те отношения, которые могут служить истинным мерилом существа самого союза.

Глава VII: „Заключение к главам I—VI"—является повторением общеизвестных основных положений военного дела, простых, но, к сожалению, весьма часто забываемых на практике при разработке замысла операции, плана его исполнения и, во время управления действиями крупных вооруженных сил на театре военных действий.

Неудовлетворительное состояние архива войны 1914—18 г.г. не позволило строго обосновать подлинными документами все выводы, до самых мельчайших включительно, и поддержать выводы цифровыми данными, хотя число найденных и использованных в настоящем труде документов, все-таки является весьма значительными. Недостаток архивных документов восполнен сведениями, почерпнутыми из других трудов, изданных Военно-Исторической Комиссиею; кроме того, в труде использованы записи, сделанные самим автором и, наконец, приняты во внимание воспоминания видных участников событий этого периода: Гинденбурга, Фелькенгайна, Людендорфа, Палеолога, Бьюкенена. По нашему убеждению, сложившемуся еще в период войны 1914—18 г.г. и подтвержденному изучением архивного материала,—основными причинами обращения Карпатской операции в разгром большей части вооруженных сил России являются: во-первых, отсутствие определенного твердо проводимого в жизнь оперативного плана у Верховного Главнокомандующего; во-вторых, искание замысла Карпатской операции не в стратегической обстановке на всем театре военных действий, а в политических соображениях относительно привлечения на сторону держав Согласия нейтральных государств Румынии и Италии,—без достаточного взвешиваня значения их выступлений; в третьих, недостаток решимости у Верховного Главнокомандующего во-время отказаться от исполнения и развития Карпатской операции и резко изменить план действий; в четвертых, неизменное давление западных союзников на Верховное Главнокомандование, направленное к тому, чтобы русская армия действовала без передышки и тем непрерывно привлекала бы на себя возможно большие силы центральных государств; в пятых, неопределенность союзнических обязательств русской армии в отношении развития и ведения ее операций и отсутствие твердости у Верховного Главнокомандующего в установлении предела исполнения просьб и требований союзников в оперативном отношении; в шестых, пренебрежение интересами России в угоду осуществлению фантастических оперативных планов и каких то сверхсоюзнических обязательств в отношении западных союзников; в седьмых, расточительное расходование людского материала Главнокомандующим Ю.-З. фронтом и неспособ-

ность его проявить волю полководца, хотя бы и вопреки мнениям Верховного Главнокомандующего, но воисполнение очевидных требований сложившейся боевой обстановки.

Исследование всех этих причин привело к необходимости высказываться против деятельности некоторых крупных участников войны и, в частности, Карпатской операции, т.-е. так или иначе низводить их с высокого уровня. Это обстоятельство дало повод приписать нам „пристрастность" в исследованиях, хотя против этого говорят те выписки из подлинных документов, которыми в изобилии снабжен наш труд, и которые вполне подтверждают все наиболее существенные выводы, сделанные нами в настоящем труде.

Что касается влияния союзников на действия русской армии, то, признавая союзнические обязательства России в войне 1914—18 г.г., мы все же не в состоянии считать их беспредельными и признаем необходимость ограничения их в свое время соблюдением интересов России, хотя бы в той же мере, в какой западные союзники неизменно соблюдали свои собственные выгоды, оказывая России свою союзническую помощь. Исследования привели нас к выводу, что в этом отношении равновесие резко нарушалось западными союзниками в их пользу, а русское Верховное Главнокомандование оказалось не в состоянии восстановить нарушенное равновесие.

Значение Карпатской операции в войне 1914—18 г.г., по нашему мнению, заключается в том, что эта операция остановила исполнение плана действий С.-З. фронта против германцев в плацдарме левого берега Вислы в начале 1915 г., оттянув на себя все внимание, силы и средства, а также в том, что в конечном счете, эта операция привела к разгрому лучшей половины всей действующей русской армии, которая надолго после нее лишилась наступательного порыва. При таком значении—Карпатская операция явилась „началом конца" военного могущества России. Трудно предсказать—чем закончился бы „решительный" удар в плацдарме левого берега Вислы, но с уверенностью можно утверждать, что доведение до конца плана ген. Рузского во всяком случае предотвратило бы Карпатскую катастрофу, следовательно, сохранило бы лучшую часть русской армии для более славных дел, чем Карпатская операция. Приписывая исполнению до конца плана ген. Рузского армиямии С.-З. фронта, усиленными за счет Ю.-З. фронта, возможность некоторого временного успеха, мы, однако, далеки от мысли утверждать будто таким путем вся война на русском фронте получила бы „совсем иной" оборот.

В конечном результате — автор стремился восстановить события периода Карпатской операции в том натуральном виде и в той последовательности, в которые они слагались в 1915 году. Благодаря такой постановки, автор излагал свой труд

по документам русской действующей армии, так как всякого рода сочинения, появившиеся в иностранной литературе впоследствии, конечно, не могли иметь влияния на события, развернувшиеся в 1915 г.; в частности, сведения о противнике взяты по той же причине из русских разведывательных сводок и донесений. Иностранные источники, прочитанные автором и указанные в настоящем предисловии, лишь помогали автору в деле выработки наиболее полной программы настоящего труда.

М. Бонч-Бруевич.

18 марта 1925 г.
Москва.

ГЛАВА I.

Общая задача и план действий юго-западного фронта в апреле 1915 г. Задача 3-й армии.

(Схемы № 1 и № 2).

Директива 23 марта 1915 г. Г.-а. Иванов отдал, 23 марта 1915 г. за № 4329, следующую директиву армиям Юго-Западного фронта, переданную в Ставку 13 апреля за № 5329 [1]): „В настоящее время ближайшими нашими задачами будут: переход через Карпатские горы и очищение Заднестровья от противника. Обе эти задачи находятся в тесной связи и в зависимости от этого будут видоизменяться формы их осуществления. Идея нашей операции в настоящее время состоит в том, чтобы, удерживаясь на наших флангах, выйти остальными войсками на линию Зборо—Варанно—Чап—Хальми и этим заставить противника очистить Заднестровье, ибо с выходом к Густову (Хуст) прерывается лучшее железнодорожное сообщение Заднестровья с внутренними областями Австро-Венгрии. Этот план не исключает возможности активных действий против неприятеля в Заднестровьи после усиления наших войск в Восточной Галиции. Принимая во внимание количество войск в каждой армии, в окончательном результате предположено занять третьей армией фронт от устья реки Дунаец до линии Туран—Ганушфалва, что к югу от Стропко; южнее до Чап район займет восьмая армия, еще южнее до Хальми—северная группа девятой армии, наконец, в районе Мармарош-Сигет и до Румынской границы расположится южная группа девятой армии, которая предварительно должна будет выполнить ряд задач по очищению Заднестровья. Подобное расположение позволит выделить надлежащие резервы, примерно пять дивизий, в Пильзно, Дукла, Гуменное, Ужгород и Мункач, при чем в третьей армии эти резервы предполагается выделить за счет сводного корпуса и Острожского полка, с расформированием первого и возвращением частей войск для восстановления организации. Однако, эти мероприятия

будут выполнены только после того, как сопротивление противника в районе Гуменное, Синна, Мезо-Лаборч будет

окончательно сломлено и войска надлежащим образом укомплектованы. Подобным же образом, насколько будет возможно по обстановке, имеется в виду восстановить нарушен-

ную организацию и остальных дивизий. В зависимости от этих предположений необходимо изменить районы путей предоставленных армиям. Это изменение коснется впрочем только 3-й и 8-й армий, при чем 8-й армии будет предоставлено шоссе Загурж — Мезо-Лаборч — Гуменное — Варанно и во всяком случае дорога от Воля-Михова на Телепочь—Зубна—Гуменное. Однако, ввод в дело сводного корпуса обязывает 8-ю армию до его расформирования предоставлять пользование этим шоссе также этому корпусу и отчасти даже XII корпусу и только после выполнения указанных предположений возможно это шоссе предоставить в исключительное пользование 8-й армии. Затем в отношении ведения наступления следует заметить, что таковое будет видоизменяться в зависимости от того, придется ли продвигаться с боем главных сил или только сбивать арьергарды, преграждающие пути наступления. Указания соответственных приемов действий будут зависеть от строевых начальников, почему этот вопрос здесь не разбирается. Следует указать только одно: войска, имеющие успех на том или другом участке, при продвижении вперед захватывают выходы горных долин, ведущих во фланг и тыл противнику, расположенному против участков, продвигающихся менее успешно. В таких случаях необходимо организовать направление колонн соответственной силы по этим долинам, для чего с места ответвления этих колонн следует заблаговременно подводить резервы или собирать туда войска. Затем по необходимости придется двигаться глубокими колоннами по ограниченному числу дорог. На каждой дороге старший из начальствующих лиц должен упорядочить все движение и является колонным начальником. Часто придется применять способ постепенного скопления с тем, чтобы во всяком случае выход из гор совершился сразу. Например, если бы оказалось нужным двигать по шоссе Балигрод—Ростоки—Такошаны сразу два корпуса или четыре дивизии, их можно было бы вести сначала эшелонами, а затем собрать втечение 2—3 дней в районе Синна—Колоница и двинуть отсюда сразу двумя колоннами на Синна—Гуменное и на Ублия—Собранц—Над-Михаль, надлежаще уравняв движение. В местах, где дороги сходятся надлежит заблаговременно устроить обходные пути, в крайности даже уширить и полотно, дабы на некотором расстоянии две походные колонны могли следовать рядом. Всевозможные меры к сокращению глубины колонн должны, разумеется, обдуманно применяться. Следует также тщательно обдумать распределение войск в колоннах, дабы увеличить их боевую готовность и сохранить время развертывания. В заключение присовокупляется, что для придания надлежащей силы северной группе 9-й армии предположено в непродолжительном времени усилить ее, придав Финляндским стрелковым полкам

третьи батальоны и, кроме того, назначить туда еще одну дивизию. В зависимости от хода действий в районе Гуменное, Синна, Мезо-Лаборч—одну из дивизий этого района, вероятно, окажется возможным перебросить также к Стрыю или Долина. Все эти меры сделают северную группу 9-й армии достаточно сильною; что же касается южной группы, то усиление ее связано с новым формированием; если обстановка потребует, она может быть усилена указанными выше дивизиями за счет северной группы, задача коей при этом будет, конечно, несколько видоизменена. В зависимости от изложенного выше прошу разработать планы наступления и соответственным образом направлять войска при развитии военных действий. С особенным вниманием отнестись к исчислению количества нужных транспортов и срочно телеграфировать сколько таковых потребуется. За исправлением железнодорожных путей подвоза прошу тщательно следить".

Содержание этой директивы резко разделяется на две части: одна устанавливает ближайшие задачи армий Юго-Западного фронта и основную идею плана предстоящей им операции; другая дает указания относительно способов действий войск в некоторых частных случаях, наиболее выгодных в горах, по мнению г.-а. Иванова. Данных о противнике она не содержит.

Оценка замысла Карпатской операции Ю.-З. фронта и плана ее исполнения. Остановим наше внимание на оперативно-стратегической части вышеприведенной директивы г.-а. Иванова от 23 марта 1915 г. Первою задачею армий фронта г.-а. Иванов в этой директиве поставил: переход центра через Карпаты с выходом в Венгерскую равнину на фронт Зборо—Варанно—Чап—Хальми; препятствие такому выдвижению предвидится в устойчивом сопротивлении противника в районе: Гуменное—Синна—Мезо-Лаборч. Уже с выходом к Хусту, по мнению г.-а. Иванова, будет автоматически достигнута вторая ближайшая задача—очищение Заднестровья от противника, так как с занятием Хуста „прерывается лучшее железнодорожное сообщение Заднестровья с внутренними областями Австро-Венгрии". Таким образом, выдвижение на сообщения войск противника, оперировавших в Заднестровьи, эта, так сказать, стратегическая геометрия, по мнению г.-а. Иванова, должна была сыграть решающую роль в деле очищения всего Заднестровья противником. Правда, допускалось, что и с русской стороны не исключается возможность активных действий в Заднестровьи, но... этим действиям, видимо, не придавалось серьезного значения, так как вся надежда возлагалась на перерыв сообщений противника. В этих соображениях, лишенных расчета пространства (Карпатские горы, обороняемые противником) и времени, противник также не учитывался

и как будто предполагался в состоянии неподвижности и бездействия, не взирая на факт весьма упорного сопротивления, оказываемого им в районе Синна—Гуменное—Мезо-Лаборч. Не учитывалось в этом же плане и то обстоятельство, что со стороны Кракова выяснилось к этому времени вполне определенно появление значительных германских сил...

В I части труда „Потеря нами Галиции в 1915 г." было установлено несоответствие замысла наступления через Карпаты в Венгрию с общей стратегической обстановкой на театре военных действий между Балтийским и Черным морями; там же документально доказано, что Карпатская операция была задумана самостоятельно гл-щим Ю.-З. фронта и что душою ее проведения в жизнь сделался н-к Штаба Ю.-З. фронта ген. Алексеев, сначала не разделявший взгляда на целесообразность Карпатской операции. Верховное гл-ние, как известно, было поставлено перед Карпатской операцией, как перед совершившимся фактом; но... эта операция после ряда колебаний и сомнений была, наконец, утверждена и Верховным гл-щим. Таким образом, изучаемая в общей связи с положением дел на всем западном театре войны, Карпатская операция должна рассматриваться, как самочинное выступление гл-щего Ю.-З. фронтом, совершенно не вытекающее из задания Верховного гл-щего для данного периода войны. Известно, что Верховным Главнокомандующим С.-З. фронту была поставлена задача для действий в Восточной Пруссии; Ю.-З. фронту задачу вовсе не поставили: ею задался самочинно г.-а. Иванов, по-своему истолковавший общее положение дел на всем германо-австрийском фронте. Итак, примирившись с замыслом Карпатской операции, как с фактом, обратимся к плану ее исполнения. Прежде всего план исполнения Карпатской операции должен был бы выразиться в определенной группировке наших сил, в свою очередь, соображенной с группировкой сил противника и со свойствами местности. Всматриваясь в расположение частей Ю.-З. фронта видим, что расположение сил как центральной (Карпатской) группы, так и, вообще, всего Ю.-З. фронта,— представляло из себя линейное (кордонное) расположение армий и корпусов, при полном отсутствии ударной группы, так как за ударную группу ни в каком случае нельзя принимать некоторые части, оставленные в распоряжении гл-щего и к-щих армиями. Неясности и неполноте общей задачи: „через Карпаты в Венгрию" — естественно соответствовало и безъидейное расположение корпусов в одну линию.

Исполняя Карпатскую операцию, надлежало расценить операционные направления, приняв также во внимание свойства местности, и сосредоточить на главных из них превос-

ходные силы; второстепенные направления могли быть только наблюдаемы. При таком распределении сил по фронту явилась бы полная возможность сосредоточить необходимую ударную группу, не опасаясь за прорыв противника в нашу маневренную зону по второстепенным направлениям. Никакой идеи удара нельзя установить, всматриваясь в расположение сил Ю.-З. фронта, подготавливавшего наступление в Венгрию как бы при отсутствии противника. Указанное расположение сил также не соответствовало и группировке сил противника, явно стягивавшего свои силы на Краковское направление и затягивавшего наши войска центральной группы поглубже в Карпаты давлением то в одном, то в другом районе при помощи перебрасывания своих сил вдоль нашего фронта. Ставка знала, что противник совершает какие-то перегруппировки своих сил и... этого не замечала.

В директиве от 23 марта 1915 г. указывается на необходимость „удерживаться на флангах". Допустим, что выражение „удерживаться" соответствовало в редакции г.-а. Иванова понятию об обеспечении флангов Карпатской группы и, следовательно, припишем ему опасение за возможность действия противника в направлении того или иного фланга Центральной группы. В таком случае IX и X к-са представляли собою силы, обеспечивающие правый фланг и тыл Центральной Карпатской группы. Между тем, растянутые на 90 верст — эти к-са представляли собой слабо занятую линию, не имевшую возможности сдержать сосредоточенный удар во фланг Карпатской группы и лишенную способности отразить такой удар, если бы он произошел, вследствие отсутствия в ней самой ударной группы, расположенной позади ее растянутого фронта.

Если к этому прибавить, что с первых чисел апреля перегруппировка противника уже не была секретом для Ю.-З. фронта, то система обеспечения правого фланга Карпатской группы двумя корпусами, растянутыми на 90 верст, не может быть признана хоть сколько-нибудь соответствующей практическому достижению этой важной задачи.

Представим себе, что Центральной группе удалось бы перевалить через Карпаты и спуститься в Венгерскую равнину. В таком случае на долю IX и X к-сов выпадала бы еще другая задача — обеспечивать крайний левый фланг всего нашего расположения к северу от Карпат (между нижней Вислой и Карпатами); иначе говоря, с уходом Центральной группы за Карпаты на IX и X к-са возлагалась бы задача поддержания прочной оперативной связи в промежутке между двумя частями наших сил, разрезанных Карпатами. И без дальнейших рассуждений очевидно, что эта задача была бы не по силам такой группе.

Был ли соображен план Карпатской операции с нашими боевыми средствами? Ответ на это дает сам г.-а. Иванов в своих телеграммах в Ставку: артиллерии и боевых припасов недостаточно,—вот неизменное его заявление.

Итак, ясно, что план Карпатской операции носил на себе чисто авантюристический характер, потому что он не был соображен ни с идеей операции, ни с группировкой сил противника, ни с условиями местности, ни даже с нашими собственными силами и боевыми средствами для его исполнения.

Обращает на себя внимание явная несостоятельность работы стратегического разведывания со стороны штаба Ю.-З. фронта: только войсковая разведка своевременно извещала о появлении противника, скатывавшегося на наши войска внезапно из глубины его расположения, без какого бы то ни было предупреждения со стороны глубокого разведывания. При только что выраженных условиях, как самый замысел Карпатской операции, так и план его исполнения представляются недостаточно продуманными. Такая оценка до некоторой степени была подтверждена и самим творцом плана г-лом Алексеевым в то время, как, сделавшись гл-щим С.-З. фронта и ознакомившись с новой обстановкой, он оторвал свои мысли от Карпатской операции и, охватив общий смысл военных действий первой половины 1915 года, признал Карпатскую операцию второстепенной и несвоевременной.

Оперативный резерв. Основная задача Ю.-З. фронта, как было выше указано, сводилась к переходу центра через Карпаты с выходом в Венгерскую равнину на фронт: Зборо—Варанно—Чап—Хальми. Переход через Карпаты сводился к их форсированию, так как австро-венгерская армия, поддержанная германскими частями, упорно защищала Карпатские проходы, развивая это упорство то в одном, то в другом направлении путем переброски своих сил вдоль обороняемого фронта.

Такая операция форсирования горной полосы Карпат сама по себе требовала сосредоточения наших превосходных сил в направлении решительного удара для выхода в Венгерскую равнину. Наиболее опасным направлением,—с точки зрения атаки со стороны противника,—в Ю.-З. фронте в рассматриваемый период (апрель 1915 г.) было признано Мезо-Лаборчское направление; что касается выбора важнейшего направления для форсирования Карпат, то, как видно из архивных дел, такового в Ю.-З. фронте не намечалось; намечалось лишь стягивание сил для более надежного прикрытия Мезо-Лаборчского направления. Вследствие этого создается представление, что, отдавая общие распоряжения о переходе через Карпаты, в то же время, главным образом, принимали меры

чисто оборонительного характера, как бы помышляя только о том, чтобы удержать свое расположение. Но и с такой оборонительной точки зрения необходим был оперативный резерв фронта, потому что направление главного удара со стороны противника, при невозможности нашей глубокой разведки в сторону противника, оставалось вполне неопределенным и, следовательно, противодействовать удару возможно было только маневром и контр-ударом сильного оперативного резерва, сосредоточенного вне горных проходов в Галицийской равнине, близ железных дорог, дающих возможность перебросить этот резерв в требуемом направлении. Наши силы, втянувшиеся в горные проходы, лишались возможности маневрировать вдоль фронта, поэтому расчет на сосредоточение сил со второстепенных на главное направление в давной операции представляется совершенно неосуществимым и, следовательно, наличие оперативного резерва и его маневр—являлись единственным средством активного противодействия в случае захвата противником в свои руки инициативы перехода в наступление. Если посмотреть на дело с точки зрения исполнения форсирования Карпат путем простого движения вперед расположенных линейно армий и корпусов, как это было в рассматриваемый период, то и в таком случае следует признать необходимость оперативного резерва, который, рано или поздно, должен был бы своим маневром и ударом развить действия на том из направлений форсирования Карпат, которое в самом развитии этой операции оказалось бы важнейшим.

Представим себе, что центральной группе, при помощи операттивного резерва, или даже при его отсутствии, одним только напором расположенных линейно корпусов,—удалось бы прорваться в Венгерскую равнину. В таком случае все наши силы, спустившиеся в Венгрию, оказались бы совершенно отделенными от прочих сил, оставшихся по северную сторону Карпат; это значит, что наступательные действия противника к северу от Карпат, в том числе и со стороны Кракова, стояли бы вне непосредственной угрозы со стороны наших сил, оперирующих в Венгерской равнине. Эти наступательные действия противника явно угрожали бы устроенным тылам и сообщениям войск, оперирующих в Венгерской равнине, так как эти тылы и сообщения первоначально, несомненно, проходили бы через Карпатские проходы и далее по Галицийской равнине; и, может быть, еще не скоро удалось бы отбросить их к востоку, т.-е. установить базирование на Киевский военный округ. Таким образом, обеспечение тыла армий, спустившихся в Венгерскую равнину, находящегося под ударом и в Галицийской равнине, и в самой Венгерской равнине,—потребовало бы также оперативного

резерва, потому что при отсутствии его положение русских армий в Венгерской равнине в любую минуту могло бы сделаться критическим, а затем даже и катастрофическим.

Расчет на успешные боевые действия в Венгерской равнине, конечно, не мог иметь места в то время, когда еще только предстояло форсировать Карпаты и притом без реальных надежд на успех этой операции.

Итак, оперативный резерв составлял насущную потребность, как бы неотъемлемую часть развертывания армий Ю.-З. фронта для Карпатской операции настолько неотъемлемую, что при его отсутствии отпадала даже самая возможность исполнения этой операции, явно непосильной для Ю.-З. фронта.

В эпоху войны 1914—1918 г.г. многие, даже и выдающиеся генералы, считали, что оставление части сил в оперативном резерве предосудительно, так как эти силы могут оказаться неиспользованными в бою. Совершенно очевидно, что это мнение являлось наследием того времени, когда сражения были весьма непродолжительны и когда приходилось передвигать оперативные резервы походным порядком, т.-е. заранее осуждать их на опаздывание к решительному району действий и к решительному периоду времени. В настоящее время необходимо принять, что возможность иметь оперативный резерв на данном театре военных действий целиком зависит от развития сети железных дорог, позволяющих широко развивать маневры оперативного резерва. С такой точки зрения у Главнокомандующего Ю.-З. фронтом не было причин отказываться от оперативного резерва для Карпатской операции. Изучение архивных материалов дает повод скорее предположить, что г.-а. Иванов и его начальник штаба не задумывались над глубокой разработкой плана Карпатской операции и не представляли себе иного расположения вверенных им армий, кроме сплошного занятия ими всего фронта для дальнейшего продвижения в Венгерскую равнину. Боязнь прорывов в промежутки, страх перед каждым движением назад, хотя бы оперативно-выгодным, отсутствие широкого размаха в маневре, беззаботное отношение к необходимости группировать армии и корпуса в строгом соответствии с замыслом операции—все это, вместе взятое, привело к тому, что Карпатская операция развивалась вне всякого влияния воли и таланта полководца, признававшего недостаточность сил и средств для ее осуществления и, в то же время, не отыскавшего в себе ни гражданского мужества, чтобы своевременно отказаться от ее дальнейшего развития, ни военного таланта и доблести, чтобы провести эту операцию с успехом при данных силах и средствах.

Задача 3-й армии. Согласно общей директивы предложено было „удерживаться на флангах", а центром

переваливать через Карпаты. Следовательно, ближайшей задачей 3-й армии, как фланговой в отношении центральной Карпатской группы, являлось: удержание противника во всех его наступательных попытках ради обеспечения правого фланга Карпатской группы, и выход на фронт от устья р. Дунаец до линии Туран-Ганушфалва к тому времени, когда центр всего фронта, перевалив Карпаты, займет указанное ему расположение в Венгерской равнине, начиная от Ганушфалва через Варанно—Чап до Халми. Если принять во внимание, как это и следует, намечавшиеся перегруппировку и сосредоточение германцев на Краковском направлении, то выйдет, что, в сущности говоря, на 3-ю армию, обеспечивающую правый фланг центральной группы Ю.-З. фронта, ложилась и другая задача по обеспечению Карпатской центральной группы от удара германцев в ее тыл, даже и в то время, когда войска центра втянулись бы в горы, или, при удаче, спустились бы в Венгерскую равнину. Насколько эта задача была в то время под силу 3-й армии и насколько удачна была постановка успеха всей Карпатской операции в зависимость от успешного исполнения 3-й армией ее задачи—покажет изложение последующих событий.

Оценка задачи 3-й армии с точки зрения роли этой армии в Карпатской операции Ю.-З. фронта. Армейский резерв

В директиве от 23 марта 1915 г. только вскользь указана задача 3-й армии по обеспечению правого фланга и тыла Центральной Карпатской группы; вполне определенной является лишь задача—занять фронт от устья р. Дунаец до линии Туран—Ганушфалва, что к югу от Стропко; такое расположение позволит выделить 3-й армии армейский резерв за счет сводного корпуса и Острожского полка с расформированием первого и возвращением частей войск для восстановления организации. Таким образом, образование армейского резерва намечается только с того времени, когда 3-я армия займет указанный ей фронт. Если принять во внимание, что Центральная группа, спустившись в Венгерскую равнину, должна была в это время занять фронт от линии Туран—Ганушфалва до Хальми, то становится совершенно очевидным, что армейский резерв признавался необходимым не для исполнения задач, поставленных директивой 23 марта 1915 г., а для каких-то будущих действий, следующих за этим исполнением. Однако, эта мечта Гл-щего Ю. З. фронта относительно образования армейского резерва—нашла осуждение себе в той же самой директиве, где в дальнейшем говорится, что образование армейского резерва будет выполнено после того, как будет сломлено сопротивление неприятеля в районе Гуменное—Синна—Мезо-Лаборч, и после того, как наши войска

будут надлежащим образом укомплектованы... Теперь уже не остается никакого сомнения в том, что преодоление сопротивления противника в Карпатах г.-а. Иванов надеялся достигнуть без армейских резервов, т.-е. одним только фронтальным наступлением.

Такой способ действий, основанный целиком на самодеятельности корпусов, допустим только в том случае, если расположение сил противной стороны и план их действий доподлинно известны и если исключается всякая возможность неожиданных действий со стороны противника. Совершенно противоположною являлась обстановка в Карпатской операции: полное отсутствие у нас сведений о том, что делается в глубине расположения противника, совершенно туманное представление о вероятных действиях противной стороны, приковавшей все внимание полководца к сопротивлению оказываемому ею в районе Гуменное—Синна—Мезо-Лаборч... При таких условиях даже сомнение в необходимости армейских резервов равносильно созданию шансов на полный провал всей операции. Полководец, а с ним и к-щие армиями заранее осуждались на роль зрителей, лишенных средств воздействия на развитие боевых действий в том или ином направлении. Обстановка форсирования Карпат была настолько туманна, что не давала никаких оснований ожидать успеха от безыскусственного фронтального движения корпусов, наоборот, она повелительно требовала армейского резерва. Не в пример Карпатской операции, первоначальные действия 3-й армии под управлением ген. Рузского в Галицийской битве (август 1914 г.) выразились во фронтальном наступлении четырех трехдивизионных корпусов от русской границы в общем направлении на Львов. Это наступление увенчалось успехом при совершенно иной обстановке: корпуса наступали по равнинной местности, прикрытой с севера лесисто-болотистым пространством, исключающим появление оттуда значительных неприятельских сил, и с юга—действиями 8-й армии, корпуса которой наступали не общим фронтом, а в уступном порядке; расположение и даже состав сил противника тогда были нам достаточно известны, так как точный учет корпусов австро-венгерской армии исключал возможность внезапного появления каких бы то ни было крупных сил из глубины расположения противника. Совершенно иными условиями обстановки были окружены армии в Карпатской операции; в силу этого, являлось необходимостью наличие в армиях армейских резервов, в частности, требовала армейского резерва и 3-я армия, как вследствие крайне ответственной задачи, ей поставленной, так и вследствие полной неизвестности происходившего перед ее фронтом, в глубине расположения противника.

Район действий 3-й армии по свойствам местности допускал свободное маневрирование армейского резерва из глубины и в глубине ее расположения.

Задача, поставленная 3-й армии директивой 23 марта 1915 г., не отразила в себе того значения, которое, естественно, получила 3-я армия, оставшаяся в сравнительно равнинной местности в то время, когда Центральная группа должна была форсировать Карпаты. Не надо было и предполагать сосредоточения противника на Краковском направлении, чтобы правильно поставить задачу 3-й армии при условии полного втягивания в горы остальных сил Ю.-З. фронта, так как местность, выводящая в тыл наших армий, втянувшихся в горы, и расположение противника—вполне допускали всякого рода неожиданные действия неприятеля не только по правому берегу р. Вислы со стороны Кракова, но и с левого берега р. Вислы, т.-е. чрез район расположения 4-й русской армии. Эти соображения дают основание считать, что в оперативном отношении предстоящие действия 3-й армии по обеспечению фланга и тыла армий, форсирующих Карпаты, теснейшим образом были связаны с действиями 4-й армии и, следовательно, являлось необходимостью точно выразить это соотношение в директиве 23 марта 1915 г.; кроме того, следовало в той же директиве—или установить взаимодействие этих двух армий, или образовать из них армейскую группу на время Карпатской операции. Никаких намеков на это мы не встречаем в распоряжениях Гл-щего армиями Ю.-З. фронта, отданных для исполнения задуманного им форсирования Карпат.

Состав и расположение 3-й армии. Имея в своем составе IX, XXI, XXIV, XII, XXIX корпуса и конный к-с, 3-я армия обладала достаточными силами для исполнения всех задач, ей поставленных, а также тех задач, которые могли быть вызваны к жизни внезапными действиями противника.

Но все корпуса, кроме конного, были выдвинуты на общий фронт.

Расположение этих сил до получения директивы 23 марта 1915 г., как видно из распоряжений к-щего 3-й армией, только в самых деталях отличается от того расположения, которое они занимали после ее получения.

Таким образом, группировка сил 3-й армии вылилась в какую-то неизменную форму, по мнению к-щего армией, видимо, пригодную ко всевозможным операциям. Такое представление, свойственное эпохе линейных, сомкнутых боевых порядков, в которые выстраивались небольшие армии XVII и XVIII столетий, конечно, не могло быть применимым к 3-й армии в 1915 году. Но... оно было применено вопреки всем указаниям военной истории, теории военного искусства

и вопреки действительным условиям, среди которых развертывались действия 3-й армии в Карпатской операции.

Принято считать, что неудача всего Ю.-З. фронта и, в частности, его 3-й армии—имеет основною своей причиной недостаток боевых припасов и тяжелой артиллерии. Подсчет того и другого свидетельствует, что, действительно, в этом отношении условия сложились неблагоприятно. Однако, вдумываясь в директивы гл-щего, в распоряжения к-щего 3-й армии, в развертывание сил всего фронта и в расположение 3-й армии, не только теперь—в исторической перспективе, но и в 1915 году, можно утверждать, что обилие боевых припасов и тяжелой артиллерии, конечно, облегчило бы отход наших армий с Карпат и из Галиции, но горькая участь Карпатской операции была предрешена директивой 23 марта 1915 года и вытекающими из нее распоряжениями. Наши силы не получили того развертывания, которое соответствовало бы замыслу операции, а в таких случаях, доблесть войск и обилие технических средств служат только тому, что дают возможность сравнительно благополучно отделаться от катастрофических последствий основных стратегических ошибок развертывания сил; но к апрелю 1915 г. доблесть некоторых частей уже была поколеблена, а технических средств было явно недостаточно, следовательно, тем менее было шансов благополучно выкарабкаться из катастрофы, созданной полным пренебрежением полководца к требованиям оперативного искусства современной нам эпохи. Еще раз повторяем, что при том расположении сил Ю.-З. фронта и 3-й армии, которое считалось правильным в качестве исходного положения для Карпатской операции, от провала этой операции не могло спасти никакое изобилие боевых припасов и тяжелой артиллерии.

Опасения за положение дела в Ю.-З. фронте и, в частности, за исход Карпатской операции, сознавались в верхах действующей армии тогда же, т.-е. в марте-апреле 1915 г.; но... у Ставки не хватило доблести повернуть дело в надлежащую сторону. Чуть ли не перед самым ударом армии ген. Макензена г-а. Иванов, будто не замечая надвинувшейся грозной тучи, продолжал строить иллюзии о переходе через Карпаты, как о предвестнике скорого вступления наших армий в Венгерскую равнину... В том же состоянии неведения пребывал и к-щий 3-й армией ген. Радко-Дмитриев, видимо, не дававший себе отчета в предстоящей ему задаче и в том, что совершалось перед его фронтом: гипноз атаки со стороны противника на Мезо - Лаборчском направлении до последних минут поглощал все его внимание, которого, таким образом, не хватило для

основной задачи 3-й армии и для выработки плана действий.

Сомнения Верховного гл-щего. 13 апреля 1915 г. за № 9823 [2]), навстречу телеграмме, передававшей вышеприведенную директиву г.-а Иванова от 23 марта, Верховный гл-щий телеграфировал г.-а Иванову: „В предстоящей наступательной операции на Карпатах признано крайне важным участие 9-й армии, которая уже месяц не проявляет боевой деятельности. Не стесняя вас указанием задачи для этой армии, не могу не высказать, что мне совершенно неясны мотивы, по коим вы настойчиво стремились к сбору одного корпуса районе Каменец-Подольска, и что я продолжаю придавать весьма важное значение овладению районом Надворная—Делатынь—Коломыя, которым попутно Черновицкий отряд неприятеля ставится угрожаемое положение. Прошу ориентировать меня в ваших дальнейших предположениях для всех армий вообще и девятой в частности". Навстречу этой телеграмме сообщалась директива 23 марта. Таким образом, в то время, когда г.-а. Иванов считал, что все Заднестровье, в том числе и район Надворное—Делатынь—Коломыя, будет очищено противником без непосредственных усилий с нашей стороны, а только с занятием нами Хуста,—Верховный гл-щий думал об активных действиях левого крыла расположения армий Ю.-З. фронта именно в видах овладения названным районом. Эти мысли Верховного, охватывающие только некоторую часть задачи, решаемой армиями Ю.-З. фронта, все-таки представляли собою реальные соображения в отличие от необоснованных выкладок главнокомандования армиями Ю.-З. фронта, как будто не считавшегося в своей директиве с наличностью неприятельских сил. Сомнения Верховного гл-щего вызывались действительным положением дел в Карпатах.

Положение дел в Карпатской группе Ю.-З. фронта в апреле 1915 г. Части, наступавшие в Карпатах, натолкнулись на упорное сопротивление противника; противник местами перешел в наступление и даже потеснил наши войска, особенно XXII корпус 8-й армии на направлении Стрый—Мункач.

О таком положении дел г.-а. Иванов объявил в директиве 28 марта 1915 г. № 4568 [3]), приказав 3-й и 8-й армиям перейти к обороне, 9-й армии—восстановить первоначальное положение.

2 апреля 1915 г. № 4798 [4]) г.-а. Иванов телеграфировал, к-щим 3-й, 4-й, 8-й, 9-й армий и главному начальнику снабжений Ю.-З. фронта: „Согласно сложившейся обстановке настоящего времени и новым планам высшего командования наше вторжение в Венгрию перестало быть необходимостью. Основная цель наших действий состоит в пре-

граждении противнику доступа в занятые нами области и только в случае наступления в пределы Галиции неприятель должен быть встречен переходом в наступление и отброшен за Карпаты в пределы Венгрии для прекращения раз навсегда его попыток к наступлению и обратному овладению занятыми нами областями. Одновременно с этим надлежит скорее пополнить происшедшую от боев убыль, прочно укрепиться занятом расположении и образовать сильные резервы, которые предположено постепенно в составе высших соединений перевезти по особому указанию для выполнения особого плана в Привислинском крае, разрабатываемого ныне в штабе Верховного главнокомандующего. Эти резервы должны быть собраны в размере двухдивизионного корпуса районе Станиславова, другого ныне собирающегося Самборе и третьего Кросно того же состава, сообразно месту расположения армий. Сборные соединения войск должны быть по возможности устранены. Места на позициях заполнять растяжкой войск и усилением их ополченскими бригадами, дружины коих располагать между полками или вливать в них. Изложенное исполнить в двухнедельный срок с получением настоящего распоряжения, но начать не ранее вечера 9 апреля; перемещения производить только по ночам. К сохранению в тайне перемещения войск принять все возможные меры. О получении настоящего распоряжения донести".

Совершенно точно было установлено в IV главе, I-й части настоящего труда, что к началу апреля 1915 г. Верховный гл-щий определенно остановился на решении наступать через Карпаты в Венгрию; никаких директив и распоряжений, отменяющих или ослабляющих силу этого решения из Ставки,— не исходило. Откуда же почерпнул г.-а. Иванов сведение, будто высшее командование задалось новым планом, в силу которого „наше вторжение в Венгрию перестало быть необходимостью"? Известно, что, наоборот, Ставка торопила г.-а. Иванова наступлением в Карпатах и недоумевала о причинах приостановки начавшегося уже наступления.

Но известно также из IV главы, I-й части, и то, что в это время ген. Алексеев, сделавшийся гл-щим армиями С.-З. фронта, уже подвергал суровой критике Карпатский поход и готовил соответствующий доклад в Ставку, проводя в нем мысль, что силы Ю.-З. фронта должны составить только заслон на протяжении Карпат и что „было бы соответственнее наносить главный удар немцам на левом берегу Вислы".

Ясно, что г.-а. Иванов понял теперь, что его прежний сотрудник по Карпатской авантюре, обратился в оппонента; ясно, что г.-а. Иванов зорко следил за деятельностью ген. Алексеева... Но имел ли он право отражать в своем

распоряжении к-щим армиям результаты этого рода осведомленности — вопрос совсем иного рода... Практического значения распоряжение г.-а. Иванова командующим армиям от 2 апреля 1915 г. за № 4798—не имело; задача армий Ю.-З. фронта оставалась прежняя.

Разъяснения г.-а. Ивановым плана его действий в Галиции. В ответ на запрос-телеграмму Верховного Гл-щего от 13 апреля 1915 г. за № 9823 [2]), г.-а. Иванов телеграфировал Верховному Гл-щему, 14 апреля 1915 г. за № 5333 [5]), следующие объяснения по сделанному ему запросу относительно плана дальнейших действий: „После боев начала марта девятая армия настоятельно требовала пополнения и усиления. Без этого наступление не имело шансов на успех; этим и объясняется бездействие названной армии тем более, что приостановилось и наступление восьмой армии, главным образом в целях ее пополнения. Пример бывшего наступления, хотя в общем и удачного, но все же впоследствии приостановленного, выяснил, что частичное наступление всегда будет иметь незаконченный результат и только общее наступление, если не обоими фронтами, то по крайней мере всеми войсками Галиции, только и может повести их к важным последствиям".

„К этому в настоящее время армии и готовятся, заканчивая сосредоточение III Кавказского и XXXIII корпусов и перевозки горной артиллерии и пополнений, вызванных как убылью, так и организационными мерами по переформированию стрелковых бригад в дивизии с полками трехбатальонного состава. Кроме того, сформирована новая армия. Не последнюю роль в задержании общего наступления играет недостаток снарядов, которые при затишье настоящего времени до известной степени экономятся, тогда как ведение наступления заставляло сомневаться в возможности, по ограниченному отпуску снарядов, продолжать таковое, сколько-нибудь продолжительный срок".

„Должен доложить, что и в настоящее время этот вопрос внушает серьезные опасения. В общем полагаю, что в конце двадцатых чисел апреля может начаться общее наступление по Галицийскому фронту. Точное время этого наступления зависит от пополнения потерь и выполнения перевозок, ибо все остальные мероприятия, кроме пополнения снарядов, будут осуществлены раньше. Что касается плана наступления, то таковой сообщен штабу вашего императорского высочества телеграммой от 31 марта № 4695 [6]) и соответствует директиве моей командующим армиями от 23 марта № 4329, копия которой сообщена штабу вашего императорского высочества телеграммой от 13 сего апреля № 5329 [1])". В приведенном отрывке телеграммы 14 апреля № 5333 [5])—г.-а. Иванов, объяснив причину бездей-

ствия 9-й армии, доносит Верховному гл-щему, что общее наступление по Галицийскому фронту может начаться в конце двадцатых чисел апреля по плану, сообщенному в Ставку еще 21 марта № 4695, вполне соответствующему тому плану, который изложен в директиве 23 марта, переданной в Ставку 13 апреля. Ниже будет приведена эта телеграмма г.-а. Иванова от 31 марта за № 4695 [6]) и тогда станет ясным—насколько обстоятельно был изложен в ней план наступления; но уже и теперь, забегая несколько вперед, приходится призадуматься над таким расчетом времени главнокомандованием Ю.-З. фронта, по которому 14 апреля общее наступление Галицийского фронта назначается на конец двадцатых чисел того-же апреля; между тем уже 19 апреля, т.-е. через пять дней,—армия ген. Макензена, со стороны г. Кракова, наносит сокрушительный удар 3-й армии, приводящий к возможности удара по тылам всего Галицийского фронта. Трудно представить себе, чтобы 14 апреля г.-а. Иванову не был известен факт законченного сосредоточения армии Макензена; трудно примириться с предположением, что главнокомандование Ю.-З. фронта не понимало значения удара армии Макензена; трудно представить себе, чтобы г.-а. Иванов и его н-к штаба ген. Драгомиров могли считать 3-ю армию, растянутую между Карпатами и Вислой, достаточным оплотом против напора германских полчищ ген. Макензена...

Обратимся теперь к телеграмме г.-а. Иванова от 31 марта 1915 г. № 4695 [6]), в которой, по заявлению г.-а. Иванова, был изложен план наступления через Карпаты в Венгрию. Вот ее подлинный текст: „9523. Корпус предполагается собрать в районе Хыров—Старое-Место. В дальнейшем предположено развить главный удар в направлении Турка—Н. Верецке. Однако, обстоятельства могут потребовать направления корпуса в район Дукла, что, конечно, в активных целях не выгодно, но что может потребоваться как об этом доносил начальник штаба, телеграммой 4650. Возможно также, что ослабление противника на направлении Вышков сделает выгодным нанесение удара в направлении Долина—Хуст, хотя действия там, по местным условиям, очень тяжелы. Чтобы не отвлекать корпуса от активных целей—образование резерва в районе Дукла независимо от этого корпуса представляется крайне желательным. 4695. Иванов".

Прежде всего обращает на себя внимание то обстоятельство, что эта телеграмма является лишь ответом на телеграмму ген. Янушкевича, от 31 марта 1915 г. № 9523 [7]), в которой Ставка запрашивала „какое дальнейшее из Львова направление будет дано III Кавказскому корпусу". Относительно плана действий Галицийской группы в телеграмме № 4695 имеется единственная фраза: „в дальнейшем предполо-

жено развить главный удар в направлении Турка—Н. Верецке".

Едва-ли возможно сомневаться в том, что эта фраза ни в каком отношении не может быть принята в качестве хотя-бы самого приблизительного изложения „оперативного" плана действий всей Галицийской группы, не взирая на то, что в вышеприведенной телеграмме № 5333 [5]) г.-а. Иванов категорически заявляет Ставке: „что касается плана наступления, то таковой сообщен штабу вашего императорского высочества телеграммой от 31 марта № 4695".

Эту несообразность, как видно, сознавал и сам г.-а. Иванов, потому что в своей телеграмме Верховному гл-щему, 14 апреля 1915 г. за № 5333 [5]), выше приведенной в ее первой части, г.-а. Иванов продолжает объяснять сущность оперативного плана следующими словами: „главный удар предположено нанести в направлении от Турка на Н.-Верецке, начав операцию наступлением по Мезо-Лаборчскому, Ужокскому и Вышковскому направлениям, для отвлечения от направления на Н.-Верецке возможно больших сил противника. Это особенно необходимо и по группировке противника, стянувшего в указанный район значительные силы. Направление на Н.-Верецке весьма важно и позволяет по местным условиям действия значительными силами, почему отказываться от этого плана нежелательно и план этот будет изменен только если окончательно выяснится, что противник успел на этом направлении значительно усилиться и вследствие этого нанесение удара более выгодно в другом месте. Что касается девятой армии, в которой будут числиться войска, ныне собранные в районе Новоселицы, Каменец-Подольск, Залещики, Станиславов, Липовица, то на нее будет возложена задача по очищению от противника Заднестровья и Буковины и наступление через Карпаты на участке Мармарош-Сигет—Дорна—Ватра главными силами, конечно, в направлении на Мармарош-Сигет. Первоначальные действия этой армии будут несомненно в овладении районом Делатынь—Надворная—Коломыя, но нанесение удара в направлении, например, Золотвина будет очень трудным вследствие значительного развития укрепленных позиций на этом направлении и трудности местных условий для обхода фланга противника значительными силами. Ввиду этого после обмена мнениями со штабом 9-й армии было принято решение атаковать противника в его правый фланг в обход линии Днестра, для чего и потребовалось сосредоточить XXXIII корпус в районе Каменец-Подольск—Хотин с устройством переправы в последнем пункте. Главный удар предположено направить на Залещики, ведя дальнейшее наступление на Городенка—Коломыя; одновременно с этим перейдет в наступление и остальной фронт 9-й армии, при чем, после отвлечения к востоку сил противника,

можно будет попытаться также нанести удар и левому флангу противника, для чего я оставляю в своем распоряжении одну дивизию в районе Долина, хотя часть этой дивизии за последнее время к сожалению отвлечена в район XXII корпуса частными неудачами этого корпуса. Изложенным поясняются мотивы сбора корпуса в районе Каменец-Подольск. К ним могут прибавить еще данные указания обеспечить нашу территорию от вторжения противника, достижение каковой цели с ополченским корпусом и с кавалерией представлялось трудно осуществимым, а равно необходимость обеспечить наш крайний фланг от обхода, что и достигалось расположением маневренной группы вне этого фланга".

Итак, в этом плане действий не нашлось места для задачи 3-й армии. В нем предусматриваются возможные перегруппировки сил противника против 8-й и 9-й армий, но ни одним намеком не указывается на возможные действия противника с запада, в общем,—со стороны Кракова.

Весьма характерною чертою для всего этого плана является искание г.-а. Ивановым возможности нанести „главный" удар в том направлении, где противник послабее; иными словами—явная проповедь действия „по линии наименьшего сопротивления", считая таковые действия „главным" ударом. В военном искусстве всегда было так, что „главный" удар наносился главным силам противника, при том условии, чтобы фланги атакующего подвергались наименьшей опасности мощного флангового удара со стороны неприятеля; при способе направления „главного" удара по линии наименьшего сопротивления—атакующий лезет в пасть противнику и заведомо подставляет свои фланги ударам его главных сил; именно этими особенностями и характеризовалось в это время боевое творчество г.-а. Иванова.

Взгляд Ставки на план действий галицийской группы. 14 апреля 1915 г. за № 9870 [8]) ген. Янушкевич телеграфировал г.-а. Иванову: „Содержание вашей телеграммы 5333 и директивы от 23 минувшего марта, сообщенной штабу Верховного Главнокомандующего лишь 13 апреля, доложено его императорскому высочеству. Не могу не отметить, что телеграмма 31 марта номер 4695, на которую ваше высокопревосходительство делает ссылку, далеко не исчерпывает плана намеченного вами наступления.

Телеграмма эта является лишь ответом на мой запрос о предположительном направлении III Кавказского корпуса и потому касается лишь одной из частностей общего плана. Ввиду изложенного вынужден просить вашего распоряжения о том, чтобы все отдаваемые вами по армиям директивы руководящего значения немедленно передавались в копиях в штаб Верховного главнокомандующего для доклада его императорскому высочеству, который желает быть ориентированным

без промедления во всех предположениях фронтов для суждения о целесообразности этих предположений с общей точки зрения". Так вполне справедливо оценила Ставка те директивы, телеграммы и распоряжения, которым главнокомандование Ю.-З. фронта хотело задним числом придать значение оперативного плана действий Галицийской группы. „Верховный главнокомандующий", говорится дальше в той же телеграмме, „не встречает препятствий к постановке армиям, развернутым в Галиции предположенных Вами задач; однако, в отношении девятой армии его высочество находит, что наступление этой армии по времени должно быть согласовано с наступлением Центральной группы направленной на фронт Зборо-Варанно-Чап-Хальми, дабы скорейшим утверждением в районе Коломыя—Делатынь прервать связь между неприятельской группой, действующей в восточной части Галиции и Буковине, и остальными его силами, действующими в Карпатах. Такие действия девятой армии будут в полном соответствии с выраженным вами в телеграмме номер 5333 мнением, разделяемом также Верховным главнокомандующим, о несоответствии частных наступлений и о предпочтительности такового всеми силами развернутыми в Галиции. Предоставляя время начала наступления усмотрению вашего высокопревосходительства, Верховный главнокомандующий высказывает требование о тщательной подготовке к операциям по всем частям, дабы раз начатое наступление не могло замереть подобно тому, как это было в Карпатах в марте месяце, а непременно было доведено до конца, то есть до выхода Центральной группы на Венгерскую равнину. Вместе с тем Верховный главнокомандующий, ознакомившись с теми соображениями, кои послужили основанием для сбора XXXIII корпуса в Каменец-Подольском районе, высказал, что общей идее принятого вами плана наступления более отвечало бы ваше первоначальное предположение о сборе этого корпуса на направлении Чортков—Тлусте".

В этой телеграмме начальника штаба Верховного гл-щего ни одного слова не сказано о задаче 3-й армии и по смыслу самой телеграммы следует признать, что Верховный гл-щий утвердил этой телеграммой задачу, поставленную 3-й армии директивой г.-а. Иванова от 23 марта. Выше было выяснено, что задача 3-й армии по дирекгиве 23 марта состояла в удержании противника во всех его наступательных попытках и в выходе на фронт от устья р. Дунаец до линии Туран-Ганушфалва, что в сущности, т.-е. принимая во внимание появление армии г. Макензена со стороны Кракова, приводило-бы к обязанности для 3 армии: обеспечивать Карпатскую операцию от удара германцев во фланг и в тыл Центральной группы

Ю.-З. фронта, предназначенной к переходу через Карпаты, в течение всей операции. Такую именно задачу 3-й армии следует признать окончательно утвержденной после телеграммы ген. Янушкевича от 14 апреля 1915 г. за № 9870 [8]). Что касается задач 8-й и 9-й армии, а также общего плана Карпатской операции, то все приведенные здесь распоряжения и телеграммы являются лишь приблзиительными соображениями о тносительно направления действий этих армий, выясняющими, однако, в весьма слабой степени их цель. Признавая слабую разработку Карпатской операции по цели и направлению действий участвующих в ней армий, приходится установить, что относительно средств исполнения операции — документы, на которые г.-а. Иванов ссылался, как на разработанный план действий,— не дают ровно никакого представления о плане действий. Выражая свои сомнения по адресу плана действий, Ставка как-будто чувствовала инстиктивно неблагополучие в области предположений по исполнению плана, но она не сумела переложить эти свои сомнения на военно-технический язык и потребовать точных объяснений по всем погрешностям плана; вместо этого в телеграмме ген. Янушкевича заключается намек на неудовлетворенность начальства, не получившего своевременного донесения, и лишь вскользь, как-то неуверенно проглядывают слабые попытики коснуться существа дела, но увы, бессистемно и только эпизодически...

В результате, г.-а. Иванов остался в убеждении, что на Карпатах и в 3-й армии — все спокойно, в то время, когда над 3-й армией уже совсем нависла грозная туча, через несколько дней разразившаяся достопамятной катастрофой, послужившей основанием потери русскими Галиции в 1915 году, а затем и началом неудачного конца всего участия России в войне 1914—18 г.г.

Намек на опасения г.-а. Иванова относительно 3-й армии. В приведенной выше телеграмме г.-а. Иванова от 31 марта 1915 г. за № 4695 [6]), между прочим, было сказано, что „обстоятельства могут потребовать направления корпуса в район Дукла, что, конечно, в активных целях не выгодно, но что может потребоваться, как об этом доложил начальник штаба телеграммой 4650". Для выяснения этих „обстоятельств" обратимся к телеграмме начальника штаба ген. Драгомирова в Ставку от 30 марта 1915 г. за № 4650 [9]). Вот эта телеграмма: „Ввиду продолжающегося усиления противника в районе Бартфельд-Стропко не откажите сообщить можно-ли расчитывать на присылку дивизии в Дукла, как об этом просил Главнокомандующий в телеграмме номер 4615 точка номер 4650. Драгомиров". Ввиду ссылки начальника штаба на телеграмму Гл-щего,—обратимся к телеграмме г.-а. Иванова от 30 марта 1915 г. № 4615. [10])

В телеграмме № 4615 г.-а. Иванов сообщает н-ку штаба Верховного гл-щего о причине задержки наступления в Карпатах и только в самом конце телеграммы добавляет: „также крайне необходимо образовать резерв в районе Дукла по крайней мере в составе одной дивизии, на что средств не имею, ибо после сделанных расчетов дальнейшее обессиление четвертой армии невозможно".

Таким образом, г.-а. Иванов и его н-к штаба ген. Драгомиров 30 марта сообщают в Ставку о необходимости образовать резерв в одну дивизию в районе Дукла; г.-а. Иванов ничего не говорит о причинах, побуждающих его к этому, а ген. Драгомиров выводит необходимость образования резерва в районе Дукла из того обстоятельства, что противник продолжает усиливаться в районе Бартфельд—Стропко. Из дел Штаба Ю.-З. фронта не видно,—связывал ли ген. Драгомиров это усиление противника с перегруппировкою германских сил или не связывал; не видно из дел также и того—считало ли главнокомандование Ю.-З. фронта фактом появление армии ген. Макензена и как учитывало оно влияние этого на предпринимаемую им Карпатскую операцию или ничего не знало... В делах имеется лишь надпись на телеграмме № 4615, сделанная синим карандашем генерал-квартирмейстером при Верховном гл-щем, генералом Даниловым, следующего содержания: „Очень желательно для обеспечения операции с правого фланга, откуда к.-удар наиболее вероятен. Г. Данилов". Выноска показывает, что эта надпись относится к тому месту телеграммы, где г.-а. Иванов говорит об образовании резерва в районе Дукла. Итак, никто, как видно, не придавал серьезного значения перегруппировке и сосредоточению противника на краковском направлении. У ген. Данилова, как будто, блеснула мысль об опасности, угрожающей Карпатской операции с правого фланга, но... эта мысль не привела ровно ни к каким практическим последствиям. Философское отношение к действительности, чисто отвлеченное, не покидало ген. Данилова и в эти решительные дни, решительные не только для 3-й армии и Ю.-З. фронта, но и для всей последующег периода войны. Спокойствие какого-то неведения царило в эти дни в Ставке и в штабе армий Ю.-З. фронта.

Указание ген. Драгомирова на район Бартфельд—Стропко, находящийся в стороне от путей наступления армии ген. Макензена, скорее свидетельствует о том, что главнокомандование Ю.-З. фронта не связывало усиление противника в этом районе с действиями войск ген. Макензева, и что оно опасалось скорее за левый фланг 3-й армии, ближе к которому находится Дукла, намеченный для сосредоточения резерва силою в одну дивизию. Правое крыло 3-й армии, видимо, не озабочивало полководца Ю.-З. фронта и его начальника штаба.

Между тем именно атакой в районе правого крыла 3-й армии ген. Макензен положил начало разгрома армий Ю.-З. фронта. Достойно особого внимания, что 14 апреля, т.-е. всего за четыре дня до начала решительнных событий в 3-й армии,— главнокомандование Ю.-З. фронта как-будто находилось в полном неведении относительно надвигающейся катастрофы.

Ставка признает необходимость иметь в резерве Верховного гл-щего один корпус. 30 марта 1915 г. ген. Данилов обратился к ген. Янушкевичу со следующим докладом [11]): „Не будет ли признано вами необходимым отправить ген. Алексееву телеграмму, проект которой прилагаю": „У нас совсем нет свободных резервов ни на северо-западном фронте, ни на юго-западном. Казалось бы время их образовать, в виду несомненной подготовки германцев к новой операции и необходимости иметь средства довести начатую операцию в Карпатах до конца. Образование резервов, конечно, не должно еще предрешать то или иное их направление". Того же 30 марта, за № 9517, в 6 час. 20 мин. вечера, представленная в виде проекта только что упомянутая телеграмма ген. Алексееву была отправлена по назначению [12]). В этой телеграмме указывается на желание Верховного гл-щего иметь в своем распоряжении корпус. „Германцы несомненно производят перегруппировку своих войск, внутренний смысл которой еще не выяснен", говорится в телеграмме как бы в виде обоснования такого желания. „Имеются указания", читаем в той же телеграмме, „о вероятности удара германцев на центр 3-й армии с целью выйти на правый фланг наших войск, перевалivших за главный Карпатский хребет, каковой удар может обещать успех в силу происшедшей растяжки фронта названной армии". Это предположение об ударе на центр 3-й армии, слившись с другими догадками, выраженными в той же телеграмме относительно действий противника, в сумме не давало ясного представления о том,— какие же именно действия противника признавались наиболее вероятными и опасными в данное время для всего вообще Ю.-З. фронта и, в частности, для 3-й армии... „Не придавая всем этим агентурным данным преувеличенного значения, Верховный гл-щий все же находит крайне необходимым скорейшее образование свободных резервов и в первую очередь желает иметь наготове один корпус в своем распоряжении, которым его высочество мог бы распорядиться в случае надобности по своему усмотрению". Так автор телеграммы сам же умалил свои правильные предположения относительно вероятных действий противника, сводя все дело к резерву в один корпус (!), явно ничтожному по сравнению с тою широкою

задачею, за которую взялся Ю.-З. фронт волею г.-а. Иванова, и по сравнению с тою угрозою, которая уже нависла над ним со стороны противника, почти изготовившегося к тому, чтобы смять и раздавить правое крыло 3-й армии, растянувшееся по Дунайцу и Бяла. Отсутствие определенного глубокого мышления и способность лишь проскользнуть по некоторым правильным соображениям, не задержавшись серьезно ни на одном из них, характерные для ген. Данилова,—особенно ярко проявились в эти решительные дни. Если бы эти мысли увидели свет значительно раньше и если бы они послужили основой для более крупных решений, чем признание необходимости сосредоточить „один корпус" в резерве,—быть может не разразилась бы апрельская катастрофа в 3-й армии, а затем и во всем Ю.-З. фронте. В соответствии с туманными предположениями Ставки и с неопределенными ее запросами по адресу ген. Алексеева относительно одного корпуса, в Ю.-З. фронт, из Ставки, на имя ген. Драгомирова, нового н-ка штаба Ю.-З. фронта, была отправлена 30 марта 1915 г. за № 9521, следующая телеграмма: „4650. Сделано сношение с С.-З. фронтом для выяснения вопроса о том, насколько ныне возможно дальнейшее ослабление армий С.-З. фронта. До получения ответа постановка решения не может состояться. Затруднение в том, что в армиях С.-З. фронта все еще огромный некомплект, сводящий на нет превосходство в числе дивизий. Кроме того, необходимо иметь в виду, что ослабления противника на С.-З. фронте нет, с падением же Перемышля, направлением заамурцев, ополченцев и III Кавказского корпуса на Южный фронт казалось бы сделано больше, чем возможно для усиления Юго-Западного фронта. Таким образом, Ю.-З. фронт должен расчитывать только на прибывающие дивизии III Кавказского корпуса и заамурские полки". Итак, со стороны Ставки, все дело свелось к двум положениям: во-первых,—к мечте иметь один корпус в распоряжении Верховного гл-щего; какой именно корпус, где, к какому времени—все это осталось неизвестным; и во-вторых, к совету Юго-Западному фронту—обойтись пока собственными силами.

Сверх всего этого телеграммой 31 марта 1915 г. за № 9523 [13]), ген. Янушкевич запросил г.-а. Иванова: „Верховный гл-щий желает знать какое дальнейшее из Львова направление будет дано III Кавказскому корпусу, при чем высказал категорическое указание, чтобы весь корпус действовал нераздельно". Этим намеком ограничилась Ставка по вопросу о резерве Ю.-З. фронта. Обстановка вскоре вынудила г.-а. Иванова двинуть весь III Кавказский корпус в Кросно, находящийся верстах в 20 от Дукла. Продолжая беспокоиться об отсутствии резервов в районе Дукла, ген. Драгомиров 2 апреля запросил Ставку относительно ответа С.-З. фронта,

на что получил от ген. Янушкевича весьма неутешительные для Ю.-З. фронта указания, от 2 апреля 1915 г. за № 9595 [14]): „Телеграмме моей 9521 определенно высказано, что Ю.-З. фронт пока должен расчитывать на прибывающие заамурские полки и дивизии III Кавказского корпуса. Ответ С.-З. фронта может служить лишь материалом для решения Верховного гл-щего, каковое решение в случае его воспоследования будет своевременно сообщено".

Этот ответ не позволял, конечно, г.-а. Иванову рассчитывать на сосредоточение резерва в районе Дукла в ближайшие дни.

Заключение. Изложенное в I главе позволяет прийти к выводу, что между замыслом вторжения через Карпаты в Венгрию,—с одной стороны, и боевою готовностью армий Ю.-З. фронта к исполнению этого замысла—с другой, в апреле 1915 года не было должного соответствия, позволявшего рассчитывать на успех всей операции. Не было и необходимых сведений о противнике.

По признанию самого г.-а. Иванова части не были достаточно укомплектованы, мало было боевых припасов, не доставало тяжелой артиллерии... Если к этому прибавить, что развертывание сил Ю.-З. фронта совершенно не соответствовало замыслу операции, то станет вполне очевидным, что не было оснований ожидать благоприятного исхода всего предприятия в Карпатах. Следовало признать, как это и сделал творец Карпатской операции ген. Алексеев, вскоре по вступлении в командование армиями С.-З. фронта, что часть сил Ю.-З. фронта должна составлять заслон на всем фронте Карпат, которые тогда являлись бы второстепенным направлением; все, что можно, Ю.-З. фронт должен был, по мысли ген. Алексеева, притянуть на левый берег Вислы для участия в нанесении главного удара германцам совместно с С.-З. фронтом.

Если признать, что у Гл-щего Ю.-З. фронта по многим причинам не хватало решимости самому отказаться от дальнейших активных действий в Карпатах и отвести войска в Галицийскую равнину, то все-таки необходимо согласиться с тем, что Верховный гл-щий имел все данные к тому, чтобы изменить задачу Ю.-З. фронта и направить усилия его армий к достижению иных целей, более соответствующих положению дел на всем театре войны, сложившемуся к началу апреля 1915 года, чем переход через Карпаты в Венгрию.

ГЛАВА II

Положение в 3-й армии перед наступлением ген. Макензена (с 1/14 по 18 апреля/1 мая 1915 г.

(Схемы № 1 и № 2).

Стремление Ю.-З. фронта сосредоточить резерв в районе 3-й армии. Энергичные и настойчивые действия противника в первых числах апреля в Карпатах, видимо, имевшие целью поглубже втянуть в горы центр Ю.-З. фронта, наступавший в сторону Венгерской равнины, чтобы этим создать наиболее критическое положение этого центра в предвидении задуманного в это время удара армии ген. Макензена, вынудили ген. Драгомирова отправить в Ставку 6-го апреля 1915 г. за № 5000 следующее донесение: „Настойчивые атаки на правый фланг 8-й армии в связи с большими потерями, понесенными этою армиею побудили отдать распоряжение о сосредоточении одной бригады третьей армии в районе Цисна—Воля-Михова. Это распоряжение может быть выполнено только за счет образования резерва в районе Дукла, о чем и были сделаны перед тем соответственные распоряжения. Таким образом, несмотря на все старания, крайне необходимое образование резервов в районе Дукла не удается осуществить, между тем как из различных источников продолжают поступать сведения об усилении противника на Карпатах. Вновь прошу не отказать сообщить, не будет ли признано возможным предоставить фронту еще одну дивизию, ибо без этого вполне возможно положение, что на III Кавказский корпус придется возложить пассивные задачи по удержанию того или другого участка, на котором дела примут неблагоприятный оборот, вместо нанесения им удара противнику в ранее намеченном направлении". Ясно, что демонстративные действия противника в Карпатах,— оказали свое воздействие: н-к штаба Ю.-З. фронта, очевидно, в согласии с Главнокомандующим, начал ослаблять и без того слабую 3-ю армию, оттягивая войска к ее левому флангу в то время, когда прибли-

жалось исполнение удара армии ген. Макензена на правое крыло этой армии, растянутое по р.р. Дунайцу и Бяла. Весьма оригинален прием убеждения Ставки, принятый ген. Драгомировым в этой телеграмме: вместо категорического заявления о необходимости иметь резерв в районе Дукла по боевым соображениям и вытекающего отсюда требования усилить Ю.-З. фронт одною дивизиею, н-к штаба ищет силу убеждения в том косвенном соображении, что если дивизия прислана не будет, то придется раздробить III кавказский корпус, направив его на пассивные задачи, вопреки требованиям Ставки: не дробить этот корпус и действовать им непременно активно... Того же 6 апреля 1915 г. за № 9698 [16]), ген. Данилов телеграфировал из Ставки ген. Драгомирову в ответ на его телеграмму за № 5000: „Сделано сношение с Северо-Западным фронтом о направлении в состав армий Юго-Западного фронта восьми батальонов точка. Подробности по выяснении сообщу дополнительно". Вскоре выяснилось, что на усиление Ю.-З. фронта Верховный главнокомандующий повелел направить из С.-З. фронта 63 пехотную дивизию, но без 63 артиллерийской бригады, ввиду отмены передачи 74 артиллерийской бригады из Юго-Зап. фронта в Северо-Западный; к этому распоряжению ген. Данилов добавил: „Начальник штаба поручил мне уведомить вас, что дальнейшее усиление Ю.-З. фронта за счет С.-З. решительно не представляется возможным до полного укомплектования армий С.-З. фронта и выяснения положения дел на этом фронте" [17]). Юго-Западный фронт предположил сосредоточить 63 пех. дивизию в районе Дукла-Змигород [18]), т.-е. в районе 3-й армии.

Разведывание и сведения о противнике. По данным войсковой разведки — штаб армий Ю.-З. фронта и штаб 3-й армии были осведомлены о противнике в следующем:

1 апреля, из опроса австрийских пленных, имелись указания об ожидаемом прибытии германских войск; отдельные указания пленных устанавливали перевозку германской артиллерии в направлении на Мезо-Лаборч [19]).

2 апреля—опросом пленных подтверждено нахождение перед фронтом 3-й армии частей австрийской армии; пленные показывали, что в строевых частях много немцев и что будто бы австрийское командование умышленно перемешивает национальности, дабы создать большую устойчивость славянских полков [20]).

3 и 4 апреля—перед фронтом 3-й армии и, в частности, X армейского корпуса—австрийские войска; в частях имеются: венгерцы, немцы, поляки, чехи.

Опросом пленных установлено, что против левого фланга соседней 8-й армии, на фронте Яблонов—Молдавск, появились два пехотных германских полка.

Подтверждено, что перед фронтом другой соседней, т.-е. 4-й армии, находятся ранее обнаруженные германские и австрийские части [21]).

5, 6 и 7 апреля—перед 3-й армией попрежнему—австрийцы; перед 8-й армией—австрийские части, ожидается прибытие германцев; перед фронтом 4-й армии—прежние германские и австрийские части.

8, 9 и 10 апреля—перед фронтом 3-й армии—австрийцы; перед 8-й и 4-й армиями—без перемен [22]).

Штаб Ю.-З. фронта считает, что в связи с ожидаемым появлением в Карпатах 40-й германской ландверной дивизии, видимо, центр тяжести борьбы в Карпатах переносится противником на Балигродское и Мезо-Лаборчское направления [23]) и [24]).

11, 12 и 13 апреля—перед фронтом 3-й армии в районе Закличин (против IX армейского корпуса)—появились два германские пехотные полка. По данным X арм. к-са, соседнего с IX, полученным от пленного, между 24 и 31 марта проходили поезда с германскими полками в южном направлении из Андреева через Мехов на Олькуш.

Перед 8-й армией обнаружено перемещение германцев со Стрыйского на Ужокское направление.

Перед фронтом 4-й армии—частные перегруппировки [25]) и [26]).

14 и 15 апреля—перед фронтом 3-й армии, по показаниям перебежчиков, германцы должны сменить австрийцев на позициях севернее Горлицкого шоссе; по показаниям пленного, захваченного в районе Горлицы, германская дивизия должна сменить австрийцев на участке Горлице—Ропица-Русская. Вообще, пленные, захваченные на Горлицком направлении, единогласно показывали, что предстоит решительное наступление расположенных здесь австрийских частей совместно с прибывающими германскими подкреплениями. Замечена была какая-то перегруппировка на фронте Горлице—Дунаец.

По сведениям Штаба 8-й армии замечается сосредоточение противника на Балигродском направлении, на фронте Телепоч—Полена.

Против 4-й армии без значительных перемен; пленные показывали об уходе некоторых германских частей в Карпаты.

Штаб Ю.-З. фронта, по опросу пленных, выяснил, что задача германцев на Мезо-Лаборчском направлении—чисто оборонительная, и что здесь они усиленно окапываются; некоторые пленные слышали, будто в каком-то другом месте Карпатского фронта будет попытка австро-германских сил прорвать наше расположение. Пленные, взятые в районе Горлице, определенно показывали, что в район Нов. Сандеца началось прибытие германских войск, и что в районе Горлице вскоре ожидается большое сражение.

Из района 11-й армии получались сведения о перевозках германских войск в западном направлении, при чем проезжавшие говорили, что они едут к Кракову [27]).

16 и 17 апреля—перед фронтом 3-й армии у Нов.-Сандеца и Грибова—замечено скопление подвижного состава; поезда двигаются в восточном направлении; обратного движения поездов не замечается; от Нов.-Сандеца к Грибову двигаются значительные колонны обозов. Пленные показывают прибытие на это направление германских войск с французского фронта (2-й гренадерский германский полк, 48-й рез. герм. полк и др.). Устанавливается прибытие германцев с Мезо-Лаборчского направления [28]).

Против X арм. к-са был слышен шум, стук колес и топот лошадей; на рассвете 16 апреля наблюдалось усиленное движение поездов; с утра 16—по правому крылу X арм. к-са артиллерийский огонь.

Скопление неприятельских войск было обнаружено и в районе Ценжковице. Во многих местах перед фронтом 3-й армии были обнаружены группы германских пехотных разведчиков. Днем 16 апреля на правом фланге IX к-са редкий ружейный и артиллерийский огонь. В центре IX к-са, севернее Тарнова — обычный артиллерийский огонь прикрывающий окопные работы противника. На левом фланге того же к-са— редкий огонь [29]).

Перед 8-й армией перемен в расположении противника не обранужено; между австрийскими войсками замечены небольшие германские части.

Против 4-й армии продолжалась перегруппировка войск противника; движение германских войск замечалось в южном направлении [29]).

18 апреля — в 3-й армии получены сведения от перебежчиков, что решительная атака со стороны германцев последует на рассвете 1—2 мая нов. ст. (т.-е. 18—19 апреля ст. ст.). От штабов корпусов также получались сведения о предстоящей решительной атаке. Всюду на фронте 3-й армии возросло напряжение ружейного и артиллерийского огня противника.

Таким образом, войсковая разведка вполне исправно давала знать штабу 3-й армии и штабу Ю.-З. фронта о постепенно выдвигавшихся из глубины германских силах, накапливавшихся против правого крыла 3-й армии (IX и X к-са), но эти сведения знаменовали уже близость решительного удара со стороны противника и не давали времени для того, чтобы исполнить какую-либо перегруппировку сил 3-й армии.

Главнокомандование Ю.-З. фронта, увлеченное помыслами на юг, в Венгерскую равнину, даже 10 апреля считало, что „центр тяжести борьбы в Карпатах переносится противником на Балигродское и Мезо-Лаборчское направления...“

Сопоставляя это заключение с данными войсковой разведки за 10—18 апреля, приходится прийти к выводу, что глубокая (стратегическая) разведка противника с целью выяснения крупной перегруппировки его сил в глубине расположения—не дала своевременно достаточных результатов. То упорство, с которым Главнокомандующий Ю.-З. фронта проводил в жизнь движение за Карпаты в Венгерскую равнину, позволяет даже сомневаться в том,—была ли организована штабом Ю.-З. фронта глубокая разведка в сторону Кракова и, вообще, в западном направлении. Задача Центральной группы Ю.-З. фронта—продвинуться в Венгерскую равнину—также требовала глубокой разведки для выяснения всех условий ее исполнения; в то-же время задача 3-й армии по обеспечению фланга и тыла войск, наступающих через Карпаты, от удара германцев, в свою очередь, вызывала необходимость глубокой разведки в западном направлении от расположения 3-й армии по р.р. Дунаец и Бяла.

Приходится допустить, что н-к штаба Ю.-З. фронта ген. Алексеев, на ответственность которого ложится недостаточно глубокая разведка, организуемая всегда заблаговременно, при самом зарождении замысла операции,—не разделял того положения, что каждая стратегическая задача требует организации соответствующей глубокой стратегической разведки. Если даже допустить существование глубокой разведки, то и в этом случае придется признать, что работа ее оказалась крайне неудачной, так как только тогда штаб Ю.-З. фронта узнал о наступавших с запада полчищах ген. Макензена, когда войсковая разведка обнаружила их присутствие в сфере своего непосредственного влияния. Не могли-же эти полчища явиться на наш фронт моментально!? Но быть может следует упрекнуть и штаб 3-й армии также в отсутствии глубокой разведки противника?! Возможно, что и этот штаб не дал себе своевременно достаточного отчета в том, что происходит за передовыми частями противника, так сказать,—в его главных силах, но все-таки глубокая разведка в сторону Кракова (к западу) являлась обязанностью штаба армий Ю.-З. фронта, тем более, что англичане еще в марте предупреждали о готовящемся ударе в направлении на Тарнов.

Разведка в сторону Кракова непосредственно вытекала из общей задачи всему Ю.-З. фронту и, в частности, являлась необходимым указателем для решения вопроса о мерах обеспечения правого фланга и тыла Центральной группы, предназначенной к выдвижению в Венгерскую равнину. Установить такую осведомленность, т.-е. организовать стратегическую разведку,—было естественным делом н-ка штаба Ю.-З. фронта еще в то время, когда было окончательно предрешено движение через Карпаты в Венгрию зимою 1915 года, т.-е. в декабре 1914 года. Еще тогда следовало насадить агентуру

в районе Кракова и к югу от него, потому что к этому в то время имелась полная возможность.

Итак, нежданно, негаданно—18 апреля стало ясно, что на 3-ю армию (против IX и X корпусов) обрушиваются значительные германские силы ген. Макензена.

Разведывание и контр-разведывание—обязательные спутники каждой операции. С тех пор, как была поставлена задача перейти через Карпаты в Венгрию, т.-е. еще в декабре 1914 года, надлежало зорко следить за действиями противника, так как нельзя-же было допустить, что столь энергичный противник, как германцы, будет бездействовать в то время, когда наши армии будут спускаться в Венгерскую равнину. И в каждой крупной операции необходимо учитывать то возможное сопротивление, которое окажет противник ее благоприятному для нас исходу. Чем опаснее для противника замысел предположенной операции по цели и направлению, тем более решительного сопротивления и более неожиданного для нас противодействия—следует ожидать с его стороны. Отсюда ясно, что с самого начала „подготовки" каждой стратегической операции должно быть всемерно организовано разведывание на тех направлениях, откуда действия противника могут наиболее неблагоприятно отразиться на „исполнении" предстоящей операции. Иначе говоря, в плане каждой стратегической операции должны быть предусмотрены задачи разведывания, соответствующего этой операций, а равно и основания организации самого разведывания, т.-е. должна быть намечена и организована глубокая стратегическая разведка. Эта разведка должна обнаружить массовые перегруппировки сил противника и установить районы сосредоточения крупных его сил.

Обнаружив такие районы, глубокая разведка должна как-бы вцепиться в них и следить за всеми дальнейшими передвижениями сил из этих районов. Таким образом, глубокая разведка, всюду сопровождая массы противника, маневрирующие из глубины его маневренной зоны походным порядком или по железной дороге, как бы передает эти массы в ведение войсковой разведки, которая и следит за их дальнейшим маневрированием и действиями перед предстоящим боем и во время самого боя.

Передав обнаруженные массы в ведение войсковой разведки, глубокая разведка по собственному почину, или вследствие новых задач, ей поставленных,—должна продолжать свою работу в глубине маневренной зоны противника и своею работою обеспечивать „исполнение" операции от крупных неожиданностей со стороны противника.

Само собою очевидно, что вновь организовать глубокую разведку—в самый разгар войны или в то время, когда операция достаточно подготовлена и уже приводится в исполне-

ние,—весьма затруднительно; такая организация, даже и при исполнимости ее,—явилась бы совершенно запоздалой. Следовательно, водворение органов глубокой разведки в известные районы и на известные направления—должно производиться заблаговременно и требует от организаторов глубокой разведки большой степени предвидения. Наиболее важные стратегические районы вероятных театров военных действий и территории вероятных противников еще в мирное время должны быть подготовлены нами для глубокой стратегической разведки всеми известными способами; для поддержания этой подготовки на должной высоте должны быть назначены специальные денежные средства. Эта подготовка явится как-бы кадром той глубокой разведки, которая должна развернуться во время войны из этих кадров; в этом развертывании заключается успех глубокой разведки в военное время.

Минувшая война 1914—18 г.г. дала яркие примеры заблаговременной организации глубокой разведки, как со стороны наших противников, так и с нашей стороны; примеры эти должны быть тщательно изучены для нашего дальнейшего усовершенствования и во избежание ошибок в грядущих боевых столкновениях. Но... в Карпатской операции стратегическая разведка своего дела не исполнила.

Однако, одной осведомленности о том, что делает противник,—совершенно недостаточно для возможно полного обеспечения успеха „исполнения" наших стратегических операций. Необходимо признать, что если мы ведем глубокую и войсковую разведку противника, то и он исполняет то-же самое; вероятно, и он насадил органы своего разведывания в нашей стране, в стратегически важных ее районах, а может быть ему помогают в этом местные жители. Поэтому совершенно очевидно, что нам необходимо прикрываться от разведки противника; это прикрытие достигается контрразведыванием, которое должно в мирное время—открыть и уничтожить органы глубокого разведывания, насаждаемые противником в нашей стране, особенно в стратегически-важных для нас районах, а в военное время—очистить маневренные районы каждой предстоящей операции от тайных разведчиков противника *), т.-е. ослепить противника на то время, которое нам необходимо для исполнения планов наших действий и в тех районах, где эти действия должны развернуться, согласно разработанного плана данной операции.

Таким образом, в основу каждой стратегической операции ложится ее замысел; выполнение замысла операции

---

*) Борьба с явными органами разведывания противника является оперативною задачею, которая возлагается на органы нашего явного разведывания.

должно происходить согласно плана операции, разработанного в соответствии с условиями, в которых приходится действовать, т.-е. в соответствии с обстановкой. При всех подготовительных и исполнительных действиях в данной стратегической операции существенно необходимо быть осведомленным о перегруппировке сил противника и о всем, что предпринимает противник для противодействия нашим достижениям; равным образом, в течении всей операции, т.-е. в течении ее „подготовки" и „исполнения",—необходимо не допускать разведывательные органы противника узнавать о наших действиях. Все эти соображения указывают на то, что оперативная работа неразрывно связана с разведыванием и контр-разведыванием; иначе говоря, оперативное руководство операцией, разведывание и контр-разведывание,—связанные с этой операцией,—должны исходить от одного и того же начальника, в подчинении которому должны находиться все соответствующие исполнительные органы.

Задачи разведывания и контр-разведывания в данной операции всегда вытекают из оперативных задач; поэтому—при постановке новых оперативных задач—необходимо всегда задаваться вопросом: не следует-ли изменить или вновь поставить задачи разведке или контр-разведке?

Независимо от оперативной разведки и контр-разведки на театре военных действий воюющие стороны (государства) должны вести непрерывную экономическую и политическую разведку и контр-разведку, так как состояние экономических данных и политического состояния противника в одинаковой степени интересует каждую из столкнувшихся сторон и так как каждая из них старается ослабить своего противника не только боевыми действиями, но экономической и политической борьбой; эту работу ведут органы,—находящиеся вне действующей армии, т.-е. генеральный штаб. Наряду с экономической и политической разведкой и контр-разведкой — столкнувшиеся в войне стороны—должны вести разведку внутренних государственных военных мероприятий противника и контр-разведку—для сокрытия от разведки противника своих обще-государственных военных мероприятий; работа по этой разведке и контр-разведке также ложится на обязанность обще-государственных военных учреждений (генеральный штаб).

Все роды разведки и контр-разведки: оперативная, экономическая, политическая и обще-военная—должны вестись непрерывно.

Все эти соображения приводят к основному выводу, что оперативное разведывание и контр-разведывание соста-

вляют обязанность всех органов действующей армии, начиная с Верховного главнокомандования, и что центральное управление государством (его генеральный штаб) должно иметь свои органы разведывания и контр-разведывания,— направленные к исполнению задач экономического, политического и обще-военного разведывания и контр-разведывания в обще-государственном масштабе.

Если приложить этот вывод к периоду времени Карпатской операции, то с полною достоверностью следует установить, что в оперативной разведке действовала без отказа только войсковая разведка; глубокая стратегическая разведка—была неудовлетворительна.[1]

Силы и подробное расположение частей 3-й армии к вечеру 2 апреля [2]) *1915 г.* [31]), (Схема № 2).

К вечеру 2 апреля: Штаб 3-й армии — Ясло.

IX к-с. Штаб к-са—Тарнов.

7-я кавалер. дивиз., 3 полка 5 й пех. дивиз. (без Костромского), 2 полка 42-й пех. дивиз. (Ровненский и Миргородский), 3 ополченских бригады.	На правом берегу р. Дунаец от устья до Домбрувка—Ржухова включительно, имея в центре участка полки 5-й пех. дивизии на левом берегу р. Дунаец.

XXI к-с. Штаб к-са—Гумниска.

70-я пех. дивиз., 1 полк (Тираспольский) 33-й пех. дивизии, 1 полк (Луцкий) 42-й дивизии, 1 ополченская бригада.	В районе Яновице—Громник—Ржепеник—Тухов.

X к-с. Штаб к-са—Шержины.

31-я пех. дивиз., 61-я пех. дивиз., 3 полка 9-й пех дивизии.	В районе Туржа—Сташковка—Мшанка—Горлице — Сенкова — Маластув — Петна—Банница—Крива.

Конный к-с ген. Драгомирова. Штаб к-са—Кросно.

В районе Кросно—Риманув.

---

[1]) Таковы результаты обследования разведки и контр-разведки в Ю.-З. фронте, произведенного в апреле 1915 года ген. Бонч-Бруевичем по поручению Верховного главнокомандующего; эта работа была закончена г. Бонч-Бруевичем в штабе Ю.-З. фронта 22 апреля 1915 года, т.-е. в дни удара армии ген. Макензена.

[2]) Боевые расписания 3-й армии не удалось найти в архивах.

XXIV к-с. Штаб к-са—Граб.

3 полка 49-й пех. дивиз., 48-я пех. дивиз., 1 полк (Переволоченский) 44-й пех. дивиз., 3-я Кавказская казачья дивизия.	В районе Воловес—Крива—Здыня—Ректов—Стебник—Зборо—Черна—Курымка.

XII к-с. Штаб к-са—Дукла.

12-я пех. дивиз., 12-я Сибирская пех. дивиз., 19-я пех. дивизия, 3-я Донская казачья дивизия.	В районе Чернина—Липова—Радома—Шандал—Стропко—Сальник—Репею—Щуко.

XXIX к-с. Штаб к-са—ст. Команча.

3 полка 44-й пех. дивизии, 3-я стрелк. бригада, 2-я бригада 58-й пех. дивизии, 81-я пех. дивизия, 1 полк (Костромской) 5-й пех. дивизии, 1 полк (Елецкий) 9-й пех. дивиз., 2 полка (Бессарабский и Бендерский) 33-й пех. дивизии.	В районе Красноброд—Наче—Стрекоч—Зубєнско—Валница.

Кроме того, 1 полк (Херсонский) 33-й пех. дивизии в движении: выступил из Иодлова в Бжосток.

Обзор боевых действий в районе 3-й армии с 1 по 18 апреля 1915 года. 30 марта 1915 г. К-щий 3-й армией ген. Радко-Дмитриев отдал по армии следующий оперативный приказ, сообщенный в копиях в Штабы: Гл-щего армиями Ю.-З. фронта—г. Холм, 4-й армии—Конск, 8-й армии—г. Самбор, 11-й армии—г. Перемышль, 9-й армии—г. Тарнополь и к-ру VIII арм. к-са, соседнему с левым флангом 3-й армии:

„Ясло, тридцатого марта 1915 г., час дня. Ввиду усиления противника на Карпатском фронте и в особенности на восточных Карпатах вновь прибывшими подкреплениями и укомплектованиями, Главнокомандующий принял решение временно приостановить общее наше наступление и занять выжидательное положение до получения подкреплений и укомплектований. На основании сего приказываю: первое—всем корпусам с правофлангового до двадцать четвертого корпуса включительно, закрепиться прочно на занимаемых местах, продолжая усиливать фортификационно свои позиции, дабы быть готовым отразить все попытки противника к наступлению, второе—двум правофланговым дивизиям двенадцатого корпуса также приостановить свое наступление, пред-

принимая лишь небольшие частичные передвижения вперед и назад с целью занять более выгодные позиции, на которых прочно укрепившись и остановиться; т р е т ь е—девятнадцатой пехотной дивизии и правому флангу двадцать девятого корпуса продолжать выполнение поставленной им ранее задачи с целью вытеснить противника из района высот 640 тире 598 тире 600 тире 584 тире 582 тире 484 тире 586—ч е т в е р т о е центру и левому флангу двадцать девятого корпуса содействовать правому флангу того-же корпуса, опираясь прочно на свои основные позиции. Ввиду полученных сведений об усилении противника вновь прибывшей четвертой германской дивизией против фронта нашей 19-й дивизии командиру двадцать девятого корпуса быть готовым своим правым флангом поддержать в случае надобности солидно 19-ю дивизию. Двенадцатой пехотной дивизии по возможности с той же целью выделить в резерв один полк 888" [32]).

Этот приказ гласил об остановке наступления 3-й армии. Данные о противнике в нем крайне скудные; из него нельзя усмотреть какой-либо расценки относительной важности районов расположения русских с точки зрения группировки сил противника; нет в нем никаких намеков на относительное значение районов нашего расположения со стороны основной идеи боевых действий 3-й армии. Нет никаких распоряжений, связанных с этими соображениями. И только вторжение в сферу деятельности к-ров XII и XXIX корпусов как будто выдвигает на первый план борьбу за малозначущую группу высот на левом фланге 3-й армии. Как видно, неясно было к-щему армией, что удар по правому крылу и центру 3-й армии, в случае удачи для противника, мог-бы поставить в тяжелое положение 8-ю армию, втянувшуюся в Карпаты, а затем и соседние с ней армии. Оперативный глаз к-щего 3-й армией в это время не проникал за завесу передовых частей противника и потому остановка корпусов, начиная с правофлангового до двадцать четвертого включительно, без перегруппировки их под какую бы то ни было идею, являлась ничем иным, как неправильным пониманием подготовительного периода к ожидаемому а р м е й с к о м у с р а ж е н и ю, периода, требующего перегруппировки сил и прежде всего накопления резервов в районах, соответствующих идее всей армейской операции.

Как бы дополнением приказа 3-й армии от 30 марта является доненесение ген. Радко-Дмитриева гл-щему Ю.-З. фронтом от 31 марта 1915 г., за № 898 [33]): „Крайне ненастная погода, большое утомление войск, значительные потери в некоторых частях двадцать девятого корпуса, сила неприятельских позиций, защищаемых свежими, только что пополненными, войсками, заставляет меня в соответствии с директивой вашей номер 4568 приостановить временно наступление двенадцатого и двадцать девятого корпусов до более

благоприятной обстановки и ограничиться прочным занятием своих основных позиций".

Итак, на всем фронте 3-й армии—безъидейная остановка до более благоприятной обстановки...— обычная мера слепых полководцев.

1 апреля 1915 г.[34]) на фронте армии велся противником редкий артиллерийский огонь, главным образом на участке 48-й и 19-й дивизий и на фронте XXIX к-са. Втечение дня русские разведчики производили поиски с целью выяснения расположения противника, коротое осталось на всем фронте почти без перемен; на фронте 70-й дивизии (к северу от Ценжковице) произошла перегруппировка частей противника и замена одних частей другими; для выяснения подробностей высланы разведывательные части. Весь день лил дождь, дороги размокли; движение затруднительно—даже по шоссе; окопы во многих местах залиты водою; вода в Дунайце и Бяле поднялась на 7 футов выше ординара; взамен постоянных мостов, залитых водою, наведены понтонные мосты. Опасения К-щего 3-й армией направлялись в сторону левого фланга армии, как это видно из телеграммы ген. Радко-Дмитриева К-щему 8-й армией ген. Брусилову, 1 апреля 1915 г. № 917[35]). Вот что телеграфировал ген. Радко-Дмитриев ген. Брусилову: „Постоянно получаемые сведения подтверждают, что противник, спешно подвозя новые подкрепления, усиливается и укрепляется в районе Вилага, Вирава, станция Радваны. Очевидно, на высотах этого района он создает себе редюит, на который опираясь он предпримет, вероятно, серьезные действия, целью прорвать наш Карпатский фронт направлении или Команча—Санок или Мезо-Лаборч—Яслиско—Риманув. У меня этом районе сосредоточено до 50 батальонов, но после последних упорных боев все почти они крайне слабого состава, а полки 81-й дивизии насчитывают не более одной тысячи штыков каждом. Мы принимали и принимаем все меры, чтобы, прочно укрепившись, встретить все попытки противника к прорыву, но ввиду возможности атаковать нас свежими крупными силами, прошу вас не отказать держать некоторый резерв правым флангом восьмого корпуса, дабы крайнем случае поддержать левый фланг XXIX корпуса в борьбе за удержание доставшегося нам столь дорогой ценой Бескидского гребня и еще раз очень прошу направить немедленно район Воля-Михова Острожский и Троицко-Сергиевский полки".

Факт накопления некоторых, можно сказать, незначительных сил противника в районе Вирава—Вилаг—ст. Рыдваны, заполнил собою всю творческую мысль ген. Радко-Дмитриева и заставил его прийти к слишком прямолинейному выводу: „значит из района Вирава — Вилаг — ст. Рыдваны последует главная атака противника";

вскоре за этим, эта проблематическая атака выросла в воображении К-щего армией до степени прорыва, и притом весьма глубокого,—в направлении или Команча—Санок, или Яслиска—Риманув. Мысль полководца работала лихорадочно, непоследовательно.

Следовало использовать сведения о накоплении сил противника против 3-й армии; следовало оценить смысл удара со стороны Кракова на правое крыло и центр 3-й армии в отношении всей Карпатской операции; надлежало уяснить себе действительную роль 3-й армии во всей Карпатской операции, роль обеспечения глубокого тыла армий фронта от удара с запада; не следовало увлекаться только одним описением какого-то местного прорыва, имеющего, вообще, в горной стране сравнительно ничтожное значение и влияющего лишь на благополучие 3-й армии, при ничтожном влиянии даже на положение дел в соседней с нею 8-й армии.

Кошмар прорыва от Мезо-Лаборча душил К-щего армией и потому, вместо широкой оценки положения в сфере действий 3-й армии, ген. Радко-Дмитриев сосредоточил все свои помыслы на ее левом крыле, совершенно упустив из виду, что действительная опасность могла надвинуться и уже надвигалась на него с запада. К-щий армией не расценил по степени важности районы расположения своей армии, принимая во внимание всю Карпатскую операцию и роль 3-й армии в этой операции; не расценивши, он, конечно, и не перегруппировал силы армии в соответствии с результатами этой расценки.

С точки зрения военного искусства ген. Радко-Дмитриев, командуя армией, не возвысился в эти дни дальше творчества начальника дивизии; поэтому армейская операция ни в какой степени не была им связана с общей задачей всего фронта и совершенно не была разработана, как операция армейская... Назревала решительная операция в отношении всего Ю.-З. фронта, направленная непосредственно против 3-й армии; в это время К-щий 3-й армией всецело отвлекается к какому-то частному предположению о прорыве; события назревают и обещают развиться вне его воли; можно даже сказать—при его полном непонимании совершающегося.... Если сгущение войск противника в районе Вирава—Вилаг—ст. Рыдваны явилось следствием задуманной им демонстрации с целью отвлечь внимание от правого крыла и центра 3-й армии, то безусловно следует признать, что уже 1 апреля 1915 г. эта демонстрация имела успех, так как внимание ген. Радко-Дмитриева в это время оказалось привлеченным к левому крылу 3-й армии.

2 апреля 1915 г. Ночь на 2 апреля прошла спокойно; никаких перемен у противника замечено не было; противник слабо обстреливал артиллерийским огнем участки 49-й, 19-й ди-

визий и оба фланга XXIX корпуса. Шел мокрый снег и дождь; вода в реках прибывает; мосты сносятся; поддерживать сообщения становится все труднее и труднее [36]).

Втечение дня 2 апреля обстрел продолжался местами на всем фронте армии; замечено было втечение дня непрерывное прибытие к ст. Рыдваны неприятельских поездов, в тылу—более сильное движение обозов; цель прибытия поездов, их назначение пока выяснить не удалось. Состояние погоды несколько улучшилось [37]). Итак, 2 апреля факт прибытия поездов (может быть даже порожнего подвижного состава) укреплял ген. Радко-Дмитриева в его одностороннем предположении о вероятных действиях противника против левого крыла 3-й армии.

3 апреля 1915 г. В ночь на 3 апреля противник изредка открывал слабый артиллерийский огонь по участкам 42-й и 19-й дивизий, а также на фронте XXIV и XXIX корпусов. Состояние погоды улучшается [38]). В полдень 3 апреля от Гл-щего фронтом г.-а. Иванова получено следующее телеграфное распоряжение от 3 апреля 1915 г. за № 4836 [39]): „Признаю необходимым образовать районе Дукла-Змигрод резерв силою по крайней мере до одной бригады. После возвращения Острожского полка (42-я пех. дивизия), укрепления позиций на направлении Мезо-Лаборч и пополнения потерь это требование вполне исполнимо. Прошу сообщить к какому сроку возможно исполнение этого указания. „На эту телеграмму ген. Радко-Дмитриев ответил г.-а. Иванову телеграммой 4 апреля 1915 г. № 954, которая будет приведена в обзоре событий 4 апреля.

Беспокойство Гл-щего за район Дукла—Змигрод, т.-е. за центр расположения 3-й армии, наводит на мысль, что временами г.-а. Иванов вспоминал о краковском направлении, где в это время противник продолжал свое сосредоточение, потому что войсковая разведка в этот день не давала, как выше было сказано, никаких оснований для сосредоточения резерва в районе Дукла—Змигрод; в архивных делах не удалось отыскать каких-либо указаний на причины, побудившие г.-а. Иванова отправить К-щему 3-й армией телеграмму № 4836.

Днем 3 апреля—на фронте 3-й армии обычный артиллерийский огонь; усиление позиций обеими сторонами, починка мостов; ружейная перестрелка. Замечено продолжающееся прибытие и уход поездов на станции Рыдваны; замечено движение колонны противника силою около полка пехоты по шоссе с севера на юг в направлении на Рыдваны. Вода в р. р. Дунаец и Бяла постепенно убывает.

4 апреля 1915 г. В ночь на 4 апреля противник обстреливал редким артиллерийским огнем участок 48-й пех. дивизии и левый фланг XXI корпуса. Вода в р. р. Дунаец и Бяла быстро убывает; погода улучшается, дороги начинают

подсыхать [40]). Втечение дня расположение частей 3-й армии оставалось прежнее; 131-й пех. Тираспольский полк (33-й пех. дивизии) двигался из Тухова в Иодлов (к югу); 130-й пех. Херсонский полк (33-й пех. дивизии) на походе из Змигрода в Мезо-Лаборч (к югу); четыре дружины 25-й ополченской бригады прибыли к г. Тарнову [41]). Днем 4 апреля противник обстреливал редким артиллерийским огнем расположение армии на всем фронте; движения поездов на ст. Рыдваны замечено не было [42]).

Втечение дня 4 апреля между г. - а. Ивановым и г. Радко-Дмитриевым происходил обмен телеграммами по поводу образования резерва за центром 3-й армии, в районе Дукла-Змигрод.

На телеграмму г.-а. Иванова от 3 апреля 1915 г. № 4836,— ген. Радко-Дмитриев ответил телеграммой 4 апреля 1915 г. № 954 [43]): „По поводу образования армейского резерва доношу: ввиду ослабленного состава частей входящих в состав XXIX корпуса и ввиду сосредоточения против его фронта значительных неприятельских сил, в том числе несколько германских полков, образование резерва посредством вывода из этого корпуса частей 81-й пехотной дивизии, 3-й стрелковой бригады и 5-й дивизии настоящее время нахожу невозможным; это будет сделано последовательно по мере того, как прибывающие укомплектования позволят пополнить сперва полки 33-й и 44-й дивизий, а затем и развернуть стрелковую бригаду в дивизию".

Таким образом, ген. Радко-Дмитриев отвечает не на вопрос: он говорит о невозможности образования армейского резерва из частей XXIX корпуса, в то время, когда ген. Иванов предлагает ему образовать резерв силою „по крайней мере до одной бригады" в районе Дукла—Змигрод, совершенно не затрагивая вопроса—из каких корпусов будут взяты части для этого резерва. „Резерв может образоваться между 13 и 15 апреля", продолжает в той же телеграмме ген. Радко-Дмитриев, „пока же сегодня Змигроде ночует Херсонский полк; 5 апреля он будет в Мезо-Лаборч и сменит Елецкий полк, который 7 апреля прибудет в Змигрод; к 7-му же числу в Змигрод притягиваю с Дунайца и Тираспольский полк; таким образом требуемый резерв в одну бригаду будет собран 7 апреля". Итак, ясно, что главную заботу ген. Радко-Дмитриева все-таки составляет образование резерва за левым крылом армии, на Мезо-Лаборчском направлении; резерв в одну бригаду около Змигрода за центром будет собран 7 апреля, лишь во исполнение приказа Главнокомандующего. В той же телеграмме ген. Радко-Дмитриев продолжает: „считаю долгом доложить, что к 15 апреля общий резерв армии в Дукле будет состоять из 81-й пополненной дивизии; стрелковую дивизию после развертывания придется

на первое время оставить в районе Мезо-Лаборч—Лупков, так как двух дивизий XXI к-са считаю недостаточным. Что относится до 70-й пехотной дивизии, то полагаю, что ее надо оставить на Бяла и Дунайце, дабы чрезмерно не ослабить наш западный фронт, откуда можно ожидать если не решительного наступления, то весьма серьезную диверсию, могущую нас поставить в весьма тяжелое положение. Вообще, фронт наш в 200 верст сильно растянут и выделить общий резерв более одной дивизии из наличных сил признаю не безопасным". Из этого последнего отрывка телеграммы № 955 нетрудно усмотреть,—что и ген. Радко-Дмитриев порою считается с возможностью удара с запада, но при этом он не допускает мысли о решительной атаке противника с этого направления; он крепко убедил себя в том, что решительные действия противника непременно последуют против левого крыла 3-й армии.

Эта телеграмма № 954 вызвала ответную телеграмму г.-а. Иванова того-же 4 апреля за № 4906 [44]). „Мною было предъявлено требование образовать резерв в районе Дукла—Змигород, при чем срок для выполнения этого требования не был установлен, а образование резерва было обусловлено возвращением Острожского полка, укреплением позиции и пополнением потерь. Что касается вывода стрелков из района Мезо-Лаборч и снятия с позиции 70-й дивизии, то подобного вопроса не возбуждалось и в районе Мезо-Лаборча предполагалось даже, что оставите 81-ю дивизию, объединив ее со стрелками в особый корпус и выведете только бригаду 58-й дивизии в резерв. Это собщаю вам в форме предложения... Ослабление вашего западного фронта конечно делать не следует и этого я не предполагал". Эта телеграмма заканчивается поучением: „прошу также принять самые настойчивые и решительные меры для поднятия уровня стрелковой и тактической подготовки ополченцев и их офицеров", будто для такой подготовки имелась какая-то возможность; будто решительные действия противника ожидались по крайней мере через несколько месяцев!...

Если сравнить две телеграммы: г.-а. Иванова № 4836 и ген. Радко-Дмитриева № 954, то нетрудно убедиться в следующих особенностях этих документов: г.-а. Иванов, остановившийся на ожидании решительных действий противника на Мезо-Лаборчском направлении, начал опасаться и за направление со стороны Кракова; он указывает ген. Радко-Дмитриеву на необходимость иметь резерв и на этом направлении, не входя в рассуждение о действительной возможности сосредоточения такого резерва; ген. Радко-Дмитриев—все свое внимание отдал Мезо-Лаборчскому направлению,

как главному направлению; для него мысль о резерве в районе Дукла—Змигород равносильна признанию Краковского направления главным, взамен Мезо-Лаборчского; но эта мысль у него выражается как-то неуверенно, потому что все-таки он приходит к выводу, что, пожалуй, возможно иметь резерв на обоих направлениях. Эти документы подтверждают, что г.-а. Иванов в это время стремился лишь к тому, чтобы заявить подчиненному генералу об угрожающей его армии новой опасности и тем предохранить себя от возможности обвинения в недостаточной предусмотрительности. Ген. Радко-Дмитриев как будто склонен мыслить стратегически и тактически; но склонность не вступать в споры с начальством побеждает у него свободу мысли полководца. Если бы такой склонности не было, то, можно думать, г. Радко-Дмитриев более вдумчиво отнесся бы к идее сосредоточения резерва на Краковском направлении и, может быть, сумел бы перевоспитать свои мысли в духе признания того, что уже 4 апреля для него главным направлением было именно Краковское направление, а вовсе не Мезо-Лаборское. Но увы! способность подчиняться начальству доходила у него до способности предпочитать взгляды начальства более глубоким стратегическим и тактическим соображениям. Свободное, как ветер, военное искусство, обратилось у ген. Радко-Дмитриева в изыскание способов удовлетворения не только требованиям, но даже „предложениям н-ка штаба фронта, выраженным как будто от лица Главнокомандующего". А между тем как раз в эти дни наступали последние минуты, когда, поняв значение возможности удара со стороны Кракова, и полное несоответствие сил и расположения 3-й армии для противодействия этому удару,—ген. Радко-Дмитриев еще мог до некоторой степени повлиять даже на общее положение армий Ю.-. фронта, если бы подал в решительной форме мысль о необходимости оттянуть войска с Карпат в Галицийскую равнину.

Отходом с Карпат в Галицийскую равнину нарушилась бы цельность операции противника против Юго-Западного фронта и даже в крайнем случае, т.-е. при оттягивании назад 3-й армии с Дунайца и Бяла, русские лишились бы только Западной Галиции. Этим только укрепилось бы общее стратегическое положение русской армии, без нужды и без меры ослабленное пагубным замыслом Карпатского похода. В тактическом отношении—сосредоточение руссих сил в Восточной Галиции при условии необходимости для противника или оставаться в Карпатах, или спускаться под огнем в Галицийскую равнину,—давало бы неоспоримые преимущества армиям Юго-Западного фронта, исстрадавшимся и тяжелой борьбе с суровой Карпатской природой в зимнее время.

5 апреля 1915 г. В ночь на 5 апреля противник в некоторых местах обстреливал расположение наших войск на Дунайце и Бяла беспорядочным ружейным и артиллерийским огнем. На южном фронте 3-й армии, откуда ген. Радко-Дмитриев ожидал решительную атаку,—противник обстреливал артиллерийским огнем XXIV корпус, 19-ю дивизию и левый фланг XXIX корпуса [45]).

Втечение дня 5 апреля—обычная перестрелка и мелкие столкновения между разведывательными партиями [46]).

Расположение сил 3-й армии, в общем, то же самое, что и 4 апреля; 131-й пех. Тираспольский полк (33-я пех. дивиз.) на походе к Змигрод (на юг); ночлег в Бржосток; 130-й пех. Херсонский полк (33-я пех. дивиз.) движется в Мезо-Лаборч (на юг); 3-я Кавказская казачья дивизия выделена из состава XXIV к-са в распоряжение к-щего армией и переходит в район Фриштак—Ржешув; ее участок позиции занят 2 батальонами 176-го пех. Переволоченского полка (44-й пех. дивиз.)—из резерва XXIV к-са; 25-я ополченская бригада сосредоточилась в Тарнове [47]).

6 апреля 1915 г. Вероятно, под влиянием происходившего в 8-й армии г.-а. Иванов отдал распоряжение ген. Радко-Дмитриеву о сосредоточении резерва на левом фланге 3-й армии, в районе Воля-Михова—Цисна; в ответ на это распоряжение ген. Радко-Дмитриев отправил 6 апреля следующую телеграмму за № 976: „4932 сегодня вечером Мезо-Лаборч прибывает Херсонской полк, который должен был сменить Елецкий полк. Ввиду вашего приказания сделал распоряжение оставить оба полка районе Мезо-Лаборч, сменив два полка 58-й пехотной дивизии. Оба эти полка могут смениться только завтра (7 апреля) к вечеру и сейчас же будут направлены район Воля-Михова—Цисна. Ускорить смену нет никакой возможности. Считаю долгом при этом доложить, что с отправкой этих двух полков я лишен возможности собрать проектированный резерв в одну бригаду районе Змигрода, вследствие чего наше положение сильно ослабляется, тем более, что пополнения идут очень медленно и части сильно поредели 976“ [48]). На этой телеграмме имеется следующая справка, написанная собственноручно генерал-квартирмейстером штаба Ю.-З. фронта ген. Дитерихсом: „Отправка бригады сделана только ввиду тяжелого положения VIII корпуса. Если бы это прекратилось, полагаю можно даже отменить отправку бригады и вернуться к прежнему проекту по ее сбору в Дукла-Змигрод“. На той же телеграмме имеется резолюция г.-а. Иванова: „III Кавказский корпус все таки должен собраться весь. Третья армия предполагала выполнить операцию в том составе, который она имела около 1 марта, т.-е. без 81-й дивизии и четырех ополченных бригад, которые

освободили на правом фланге (на Дунайце и вблизи Тарнова) бригаду пехоты и кавалерийскую дивизию".

Таким образом, на 3-ю армию кроме сосредоточения сил у Мезо-Лаборч и образования резерва у Дукла-Змигрод, Гл-щий внезапно возложил новую задачу—сосредоточить бригаду в резерве у Воля-Михова—Цисна, не отменив образование резерва у Дукла—Змигрод.

По мысли ген. Дитерихса (генерал-квартирмейстер штаба Юго-Зап. фронта)—резерв у Воля-Михова—Цисна образовывался взамен резерва у Дукла—Змигрод; по мысли г.-а. Иванова 3-я армия могла выполнить это сосредоточение резерва, не отменяя образование резерва у Дукла—Змигрод. Ясно, что в то время, когда г.-а. Иванов не решался ослабить расположение 3-й армии на Дунайце и Бяла,—отменой сосредоточения резерва у Дукла,—ген. Дитерихс не придавал серьезного значения угрозе со стороны Кракова и был, как видно, вдохновителем идеи сосредоточения сил на Мезо-Лаборчском направлении, вполне поддавшись впечатлениям демонстративных атак противника на наш VIII к-с. Ген. Радко-Дмитриев 6 апреля, как будто, более глубоко вдумался в значение участка расположения 3-й армии по Дунайцу и Бяла и дошел до убеждения, что при отсутствии резерва в районе Дукла—Змигород „наше положение сильно ослабляется". Правда, г.-а. Иванов в своей резолюции указал на необходимость сосредоточения всего III Кавказского к-са в районе Кросно за левым флангом расположения по Дунайцу и Бяла, вместо сосредоточения у Старе Место, но это сосредоточение могло осуществиться еще не так скоро, как того требовала обстановка. Таким образом, г.-а. Иванов 6 апреля 1915 г. не имел вполне определенного представления о первостепенном значении участка 3-й армии по Дунайцу и Бяла; в то же время у ген. Радко-Дмитриева уже зародились опасения за слабость нашего расположения именно на этом участке.

Того же 6 апреля 1915 г. в 1 час дня к-щий 3-й армией отдал приказ армии, который начинается словами: „Гл-щий признал необходимым временно задержать наше продвижение вперед и в ожидании прибытия подкреплений и укомплектований вверенной мне армии прочно утвердиться на ныне занимаемом расположении, для чего приказываю и т. д. [49]) На этом приказе, переданном в штаб главнокомандующего—г.-а. Иванов положил резолюцию: „Пожелал задержать не Гл-щий, а 3-я армия сама была вынуждена остановиться и остановилась, едва задержав противника и не будучи даже в состоянии продвинуться вперед для надлежащего обеспечения правого фланга 8 (восьмой) армии". Из сравнения этих двух изложений причин одного и того же события (остановки 3-й армии) ясно, что 3-я армия встретила достаточно сильное сопротивление и вынуждана была остановиться. По своему

содержанию этот приказ 6 апреля, переданный телеграммой № 988 в штаб Гл-щего, а также в штабы 4-й и 8-й армий, устанавливает: „IX к-су, в составе шести полков 5-й и 42-й дивизий с их артиллерией, всей 70-й дивизии, пяти бригадам ополчения, седьмой кавалерийской дивизии и одной артиллерийской бригады XXI корпуса, под общим начальством ген. Драгомирова,—продолжать надежно занимать право-фланговый участок армии от устья Дунайца до высоты четыреста пять севернее селения Оструша". Войска X, XXIV, XII и XXIX корпусов этим приказом оставлены на тех же участках, которые они заняли к 6 апреля; XXI корпусу в составе 129-го, 130-го и 131-го, 173-го и 175-го, 19-го полков и одной артиллерийской бригады этого к-са, дивизиона 58-й арт. бриг. и батареи 2-го горного дивизиона, под начальством ген. Шкинского, прочно занимать участок от левого фланга XII к-са на русле реки Лаборч—по линии высот 407—564—469 до высоты 766 на главном Бескидском гребне исключительно; Штаб к-са Мезо-Лаборч".

Таким образом, XXI к-с с 10 апреля уже бесповоротно втягивался в Карпаты, на Мезо-Лаборчское направление; следовательно, обеспечение правого фланга и тыла всей Карпатской группы, т.-е. войск Ю.-З. фронта, втянувшихся уже в Карпаты, ложилось на IX и X к-са растянутые от р. Вислы до предгорий Карпат, всего на протяжении около 90 верст. Перемещения, вводимые этим приказом, должны быть закончены к часу дня 10 апреля 1915 года [50]). В общем, приказ 6 апреля как-бы подтверждал сосредоточение наибольших сил 3-й армии в ее левом крыле, на протяжении 80 верст, устремляющем свои усилия за Карпаты, т.-е. в юго-западном и отчасти южном направлении, и оставление меньших сил в составе правого крыла 3-й армии (на протяжении 90 верст) с направлением на запад.

Оставление в армейском резерве: 33-го полка—в Змигроде и бригады 81-й дивизии в районе Яслиска—подтверждает скорее идею сосредоточения превосходных сил в левом крыле армии, чем ясное представление К-щего армией о важном значении для всей Карпатской операции правого крыла 3-й армии, растянутого вдоль Дунайца и Бяла.

Ночь на 6 апреля [51]) на западном фронте армии прошла спокойно; на южном фронте армии, артиллерия противника обстреливала весь фронт XXIV и левый фланг XXIX корпусов; в участке XXIX к-са противник открывал ружейный огонь по высоте 805, занятой 132-м полком, после которого противник пытался захватить высоту западнее 805, но был отбит; с вечера 5 апреля противник пытался атаковать высоту 480 в расположении 19-й дивизии.

В течение дня 6 апреля [52])—интенсивный артиллерийский огонь по правому флангу расположения X к-са (31-я дивизия)

и по левому флангу XXIX к-са; наша артиллерия действовала удачно по артиллерии противника, расположенной против участков X и XXIV к-сов. С наблюдательного пункта X к-са замечено прибытие на ст. Шалова (Воля) поезда, из которого высадился батальон австрийцев, двинувшийся в направлении расположения нашей 31-й дивизии (122-го полка); другая неприятельская пехотная колонна была замечена в движении с юго-востока в направлении на Горлице.

К вечеру 6 апреля [53])—четыре дружины 26-й ополч. бригады вошли в состав IX к-са, две дружины—в распоряжение К-щего армией—в Тарнове; таким образом, в составе IX к-са—24 батал. (6 полков) действующих и 22 дружины ополчения, а в прочих к-сах 3-й армии — ни одной дружины ополчения.

7 апреля 1915 г. ген. Радко-Дмитриев телеграфировал г.-а. Иванову за № 1008 [54]): „ввиду наступившего затишья в 8-й армии и упрочнения ее положения, а также ввиду попыток противника сбросить наш крайний левый фланг с Бескид, которые защищаются сильно поредевшими стрелками и роменцами, прошу взятую в ваше распоряжение бригаду 58-й дивизии расположить целиком в районе Воля-Михова с тем, чтобы до укомплектования частей 44-й дивизии и 3-й стр. бригады я бы мог пользоваться этими двумя полками в виде резерва за моим левым флангом. Находясь там они могут в случае надобности поддержать и действия VIII к-са. Сегодня к вечеру полки этой бригады сосредоточены у ст. Команча для следования завтра утром к Воля-Михова". Эта просьба вызвала у г.-а. Иванова такое замечание: „С начала марта по настоящее время против фронта 3-й армии противник усилился двумя полными или неполными германскими дивизиями; третья армия получила 81-ю пех. дивизию и пять ополченских бригад, которые в общем освободили на Дунайце около дивизии. Не имея этих войск, ген. Радко-Дмитриев настойчиво уверял о том, что явилась возможность разбить противника, отбросить его за Карпаты до Гуменного включительно. Это настойчивое его ходатайство, относительно наступления, получило удовлетворение, а ныне, получив означенные выше части, не может даже удержаться на укрепленной позиции и просит подкреплений" [54]). Телеграмма эта с резолюцией г.-а. Иванова характерна для ген. Радко-Дмитриева, но она вместе с тем ярко вырисовывает оперативные мысли и г.-а. Иванова, который телеграммой 8 апреля 1915 г. № 5101 [55]) предоставил бригаду 58-й дивизии в распоряжение к-щего 8-й армией, обязав его, под влиянием местной атаки уже отбитой в ночь с 6 на 7—132-м полком,—поддержать части XXIX к-са. Значение резерва в отношении всей 3-й армии было совершенно забыто; резерв этот втягивался в Карпаты.

В ночь с 6 на 7 апреля 1915 г. противник предпринял атаку в расположении X и XXIX к-сов [56]). В районе X к-са был атакован участок 61-й и правый фланг 9-й дивизии в 4 час. 30 мин. ночи силами около пяти б-нов австрийцев; эта атака была отбита артиллерийским, ружейным и пулеметным огнем; к 5 час. 30 мин. наступавший противник был окончательно отброшен. Наши войска были предупреждены об этой атаке перебежчиком. В районе XXIX к-са атакован был крайний левый фланг, участок 132-го полка; противник всю ночь подготовлял атаку огнем и сосредоточивался против высоты 805. Около полуночи колонна силою около полка австрийцев двинулась в атаку; атака была отбита ружейным и пулеметным огнем 132-го полка, но противник укрылся в складках местности, вновь стал накапливаться и постепенно приближаться к нашим окопам; его артиллерия энергично обстреливала высоту 805; под прикрытием огня австрийцы с диким ревом бросились в атаку, но вынуждены были остановиться и залегли в 40 шагах от наших окопов, перед проволочными заграждениями. В 3 часа ночи австрийцы, вновь накопившись под прикрытием темноты, с криками бросились в атаку; и эта атака была отбита выдержанным и губительным огнем 132-го полка; перед самым ударом в штыки австрийцы побежали обратно, оставив много трупов.

Таким образом, в ночь с 6 на 7 наметились два направления атаки со стороны противника: на участок X и на участок XXIX к-са, на крайний левый фланг последнего. Надлежало решить: которое из этих двух направлений атаки могло быть избрано противником для демонстративной атаки и которое—для действительной?

Дальнейшие события дадут вполне определенный ответ на этот существенный вопрос.

8 апреля 1915 г. Ночь с 7 на 8 прошла спокойно; местами редкий артиллерийский и ружейный огонь со стороны противника [57]).

В течение дня особенно сильно обстреливались огнем тяжелой артиллерии противника селения Зборо и Черна, в районе XXIV к-са, и высота 805, занятая 132-м полком, в районе XXIX к-са [57]).

8 апреля бригада 58-й дивизии согласно распоряжения Гл-щего Ю.-З. фронта [55]) перешла в состав 8-й армии, т.-е. этот резерв фронта направлялся в Карпаты [58]).

9 апреля 1915 г. Ночь с 8 на 9 прошла спокойно. В течение дня 9 апреля никаких боевых столкновений на фронте 3-й армии не происходило [59]).

10 апреля 1915 г. Ночью с 9 на 10 местами редкий артиллерийский огонь противника; на участке 19-й дивизии (XII к-са) пехота противника пробовала подходить к нашим

окопам, но была отброшена нашим ружейным огнем. Днем тяжелая артиллерия противника обстреливала тыл X к-са [60]).

Силы и подробное расположение частей 3-й армии к вечеру 10 апреля 1915 г.). К вечеру 10 апреля во исполнение приказа 6 апреля части 3-й армии расположены следующим образом [61]):

Штаб 3-й армии — Ясло.

IX корпус. Штаб к-са — Тарнов.

7-я кав. дивизия, 3 полка 5-й пех. дивизии, 3 полка 42-й пех. дивиз., 70-я пех. дивизия; 81-я, 21-я, 26-я, 27-я ополч. бриг. и 4 друж. 25-й ополч. бригады.	От устья р. Дунаец, Добрувка, Ржухова, Яновице, Громник, Ржепеник, имея 2 полка 5-й пех. дивизии на левом берегу р. Дунаец.

X корпус. Штаб к-са — Шержины.

31-я пех. дивиз., 61-я пех. дивиз., 3 полка 9-й пех. дивиз.	Туржа, Сташковка, Ошанка, Горлице, Сенково, Маластув, Петна, Ваница, Крива.

XXIV корпус. Штаб к-са — Граб.

3 полка 49-й пех. див., 48-я пех. дивиз., 1 полк (Переволоченский) 44-й пех. дивиз.	Воловое, Крива, Здыня, Регетов, Стебник, Зборо, Чарна, Куримка, Чернина.

XII корпус. Штаб к-са — Дукла.

12-я Сибирск. дивиз., 12-я пех. дивиз. 19-я пех. дивиз., 3-я Донск. каз. дивизия.	Рона, Липова, Радома, Шандал, Стропко, Сальник, Репею, Шуко.

XXI корпус. Штаб к-са — Мезо-Лаборч.

3 полка 33-й пех. дивиз., 1 полк (Каменецкий) 44-й пех. дивиз., 1 полк (Костромской) 5-й пех. дивизии.	Лаборч, Рева, Шабахаза, высота 608, высота 795, Лупков.

XXIX корпус. Штаб к-са — ст. Команча.

Бригада 81-й пех. дивиз., 3-я стрелковая бригада, 1 полк, (Батуринский) 44-й пех. дивизии, 1 полк (Бендерский) 33-й пех. дивиз.	Зубеско, высота 811, высота 909, высота 805, Баланица.

*) Боевые расписания 3-й армии в архивах найти не удалось.

Кроме того: 1 полк (Елецкий) 9-й пех. дивиз. Переходит в Змигород.

Бригада 81-й пех. дивизии.	Яслиска.
Конный корпус (шт. корп. Кросно).	Кросно-Риманув.
3-я Кавказская каз. дивизия.	Ржешув.

Таким образом, все армейские резервы расположены за левым (Карпатским) крылом армии и только 3-я Кавказская каз. дивизия (Ржешув) в одинаковой мере—как за правым, так и за левым ее крылом.

11 апреля 1915 г. В ночь с 10 на 11 противник обстреливал артиллерийским огнем с. Бенишавице на Нижн. Дунайце (IX к-с), высоту 402 к Ю.-В. от Любча (IX к-с), селения Зборо и Быхаро (XXIV к-с).

В районе 61-й дивиз. (X к-с), около 12 час. ночи, около батальона противника повели атаку, отбитую нашим ружейным и пулеметным огнем; около двух рот противника и несколько разведывательных партий пытались наступать в районе 12-й Сиб. и 12-й пех. дивизий (XII к-с); наступающие части были отбиты нашим ружейным и пулеметным огнем [62]).

Днем 11 апреля противник обстреливал артиллерийским огнем участок, занятый ополченскими бригадами (IX к-с), а именно селения Окренч, Садлишовице, Отфинова, район Любча [62]). Обращает на себя внимание, что противник, обстреливая ополченские части, очевидно, знал их расположение и, считая их менее устойчивыми, своим огнем давил на их психику, т.-е. стремился еще более понизить их боеспособность.

12 апреля 1915 г. Ночью с 11 на 12 противник обстреливал сильным артиллерийским огнем участки XXI и XXIX к-сов, в том числе и высоту 805; в районе XII к-са противник обстреливал железную дорогу и пытался отдельными партиям подойти к нашим окопам, но был отбит [63]). Втечение дня 12 апреля противник обстреливал редким артиллерийским огнем участки IX и X к-сов; наиболее сильно обстреливались участки: левый фланг XII к-са, XXI к-са, и правый фланг XXIX к-са (Мезо-Лаборчское направление). Замечено было, что противник рекогносцирует участок нашего X к-са; в течение дня над нашим расположением часто появлялись аэропланы [63]).

3-я Донская дивизия выбыла из состава XII к-са в распоряжение Командующего армией и направлена в Змигород, в XII к-с направлен 17-й Гусарский полк из состава Конного к-са.

С 10 апреля в Дембице (за участком IX к са) высаживается 63-я пех. дивизия [63]).

13 апреля 1915 г. Телеграммой за № 1060, от 13 апреля 1915 г. Н-к штаба 3-й армии сообщил Н-ку штаба Ю.-З. фронта, что за 11 и 12 апреля выясняются „признаки перегруппировки неприятельских сил имеющих повидимому конечною своею целью сосредоточение их районе Новый-Сандец—Ценшковице—Грибов для перехода в наступление на Горлице“ [63]). Особенно повторяются указания на прибытие каких-то германских полков к Сандецу, может быть из состава 47-й дивизии против Тарнова. Имеются повторные показания пленных о предполагаемом наступлении австрийцев, которые будут поддержаны германцами. Указывается срок наступления на 15 апреля [63]).

Эти сведения, сообщенные штабом 3-й армии Н-ку штаба Главнокомандующего Ю.-З. фр., носят вполне определенный характер и устанавливают, что направление на Горлице является уже наиболее вероятным для атаки со стороны австрийцев, поддержка которых германцами допускается, но только путем прибытия германских частей с соседнего участка (против Тарнова); о возможности выдвижения германских частей из глубины расположения противника пока нет и речи. Если с этими сведениями сопоставить то, что на Мезо-Лаборчском направлении противник проявил себя главным образом артиллерийским огнем по нашему расположению, то в этом сопоставлении заключается весьма серьезное сомнение в том, что противник будто бы предполагает вести атаку на Мезо-Лаборчском направлении, к которому было приковано в это время внимание Главнокомандующего фронтом и Командующего 3-й армией.

Сообщая признаки возможности атаки на Горлице (X к-с), н-к штаба 3-й армии в той же телеграмме № 1060 добавляет: „Командующий армией имеет в виду случае надобности поддержать X к-с резервом, выделяемым IX к-сом из состава 70-й дивизии, частями прибывающей 63-й пех. дивизии, Елецким полком (у Змигрода). Тою же целью, если понадобится, бригада 81-й пех. дивизии будет передвинута из Яслиска двумя переходами Змигрод. Наконец, будут использованы три кавалерийские дивизии, коими может быть отчасти можно будет сменить некоторое число батальонов на менее угрожаемых участках“ [63]). Такого рода сосредоточение сил, втечение трех суток, за участком X к-са соответствовало бы незначительному напору противника, не вызывающему мощной поддержки с нашей стороны; но Командующий 3-й армией не имел никаких оснований считать ожидаемый удар противника стремительным и сильным, равно как и вялым, нерешительным. Причина этому—отсутствие глубокой стратегической разведки и ограничение разведывательной работы только войсковою разведкою перед фронтом занятых войсками участков. Если

бы наша разведка в это время углубилась хотя бы на 50—60 верст в сторону противника, то предположения о вероятных действиях противника несомненно получили бы совершенно иной характер. Всегда было и будет, что только сочетание результатов глубокой стратегической разведки с данными войсковой разведки,—дает основание к достаточно точным заключениям о вероятных действиях противника. Совершенно очевидно, что Главнокомандующий Ю.-З. фронта не имел глубокой разведки; ясно, что не оргинизовал ее в свое время и Командующий 3-й армией.

Ночь с 12 на 13 прошла спокойно; около 6 час. утра около двух батальонов противника пытались наступать на участок 19-й пех. дивизии (XII к-с), на высоту 480, но были отбиты нашим ружейным огнем; правый фланг XXI к-са обстреливался сильным артиллерийским огнем противника.

Втечение 13 апреля 63-я пех. дивизия сосредоточилась в районе Ясло-Бржосток [64]).

14 апреля 1915 г. Ночью с 13 на 14 редкий артил. огонь противника. Втечение дня артиллерийский огонь, довольно сильный по центру IX к-са, по правому флангу XXI к-са и по центру XXIX к-са. В районе Шалов, против центра X к-са была замечена группа н-ков противника, производивших разведку нашего расположения [65]). Бригада 81-й пех. дивизии переходит Змигрод (из Яслиска); 1 полк (Елецкий) 9-й пех. дивизии передан X к-су; 1 полк (Дунайский) 63-й пех. дивизии направлен в Биеч (в X к-с), прочие полки 63-й пех. дивизии—в Ясло и Бржосток [65]). Из этого видно, что 14 апреля Командующий 3-й армии стягивает резервы к X к-су, а именно: у Змигрод—8 батал., у Ясло—4 батал., у Бржосток—8 батал. (всего 20 батал.).

15 апреля 1915 г. Втечение 15 апреля сосредоточение армейских резервов продолжается: 3-я Донская дивизия, взятая из XII к-са, направляется в район Кросно-Едличе [66]). Командующий 3-й армией интересуется—усилены ли ополченские части IX к-са артиллерией других к-сов? [66]) Втечение ночи с 14 на 15—редкий артиллерийский огонь противника; на фронте X к-са захвачены пленные германцы, по показаниям которых один германский полк—у Ценжковице и два германских полка южнее Горлице—против нашей 9-й пех. дивизии.

Днем 15 апреля сильный артиллерийский огонь противника по участкам IX и X корпусов, особенно по расположению 5-й пех. дивизии (IX к-са); против участка IX к-са замечены передвижения небольших частей противника в южном направлении. Итак, 15 апреля Командующий 3-й армией, ген. Радко-Дмитриев, утвердился в сознани, что противник намерен атаковать 3-ю армию на участке X к-са. Однако, из архивных дел нельзя установить—какой план действий имел

в виду ген. Радко-Дмитриев на случай этой атаки. Сосредоточение армейских резервов за участком X к-са, так сказать, создание какой-то второй оборонительной линии: Бржосток—Ясло—Змигрод—позволяет думать, что никаких маневренных соображений у Командующего армией не было и, видимо, он настолько сроднился с положением вверенной ему армии, как пассивно обороняющейся, что все меры на случай атаки у него сводились к поддержанию передовых к-сов с тылу, как это, обыкновенно, бывает в батальонном или ротном участке, где нет возможности задумывать какие-либо маневры, кроме выдвижения частей из резерва в боевые участки, или отхода боевых участков под прикрытием резева, занявшего в тылу опорные пункты. Имевшее место сосредоточение резервов за участком X к-са, к 15 апреля, не дает оснований подозревать замысел какого-либо армейского маневра...

16 апреля 1915 г. В ночь с 15 на 16 около двух батальонов противника, разрозненными группами, пытались приблизиться к расположению частей 9-й пех. дивизии (левый фл. X к-са); это наступление было встречено нашим артиллерийским огнем; противник несколько отошел и окопался. По мнению н-ка штаба 3-й армии, это были разведывательные группы противника; вернее—это были части обозначившие своими окопами фронт исходного положения для предстоящей атаки. С утра 16 апреля противник производил интенсивную разведку расположения IX и X к-сов; около 6 час. утра на Ясло (Штаб армии) был налет 7—9 самолетов, сбросивших около 50 бомб, недостигших, однако, каких-либо существенных результатов [67]).

Втечение дня сильный артиллерийский огонь противника по участку IX к-са; части 9-й пех. дивизии (X к-с) старались выбить противника, выдвинувшегося ночью и окопавшегося: частью удалось выбить, частью противник удержался в своих окопах. На участках прочих корпусов (XXIV, XII, XXI, XXIX)—спокойно, только в XXI к-се противник сильно обстреливал высоты 515—608 [67]).

Армейский резерв сосредоточивается следующим образом:

Бригада 81-й пех. дивизии 8 батал. . . .	Змигрод.
Три полка 63-й пех. див. 12 „ . .	к западу от Ясло.
3-я Донская каз. див.	Дембовец—Осек.

Иначе говоря, армейский резерв сосредоточен за левым крылом X к-са.

Конный корпус — по прежнему

остается	Кросно—Риманув.
3-я Кавказ. казачья див. по прежнему	Ржешув.

17 апреля 1915 г. Ночь с 16 на 17 прошла спокойно. Втечение дня 17 апреля противник обстреливал сильным артиллерийским огнем расположение Луцкого полка (IX к-с) и 31-й пех. див. (правый фл. X к-са). Перед фронтом X к-са обнаружена германская пехота.

19-й пех. Костромской полк (5-й пех. див.) переведен в Ясло с участка XXI к-са—в резерв К-щего армией.

Из конного к-са 2-я каз. св. див. направлена в Дембицу (в район IX к-са). 167-й пех. Острожский полк (42-й пех. див.) направлен в Ясло из Луцкова (с участка XXIX к-са [68]).

Следовательно, и 17 апреля резерв К-щего армией сосредоточивался за X к-сом; его расположение не позволяет, однако, иметь суждение о том—какой маневр имел в виду К-щий армией на случай атаки противника на участке X к-са, в направление на Горлице, как о том сообщил н-к штаба 3-й армии н-ку штаба Гл-щего Ю.-З. фронта телеграммой 13 апреля 1915 г. № 1060.

18 апреля 1915 г. В ночь с 17 на 18 около 4 полков австрийцев перешли в наступление против участка 31-й пех. дивизии (X к-с); наступление остановлено нашим огнем; противник залег в 500 — 600 шагах от наших стрелковых позиций; ввиду этого резервы X к-са подтянуты к району 31-й пех. дивизии, т.-е. к его правому крылу. Для придания устойчивости центру X к-са, т.-е. 61-й пех. дивизии, развернутой на Горлицком направлении, К-щий 3-й армией просил Гл-щего Ю.-З. фронтом передать в его распоряжение 63-ю пех. дивизию, на что и получил согласие, выраженное телеграммой № 5563, от 18 апреля 1915 г. [69]). Один из полков этой дивизии ген. Радко-Дмитриев предположил передать в распоряжение к-ра X к-са. Итак, уже 18 апреля началось расходование армейского и корпусного резервов в разброд, на вливание их частей в боевые участки X к-са; следовательно, надо допустить, что в это время К-щий 3-й армией не замышлял никакого маневра своим резервом и представлял себе его назначение, как видно, исключительно в виде вливания по частям в те или иные боевые участки. По развитию боевых действий против участка X к-са в предыдущие дни вернее предположить, что в ночь с 17 на 18—четыре полка австрийцев наступали с целью создать исходное положение для решительного наступления в следующие дни, которое, видимо, должно было поддерживаться германскою пехотою, уже появившеюся против нашего X к-са из глубины. С нашей стороны это наступление было истолковано, как наступательная попытка австрийцев, остановленная нашим огнем... Против участка 9-й пех. дивизии (X к-с) противник усиливал окопы. На фронте IX к-са ночь с 17 на 18 прошла спокойно, в 7 час. утра 18-го тяжелая артиллерия противника, 12-дюймовая, открыла огонь по нашей мортирной батарее у с. Ко-

шице. Против участков XXIV, XII, XXI и XXIX к-сов противник действовал ночью редким огнем тяжелой и легкой артиллерии; местами наступал незначительными силами в 1—2 роты; все эти мелкие наступательные попытки были отбиты ружейным и пулеметным огнем.

Днем 18 апреля противник сильно обстреливал участок 42-й дивизии (IX к-с) огнем тяжелой артиллерии, особенно в районе Любче; на р. Дунаец противник спустил понтоны у с. Ольшины и направил их вниз по реке. Около 2 рот наступали на Любче, но были остановлены нашим огнем.

На участке X к-са — сильный огонь по расположению 31-й дивизии.

К вечеру — сильный огонь по участку 61-й пех. дивизии (центр X к-са). С наступлением темноты около четырех полков противника перешли в наступление против 31-й дивизии. С 9 часов вечера противник развил сильный артиллерийский и ружейный огонь по расположению 9-й пех. дивизии. Итак, 18 апреля весь участок X к-са подвергся интенсивному огню тяжелой и легкой артиллерии; видимо, противник начал артиллерийскую подготовку к наступлению, признаки которого были установлены 13 апреля.

На участке XXIV к-са сильный артиллерийский огонь по правому участку (49-я дивизия), смежному с X к-сом, и сравнительно редкий огонь по участку 48-й дивизии, однако, усилившийся к вечеру. На участках XII, XXI и XXIX к-сов обычный артиллерийский и ружейный огонь, наиболее оживленный по расположению 12-й Сиб. дивизии (XII к-с) и 33-й див. (XXI к-с).

19-й пех. и 167-й пех. полки, состоящие в армейском резерве у Ясло, переведены в Ольпины—Ольшины на правый фланг X к-са; следовательно, расходование армейского резерва продолжалось опять в разброд, по участкам X к-са; это окончательно убеждает в том, что никакого маневра ударной группы не было в плане предстоящих действий К-щего 3-й армией; можно даже допустить, что, вообще, у ген. Радко-Дмитриева и его штаба в это время не было никакого обще-армейского плана действий и что резерв направлялся туда, где противник так или иначе нажимал, хотя может быть и демонстративно. Из конного к-са 2-я казач. сводная дивизия направлена в Радомысль, т.-е. за правое крыло IX к-са. Надо полагать, что это новое раздергивание резерва было вызвано телеграммой н-ка штаба Гл-щего Ю.-З. фронта ген. Драгомирова, от 18 апреля 1915 г. № 5567: „Благоволите сообщить как расположены на позиции ополченские бригады, сплошными участками или в перемежку с регулярными войсками, хотя бы даже спешенной кавалерией, как требовалось в свое время Главнокомандующим“. Однако,

едва-ли было своевременно теперь заботиться об устойчивости ополченских бригад в ущерб необходимости развития контр-маневра армейского резерва для противодействия явно обнаружившемуся намерению противника атаковать наш X к-с. Того же 18 апреля два полка 63-й пех. дивизии направлены в Биеч, т.-е. в район X к-са на Горлицкое направление, и два полка оставлены у Ясло, в распоряжении К-щего армией [70]).

Итак, армейский резерв неизменно распределяется по боевым участкам X к-са, вероятно, в надежде, что усиление боевых участков задержит наступление противника, приступившего к исполнению плана активных действий, представлявшегося н-ку штаба 3-й армии еще 13 апреля в виде решительного удара с главным направлением на Горлице.

Заключение о боевых действиях с 1/14 апреля по 18 апреля/1 мая 1915 г. Усиленная рекогносцировка и демонстрация. Втечение всего периода, с 1 по 18 апреля 1915 г. включительно, с поразительною ясностью происходят два сопряженных между собою действия противника:

1—нажим на Мезо-Лаборчском направлении постепенно затихает и обращается в обычный слабый обстрел нашего расположения.

2—слабый обстрел IX и X корпусов постепенно развивается и дополняется выдвижением частей противника из глубины его маневренной зоны в исходное положение для атаки; затем—обстрел усиливается и обращается в артиллерийскую подготовку предстоящей атаки, вслед за которой наступает и самая атака правого крыла 3-й армии.

Таким образом, планомерно постепенно затихают демонстративные действия, достигнувшие своей цели отвлечения внимания к Мезо-Лаборчскому направлению и планомерно развивается наступление из глубины для атаки правого крыла 3-й армии с главным направлением на Горлице.

Такая сопряженность действий на двух указанных направлениях остается незамеченной ни Гл-щим Ю.-З. фронта, ни К-щим 3-й армией: их внимание остается прикованным к Мезо-Лаборчскому направлению. Только под влиянием наступления германцев на участок X корпуса, т.-е. под влиянием опасения за устойчивость этого участка, К-щий 3-й армией стягивает резервы к угрожаемому району и расходует их на усиление боевых участков X к-са вливанием по частям в эти участки.

Пассивная оборона без возможности перехода в наступление вследствие отсутствия ударной группы!!

Для 3-й армии назревало армейское сражение. Как же к нему готовился К-щий 3-й армией?

Вся подготовка заключалась в передвижении частей из резерва вдоль фронта и в усилении ими тех участков, где как-будто чувствовалась неустойчивость расположения, т.-е. расчет на удержание натиска противника стеною своего расположения. Правда, в это время уже наступил период сидения в окопах, т.-е. период, так называемой, позиционной войны, но это состояние для полководца с волей и талантом должно являться лишь состоянием временного выжидания с целью исполнения нового задуманного маневра, который, создав выгодное положение для наших сил,—должен закончиться разгромом сил противника. Был ли таким полководцем в это время ген. Радко-Дмитриев?!

В рассматриваемом случае маневр армий Ю.-З. фронта прежде всего требовал оттягивания некоторых корпусов со второстепенных направлений вглубь нашей маневренной зоны для образования ударной группы; предстоящий маневр требовал разработанного плана; необходима была основная идея, основной замысел предстоящей операции, — безразлично, предполагалась ли операция чисто-наступательного или сначала оборонительного характера — с переходом затем к достижению активных целей.

Обычно возражают, что маневр был невозможен, потому что в этот период войны части были слабо укомплектованы, мало было тяжелой артиллерии и чувствовался недостаток боевых припасов... Не возражая против этих фактов, часто выдвигаемых как бы в оправдание случившегося, приходится отметить, что наличие их менее всего говорит в пользу оправдания сидения в окопах и притом—слабо развитых, без достаточной разработки глубины расположения.

Маневр, искусно развиваемый, мог создать положения, выгодные для 3-й армии и менее выгодные для противника, а сидение в окопах при таких условиях неизбежно создавало явно невыгодное состояние для 3-й армии и наиболее выгодное—для противника, особенно если он подготовился к активным действиям.

Корпуса, 3-й армии сидевшие в это время в окопах, не подготовили и не разработали таких укрепленных полос, которые позволяли-бы надеяться на высокую степень затруднительности их прорыва;—их позиции были в это время обыкновенными, полевыми позициями, правда, несколько усиленными, но не представляющими из себя серьезной оборонительной системы; глубина расположения войск не была в достаточной мере разработана; система удержания укрепленных полос—войскам была мало известна...

Какая то слепая вера в силу сидения на месте приводила к безъидейному созданию из войск и окопов чего-то вроде китайской стены.

Уродливая боязнь движения (маневра) назад хотя бы некоторых частей не позволяла ни Гл-щему, ни К-щему армией выйти из скованного по фронту расположения сил и перейти к действиям группами.

Если признать, что г.-а. Иванов в это время уже не в силах был отказаться от принятого им способа действий, то почему же Верховный гл-щий не направил усилия армий Ю.-З. фронта к другим задачам, более соответствующим общей обстановке?

Не углубляясь в анализ всех причин, по которым Верховный гл-щий этого не сделал, остановим внимание сначала на одной из них, вполне определенно действовавшей в течение всего управления им действующей армией.

У Верховного гл-щего несомненно было развито в высокой степени предубеждение против какого-бы то ни было движения „назад" — крупных и даже незначительных сил. Стремление „вперед" и никогда „назад" — было доведено в его представлении до последней крайности.

Несомненно, что полководец, руководящийся стремлением всегда „вперед", является ценным для войны только в том случае, если он умеет провести это стремление в живой действительности; это соображение, в свою очередь, требует от полководца проявления такого умения и такой решимости, которые в интересах сохранения возможности движения „вперед" — совершенно свободно допускают и движение „назад", если оно необходимо для сохранения сил, перемены замысла операции по цели и направлению, вывода войск из боя и проч. У Верховного гл-щего, по всем признакам, было развито стремление „вперед — во что бы то ни стало" и притом не только в сфере тактических действий, но и в области крупных стратегических операций, из которых каждая всегда представляет собою комбинацию активных и пассивных замыслов, приводимых в исполнение войсковыми группами (армиями), а следовательно — комбинацию наступательных и отступательных движений крупных сил. Без этой гибкости недостижимо общее стремление „вперед", потому что одно только стремление „вперед во что бы то ни стало" всюду не осуществимо и часто приводит к уничтожению армии, т.-е. к полному уничтожению возможности дальнейшего движения „вперед", как это и случилось в Карпатской операции, явившейся началом конца активных действий для русской армии.

Какое же именно движение „назад" было упущено из виду Верховным главнокомандующим во время исполнения Карпатской операции?

С того времени, когда становилось очевидным появление крупных сил противника со стороны Кракова — положение

наших армий, втянувшихся в Карпатские проходы, с неукомплектованными частями, при наличии недостатка боевых припасов и тяжелой артиллерии, без крупных резервов, способных развить сильный удар в любом новом направлении,—поистине становилось критическим. Хотя вследствие отсутствия, или неуспешности, глубокой разведки опасность со стороны Кракова выяснилась для Ю.-З. фронта довольно поздно,—в виде донесений войсковой разведки о появлении германских полков перед фронтом 3-й армии и в виде донесения н-ка штаба 3-й армии, от 13 апреля 1915 г., о возможности перехода германцев в наступление из района Новый Сандец — Ценжковице — Грибов в направлении на Горлице, все-таки в распоряжении Ю.-З. фронта было несколько дней. Если бы 14 апреля 1915 г. корпуса Центральной Карпатской группы начали одновременный отход с Карпатских проходов в Галицийскую равнину; если бы, с того же числа, началось сосредоточение группы корпусов 3-й армии на участке, занятом IX и X корпусами (90 верст); если бы по мере подхода эти корпуса развертывались в исходное положение на случай наступления противника в направлении на Горлицу, имея достаточно сильную ударную группу (армейский резерв), то не могло бы быть и речи о катастрофическом состоянии не только во всем Ю.-З. фронте, но и в 3-й армии. Дебуширование противника из горных проходов в Галицийскую равнину, при наличии в ней наших армий, имеющих возможность маневрировать вдоль фронта,—представляло бы для противника совершенно новую задачу, едва ли исполнимую без солидной подготовки и без предварительного сосредоточения сил.

Наступление германцев со стороны Кракова обратилось бы только в удар по 3-й армии и притом в удар фронтальный, а для германцев—в угрозу быть атакованными в левый фланг, с левого берега Вислы,—частями русской 4-й армии. Период с 14 по 18 апреля, использованный в этом смысле,—мог бы совершенно изменить стратегическое положение в пользу русских, и факт отхода с Карпат в таком случае создал бы несомненную возможность для активных действий армий Ю.-З. фронта в дальнейшем. Между тем, упорное сидение в Карпатских проходах после 13 апреля привело и к необходимости отступить далеко назад, и к значительным потерям, которыми, обыкновенно, сопровождается вынужденный отход под напором противника.

Не следовало задаваться Карпатской операцией в виде перехода через Карпаты в Венгрию; но уж если так случилось, что задались и приступили к ее исполнению, то надлежало во-время постигнуть всю невозможность достижения успеха и, постигнувши это,—совершить преднамеренный и быстрый отход в Галицийскую равнину.

Была и другая причина требовать развития Карпатской операции. Верховный гл-щий считал необходимым наступление в Карпатах, между прочим, по соображениям, чисто политического характера, как это видно из письма н-ка штаба Верховного Гл-щего ген. Янушкевича—Гл-щему армиями С.-З. фронта ген. Алексееву, от 14 апреля 1915 г. за № 2058 [71]), в котором говорится: „В настоящее время начавшаяся операция на Карпатах, особенно ввиду только что выяснившегося подписания союзного договора с нами и нашими союзниками Италией, сохраняет первенствующее значение и обязывает всемерно способствовать завершению начатого дела". Такое давление политики на стратегию обязывало Верховного гл-щего строго взвесить возможность успешного завершения Карпатской операции с военной точки зрения, потому что при неуспешном ее исходе—армии Ю.-З. фронта могли потерять боеспособность, и кроме того, в смысле политическом,—результат мог бы получиться как раз обратный.

14 апреля 1915 г. Верховный Гл-щий имел в руках все данные к тому, чтобы признать дальнейшее развитие Карпатской операции невыгодным со стратегической точки зрения, следовательно, рискованным—с точки зрения влияния на внешнюю политику. Только категорическое требование Верховной Власти в государстве могло заставить Верховного гл-щего действующей армии продолжать явно невыгодную операцию, т.-е. вполне подчинить стратегию неправильному требованию политики, но... такого требования не было. Как вождь армии—Верховный гл-щий не имел достаточных данных допускать дальнейшее вовлечение армий Ю.-З. фронта в явно проигрышную Карпатскую операцию—ради политических соображений, не составляющих к тому же его компетенцию.

Расположение 3-й армии Ю.-З. фронта между Вислой и Карпатами с целью удерживать наступление противника со стороны Кракова в этот промежуток, а также для нанесения отсюда фланговых ударов в случае развития противником наступления по левому берегу Вислы или из-за Карпат, являлось неизбежным. Другая часть сил, естественно, должна была прикрывать, составить заслон, со стороны Карпатских гор. Весь свободный остаток сил Ю.-З. фронта надлежало направить для развития главного удара армий С.-З. фронта на левом берегу Вислы. Таков был план г.-а. Рузского; к такому же плану естественным путем подошел и ген. Алексеев, когда сделался Главнокомандующим армиями С.-З. фронта. Карпатская операция сорвала операции С.-З. фронта с явным ущербом для общего дела.

Итак, действия 1—18 апреля 1915 г. представляют собою ярко-выраженную усиленную рекогносцировку германцами нашего расположения на Западном фронте 3-й армии

и демонстрацию, отвлекающую внимание Ю.-З. фронта, и, в частности 3-й армии, к Мезо-Лаборчскому направлению. Усиленная рекогносцировка постепенно обратилась в подготовку главной атаки армий ген. Макензена. Подавление духа наших ополченских частей огнем тяжелой артиллерии, умелое выдвижение сначала мелких, а затем и более крупных частей, для обозначения и занятия исходного положения, своевременная смена австрийских частей германскими,—все это, вместе взятое,—дает представление об определенном замысле противника и о систематической подготовке к его исполнению. Между тем с русской стороны наблюдается упорная и слепая вера в уместность перехода через Карпаты в Венгрию, невзирая ни на какие обстоятельства, явно неблагоприятные для этого. Русское командование не задумывается над теми действиями, которые производит противник: как будто противника не существует. В результате,—чуть ли не накануне катастрофы—мечтания о переходе через Карпаты в Венгрию не покидают Гл-щего Ю.-З. фронта и остаются в полном расцвете в Ставке Верховного гл-щего. Только предвзятым безотчетным стремлением развивать Карпатскую операцию возможно объяснить полное пренебрежение русского командования к живой действительности, которая повелительно требовала совершенно иных действий, исключающих переход через Карпаты.

ГЛАВА III.

Удар армии ген. Макензена. Катастрофа в 3-й армии (с 19 апреля/2 мая по 24 апреля/7 мая 1915 г.).

(Схемы № 1 и № 2).

11-я германская армия ген. Макензена, развернувшаяся на фронте Громник—Молостув, т.-е. против нашего X корпуса, к 18 апреля/1 мая 1915 г. состояла из: сводного корпуса, XXXXI резервного к-са, гвардейского к-са, VI австрийского армейского к-са, а также из X арм. к-са, также подчиненного ген. Макензену. Подробный состав 11-й герм. армии указан в приложении 1-м. Против нашего IX к-са действовала 4-я германская армия; вправо (к югу) от 11-й герм. армии действовала 3-я германская армия (см. Gorlice—Tarnow, Generalstab des Feldhevres, стр. 21).

Завязка боя армией ген. Макензена на участке X к-са. С вечера 18 апреля/1 мая стало совершенно очевидным, что германцы начали артиллерийскую подготовку атаки участка X корпуса, которая длилась всю ночь с 18 на 19 апреля/с 1 на 2 мая. При поддержке артиллерийского огня тяжелой и легкой артиллерии, германцы ночью повели атаку на фронте от Тухова (в районе 42-й и 70-й дивизий IX корпуса) до крайнего левого фланга X к-са. Вскоре ими была занята высота 405 на границе участков IX и X корпусов. К-щий 3-й армией, с утра 19 апреля/2 мая, передал к-ру X к-са всю 63-ю дивизию (два ее полка оставались в Ясло) и бригаду 81-й дивизии. Наиболее сильный натиск 4—5 полков германцев был направлен утром 19 апреля/2 мая на Горлице, в расположении 61-й дивизии, на устойчивость которой К-щий 3-й армией не мог особенно надеяться; поэтому он просил Гл-щего Ю.-З. фронтом передать в его распоряжение III Кавказский к-с, направив его в район Ясло—Змигрод [72]).

К северу от Горлице (участок 31-й дивизии) германцы атаковали ночью пятью полками; первая атака была отбита с большими потерями для противника. К югу от Горлице, участок 9-й дивизии был атакован германцами совместно

с австрийскими частями после ночной артиллерийской подготовки; атака была отбита; затем противник повел атаку вновь. Для противодействия удару на Горлице была введена в бой 63-я дивизия, но К-щий армией считал этих сил недостаточно и вторично просил Гл-щего фронтом „приблизить“ к Ясло—Биеч III Кавказский к-с, после сосредоточения которого был предположен переход в решительное наступление „на-коротке“ из района Тухов—Горлице—Молостув, чтобы отбросить противника к Грибову [78]).

Завязка боя на участке IX к-са. Ночью на 19 апреля/2 мая противник, преодолев слабое сопротивление ополченских частей, успешно форсировал р. Дунаец на крайнем правом фланге IX к-са, на участке от устья р. Дунаец до Отфинов, и вынудил ополченские дружины отойти на укрепленную позицию восточнее Грембашув—Зелихов—Горжице (верст на пять).

Против центра IX к-са противник атаки не повел, а левое крыло в районе Тухов—Любча, как выше указано, было атаковано вместе с частями X к-са.

Эти действия противника вызвали следующие распоряжения К-щего 3-й армией.

2-й Каз. сводной дивизии (из конного к-са) приказано перейти в Домброво и поступить в распоряжение к-ра IX к-са; к вечеру 20 апреля/3 мая туда же направлена 3-я Кавказск. каз. дивизия (из конного к-са); с левого берега Вислы (из XXXI к-са) направлен Мстиславский полк; к переправе через Бялу, что южнее Тухова, к 7 часам вечера 19 апреля/2 мая направлен Острожский полк.

К-ру IX к-са приказано удерживаться прочно на всем фронте к-са, от Отфинов на р. Дунаец до Седлиска на р. Бяла, и не позволять противнику утвердиться на правом берегу р. Дунаец, для чего отбросить его дневною или ночною атакою обратно на левый берег р. Дунаец.

Результаты первого натиска германцев. На основании только что описанных боевых действий на участках IX и X к-сов, К-щий 3-й армией пришел к общему заключению, что действия противника на правом фланге IX к-са и в Карпатах (Мезо-Лаборчское направление) являются демонстрациями, а главный удар противника направлен в район Тухов—Горлице—Сенькова.

В частности, оказалось, что два полка 70-й дивизии, сильно расстроенные, отошли и могут быть устроены только на линии Тухов—Рыглице, верстах в 7—8; атаки в районе 42-й дивизии были отбиты. Правый фланг 31-й дивизии обойден и подался назад. В образовавшийся промежуток вошел противник; направленные сюда два полка—Костромской и Острожский, не в состоянии отбросить ворвавшегося противника.

X к-с отброшен противником на пять верст и занял фронт Ржепеник—Розембарк—Биеч и далее на юг до Вартне; его левому флангу приказано связаться с правым флангом XXIV к-са, оставшимся на месте.

Для уменьшения промежутка, доступного накапливанию противника, приказано к-ру IX к-са не отводить свой левый фланг дальше лесистого гребня, который тянется к востоку от линии Тухов—Ольпины.

В образовавшейся между IX и X к-сами промежуток направлена 3-я Кавказск. казач. дивизия и три полка 16-й кавалерийской дивизии с Костромским (5-й дивизии) и Ставучанским (63-й дивизии) полками. Возобновление здесь успешного боя признано возможным только с прибытием III Кавказского к-са.

В других корпусах 3-й армии обычный артиллерийский огонь, более напряженный по правому флангу XXIV к-са; против участка XII к-са австрийцы переходили в наступление мелкими частями; все эти попытки были легко отбиты нашим ружейным огнем.

К вечеру 19 апреля/2 мая 1915 г. головные части III Кавказского к-са прибывали в район Кросно—Риманув.

К-щий 3-й армией считал, что если X к-с сохранит свое положение, занятое к вечеру 19 апреля/2 мая (Ржепеник—Биеч—Вартне), то положение соседних с ним IX и XXIV к-сов будет вполне обеспечено [74]).

Развитие германцами успеха, достигнутого в бою 19 апреля/2 мая 1915 г.

На участке IX к-са части противника, переправившиеся на правый берег нижнего Дунайца, заняли район Бискупице—Грембашув—Зелихов—Горжице и далее не пытались продвигаться. В ночь с 19 на 20 апреля/2 на 3 мая, неприятельские части переправились на правый берег р. Дунаец у Жабно; эти части заняли район Жабно—Недолице. Наши оттесненные части не потеряли тесного соприкосновения с противником. Части 5-й дивизии отошли на правый берег р. Дунаец без всякого давления со стороны противника и расположились вдоль железной дороги. Части 42-й дивизии втечение ночи были атакованы несколько раз; все атаки были отбиты огнем и части сохранили свое расположение. Части 70-й дивизии втечение ночи устраивались в боевом расположении в районе Рыхвальд—Буржин—Иодловка—Туховка, заняв ряд высот; к утру 20 апреля/3 мая германский полк повел наступление в разрез между 42-й и 70-й дивизиями и около дивизии австрийцев наступали от Громник в направлении на Ржепеник. На левом фланге 70-й дивизии был расположен Острожский полк (42-й дивизии), заслуживший уже репутацию устойчивого полка.

На участке X к-са наступление германцев продолжалось всю ночь; наши части под напором противника посте-

пенно отходили и к утру 20 апреля/3 мая расположилась на фронте Ольшины — Рацлавице — Клечаны — Крыг—Мецина—Мале—Баница. Утром германцы и австрийцы ввели в бой значительные силы и продолжали наступать. Наши потери в личном составе к этому времени были весьма значительные. По приблизительному подсчету X к-с атакован, в общем, одним германским и двумя австрийскими корпусами. По мнению н-ка штаба 3-й армии, "неприятель сосредоточил огромные силы и хочет решить здесь судьбу данного периода войны [75]).

По мнению н-ка штаба Ю.-З. фронта: „неуспех вчерашнего дня 19 апреля (2 мая) следует скорее объяснить несвоевременным вводом в дело резервов, чем значительным превосходством сил противника" [76]).

К 4 часам дня стало ясно, что X к-с удерживается в занятом расположении с трудом; ему поставлено задачей удержаться в районе к югу от Биеча до ночи, так как к этому времени должна подойти к Ясло головная дивизия III Кавказского к-са.

В общем, противник брал в клещи X корпус, усиленно нажимая на правый фланг 31-й дивизии и на 9-ю дивизию (левый фланг к-са). В промежутке между IX и X корпусами действовал наш отряд в составе 16-й кавалерийской дивизии и двух пехотных полков (Костромского и Ставучанского) под начальством ген. Володченко. К 4 часам дня 20 апреля (3 мая) в этом промежутке сосредоточились значительные силы австрийцев, которые охватили правый фланг этого отряда и наступали на селение Зурова.

70-я дивизия, сильно пострадавшая, отступила на Тухов и не была в состоянии противодействовать накапливанию австрийцев, 3-я Кавказск. каз. дивизия сосредоточилась в Рыглице; Острожский полк, бывший на левом фланге 70-й дивизии, под давлением противника отходил с боем к востоку от Зурова; к его левому флангу скоро примкнул Костромской полк, также оттесненный. В этот же промежуток направлена 3-я Донская каз. дивизия. Таким образом, между IX и X корпусами на пространстве 12 верст, между Тухов и Зуров, накопилась сильная группа противника, не встречающая теперь противодействия к дальнейшему продвижению вглубь нашего расположения.

К северу от этой группы противника находилась потерявшая боеспособность 70-я дивизия, которая своим отходом открыла левый фланг 42-й дивизии, а это послужило необходимостью к вечеру отвести несколько назад Луцкий полк (фланговый полк 42-й дивизии—в районе Клокова—Пиотковице). К югу от этой группы противника находился наш

смешанный отряд (под начальством ген. Володченко), оказавшийся не в силах заполнить промежуток и сдержать продвижение противника. Если к этому прибавить, что правый фланг 31-й дивизии (X к-са) в это время подвергся усиленному нажиму, то станет совершенно ясным, что только сильный резерв своим ударом мог бы поставить предел распространения противника в 12-верстном промежутке и далее вглубь нашего расположения.

Из разговора по прямому проводу н-ка штаба Ю.-З. фронта с н-ком штаба 3-й армии видно, что около 4—5 часов дня 20 апреля (3 мая) намечались даже распоряжения об отводе всей 3-й армии к востоку [77]).

Предположения к-щего 3-й армией для дальнейших действий. Надежды в это время возлагались на III Кавказский к-с; 52-я дивизия этого к-са была направлена на Ясло, ее сосредоточение у Ясло ожидалось к 9 часам вечера 20 апреля (3 мая); в это время 3 полка 21-й дивизии того же к-са должны были подойти к Змигроду.

Вечером 20 апреля (3 мая) 1915 г. Командующий 3-й армией ген. Радко-Дмитриев отправил Гл-щему Ю.-З. фронтом г.-а. Иванову следующую телеграмму: „Командир X армейского к-са докладывал мне сейчас по телефону, что противник в огромных силах атакует весь фронт его корпуса на только что занятых новых позициях; пока он удерживается, но сомневается, что сможет продержаться до прибытия III Кавказского корпуса; я приказал перевезти хоть один полк этого корпуса по железной дороге в Биеч, чтобы хотя на время закрепить наше положение там, до подхода главных сил Кавказского корпуса; если это удастся, то намереваюсь всеми силами генерала Ирманова перейти в решительную контр-атаку в направлении фронта Ценжковице—Бобова и добиться частного успеха на этом участке, который несомненно окажет мощное влияние на всю операцию; если, однако, X к-с не успеет удержаться сегодня и у Биеча, то поневоле придется оттянуть его ночью к Ясло, а тут при помощи подходящего Кавказского корпуса займем позицию по правому берегу Вислока, примерно линию Пильзно—Ясло—Змигрод, и напряжем все усилия, дабы задержать дальнейшее наступление неприятеля. В связи с таким глубоким отходом X к-са придется оттянуть и IX к-с на линию Новый Корчин—Домброва—Пильзно, а XXIV—на линию Змигрод—Граб. К сожалению, в таком случае придется оттянуть и правый фланг XII корпуса несколько назад, сохраняя, однако, Мезо-Лаборч. Я еще не делал никаких распоряжений о таком глубоком отходе и может быть еще удастся не прибегать к нему, но счел долгом доложить о положении дел вашему высокопревосходительству и испросить ваших указаний. В общем, положение дел представляется мне в следую-

щем виде: германцы подвезли к линии Баница—Горлице—Ценжковице не менее двух корпусов, сюда же подвезены с Карпат и, вероятно, из Буковины и с левого берега Вислы 3—4 австрийских дивизии, а может быть и больше. Эти новые подкрепления в связи с имевшимися на Бяле и Дунайце значительными силами образовали сильную армию, которая и добивается отбросить нас к Сану и тем устранить угрозу Венгрии со стороны Дуклы и Мезо-Лаборча. Мне представляется, что неприятель сильно ослабился на фронте 4-й и 5-й наших армий, а может быть и в районе Мариамполь—Августов—Ломжа. Не будет ли признано возможным при этих условиях оказать нам более солидную поддержку, которая, по моему мнению, может быть непосредственной переброской еще одного корпуса из Буковины или из-за Вислы в район Дембица—Ясло, или же косвенной—решительным переходом в наступление 4-й армии вдоль левого берега Вислы и переправою через эту реку где-нибудь между устьем Ниды и Рава. Считаю долгом донести, что войска X корпуса дрались доблестно, что свидетельствуют их огромные потери, но невозможность противодействовать губительному ураганному артиллерийскому огню противника сломила их силу сопротивления. 1194. Генерал Радко-Дмитриев" [78]).

На этой телеграмме № 1194 имеется резолюция г.-а. Иванова: „Не совсем понимаю, какая нужна помощь десятому корпусу для занятия позиции. Если третий Кавказский корпус сегодня назначается для цели активной на выдвинутой вперед позиции, то почему от этого отказываться при позиции осаженной назад. Не пошло бы распыление его для занятия позиции. Подтвердить, что корпус этот по исполнении задачи отражения противника должен быть возвращен в общий резерв фронта". Эта резолюция не была сообщена К-щему 3-й армией; видимо, быстро развивавшиеся события исключали необходимость ее передачи по назначению.

Таким образом, ожидаемый резерв, III Кавказский к-с, по предложению К-щего 3-й армией, должен был исполнить две задачи: содействовать удержанию нами района у Биеч и атаковать противника на участке Ценжковице—Бобова с целью выбить части противника, занявшие промежуток между IX и X корпусами; однако, такие надежды не мог оправдать III Кавказский к-с, хотя в его боевой доблести, конечно, не могло быть никакого сомнения. Из этого предположения ясно, что ген. Радко-Дмитриев в это время уже потерял как масштаб оценки происходящего в X к-се, так и представление о том, чего мог бы достигнуть, при сложившейся обстановке, введенный в бой III Кавказский корпус. Растерявшийся К-щий 3-й армией не обратил внимания на то, что сам же он в той же телеграмме, только несколькими строками ниже, возлагает надежду на помощь III Кавказского

корпуса при занятии X корпусом позиции на правом берегу р. Вислока, на фронте Пильзно—Ясло—Змигрод, надежду более скромную и указывающую на катастрофическое положение в X к-се, который нуждался в опоре на свежие силы, чтобы только остановить свое дальнейшее отступление.

Мечтания о контр-атаке и об одержании частного успеха представляются совершенно необоснованными, если принять во внимание, что они покоились на прибытии III Кавказского к-са. Имея в составе армии шесть армейских корпусов, ген. Радко-Дмитриев не озаботился разработкой сосредоточения сил к ясно обозначившемуся решительному району—для контр-удара. Вместо того, чтобы развернуть армейский бой, введя все силы армии, К-щий 3-й армией испрашивал „указаний" Гл-щего фронтом. Вместо того, чтобы использовать другие к-са своей же 3-й армии, бездействовавшие в Карпатах, ген. Радко-Дмитриев просит о переброске к-са „из Буковины" и даже намекает на возможность переброски части сил из района „Августов—Ломжа". Очевидно, при таких ходатайствах был совершенно упущен из вида хотя бы приблизительный расчет времени, потребного на сосредоточение таких резервов к району X к-са. Телеграмма № 1194 характерна в том отношении, что она безусловно свидетельствует об отсутствии у К-щего 3-й армией определенного плана действий для выхода из положения, созданного боями 19 и 20 апреля (2 и 3 мая) 1915 г.

Не менее характерна и резолюция г.-а. Иванова на той же телеграмме № 1194: вместо того, чтобы вмешаться в явно ошибочные действия подчиненного ему К-щего 3-й армией,—г.-а. Иванов заботится только об исполнении указания Верховного Гл-щего—не дробить III Кавказский к-с и обходит молчанием все основное и существенно-важное, о чем говорилось в этой телеграмме. Если К-щий 3-й армией растерялся и действовал ошибочно, то управление операцией в районе решительных действий должен был принять на себя сам Главнокомандующий Ю.-З. фронта, потому что положение в 3-й армии являлось угрожающим по отношению ко всему Ю.-З. фронту и, по крайней мере, по отношению к его Центральной Карпатской группе.

Предположения н-ка штаба Ю.-З. фронта о сосредоточении сил и о дальнейших действиях 3-й армии. 20 апреля (3 мая) 1915 г. Н-к штаба Ю.-З. фронта ген. Драгомиров отправил Н-ку Штаба 3-й армии следующую телеграмму: „По распоряжению Верховного Гл-щего 13-я Сибирская дивизия перевозится Мелец с назначением обеспечить расположение вашего правого участка, сообщаю для сведения и распоряжения по принятию дивизии на довольствие. Установите

связь. Дивизия пока поступает в распоряжение Главнокомандующего. 5631. Драгомиров" [79]). Сосредоточение этой дивизии у Мелец ожидалось 26 апреля (9 мая) 1915 г.

К вечеру 24 апреля (7 мая) н-к штаба фронта считал возможным собрать у Кросно сводную дивизию. Предположено было ввести в бой III Кавказский к-с 21 апреля (4 мая) 1915 г.

Из разговора н-ка штаба фронта с генерал-квартирмейстером Ставки ген. Даниловым в 2 часа дня 21 апреля (4 мая) 1915 г. видно, что „против X к-са действует германский полевой гвардейский к-с вместе с другими частями войск и, вообще, в направлении на Грибов—Ценжковицы развернута германская армия Макензена в составе четырех к-сов" [80]). При этих условиях н-к штаба фронта считал, что только результат боя 21 апреля (4 мая) укажет, имеется ли необходимость отвести X к-с на правый берег р. Вислока, как предполагал К-щий 3-й армией.

Н-к штаба Ю.-З. фронта выразил в разговоре с ген. Даниловым, что положение дел в 3-й армии „было бы много лучше при осмысленном распоряжении войсками; к сожалению, этого не было".

Распоряжения К-щего 3-й армией. В восемь часов вечера 20 апреля (3 мая) 1915 г. К-щий 3-й армией отдал следующий приказ: „Вчера ночью и сегодня противник упорно продолжал свои атаки; потеснил левый фланг IX к-са и центр X к-са, при чем первый из них отошел на линию Карводржа—Тухов—Рыглице, а второй к ночи отходит к линии Ольпины—Сипетница—Харилова—Беднарка—высота Магура; на остальных участках фронта корпуса сохранили вчерашнее положение. Я решил воспользоваться вновь прибывшим III Кавказским к-сом, чтобы решительным переходом в наступление отбросить противника за линию Ольпины—Воля-Цеклинска и далее на запад в общем направлении на Ценжковице—Грибов, для этого: первое—девятому к-су с приданными частями, удерживаясь на занимаемых ныне позициях, развить на своих флангах возможно энергичные активные действия с целью отбросить противника за нижний Дунаец и содействовать операции X и III Кавказского корпусов; второе—отряд ген. Володченко в составе трех пехотных полков, трех полков 16-й кавалерийской дивизии и четырех полков 3-й Донской дивизии с двумя конными батареями—действовать на участке между смежными флангами IX и X корпусов, поддерживая с ними самую тесную связь, и энергичными действиями способствовать операции X и III Кавказского корпусов; третье—группе ген. Ирманова в составе X к-са с приданными к нему частями и III Кавказского к-са атаковать решительно противника на фронте Ольпины—Биеч—Воля-Цеклинска, удерживаясь прочно на крайнем своем левом фланге

на высоте Магура; четвертое — XXIV к-су развить на своем правом фланге возможно энергичные действия с целью содействовать удержанию высоты Магура и обеспечить за собой путь Граб—Змигрод; пятое — левому флангу XXIV к-са и остальным корпусам на Карпатах удерживаться прочно на занимаемых позициях. Штабам корпусов остаться в ныне занимаемых ими пунктах, кроме штаба ген. Володченко, которому быть в Шержинах, десятому быть в Седлиске, а штабу группы ген. Ирманова быть в Ясло, здание суда. Штаб армии в Ясло 1207. Генерал Радко-Дмитриев" [81]).

Согласно этого приказа наполовину конный отряд ген. Володченко, находившийся в промежутке между IX и X к-сами, должен был способствовать операции X и III Кавказского к-сов; эта задача была теперь неисполнима, так как против этого отряда, в промежутке, успели накопиться значительные силы противника, уже охватившие правый фланг отряда и даже вынудившие Острожский полк отойти к востоку от Зурова. Отряд ген. Володченко находился в промежутке между IX и X к-сами, но он уже не был в состоянии задерживать противника, и, конечно, не мог развить активных действий.

Задача III Кавказскому к-су поставлена неопределенно; к-су не указано исходное положение и время, с которого должно было начаться его наступление из этого положения; иначе говоря, не была установлена связь по времени для совместного действия X и только ожидаемого к прибытию III Кавказского к-са. Такое объединение действий должно было исходить от К-щего армией.

В приказе № 1207 попрежнему упущено распоряжение относительно сосредоточения сил других корпусов 3-й армии к решительному району действий. Таким образом, сосредоточенному удару армии ген. Макензена с нашей стороны противоставлялись разрозненные действия и введение сил по частям. Бой 19 и 20 (2 и 3 мая) апреля поглотил армейский резерв, израсходованный на вливание в боевые участки; теперь на 21 апреля (4 мая) предстояло такое же поглощение вновь прибывающего III Кавказского к-са.

Положение к вечеру 20 апреля (3 мая) 1915 г. В IX к-се ополченские части, поддержанные частями 5-й дивизии и 7-й кавалер. дивизии, постепенно оттеснили противника к р. Дунаец; 42-я дивизия, отбив несколько атак, сохранила свое расположение; только ее левофланговый (Луцкий) полк пришлось отвести в район Клокова—Пиотроковице ввиду угрозы обхода со стороны противника. В район Тухов—Рыглице отошла отброшенная 70-я дивизия.

Отряд ген. Володченко: пехота—на высотах к востоку от Зурова; между 70-й дивизией и этой пехотой, в промежутке—16-я кавалер. дивизия, 3-я Кавказская казачья ди-

визия и, к вечеру 20 апреля (3 мая), начала подходить 3-я Донская дивизия.

В X к-се бой продолжался втечение всего дня; противник густыми цепями, при содействии подавляющего огня тяжелой и легкой артиллерии, засыпавшей наши окопы снарядами, неоднократно бросался в атаку, но каждый раз, встречаемый нашим дружным ружейным и пулеметным огнем, отходил назад, неся большие потери; особенно ожесточенные бои происходили в 61-й и 9-й дивизиях, где дело неоднократно доходило до штыков. С наступлением темноты X к-с отошел на фронт Ольпины — Сипетница — Харилова — Беднарка — высота Магура.

В остальных корпусах 3-й армии — обычная перестрелка.

Бой 21 апреля (4 мая) 1915 г.; его результаты. В IX к-се противник поддерживал огонь и в наступление не переходил; попытки противника атаковать 42-ю и 70-ю дивизии не увенчались успехом, все атаки были отбиты.

В отряде ген. Володченко — тяжелая артиллерия противника засыпала снарядами наши окопы, нанося жестокие потери нашим частям; противник несколько раз переходил в атаку против Острожского полка; все атаки были отбиты; потери обеих сторон весьма значительны. К вечеру отряд ген. Володченко, под давлением противника, отошел к востоку в район Блашкова.

С утра и до полудня противник пытался наступать на 9-ю дивизию; это наступление было отбито. Части III Кавказского к-са (21-я дивизия) начали подходить к 9-й дивизии только после полудня 21 апреля (4 мая); при их поддержке 9-я дивизия не только сдержала напор противника, но совместно с частями 21-й дивизии перешла в наступление, вначале развивавшееся довольно успешно; но вскоре противник ввел в бой свежие резервы, и наши части вынуждены были отойти на Дембовец, что привело к образованию промежутка между X и XXIV к-сами, в котором начал накапливаться противник.

Части III Кавказского к-са, направленные на Шержины (52-я дивизия), начали подходить к этому пункту к вечеру 21 апреля (4 мая) и успели только принять на себя отходящие под напором противника части 61-й дивизии, которая заняла высоты к югу от Шержины.

Таким образом, III Кавказский корпус опоздал прибытием; X корпус был разбит в отдельности; кроме того, III Кавказский к-с был введен в бой по частям, на усиление войск, уже ведущих бой или отступавших из боя под напором противника.

Еще 20 апреля (3 мая) наибольшие усилия германцев были направлены на промежуток между IX и X корпусами, это побудило командование 3-й армией направить части III Кав-

казского к-са именно в этом направлении; между тем оказалось, что главная атака 21 апреля (4 мая) к вечеру была направлена в промежуток между X и XXIV к-сами; т.-е. направление части III Кавказского к-са к правому флангу X к-са ослабило наши силы в районе главной атаки. Втечение всего дня противник атаковал 61-ю и 31-ю дивизии. К вечеру 21 апреля (4 мая) к Блашкову вынуждены были отойти остатки 31-й дивизии, а отступавшая 61-я дивизия, как выше было указано, была принята подходившими частями III Кавказского к-са (52-я дивизия).

Вечером 21 апреля (4 мая) 1915 г. К-щий 3-й армией отправил Гл-щему Ю.-З. фронта следующую телеграмму: „В результате сегодняшних боев десятый к-с, 70-я дивизия, 61-я дивизия, 63-я дивизия и отряд Володченко настолько серьезно расстроены, что подход третьего Кавказского к-са мог послужить только для прикрытия отхода, что я и приказал выполнить согласно представляемого вслед за сим приказа. От вышеупомянутых частей после упорного мужественного сопротивления, стоющего противнику колоссальных потерь, остались только слабые остатки. Многие из полков насчитывают только несколько сот штыков. Это обстоятельство приводит к такому положению, что для защиты западного своего фронта армия располагает фактически не более пяти пехотных дивизий. С прибытием же 13-й Сибирской и сводной наберется едва ли семь дивизий. Силы эти крайне недостаточны и потому прошу принять радикальные меры для солидного усиления западного фронта 3-й армии, без чего трудно будет удержаться даже на указанной несколько дней тому назад линии. 1232. генерал Радко-Дмитриев“ [82]). Упомянутая здесь ранее указанная линия: К о р ч и н — Д о м б р о в о — П и л ь з н о — Я с л о — З м и г р о д — Г р а б.

Итак, приказ К-щего 3-й армией, отданный вечером 20 апреля (3 мая) 1915 г., не нашел себе исполнения 21 апреля (4 мая) 1915 г.—ни в какой степени. Вместо ожидаемого успеха от атаки III Кавказского к-са совместно с другими частями пришлось отдать, вечером 21 апреля (4 мая), следующий приказ: „Ввиду тяжелого положения дел на фронте X к-са приказываю: п е р в о е—XXIV к-су сегодня же ночью сняться с нынешней позиции и, прикрываясь арьергардами, отойти на линию Самокленска—Мискова—Студеный-Верх; утром 22 апреля (5 мая) иметь одну бригаду с дивизионом артиллерии у Змигрода; в т о р о е—XII к-су, оставаясь своим левым флангом на занимаемом месте, отойти на линию высота Студеный-Верх—Дукла—Пасс—Щуко, примкнув свой правый фланг к XXIV к-су; т р е т ь е—XXI и XXIX корпусам оставаться на нынешних своих позициях, всеми силами удерживаясь на них и поддерживая самую тесную связь с правым флангом восьмой армии; ч е т в е р т о е—IX к-су оставаться на ныне за-

нимаемых позициях, выдвинув конницу ген. Хелмицкого на Иодлову для прикрытия направления от Иодлова на Яворжед, IX к-су 22 апреля (5 мая) вечером отойти и занять новую позицию от устья р. Дунайца через Домброва селение Дулчувка—селение Яворжед на правом берегу Вислоки. Пятое—группе ген. Ирманова прикрывать Ясло, занимая линию вдоль р. Вислока по левому ее берегу, начиная от переправы у селения Блязкова до селения Самокленска, где войти в тесную связь с правым флангом XXIV к-са. Шестое—отряду ген. Володченко в составе 16-й кавалер. и 3-й Донской казач. дивизий и трех пехотных полков занять участок р. Вислоки между смежными флангами IX к-са и группы ген. Ирманова, поддерживая самую тесную связь с означенными флангами, и прикрывать дорогу Бржосток—Фриштак. Седьмое—штабам к-сов быть: девятого, группы ген. Иванова, двенадцатого, двадцать первого и двадцать девятого в прежних пунктах, штабу отряда ген. Володченко—в Бржостоке, штабу двадцать четвертого корпуса—в Кросно, штабу армии—в Стришове. Восьмое—корпусам и отряду, коим назначен переход в новое положение, приступить к исполнению его в полночь с 21 на 22 апреля (4—5 мая), поддерживая при отходе самую тесную связь как между собою по фронту, так и со мною. 1230. Генерал Радко-Дмитриев" [83]).

Этот приказ свидетельствует, что К-щий 3-й армией признал невозможность дальнейшего сопротивления не только в занимаемом 21 апреля (4 мая) расположении, но и в последующем, так как в его приказе № 1230 ничего не говорится о сосредоточении сил других корпусов для маневра и возвратного удара, а в телеграмме № 1232 указана необходимость принять радикальные меры для солидного усиления западного фронта 3-й армии.

Какими же условиями обстановки сопровождался приказ об отходе армии в ночь с 21 на 22 апреля (с 4 на 5 мая)?

Удар на западный фронт 3-й армии, по данным нашей войсковой разведки, велся неприятелем следующими свежими частями, перечисляя их по нашему фронту справа налево: гвардейским гренадерским полком, 39-й гонведною дивизией, 12-й и 10-й дивизиями, отдельными полками, взятыми из других дивизий; германскою дивизиею в составе 100-го, 269-го и 58-го полков; германскою дивизиею в составе полков—46-го полевого, 46-го резервного, 22-го и 13-го баварских; южнее их действовала 2-я австрийская и 45-я австрийская ландверные дивизии; в промежутке между р.р. Дунаец и Бяла действовали 14-й и 80-й полки и 4 императорских Тирольских стрелковых полка. В первой линии действовали преимущественно австрийские части, поддерживаемые германскою артиллериею. Всего было введено противником для удара свежих 3 германских и 5 австрийских дивизий, кроме двух

австрийских дивизий, подвезенных с Мезо-Лаборчского направления. Со стороны противника действовало до 200 орудий, в том числе 50 тяжелых. Наконец, был введен в бой германский гвардейский корпус.

В бою сильно пострадали наши три дивизии X к-са; от всего X к-са остались не более 4—5 тысяч человек [84]); в полках остались сотни штыков. Остатки пяти основных полков X к-са представляли около 1.500 человек; остатки полков 61-й дивизии—800 человек; в 9-й дивизии осталось 900 штыков; в Брянском полку 150 человек.

Таким образом, силы противника, с одной стороны, и наши потери, при отсутствии армейского резерва для маневра и контр-удара—с другой, создали такие условия, которые вызвали приказ № 1230. Однако, отход на р. Вислока и вообще на тот фронт, который указан в приказе, теперь уже являлся запоздалым, так как противник, взяв в клещи X корпус, а затем и всю группу ген. Ирманова, имел полную возможность прорваться в тыл расположения Карпатских корпусов 3-й армии, опрокинув или уничтожив группу ген. Ирманова.

Положение 3-й армии и влияние катастрофы в ее западном фронте ген. Радко-Дмитриев осветил следующей телеграммой, отправленной Гл-щему Ю.-З. фронта утром 22 апреля (5 мая) 1915 г. [85]): „Мой приказ 1230 определяет линию приблизительно указанную вашим высокопревосходительством. Делаем все возможное, чтобы удержаться на ней до подхода назначенных нам трех дивизий. Считаю долгом, однако, доложить, что, по моей оценке, противник налегает на наш западный фрон подавляющими силами и многочисленной тяжелой артиллерией, которая в короткое время буквально уничтожает все окопы, истребляя защитников местами поголовно. При этих условиях трудно ручаться, что жалкими остатками X и частями III Кавказского удержимся на самом важном направлении, ведущем в тыл нашего и 8-й армии расположения на Карпатах. IX корпус держится потому, что против него нет такого сильного нажима, но при его крайне растянутом положении признаю завесу образуемую им, очень тонкой, тем более, что, по донесению генерала Драгомирова (к-ра IX к-са), ополченские дружины в последних боях обнаружили свою полную неустойчивость, сдаваясь в плен целыми дружинами. Относительно южных корпусов поставил себе задачу вывести их из горного района, заняв линию Змигрод—Мезо-Лаборч. Успех этой последней операции будет зависеть от степени нажима противника сегодня (т.-е. 22 апреля) (5 мая) и завтра (23 апреля) (6 мая) в направлении Змигрод—Дукла. Из всего изложенного ваше высокопревосходительство усмотрит, что для закрепления положения западного фронта 3-й армии на указанной линии

и даже на следующей необходимы быстрые и радикальные меры. Подвоз новых частей по железным дорогам идет крайне медленно и приводит к разреженным боям, в которых мы имеем мало шансов на успех, вводя силы по частям. То, что до сих пор назначено, по мере прибытия будет употреблено для заполнения образовавшихся разрывов, прикрываемых ныне лишь кавалерийской завесой. Для отражения серьезного маневра противника необходим сильный маневренный резерв из одного или двух прочных корпусов, без чего прорыв возможен в каждой точке нашей тонкой линии. При всей важности задачи удержания за собою Карпат, мне представляется еще более важной задачей прикрытие тыла всего юго-западного фронта, так как если бы противник врезался между 3-й и 4-й армиями, наше положение на Карпатах станет тяжелым. Не будет ли также признано возможным перейти 4-й армией в наступление для отвлечения хотя бы взятых с ее фронта сил обратно. 1239. Генерал Радко-Дмитриев".

С такою запоздалою исповедью обратился теперь ген. Радко-Дмитриев к г.-а. Иванову. Однако, следует отметить, что образование сильного армейского резерва для маневра и контрудара было целиком в его власти еще до начала наступления армии ген. Макензена; потребность в этом резерве и тогда была очевидна, так как вполне очевидной была тогда же и роль 3-й армии, особенно ее западного фронта, по отношению ко всему Ю.-З. фронту. В своем месте было обращено внимание читателя на характер сосредоточения армейского резерва, при чем был отмечен и порядок его расходования к-щим 3-й армией на вливание в боевые участки по частям. Ген. Радко-Дмитриев до конца остался верен этому способу использования армейского резерва, так как и прибывший к нему III Кавказский к-с он рассовал по всему фронту X корпуса вместо того, чтобы сосредоточить к этим свежим силам сильную ударную группу. Противник не стеснялся брать свои дивизии с других направлений, даже с Мезо-Лаборчского, и перебрасывать их в район главного удара; ген. Радко-Дмитриев, теперь заговоривший о сильном резерве для маневра и удара, ни в одном из своих приказов не предусмотрел необходимости и возможности снять некоторые части со второстепенных направлений, чтобы ввести их в бой в решительном пункте в решительные дни 20 и 21 апреля (3 и 4 мая) 1915 г.

На телеграмме № 1239 г.-а. Иванов сделал следующие отметки: 1. По поводу слов телеграммы о введении сил в бой по частям отмечено: „Этого желательно и можно было избежать вначале вводом в бой резервов в первый день боев у Горлице—Громник". 2. Относительно резерва из 1—2 корпусов—отмечено: „Откуда взять один или два корпуса? Даны

уже 3 дивизии (63-я, 21-я и 52-я) и подходит сводная из разных частей Галицийского фронта. 3-я армия могла вчера или даже 21 апреля (4 мая) взять некоторые части из состава XXI и XXIX корпусов".

По поводу возможности врезания противника между 3-й и 4-й армиями—отмечено: „Подходящую 13-ю Сибирскую дивизию надо остановить на Нижней Вислоке".

Эти пометки свидетельствуют о том, что г.-а. Иванов теперь и как будто прежде замечал неправильность расходования резерва Командующим 3-й армией; как будто он находил возможным взять часть сил из корпусов, втянувшихся в Карпаты, хотя бы и с Мезо-Лаборчского направления... Но... все это задним числом. Из этих пометок также видно, что как будто г.-а. Иванов и прежде ясно представлял себе значение западного фронта 3-й армии во всей Карпатской операции. Если все это верно, то остается открытым вопрос: почему Гл-щий Ю.-З. фронта, замечая грубые ошибки подчиненного ему К-щего 3-й армией, своевременно не принял мер к их исправлению, не принял на себя управление в решительную минуту или не устранил от дела ген. Радко-Дмитриева, заменив его другим, более пригодным генералом? Возникает также другой вопрос: почему н-к штаба Ю.-З. фронта, не раз заявлявший о бестолковом управлении в 3-й армии, не принял с своей стороны необходимых мер к устранению замеченных им ошибок и недочетов управления?

Архивный материал не дает ответов на эти вопросы.

Обмен мнениями н-ка штаба Ю.-З. фронта со Ставкою и его результаты. Переговоры по прямому проводу ген. Драгомирова с генерал-квартирмейстером Ставки ген. Даниловым, в 10 час. 30 мин. и в 12 час. дня 22 апреля (5 мая) 1915 г., свидетельствуют, что у н-ка штаба Ю.-З. фронта было выработано свое определенное предположение о дальнейших действиях, крайне расходящееся с мнением Ставки и до некоторой степени похожее на те мысли, которые изложил К-щий 3-й армией в телеграмме № 1239 от 22 апреля (5 мая) 1915 г. Из других переговоров ген. Драгомирова с ген. Даниловым по делам 3-й армии вполне определенно можно установить, что ген. Драгомиров считал управление 3-й армией, т.-е. деятельность ген. Радко-Дмитриева, неудовлетворительною. Считал и... бездействовал, хотя по прямому смыслу „Положения о полевом управлении" являлся ответственным за операции солидарно с Главнокомандующим фронтом. По поводу приказа ген. Радко-Дмитриева № 1230 ген. Драгомиров, по прямому проводу, сообщал ген. Данилову, 22 апреля (5 мая), следующее: „По оценке всех обсто-

ятельств трудно предполагать, чтобы мы выдержали на указанных рубежах упорные бои. Огнестрельных припасов крайне недостаточно, расстройство войск большое, сильно потрепаны 5—6 дивизий, к тому же признаться, управление в 3-й армии бестолковое и не служит гарантией успеха. Есть затем и еще одно обстоятельство: как вам известно, 4-я армия занимает очень растянутое положение. Не находясь под угрозой 3-й армии, противник будет против нее накапливаться с целью прорвать ее расположение; это почти неизбежно и отход этой армии, по-моему, вопрос времени, особенно, если она займет позицию Кельцы—Лагов—Полонец; но в таком случае лучше это сделать в предвидении этого случая, а не по принуждению противника. Для того, чтобы удержать нынешнее расположение, потребуется усилить 4-ю армию, примерно, пятью дивизиями, это ни вы, ни мы сделать не в состоянии. Затем настоятельно необходимо устроить в надежном месте 3-ю армию и выиграть время на поправку на указанных Командующему армией рубежах; сделать этого нельзя и никаких радикальных мер по его усилению, как он просит, также нельзя осуществить. Ввиду этих обстоятельств единственное целесообразное решение состоит в отводе наших армий за Сан и вопрос этот в принципе нужно решить, по моему мнению, сегодня же. При таком решении 4-я армия могла бы занять укрепленную позицию от Нова-Весь на Илжу—Юзефов, южнее по Висле и Сану. Стало-быть, 3-я армия, примерно, до Перемышля, еще южнее до Завадки расположилась бы 8-я армия, 11-я армия осталась бы на прежнем месте, а 9-я армия одновременно могла бы начать наступление на Заднестровье с тем, чтобы упрочить наше положение. При таком способе занятия предполагается занять и форты Перемышля, для чего между Ярославом и Перемышлем наши позиции придется расположить на хорде дуги, описываемой Саном, уперев фланги в укрепления Ярослава и Перемышля. В таком положении мы можем дать серьезный отпор противнику, а 3-я армия, занимая наиболее прочное положение за Вислой и Саном, в состоянии будет устроиться и привести себя в порядок. Сегодня утром я обсуждал этот вопрос с Главнокомандующим, и он в общем против этого проекта не возражал, но просил переговорить с вами и испросить указания, какая цель ставится нам в настоящее время" [86]).

По мнению ген. Данилова, выраженному в том же разговоре, размер неудачи в 3-й армии не представлялся столь тяжким, чтобы не попытаться удерживаться; вполне еще возможно сосредоточить сильный резерв; с уходом за р. Сан едва ли что-нибудь изменится и огнестрельных припасов не прибавится; управлению 3-й армией помочь этим нельзя: если оно плохо, то таким и останется; выиграть время не даст

противник. Помощь при сложившейся обстановке ген. Данилов видел в скорейшем переходе в наступление 9-й армией. Общая цель действий Ю.-З. фронта должна оставаться прежняя. Иначе говоря, все то же стремление через Карпаты в Венгрию,—как будто в 3-й армии не началась самая действительная катастрофа, уже 22 апреля (5 мая) угрожавшая обратится в катастрофу для всего Ю.-З. фронта. В заключение разговора ген. Драгомиров выразил, что сообщаемое им является прогнозом происходящего в 3-й армии и что к этому вероятному будущему необходимо теперь же подготовиться.

Таким образом, К-щий 3-й армией считал отход 3-й армии необходимостью и своим приказом наметил ближайший рубеж – р. Вислока; Гл-щий Ю.-З. фронта против этого отхода не возражал и склонялся к отходу 3-й, 8-й 11-й армий на р. Сан, что вполне понятно, так как на р. Вислока могла отойти только 3-я армия, а Гл-щему приходилось решать задачу относительно всего фронта, и действительно,—ближайшим рубежом для отхода трех армий фронта и являлась именно р. Сан. Для 3-й армии при сложившейся обстановке р. Вислока была лишь промежуточным этапом в неминуемом общем отходе трех армий на р. Сан. Этот маневр был бы, конечно, запоздалым; его надо было предвидеть и исполнить раньше; 22 апреля (5 мая) он являлся уже очевидною неизбежностью; но теперь при его исполнении, вследствие несвоевременности и успешных действий противника создались тактические затруднения, требующие для успеха этого маневра стойкости войск и недюжинных талантов их вождей. Вывести войска, целых три армии, из Карпатской ловушки, созданной безотчетным упорством Главнокомандования Ю.-З. фронта при поддержке Ставки, представлялось делом поистине трудным, особенно, если принять во внимание недостаток огнестрельных припасов и напор победоносного и решительного противника.

Мысли, выраженные ген. Даниловым в разговоре с ген. Драгомировым, несомненно повлияли на г.-а. Иванова. Вследствие этого разговора г.-а. Иванов отдал 22 апреля (5 мая) 1915 г. следующее распоряжение К-щему 3-й армией: „Полагаю, что вам прежде всего необходимо всемерно стремиться к прочному удержанию за собою линии реки Вислока от Мискова до Пильзно и далее линию Пильзно—Щуцин, дабы не потребовалось изменять положение восьмой и четвертой армий. Только в крайности допускаю отход на линию Выдраны—р. Вислок (Суровица—Беска—Красно—Фриштак) до Фриштака далее по линии Фриштак—Велеполе—Бржезница и по течению р. Вислока через Мелец до устья. Однако, если при первом положении четвертая армия и может оставаться в занимаемом расположении, наблюдая р. Вислу между Корчиным

и Щуциным, то при более глубоком вашем отходе, отвод ее левофланговых корпусов на одну высоту с вами неизбежен, что является, конечно, весьма нежелательным и не может быть допущено без разрешения Верховного главнокомандующего. В том и другом случае крайне желательно оставить расположение восьмой армии без изменений. Прошу срочно держать командующих соседними армиями в курсе ваших предположений, дабы они имели возможность своевременно подготовлять нужные распоряжения. 5724. Иванов" [87]).

В этой телеграмме г.-а. Иванов создает искусственный рубеж для отхода на него 3-й армии: из участка р. Вислок (верхняя) и р. Вислока (нижняя) с промежутком от Фриштак до Бржезница; рубеж, не представляющий никакой опоры для отступающих войск и слишком близкий к фронту. Как промежуточный этап, такой фронт весьма понятен, но в эти дни Гл-щему Ю.-З. фронта следовало потерять надежду на возможность случайно благополучного выхода из создавшегося положения; как предлагал н-к его штаба, ген. Драгомиров, поставить более широкое задание Ю.-З. фронту, заглянув в вероятное будущее. Это более широкое задание должно было вытекать из признания г.-а. Ивановым катастрофы в X корпусе—катастрофой для всей 3-й армии, и из понимания, что, помимо его воли, уже создалась обстановка, указывающая на невыполнимость замысла Карпатской операции. Решение отойти на р. Сан сделалось неизбежным для ликвидации Карпатской операции, потому что не было уже времени для сосредоточения сильного резерва в районе действий 3-й армии, если бы решение о таком сосредоточении даже и было принято Гл-щим Ю.-З. фронта. Без удара сильным резервом из глубины теперь не было возможности остановить 3-ю армию; поэтому только решение отойти,—положив между 3-й армией и противником достаточное пространство, при условии немедленного образования резерва для атаки во фланг наступающей армии ген. Макензена,—только это решение и могло ограничить всю неудачу потерей Западной Галиции, т.-е. отходом на р. Сан. Этим решением, при условии искусного его выполнения, создалась бы обстановка, позволяющая перейти только к удержанию наступления противника со стороны Карпат и Кракова и к захвату боевого почина в свои руки переходом к исполнению плана ген. Рузского, а затем и ген. Алексеева, в С.-З фронте. Но... взамен таких соображений г.-а. Иванов руководствовался больше надеждою на счастливый исход и прислушиванием к мнениям Ставки, чем свободным творчеством полководца. Время упускалось; войска продолжали подвергаться тяжким испытаниям, совершенно не вытекавшим из боевой необходимости.

Распоряжение Гл-щего Ю.-З. фронта, выраженное в телеграмме № 5724, нашло себе подтверждение в следующей те-

леграмме н-ка штаба Верховного Гл-щего, полученной г.-а. Ивановым 22 апреля (5 мая) 1915 г. за № 66: „Соображения, высказанные в телеграфной беседе генерала Драгомирова с генералом Даниловым, доложены Верховному Главнокомандующему. Его императорское высочество, одобрив мысли, высказанные генералом Даниловым, категорически указал, что не допускает возможности отхода 3-й армии восточнее линии реки Нижней Вислоки, в соответствии с чем должны быть приняты самые решительные и настойчивые меры по закреплению этой линии и упрочению на ней названной армии. Верховный главнокомандующий выражает уверенность, что его воля будет вами неуклонно выполнена. Меры по подаче вам артиллерийских парков в пределах возможности принимаются, равным образом усиливается высылка вам укомплектований. 66. Янушкевич“ [88]).

Итак, армии остановлены в Западной Галиции вопреки стратегической обстановке, подсказывавшей совершенно иные решения.

Бой 22 апреля (5 мая) 1915 г.; его результаты. В ночь с 21 на 22 апреля (с 4 на 5 мая) левый фланг группы ген. Ирманова, после упорного боя, оттеснен в район Змигрод—Дембовец. При таком положении К-щий 3-й армией сообщил Гл-щему Ю.-З. фронта, что уже нельзя удержаться на фронте Домброва—р. Вислока—Змигрод—Мезо-Лаборч, что этот фронт—только промежуточный и что теперь же надо признать необходимым отход на фронт устье р. Дунаец—Домброва—Пильзно—Санок. К-щий 3-й армией просил указаний Главнокомандующего. С утра 22 апреля (5 мая) противник повел энергичное наступление на правый фланг группы ген. Ирманова тремя колоннами: одна—на Иодлово, другая—на Чермно, третья—на Свержаны; с утра того же числа на фронте группы ген. Ирманова в промежутке между группой ген. Ирманова и XXIV к-сом, уже на правом берегу Вислоки, появились пешие и конные партии, очевидно, разведчиков противника.

В 6 часов утра 22 апреля (5 мая) противник перешел в наступление против левого фланга IX к-са (42-я и 70-я дивизия), но это наступление было отбито; на фронте Жабно—Недолице—атака противника была успешна: наши части несколько отошли (к шоссе). Отряд ген. Володченко сосредоточился у Блашкова и прикрывал переправу через Вислоку у этого пункта. С утра противник повел наступление, медленно развивавшееся. К северу от этого отряда действовали 3-я Донская и 3-я Кавказская казачья дивизии. Установлено было, что против IX к-са действуют 10-я австр. дивизия, 65-й гонведный полк; у Рихвальда—3-й Баварский полк, 1-й и 2-й гвардейские прусские полки. К-щий 3-й армией ввиду такого положения в IX к-се разрешил отвести этот корпус

на фронт устье Ниды — Домброва — Дулчувка — Яворжед, а если потребуется, то на фронт Щуцин—Радомысль—Дулчувка—Яворжед.

Бой развивался следующим образом:

В IX к-се во второй половине дня 22 апреля (5 мая) противник перешел в энергичное наступление по всему фронту и, главным образом, против левого фланга корпуса; под напором превосходных сил противника корпус, отбиваясь, начал отходить на указанную ему линию Щуцин—Радомысль—Дулчувка—Яворжед. Левый фланг к-са обеспечивался 2-й казачьей сводной дивизией.

В промежутке между IX к-сом и группой ген. Ирманова шло наступление колонны противника (северной из трех обнаруженных утром), сначала медленное; к вечеру оно стало развиваться энергично, так как противник ввел значительные подкрепления; отряд ген. Володченко отошел от Блашкова на правый берег р. Вислока. Сюда же в район Бржосток сосредоточились остатки 61-й и 31-й дивизий, всего около двух тысяч человек; таким образом, 61-я и 31-я дивизии выбыли из группы ген. Ирманова. Между IX к-сом и отрядом действовала 3-я Кавказская каз. дивизия.

В группе ген. Ирманова—три колонны противника, силою в дивизию каждая, обнаруженные утром, развили энергичное наступление на правый фланг группы и отряда ген. Володченко, по северную стороны р. Ропа; по южную сторону р. Ропа повели наступление другие две колонны в направлении на Змигрод. Развернув свои колонны, противник атаковал группу ген. Ирманова по всему ее фронту; особенно сильные атаки велись к югу от р. Ропа, на левый фланг группы. Тяжелая артиллерия германцев засыпала русские части снарядами, нанося огромные потери.

К северу от р. Ропы русские сдерживали натиск противника втечение целого дня; к югу от р. Ропы противник потеснил русских, но при помощи введения в бой свежих сил из частного резерва нам все-таки удалось задержать противника. Ввиду того, что левому флангу группы ген. Ирманова не удалось 21 апреля (4 мая) утвердиться у Самокленски и пришлось задержаться только к югу от Дембовец (у Даброва),—противник с утра 22 апреля (5 мая) начал продвигаться в направлении на Змигрод, который и занял вскоре передовыми частями, сбив наш слабый отряд, занимавший Змигрод. Вскоре к Змигроду стали подходить по шоссе со стороны Горлице подкрепления противника, которые стали продвигаться далее на восток, на Кобеляны, и на юго-восток по шоссе на Дукла, т.-е. в обход правого фланга XXIV к-са. Попытка атаковать эти части—во фланг со стороны Дембовица—успеха не имела, так как выдвинутые части натолкнулись на сильное сопротивление германского

заслона на фронте Осек—Завадка. Обходное движение противника на Кобеляны—Дукла было замечено в XXIV к-се, который отходил на указанный ему фронт без особого давления со стороны противника, в то время, когда головные части к-са были на высотах правого берега р. Вислока. Корпус все-таки благополучно отошел на указанный ему фронт; неприятельская колонна в наступление не переходила.

Продвижение противника в промежуток между группой ген. Ирманова и XXIV к-сом, в связи с другими действиями противника 22 апреля (5 мая) способствовало решению Командующего 3-й армией продолжать отход; на основании этого решения был отдан нижеприводимый оперативный приказ и отправлена Главнокомандующему Юго-Запад. фронта телеграмма за № 1256, в которой изложена сложившаяся обстановка, выражено определенное решение о дальнейшем отходе армии и добавлено, что положение 4-й и 8-й армий остается пока обеспеченным расположением 3-й армии, но что „дальнейший серьезный натиск противника к северу от Ясло может вынудить 3-ю армию отойти еще назад, при чем связь с соседними армиями на нынешних стыках станет невозможной". Командующий 3-й армией просил испросить надлежащего указания Верховного главнокомандующего на случай „дальнейшего отхода". „На нынешних линиях", говорится в телеграмме, армия имеет шансы удержаться до прибытия всех назначенных подкреплений лишь при условии, что неприятель не будет сильно теснить наше тонкое расположение, особенно в центре и на правом фланге". Конечно, такое условие не могло иметь места, так как совершенно было ясно, что, наоборот, противник все более и более стремится к развитию достигнутого успеха. Следовательно, катастрофическое положение 3-й армии было окончательно установлено ее Командующим, который вместе с тем предусматривал и непосредственное влияние этой катастрофы на соседние армии.

Распоряжения Командующего 3-й армией. 22 апреля (5 мая) 1915 г. в одиннадцать часов ночи Командующий 3-й армией отдал следующий приказ: „Неприятель продолжает развертывать новые свежие силы, каковые обнаружены против фронта девятого корпуса и в стыке третьего Кавказского и двадцать четвертого корпусов. На этом стыке некоторые неприятельские части после занятия Осека проникли на правый берег р. Вислока, и голова их дошла до селения Кобеляны. Дабы укрепить наше положение и обеспечить положение соседних с нами армий, приказываю: первое—IX корпусу со всеми приданными к нему частями занять позицию Щуцин—Радомысль—Дульчувка—переправа на реке Вислоке у селения Яворжед включительно, поддерживая связь левым флангом 4-й армии; второе—X корпусу в составе частей 31-й и 61-й,

16-й кавалерийской и 3-й Донской казачьей дивизий прочно оборонять правый берег реки Вислоки от переправы у селения Яворжед до селения Букова включительно; третье—III Кавказскому корпусу с приданными ему частями прочно занимать правый берег реки Вислоки от селения Букова исключительно до устья р. Яслоки у Ясло и далее по правому северному берегу реки Яслоки от устья вверх до селения Иедличе включительно; четвертое—XXIV корпусу вместе с одиннадцатой кавалерийской дивизией занять линию от селения Иедличе исключительно до селения Сентава на реке Вислоке включительно; пятое—XII корпусу отойти на линию от селения Сентава исключительно до высоты 742 в шести верстах южнее селения Беско включительно; означенный фронт занять двумя дивизиями, отведя 12-ю Сибирскую дивизию в мой резерв к селению Заршин; шестое—XXI корпусу в составе семи полков 33-й и 44-й дивизий и 3-й стрелковой дивизии с их артиллерией занять линию от высоты 742 исключительно через селение Колено станцию Выдраны на высоту 766 Бескидского хребта и далее по этому хребту до высоты 805, где быть в непосредственном соприкосновении с правым флангом 8-й армии; седьмое—штабам корпусов быть: IX—в Мелец, X—в Фриштак, III Кавказского—в Лубне, XXIV—Искржиния, XII—Буковско и XXI—на станции Команча; штаб армии—в Стрижове; восьмое—командирам III Кавказского и XXIV корпусов иметь свои корпусные резервы ближе к правому флангу своего корпуса с тем, чтобы в случае надобности поддержать быстро соседей справа; девятое—с переходом на правый берег Вислоки все переправы через эту реку должны уничтожаться; десятое—на новых позициях закрепиться возможно прочнее. Стрижев. 1255 генерал Радко-Дмитриев" [89]).

Штаб XXIX к-са переброшен на правый фланг 3-й армии в Мелец для принятия управления сосредоточивающимися там резервами: 62-я и 13-я Сибирская дивизия. Дополнительным распоряжением к приказу № 1255 от 23 апреля (6 мая) за № 1259 установлены между корпусами 3-й армии разграничительные линии и распределены тыловые пути.

Отход 3-й армии на фронт Щуцин—Радомысль—Яворжед—Ясло—Иедличе—Выдраны—высота 805, являющийся в данном случае лишь одним переходом, не соответствовал какой-либо определенной оперативной идее и не решал насущного вопроса об удержании наступления противника, по следующим соображениям: общее протяжение фронта 3-й армии оставалось прежнее; время для сосредоточения резерва и перегруппировки сил не выигрывалось; между русскими и противником не образовывалось ни рубежа, затрудняющего наступление противника, ни пространства, отделяющего от него, так как противник следовал за русскими частями не-

посредственно и местами действовал обходами. Такой отход, по оценке Командующего 3-й армией, привел бы к остановке армии только в том случае, если бы противник перестал теснить, что, конечно, не могло произойти. Если сравнивать это решение с решением отойти на р. Сан, то последнему надо отдать предпочтение, так как такой отход соответствовал идее контр-удара для остановки наступления противника, ибо, решивши отойти на р. Сан, можно было немедленно приступить к сосредоточению ударной группы у р. Сан оттягиванием туда некоторых корпусов 8-й и 11-й армий. Кроме того, с отходом 3-й армии приходилось решать вопрос и об отводе других армий (4-й, 8-й и во всяком случае 11-й); отвод назад таких значительных сил, при условии напора противника на 3-ю армию, требовал выбора в более глубоком тылу района сосредоточения, соответствующего отводимым силам и замыслу новой операции, т.-е. переходу в наступление для поражения зарвавшегося противника. Таким районом сосредоточения естественно являлась местность по р. Сан с Перемышлем и другими укрепленными пунктами. Даже 22 апреля (5 мая) 1915 г. решение сосредоточиться на р. Сан для новой операции следует признать запоздалым; судя по происходившему,— такое решение надлежало принять вечером 20 апреля (3 мая). Крупные силы не могут жить предположениями на одни сутки; план их действий должен обнимать более значительный период; только при таком условии возможно проявление свободной воли и творчества полководца в пределах задачи, ему поставленной, и времени, ему отведенного. Сосредоточение на р. Сан давало и то и другое; но, повторяем, теперь уже в самый обрез и при условии искусного исполнения операции нового сосредоточения.

При малейших промахах, под напором энергичного противника — сосредоточение на р. Сан могло окончиться неудачей. Вывод армий из Карпатской западни, в которой они сидели слишком долго, является более сложной операцией, чем втягивание армий в Карпаты, и потому следует признать, что сохранение армий от разгрома и удержание боеспособности требовали размышления, о том: не следует ли наметить район их сосредоточения где-нибудь восточнее р. Сан?

Но для всего этого прежде всего необходимо было откровенно отказаться от замысла Карпатской операции и отрешиться от тенденции „ни шагу назад—во что бы то ни стало".

Распоряжения Верховного главнокомандующего. Вместо отказа от Карпатской операции и разумного отношения к отводу армий назад по стратегическим соображениям— события развертывались совершенно по иной программе.

22 апреля (5 мая) 1915 г. Верховный главнокомандующий отправил ген. Радко-Дмитриеву следующую телеграмму за № 10065: „Прибытие в состав вашей армии славного Кавказского корпуса и других значительных подкреплений дает лишь уверенность, что вами будет сделано все для энергичного восстановления выгодного положения". В ответной телеграмме от 22 апреля (5 мая) 1915 г. № 1242 ген. Радко-Дмитриев после изложения подавлявших его событий,— заявляет: „Во всяком случае вновь позволяю себе всепреданнейше донести вашему императорскому высочеству, что вверенные мне войска сделают все возможное, чтобы с честью выйти из создавшегося крайне тяжелого положения" [84]) и ни слова о том,—что же именно необходимо предпринять для выхода из „создавшегося" положения.

23 апреля (6 мая) 1915 г. телеграммой № 5771 г.-а. Иванов сообщил в Ставку, что 3-я армия „займет сегодня более сосредоточенное расположение" от Щуцин на Яворжед—Свентава—Ясель—Выдраны—высота 805" и что К-щий 3-й армией докладывает о возможности дальнейшего отхода под напором противника, на что испрашивает указаний Верховного главнокомандующего. С своей стороны г.-а. Иванов добавил, что „отход назад правого участка 3-й армии, от Кросно и к северу, возможен до ранее указанной линии, Кросно—Фриштак—Бржезница—нижняя Вислока; остальной же участок согласно указаний Верховного главнокомандующего необходимо сохранить во что бы то ни стало" [90]). В ответ на эту телеграмму № 5771 н-к штаба Верховного Гл-щего телеграфировал г.-а. Иванову 23 апреля (6 мая) 1915 г. за № 90. „Указания Верховного главнокомандующего изложены телеграмме 66 (после разговора ген. Драгомирова с ген. Даниловым утром 22 апреля (5 мая) 1915 г.). К ним его императорское высочество не имеет ничего добавить и повелел лишь повторить, что если дальнейший отход 3-й армии с ныне занимаемого ею фронта признается неизбежным по обстановке, то нижнее течение Вислоки должно считаться пределом допустимого отхода правого фланга этой армии. Его императорское высочество полагает, что с отходом левофланговых корпусов третьей армии явится полная возможность выделить из их числа один корпус в резерв, который послужит к дальнейшему упрочению положения 3-й армии на новом фронте совместно с прибывающими частями сводной, 13-й Сибирский и 62-й дивизий".

Итак, ни шагу назад с нижней Вислоки.

Руководствуясь такими распоряжениями, конечно, г.-а. Иванов не осмеливался и думать о сосредоточении армий на р. Сан и, вообще, о какой-либо новой операции, связанной

с отводом армий Ю.-З. фронта из Карпатской ловушки. Итак, с одной стороны — успешные энергичные атаки противника в разных местах фронта, с другой — ни шагу назад с нижней Вислоки. Оставалось одно: г.-а. Иванову осуществить основную заповедь военного искусства: „полководцу полную мощь". Если бы эту заповедь осуществил только ген. Радко-Дмитриев с 3-й армией, то результат был бы, конечно, отрицательный, так как энергичный отход этой армии поставил бы 4-ю и 8-ю армии в тяжелое положение, открыв их тылы для удара противника. Следовательно, все дело было в решениях Верховного главнокомандующего и Гл-щего Ю.-З. фронта.

Исполнение приказа К-щего 3-й армией № 1255 от 23 апреля (6 мая) 1915 г. В течение ночи с 22 на 23 апреля (с 5-го на 6 мая) 1915 года корпуса 3-й армии совершали отход, исполняя приказ № 1255.

IX к-с — отошел благополучно, отразив еще днем 22 апреля (5 мая) многочисленные атаки противника.

X к-с — занял указанное ему расположение с вечера 22 апреля (5 мая); ночью устраивался на новых позициях.

III Кавказский к-с — целый день 22 апреля (5 мая) выдерживал ожесточенные атаки противника; с наступлением темноты занял расположение, указанное в приказе.

XXIV к-с — в течение ночи отходил на указанный ему фронт; утром в район Кросно подошла 49-я дивизия и начала располагаться на новых позициях; относительно 48-й дивизии — полная неизвестность.

XII к-с — 19-я дивизия отошла благополучно; относительно 12-й Сибирской и 12-й пех. дивизий — полная неизвестность; связь с XII к-сом прервана.

XXI к-с — на рассвете была атакована 33-я дивизия, особенно энергично — Бендерский полк; атаки отбиты с большими потерями для противника; к-с благополучно отошел на указанный ему фронт. В течение ночи в Штаб армии не поступало сведений о наступлении значительных сил противника; какие-то силы обнаружены в районе Змигрод—Зарчин—Дукла; приняты меры их выяснения. 23 апреля (6 мая) 1915 г. в пять часов дня штаб 3-й армии перешел из Стрижова в Ржешув.

До 4 часов дня 23 апреля (6 мая) никаких сведений относительно 48-й и 12-й Сиб. дивизиях не получено; участок XXIV к-са занимала 49-я дивизия и 11-я кавалерийская дивизия. Еще около 8 часов утра 23 апреля (6 мая) воздушная разведка обнаружила до двух корпусов противника в районе: Сипетница—Особница—Змигрод, но направление их наступления не обнаружено.

Штаб 3-й армии ожидал главный удар противника в направлении Змигрод—Кросно или Змигрод—Дукла; допускался и другой удар по направлению Пильзно—Дембица.

В силу этих предположений резерв распределился следующим образом: по прибытии—одну бригаду 12-й Сибирской дивизии—Фриштак, другую—Зарчин; южнее Зарчин—направлен один полк (Окский). К-ру IX к-са передан один полк 13 Сибирской дивизии, высадившийся в Дембице; в X к-с направлен один полк, прибывший из командировки в 8-ю армию (Троицко-Сергиевский).

Таким образом, попрежнему резервы рассредоточивались по боевым участкам; к сосредоточению мощного армейского резерва не приступлено.

Надо полагать—неприятельские силы, появившиеся в районе Змигрода, готовились к какому-то решительному наступлению..

К 11 часам вечера 23 апреля (6 мая) 1915 года выяснилось, что III Кавказский к-с, атакованный значительно-превосходными силами противника (около $2^1/_2$ корпусов), форсировавшими р. Вислока, держаться на занятых им по приказу № 1255 позициях не может. Получились сведения, что 48-я дивизия ведет бой с австрийской дивизией, вышедшей ей наперерез от Змигрода на Дукла; что н-к 48-й дивизии ген. Корнилов ранен и что дивизия, глубоко обойденная, не могла в течение 23 апреля (6 мая) выйти из гор; дивизия пробивается, но еще не вышла из тяжелого положения; атаки на 49-ю дивизию отражены огнем.

Распоряжения К-щего 3-й армией. К-щий 3-й армией, принимая во внимание полученное им повеление Верховного главнокомандующего о необходимости не отступать, отдал приказ занять линию Щуцин—Радомысль—Велеполе—Войкувка — Риманув — Свентава—Ясиол—Выдраны—высота 805. На этой линии приказано укрепиться и о б о р о н я т ь с я в о ч т о б ы т о н и с т а л о до подхода подкреплений. Об этом приказе К-щий 3-й армией телеграфно сообщил г.-а. Иванову и просил его распоряжения о том, чтобы К-щему 8-й армией ген. Брусилову было приказано оставаться своим правым флангом на занимаемых позициях, так как левый фланг 3-й армии остается на высоте 805. Таким образом, какой-то злой рок держал армии Ю.-З. фронта в Карпатской ловушке, под ударами противника. Вслед за только-что указанной телеграммой ген. Радко-Дмитриев, в ночь на 24 апреля (7 мая) 1915 г., телеграфировал г.-а. Иванову: „Неприятель продолжает теснить армию превосходными силами; войска отбивают удары, но я обязан предвидеть необходимость отдачи распоряжений на случай вынужденного дальнейшего постепенного отхода. Растянутый фронт армии рискует на некоторых участках временно терять со мною связь, ввиду чего я полагаю н е о б х о д и м ы м н е м е д л е н н о о р и е н т и р о в а т ь в с е х к о м а н д и р о в к о р п у с о в п о к р а й н е й м е р е н а д в о е б л и ж а й ш и х с у т о к, поэтому я вместе с сим отдаю приказ по армии, предусматривающий отход

корпусов на два перехода. Считаю это необходимым, дабы вывести скорее главные силы из непосредственного соприкосновения с неприятелем и дать им хотя некоторе время устроиться и закрепиться. Первый переход в ночь с 24 на 25 апреля (с 7 на 8 мая) указан мною на линию Щуцин — Радомысль — Велеполе — Войкувка — Тржесниов — Буковско — Микув; второй переход — указан мною предположительно на линию: устье Ровы — Мелец — Сендзишув — Чудец — Небылец — Бржошов — Кулашне. Испрашиваю спешно разрешения вашего высокопревосходительства на этот второй переход, который признаю безусловно необходимым. 1298. Генерал Радко-Дмитриев".

Наконец-то К-щий 3-й армии стал робко выбиваться на путь понимания его задачи и способа управления армией; но... воля его была подавлена; таланта проявить „волю полководца" подобающим образом просто не хватило; в результате опять безыдейное движение назад, отсутствие решительного заявления со стороны Главнокомандующего фронтом, который, кстати сказать, в эти тяжелые и страшные дни — как-будто устранился от прямого дела управления армиями фронта и занял позицию передаточной инстанции заявлений К-щего 3-й армией — в Ставку и обратно — воздействий на К-щего 3-й армией из Ставки.

В 11 часов 30 минут ночи 23 апреля (6 мая) К-щий 3-й армией отдал следующий приказ: „Вследствие усиления противника на фронте III Кавказского корпуса и энергичных его атак против правого его фланга и левого фланга X к-са, а также вследствие неокончательного выхода на указанные линии двадцать четвертого и двенадцатого корпусов, дабы спрямить фронт центра армии, приказываю: первое — IX корпусу отойти на линию Щуцин — Журавка — Гловачев — Яворжед, разрушив основательно мосты через Вислоку; второе — X корпусу правым флангом до Бржостока оставаться на занимаемых позициях, а левому флангу отойти на линию Бржосток — Опасионка; третье — III Кавказскому корпусу отойти и стать правым флангом у Опасионка, заняв фронт Опасионка — Едличе; четвертое — прочим корпусам выполнить прежние задачи, указанные в приказе на 23 апреля (6 мая) нумер 1255; пятое — новое положение занять окончательно к рассвету 24 апреля (7 мая); шестое — штабам корпусов оставаться на прежних местах, за исключением III Кавказского к-са, которому перейти в Фриштак. Ржешув 1288. Генерал Радко-Дмитриев" [91]. Этим приказом части 3-й армии оставлялись на тех позициях, которые они уже занимали, или должны были занять под давлением противника, кроме того, несколько оттягивался назад правый фланг IX к-са.

Экстренным распоряжением, переданным н-ком штаба Ю.-З. фронта, по телеграфу: Гл-щий Ю.-З. фронта приказал

XXI к-су в ночь с 23 на 24 апреля (с 6 на 7 мая) начать отход и сосредоточиться в ту же ночь у Кулашне, где отдохнуть, и после отдыха перейти к Санок, поступить в резерв 3-й армии. Однако, вследствие того, что в течение 23 апреля 48-я дивизия не успела занять указанное ей положение, вследствие невозможности в ночь с 23 на 24 апреля (с 6 на 7 мая) внезапно порвать связь с 8-й армией,—ген. Радко-Дмитриев решил вывести XXI к-с в резерв только в ночь с 24 на 25 апреля (с 7 на 8 мая).

Н-к штаба 3-й армии в разговоре по телеграфу с н-ком штаба Ю.-З. фронта признал положение 3-й армии „весьма серьезным" и дальнейший ее отход—неизбежным, тем более, что подкрепления прибывают до крайности медленно, а именно: из 13-й Сибирской дивизии прибыли только 6 батальонов, из сводной дивизии—только 2 б-на.

Вероятно, считаясь с этим соображением, г.-а. Иванов приказал всю излишнюю артиллерию 3-й армии, которую нет возможности использовать,—отправлять в тыл.

Опросом пленных установлено, что против III Кавказского к-са сосредоточен весь германский гвардейский полевой к-с, высадившийся на ст. Бохния, и будто этот корпус, вступая в первый раз в бой с русской армией, одушевлен особым порывом.

В общем, против III Кавказского к-са сосредоточено пять дивизий противника, что указывало на готовящийся удар противника в этом направлении.

Бой 24 апреля (7 мая) 1915 г. IX к-с, получив приказ № 1288 с опозданием, не успел втечение ночи отойти согласно этого приказа.

С утра 24 апреля (7 мая) противник повел наступление на 70-ю дивизию, поддерживая наступление пехоты сильным артиллерийским огнем; 70-я дивизия сначала удерживалась на своих позициях, но затем подалась несколько назад; на остальном фронте IX к-са противник не переходил в наступление; с подходом частных резервов положение на левом фланге IX к-са упрочилось. Во второй половине дня 24 апреля (7 мая) противник вел огонь, делая попытки атаковать на некоторых участках; все эти атаки были отбиты. В состав корпуса вошел один полк 13-й Сибирской дивизии

X к-с. Противник на рассвете после предварительной сильной артиллерийской подготовки атаковал и отбросил 3-ю Донскую дивизию; затем потеснил левое крыло X к-са; для заполнения промежутка между X и III Кавказским к-сами были направлены последние частные резервы.

Во второй половине дня наступление противника продолжалось, но не отличалось особой энергией; оно было остановлено нашим огнем, и части X к-са сохранили за собой занятые днем позиции. В состав к-са вошел один полк 13-й Сибирской дивизии.

III Кавказский к-с. Втечение ночи с 23 на 24 апреля (с 6 на 7 мая) корпус отошел на указанный ему фронт Опасионка—Едличе. Днем противник развил сильный огонь тяжелой и легкой артиллерии; после полудня вел в нескольких местах частные атаки, доходившие до штыковых схваток; все атаки отбиты с большими потерями для противника, и части удержались на своих местах; на левом фланге несколько отошла 9-я дивизия, — которую потеснил противник вследствие отхода 49-й дивизии; левый фланг дивизии утвердился на высотах южнее Устробна, т.-е. достигнув предельной линии для отхода.

XXIV к-с. Противник с утра обрушился значительными силами на Переволоченский полк и на левый фланг 49-й дивизии и отбросил находившийся здесь полк этой дивизии; на поддержку направлена из корпусного резерва бригада 12-й Сибирской дивизии; в результате боя — 49-я дивизия отошла за р. Вислока, заняв фронт Войкувка—Тржесниов. Противник занял к вечеру Риманув; для прикрытия промежутка между XXIV и XII к-сами и направления Риманув—Санок притянуты два полка сводной дивизии. Таким образом, в состав XXIV к-са вошли 12-я Сибирская дивизия и 2 полка сводной дивизии.

Из 48-й дивизии прибыл на указанный в приказе фронт только один полк (Ларго-Кагульский); к 2 часам дня положение остальных трех полков 48-й дивизии оставалось неизвестным. К вечеру вернулись в свой корпус славные остатки трех полков 48-й дивизии, всего около 4 батальонов; эта дивизия была окружена около Дукла-Тылова и пробивалась к своим. К вечеру XXIV к-с отошел с боем на фронт Одржиково—Искржина—Сентава, т.-е. на предельную линию, указанную К-щим 3-й армией на основании повеления Верховного главнокомандующего.

XII к-с отошел и занял указанный ему приказом № 1255 фронт беспрепятственно. Утром 24 апреля (7 мая) противник безуспешно атаковал 19-ю дивизию.

XXI к-с — беспрепятственно занял указанный приказом № 1255 фронт; приказано вывезти часть артиллерии и тяжести в тыл, так как корпус должен в ночь с 24 на 25 апреля (с 7 на 8 мая) отходить в новое положение. Днем противник после артиллерийской подготовки яростно атаковал XXI к-с, особенно энергично на участке 33-й дивизии, где он ворвался даже в наше расположение между 33-й и 44-й дивизиями, но вскоре был отброшен энергичной контр-атакой; с наступлением темноты части XXI к-са начали отходить в резерв 3-й армии. Принимая во внимание боевые действия в корпусах 3-й армии и сведения о сосредоточении сил противника К-ший 3-й армией отправил Главнокомандующему Ю.-З. фронта следующую телеграмму (без №): „Истекая кровью, 3-я армия

дерется мужественно уже пять суток, но напор противника не только не ослабевает, а усиливается. Теперь уже ясно, что без серьезных подкреплений в размере не менее 2—3 новых корусов мы не в состоянии дать энергичного отпора нигде. Обещанные частичные подкрепления подходят медленно и в лучшем случае послужат для временного закрепления в наших арьегардных боях. При создавшейся обстановке, полагаю, что выход один: уходить по ночам форсированно в согласии с соседними армиями" [92]). Согласно такой оценки положения дел в 3-й армии ген. Радко-Дмитриев отдал в пять часов вечера 24 апреля (7 мая) 1915 г. нижеприводимый оперативный приказ армии за № 1301. На том-же основании К-щий 3-й армией послал К-щему 8-й армией, 24 апреля (7 мая) 1915 г. за № 1290, следующую телеграмму: „Противник потеснил сегодня к вечеру III Кавказский к-с и перешел севернее Ясло на высоты правого берега. Силы неприятеля подавляющие. Ген. Ирманов определяет против себя два германских корпуса, в том числе гвардейский, и одну австрийскую дивизию. Одновременно с этим противник ведет упорные бои с дебуширующей из гор 48-й дивизией, стремясь врезаться между XII и XXIV к-сами. При этом положении я считаю своевременным отвести 12-ю и 19-ю дивизии и XXI корпус с Бескидского хребта и занять втечение ночи с 24 на 25 апреля (с 7 на 8 мая) ими фронт: Макувка—Беско. Извещая об этом, прошу согласовать отвод вашего правого фланга с отходом моего левого. 1290. Генерал Радко-Дмитриев". [93])

Итак, 3-я армия, к 25 апреля (8 мая) 1915 г. была уже не в состоянии удержать своими силами армию ген. Макензена, энергично развивавшую достигнутый успех, и тем более не могла отбросить ее решительным переходом в наступление.

Оперативный приказ К-щего 3-й армией 24 апреля (7 мая) 1915 г. № 1301. „Ржешув 24 апреля (7 мая) 5 часов вечера. Карта десятиверстная и австрийская. Ввиду общего положения на фронте армии, корпусам армии приказываю: в ночь с 24 на 25 апреля (с 7 на 8 мая) занять следующее положение: IX к-су отойти на линию Щуцин—Радомысль—Сепница—Лончки Кухарски включительно; X к-су отойти на линию Лончки-Кухарски—Велеполе включительно; III Кавказскому к-су на линию Велеполе—Виснева—Войкувка—Орджинова включительно; XXIV к-су принять все меры к удержанию расположения на линии Одржинова—Искржиня—Риманув—Сентава (на австрийской карте Синява), для чего ему придается 12-я Сибирская дивизия целиком и Окский полк; XII к-су отойти на линию Сентава—Хребет Буковица до высоты 707, куда сегодня ночью протянет свой правый фланг 8-я армия; XXI к-су, прикрывая 3-й стрелковой дивизией отход к-са и перемещение правого фланга 8-й армии

до высоты 706, сегодня же ночью сосредоточиться в районе Кулашне—Тарнава—Санок; на означенных позициях прочно укрепиться и держаться во что бы то ни стало до подхода подкреплений прибывающих самом непродолжительном времени. В составе корпусов числить все приданные части не исключая тех, которые попали в них в силу боевой обстановки. Части XXI и XXIX корпусов составляют один XXI корпус под общим начальством генерала Шкинского. Корпусам отойти на новую линию в тесной связи между собою, начав таковой с наступлением темноты и предупреждая соседей о точном часе отхода. При отходе корпусам составлять возможно сильные резервы, отводя постепенно в них части войск при первой к тому возможности. Разграничительные линии между 4-й армией и IX корпусом р. Висла. Между IX и X корпусами Яворжед — Лончки - Кухарски — Сендзишув — Пржеврутне — Мазур — Камень — Пикулы — Кржешов; линия принадлежит IX корпусу. Между X и III Кавказским корпусами линия Опасионка—Велеполе—Носовка—Липе—Соколув—Руда—Быстрое; линия принадлежит X корпусу. Между III Кавказским и XXIV корпусами Едличе—Одржихова—Небылец—Хмельник—Ланцут—Лясчины—Сенява; линия принадлежит Кавказскому корпусу. Между XXIV и XII корпусами Сентава—Яжмирз—Бржостов—Бахарж—Розборж—Ярослав, линия принадлежит XXIV корпусу. Между XII к-сом и 8-й армией высота 706 и далее шоссе Кулашне—Загурж—Бирча—Перемышль; линия принадлежит XII корпусу. Корпусными дорогами назначаются: IX—Радомысль—Мелец—Майдан—Развадув и дорога Дембица—Ропчице—Сендзишув—Кольбушова—Ранишув—Ежов—Ниско; X корпусу—Велеполе—Трчяны—Глогув—Ненадувка—Соколув—Гробле—Кржешов; III Кавказскому корпусу: шоссе Фриштак—Ржешув—Ланцут—Лежайск; XXIV корпусу—Искржиня—Доморадзь—Блазува—Яворник—Пржеворск — Сенява: XII корпусу—Буковско—Чертеж—Грабовница — Дынув — Дубецко — Прухнин — Ярослав; XXI корпусу—шоссе Кулашне—Загурж—Бирча—Перемышль. Штабам корпусов 25 апреля (8 мая) быть: IX к-са—Мелец, X к-са—Сендзишув, III Кавказского корпуса—Чудец, XXIV корпуса—Домарадзь, XII корпуса — Санок, XXI корпуса — Тарнава. Штаб армии—Ржешув. Если связь с корпусом будет прервана, то добиваться таковой от соседних корпусов и в крайнем случае действовать в соответствии с действиями соседей. Еще раз подтверждаю о необходимости основательного разрушения мостов после отхода арьергардов. Ставлю на особую ответственность командиров корпусов строгое соблюдение данных корпусам тыловых районов и корпусных дорог; обозы каждого корпуса должны обязательно следовать в назначенных корпусам полосах. 1301. Генерал Радко-Дмитриев".[94])

Судя по разграничительным линиям между тыловыми полосами корпусов и по дорогам, назначенным каждому корпусу, этот приказ предусматривает сосредоточение всей 3-й армии на реке Сан, на участке от р. Вислы до Перемышля включительно. Фронт армии этим приказом отводится почти на ту линию, которую К-щий 3-й армии предположил для первого перехода с 24 на 25 апреля (с 7 на 8 мая) в телеграмме № 1298, отправленной Гл-щему Ю.-З. фронта в ночь на 24 апреля (7 мая).

Никаких оперативных заданий, кроме общего отхода 3-й армии, этот приказ не ставил, потому что силы армии были исчерпаны и корпуса ее прикованы атаками противника к фронту. Действительно, следует признать, что с 24 апреля (7 мая) 1915 г. 3-я армия могла только отходить, отбиваясь от наседавших на нее частей армии ген. Макензена; иначе говоря, с 24 апреля (7 мая) наступил для 3-й армии период отступления под напором преследующего противника.

Следует отметить, что бои 3-й армии 19—24 апреля (2—7 мая) представляют собою лишь отдельные действия корпусов, не связанные общею идеею в армейское сражение; действовали, т.-е. были введены в бой, только те части, которые подверглись непосредственной атаке или были направлены на усиление того или иного из боевых участков. Корпусам отдавались приказы „удержаться во что бы то ни стало“; но такой приказ не представляет собою достижение какой-либо цели операции; такой приказ, отданный какой нибудь части, без указания зачем именно это удержание требуется и без связи с действиями других частей, является лишь распоряжением об удержании определенного участка местности, которое само по себе не имеет никакого оперативного значения.

Если бой начался внезапной атакой одного из корпусов 3-й армии со стороны противника и если сразу обнаружились серьезные намерения противника, как это имело место 19–20 апр. (2—3 мая) то обязанностью К-щего армией являлось одно из двух решений: принимать бой или вывести войска из завязывающегося боя; в первом случае К-щий 3-й армией обязан был развернуть бой в армейском масштабе, связав действия корпусов общим замыслом и общим планом армейского сражения; во втором случае—надлежало отвести к-са и не дать противнику возможность втянуть их в бой, повторяя свои атаки и атаковывая наши свежие части. К-щий 3-й армией, ограничиваемый в своем творчестве Главнокомандующим Ю.-З. фронта и Верховным гл-щим, не принял никакого определенного решения и позволил противнику трепать корпуса—каждый в отдельности: сегодня один, а завтра—другой.

Распоряжения Гл-щего Ю.-З. фронта и влияние Ставки. Утром 24 апреля (7 мая) 1915 г. Верховный гл-щий прибыл на ст. Ходм, куда был вызван Гл-щий С.-З. фронта ген. Алексеев. В вагоне Верховного гл-щего состоялось совещание с Гл-щими обоих фронтов, на котором обсуждались вопросы, связанные с отходом 3-й армии.

Согласно решения этого совещания г.-а. Иванов сделал распоряжение отвести левофланговые корпуса 3-й армии назад; одновременно с этим оттянуть правофланговые корпуса 8-й армии и занять укрепленную позицию Щавне—Мхова (см. ниже № 5820); по мнению г.-а. Иванова, это единственно позволит вывести XXI корпус в резерв 3-й армии [95]).

На совещании вполне определенно выяснилось, что Верховный гл-щий вообще не допускает ни в каком случае, ни прежде, ни теперь, отхода на восток в Галицию и, в частности,—отхода 3-й армии на р. Сан, что предлагал ген. Драгомиров в разговоре с ген. Даниловым 22 апреля (5 мая) 1915 г. 24 апреля (7 мая) 1915 г. за № 5820 н-к штаба Ю.-З. фронта от имени Гл-щего передал К-щим 3-й, 4-й и 8-й армий следующее телеграфное распоряжение: „Настоящею ночью 3-я армия отходит на линию Щуцин—Радомысль — Велеполе—Войкувка —Тржесниов—хребет Буковица. Г-щий приказывает начать одновременно с этим также отход правофланговых корпусов 8-й армии. Означенным корпусам отходить на линию Щавне—хребет Одрит—Смольник, при чем правофланговому корпусу 8-й армии занять свою прежнюю позицию по линии Щавне—Мхова, а XII к-су 3-й армии, если нужно, при поддержке частей XXI корпуса,—хребет Буковице до высоты 706 у его южной оконечности. Одновременно с этим остальным войскам XXI к-са собраться в районе Кулашне, откуда после отдыха следовать в Санок, где поступить в резерв К-щего 3-й армии. Правофланговому корпусу 8-й армии достигнуть указанной позиции в один переход, а остальным корпусам 8-й армии занять указанную линию в один или два перехода по усмотрению К-щего армией. Районы Команча—Родошице—Яблонка—Лух, Устржики-Горные — Береги-Горное обеспечить своим расположением или сильными арьергардами. Четвертой армии оставаться на занимаемой позиции, обеспечив промежуток по р. Висле—Н. Корчин—Щуцин—соответственным отрядом. Принять самые решительные меры, чтобы при ночных переходах соблюдался строгий порядок и блуждающих и отставших нижних чинов не было под угрозой расстрела виновных. 5820. Драгомиров“ [96]).

Сосредоточение XXI к-са у Санок, в резерве 3-й армии, могло закончиться к вечеру 26 апреля (9 мая).

Предположения о сосредоточении резервов к западному фронту 3-й армии на 25 апреля (8 мая) выразились в следующем:

13-я Сибирская и 62-я дивизии, сведенные в XXIX к-с—Мелец; штаб XV к-са с одною дивизиею этого корпуса (8-я дивизия)—Ряшев. XXI к-с—Санок. После осуществления такого сосредоточения резервов к 3-й армии, Главнокомандование Ю.-З. фронта считало положение в Галиции, на Заподном фронте 3-й армии, достаточно упроченным.

Все эти распоряжения свидетельствуют только о том, что Гл-щий Ю.-З. фронта, вполне подавленный требованием Верховного Гл-щего—ни в коем случае не отходить к востоку из Западной Галиции, отдавал свои распоряжения во исполнение этого требования и вопреки действительному положению дел в 3-й армии.

Генерал-квартирмейстер при Верховном Гл-щем, ген. Данилов, занимался подсчитыванием числа дивизий, находившихся в 3-й армии, и приходил к весьма утешительным выводам, совершенно забыв, что уже многие дивизии 3-й армии истекли кровью и обратились из дивизий в батальоны. Ясно, что ген. Данилов подсчет числа номеров дивизий ставил выше изучения их боеспособности, и несомненно не имел достаточного представления об этой последней. Ген. Данилов, как видно, недостаточно осведомлял о боеспособности войск, как н-ка штаба Верховного гл-щего, так и самого Верховного гл-щего.

Отсюда понятно, что усвоенная тенденция: „ни шагу назад, во что бы то ни стало“,—находила себе поддержку в подсчетах ген. Данилова и не встречала себе удержу со стороны ясного представления о боеспособности войск и, в частности,—корпусов 3-й армии—к 25 апреля (8 мая) 1915 г. Гл-щий Ю.-З. фронта находился под двумя противоположными влияниями: Верховного гл-щего с тенденцией—„ни шагу назад“ и н-ка штаба ген. Драгомирова, который совершенно верно оценивал безнадежность стратегического положения всего Ю.-З. фронта, явившуюся прямым последствием чрезмерного упорства сначала ген. Алексеева и ген. Иванова, а затем и Верховного гл-щего—в исполнении замысла „через Карпаты в Венгрию“.

Не имея своего собственного полководческого решения, очевидно, г.-а. Иванов подчинился в точности указаниям Ставки, т.-е. вводил самого себя и подчиненные ему армии в заблуждение относительно истинного положения дел в 3-й армии, и как вывод отсюда—отдавал распоряжения, совершенно не соответствующие боевым силам 3-й армии.

В силу служебных соотношений, г.-а. Иванов совершенно не считался в это время с мнением своего н-ка штаба ген. Драгомирова, потому что по отношению к мнениям Верховного гл-щего они были совершенно противоположны. Примирить эти два мнения было невозможно; среднего решения г.-а. Иванов подыскать не мог и распоряжался, беспрекословно

проводя в жизнь указания свыше, вопреки фактам живой действительности.

Последствия таких распоряжений до 24 апреля (7 мая) 1915 г. состояли в том, что войска 3-й армии напрягали последние свои силы, и, не достигнув положительного результата, все-таки должны были отходить, теряя окончательно свою боеспособность. Таким образом, исполнение распоряжений Гл-щего, не достигая положительного результата, приводило лишь к потере боеспособности войск и к углублению безнадежности стратегического положения, в которое были поставлены армии Ю.-З. фронта, не остановленные своевременно в исполнении пагубного для них замысла Карпатской операции.

Стратегическое положение армий Ю.-З. фронта к 25 апреля (8 мая) 1915 г.

Направление удара противника. К 25 апреля (8 мая) 1915 г. 3-я армия занимала фронт Щупин—Радомысль—Велеполе—Войкувка—Тржесниов— хребет Буковица, оттесненная сюда атаками противника. К этому времени, 4-я, 8-я, 11-я и 9-я армии оставались в прежнем своем расположении и только правый фланг 8-й армии—предположено было в ночь на 25 апреля (8 мая) несколько оттянуть назад в тесной связи с левым флангом 3-й армии. Маневренная зона 3-й армии, в которой располагались все тыловые пути ее корпусов, ограничивалась с правого фланга (на севере) рекою Вислою, с левого фланга (с юга)—направлением Кулашне—Бирча—Перемышль. Ближайшим рубежом к тылу 3-й армии являлась р. Сан, от устья до Перемышля. Таким образом, атаки противника против к-сов 3-й армии, стратегически, являлись фронтальными, хотя тактически противник действовал, комбинируя фронтальные атаки с атаками во фланг и с обходами флангов, более или менее глубокими; в результате этих атак, 3-я армия, потеряв боеспособность, все-таки могла отойти на р. Сан. Оттесняя 3-ю армию к востоку, противник все более и более приближался к тылам 8-й армии и, следовательно, получал возможность развить свой удар в ее правый фланг и глубоко в тыл; в случае успеха—это могло повести к катастрофе в 8-й армии, к ее отходу, подобно 3-й армии, и к дальнейшему развитию удара во фланг и тыл 11-й армии.

Получалась для противника возможность 4—5 корпусами достигнуть разгрома 10—12 русских корпусов. Помешать удару во фланг и тыл 8-й армии—3-я армия уже не могла, так как потеряла свой наступательный порыв и истощила свои силы в боях 19—24 апреля (2—7 мая).

Действия противника. Решительным ударам противника предшествовало отвлечение нашего внимания к Мезо-Лаборч-

скому направлению (демонстрация). Затем началась и развилась артиллерийская подготовка удара на X к-с и левое крыло IX к-са. Это направление удара и самый удар явились лишь вспогательными, имеющими своею целью разбить наш X корпус и приковать к месту IX к-с, дабы они не могли развить удара во фланг в то время, когда, выдвинув все свои силы, армия ген. Макензена приступит к нанесению главного удара в левое крыло 3-й армии для выхода во фланг и тыл 8-й армии.

В свою очередь, совокупностью этого главного удара со вспомогательными, армия ген. Макензена достигала: во-первых,—полного ослабления 3-й армии и, во-вторых,—оттеснения ее к востоку, чем открывалось направление для удара во фланг и тыл 8-й армии.

Достигнув успеха в ударе на левое крыло 3-й армии, армия ген. Макензена могла обрушиться в тыл 8-й армии, не дав ей отойти и ускользнуть от такого удара; для достижения этого армии ген. Макензена необходимо было: атаками правого крыла 8-й армии задержать отход расположенных здесь сил, быстро сломить сопротивление левого крыла 3-й армии и решительным наступлением обрушиться в тыл 8-й армии. Здесь требовались от армии ген. Макензена: сокрушительная сила ударов, согласованность атак на фронт правого крыла 8-й армии с атаками левого крыла 3-й армии и наличии таких сил, которые позволили бы достигнуть осуществления всех этих атак, т.-е. необходимо было безусловное превосходство сил. Следует предположить, что ген. Макензен, учитывал свои силы, как недостаточные для развития операции во всей полноте и, вероятно, не расчитывал на разгром 8-й армии. Однако, он имел все основания предполагать, что полный разгром левого крыла 3-й армии заставит отойти назад 8-ю армию, и что после этого—энергичное преследование разбитой 3-й армии с постоянной угрозой обхода правого фланга 8-й армии приведет к отходу 8-й армии, которая, естественно, потянет за собою назад и соседнюю с нею 11-ю армию. Действуя, таким образом ген. Макензен имел основания расчитывать на отступление армий Ю.-З. фронта с Карпат, а затем и на потерю ими сначала Западной, а затем и Восточной Галиции.

Действия других армий Ю.-З. фронта. Приводя в исполнение основную идею Карпатской операции—вторгнуться в Венгрию, г.-а. Иванов вскоре убедился, что встретил в достижении этой цели решительное сопротивление, и к апрелю 1915 г. перешел к обороне, опасаясь за удар со стороны противника на Мезо-Лаборчском направлении; силы армии и свое внимание он направлял в духе этого опасения, чем, как уже известно, играл в руку предстоящей операции армии ген. Макензена со стороны Кракова. Завязка боя ударом

в левое крыло IX к-са и в X к-с была принята г.-а. Ивановым, как заурядное событие, хотя в его распоряжении уже были сведения и признаки, требовавшие совершенно иного отношения к тому, что произошло 19 и 20 апреля (2 и 3 мая) 1915 г.

Корпуса 3-й армии были развернуты кордоном; общее развертывание 3-й армии представляло собою безидейное расположение корпусов на линии со слабо выраженным намеком на опасения со стороны Мезо-Лаборча (расположение резервов). Таким образом, атака IX и X короусов со стороны армии ген. Макензена встретилась лишь с тем сопротивлением, которое могли оказать эти корпуса своими силами, чрезмерно растянутыми по фронту.

Отсутствие армейского резерва, как мощной ударной группы, маневрирующей для нанесения удара из глубины,—с первых же дней оказало свое влияние на ход событий: предоставленный своим силам и своей участи, X корпус вскоре перестал существовать; в общей схеме развертывания 3-й армии, его сменил III Кавказский корпус, предназначенный к роли армейского резерва, но по необходимости, втянутый в бой на смену X к-са, вследствие полного разгрома этого последнего.

Решение сосредоточить армейский резерв явилось запоздалым, как само по себе, так и вследствие затяжных перевозок дивизий с Северо-Западного фронта. Была еще возможность перегруппировки сил 3-й армии в соответствии с новым замыслом операции 3-й армии и всего Ю.-З. фронта, но такового замысла Гл-щий Ю.-З. фронта не поставил, и потому корпуса всех армий остались в прежнем кордонном расположении, почему-то завоевавшим себе роль единственного способа распределения к-сов для всех случаев, тогда как группировка к-сов в каждой армии может и должна разнообразиться, оставаясь всегда в полном соответствии с основным замыслом и планом армейской операции; группировка армий фронта, в свою очередь, всегда должна вытекать из общего замысла и плана операции армии всего фронта, в общей их совокупности. В отдельности группировка корпусов 3-й армии могла бы измениться и принять форму соответствующую новой задаче, которую должен был поставить, по собственному почину, К-щий 3-й армией, приняв во внимание боевые события 19 и 20 апреля (2 и 3 мая), но никакой новой задачи, в развитие общего замысла или в его ограничение, для 3-й армии ген. Радко-Дмитриев не поставил, чем и присудил армию с кордонным расположением корпусов к той именно участи, которая при современном оружии и при могучих ударах сосредоточенными силами всегда постигает и будет постигать кордонное расположение каких бы то ни было сил.

Не объединив действия всех корпусов 3-й армии единой идеей (замыслом) армейского сражения,—ген. Радко-Дмитриев позволил армии ген. Макензена разбить свои корпуса—каждый порознь, не имея возможности при этом облегчить положение атакованного корпуса решительной атакой соседнего, обыкновенно, также атакованного или уже потерявшего свою боеспособность.

Какой-то злой рок в виде веры в необходимость держать все корпуса на одном общем фронте—тяготел над нашими полководцами, которые, как видно, даже не задумывались над вопросом: в какой комбинации следует развернуть свои силы для данной операции? Видимо, для них все операции укладывались в излюбленное ими линейное расположение, освобождающее от необходимости решать этот сложный вопрос.

Потеряв X к-с, ген. Радко-Дмитриев вскоре лишился III Кавказского к-са и подставил под удары армии ген. Макензена XXIV и XII к-са; XXI к-с был оттянут в армейский резерв, но, как видно будет из дальнейшего изложения, и он не избег общей участи.

Итак, отсутствие определенного замысла операции, и следовательно, плана действий, кордонное расположение корпусов при отсутствии мощного армейского резерва, нерешительность во всех действиях, какая-то их половинчатость,—являются признаками, характеризующими действия нашего Ю.-З. фронта и, в частности, его 3-й армии.

Местность. Западный фронт 3-й армии (IX и X к-са) был развернут по р.р. Дунаец и Бяла, в местности, допускающей маневрирование вдоль фронта; Юго-Западный фронт 3-й армии и прочие армии Ю.-З. фронта втянулись в Карпаты и расположились в Карпатских проходах или по хребтам гор. Как известно, Карпатские горы не дают возможности маневрировать вдоль фронта, поэтому развертывание сил сдесь должно строго соответствовать плану предстоящих действий, гораздо строже, чем это требуется в местности, допускающей маневрирование по всем направлениям и потому позволяющей маневром исправлять некоторое несоответствие развертывания, обнаруживающееся во время самого исполнения операции.

На Западном фронте IX и X к-са были растянуты по фронту; за этой группой не было солидного резерва; следовательно, местность не была здесь использована созданием возможности развития широкого маневра из глубины, который способен был бы оказать существенное влияние на течение операций, обратив ее исход в благоприятную для нас сторону. На юго-западном фронте 3-й армии и в остальных армиях, развернутых в горной стране, при самом тщательном изучении расположения наших сил невозможно обнаружить—какой же именно идее соответствует это расположение, за

исключением разве того, что к-сам правого крыла 8-й армии были отведены несколько меньшие по фронту участки. Втянув почти все силы Ю.-З. фронта в горы, г.-а. Иванов подчинил их всем невыгодам расположения в горной стране и не оставил ударной группы (оперативный резерв) для развития маневра в том или ином направлении, что могло потребоваться во время развития операции, всегда сопровождаемой более значительными случайностями в горной стране, по сравнению с операциями в странах равнинных. Кордонное расположение, допущенное в Карпатских горах, было закреплено свойствами этой горной страны настолько прочно, что перегруппировка сил сделалась возможной только с выходом их в Венгерскую равнину или с отходом их в предгорья Карпат и в Галицию.

Спуститься в Венгерскую равнину не удалось; оставалось одно—оттянуть необходимые силы с Карпат и распределить их соответственно строго продуманного плана новой операции; это было возможно и необходимо сделать до катастрофы в 3-й армии. При появлении признаков катастрофы в 3-й армии вопрос сводился к заблаговременному отводу с Карпат всех, сил втянувшихся в горы с целью развития контр-маневра, и затем мощного удара для сокрушения армии ген. Макензена и для спасения остатков разбитой 3-й армии. Таким образом, совершенно очевидно, что стратегические свойства местности не были приняты во внимание в Карпатской операции, поэтому все невыгодные ее свойства обратились против русских сил, а выгодные остались ими неиспользованными; зато их отлично учел и использовал противник.

Возможность глубокого обхода левого фланга Ю.-З. фронта. На левом фланге Ю.-З. фронта располагалась 9-я армия в двух группах — северная и южная группы.

По основному замыслу Карпатской операции северная группа 9 армии должна занять фронт Чап-Хальми; южная группа—район Мармарош-Сигет и до Румынской границы, предварительно выполнив ряд задач по очищению Заднестровья.

Бездействие 9-й армии являлось постоянной заботой со стороны Ставки, откуда многократно поступали указания относительно необходимости начать и развить наступление 9-й армии.

В разговоре по телеграфу 22 апреля (5 мая) 1915 г. с ген. Драгомировым—ген. Данилов выразил: „Внимание Верховного гл-щего все более и более привлекается безисходным положением 9-й армии. С одной стороны ослабление ее в целях усиления за ее счет 3-й армии признается нежелательным ввиду подготовки к наступлению, с другой стороны, когда возникает вопрос о ее наступлении, мы встречаемся с оговорками о недостаточности огнестрельных припасов;

при таких условиях может случиться, что 9-я армия не проявит своей силы ни в качестве резерва для других армий, ни в качестве самостоятельной ударной силы. Положение это, конечно, крайне тяжкое и невыгодное" [86]).

В телеграмме г.-а. Иванову, от 23 апреля (6 мая) 1915 г. за № 90, ген. Янушкевич, от имени Верховного г-щего, между прочим, передает: „Верховный гл-щий высказал, что легкость, с которою противнику удалось собрать на направлении удара значительные силы, во многом произошла от пассивности 4-й и 8-й армий, с фронта коих противник оттянул значительные силы. Опасаясь, что то же явление произойдет на фронте 9-й армии, признаки чего уже обнаруживаются, Верховный гл-щий полагает желательным ускорить переход в наступление всей 9-й армии и ожидает копии вашей директивы этой армии" [97]).

Такое указазание вызвало телеграмму н-ка штаба Ю.-З. фронта К-щему 9-й армии, от 23 апреля (6 мая) 1915 г. № 5775, следующего содержания: „Ввиду очевидного намерения противника атаковать ваш правый фланг Г-щий приказывает перейти в решительное наступление и чем скорее тем лучше. Телеграфируйте когда можете таковое начать. 5775. Драгомиров". На этой телеграмме имеется пометка ген. Данилова: „Полагаю, что надо было бы указать цель. Это не директива для К-щего армией. Ген. Данилов 23/4". Вскоре выяснилось, что к-р XI корпуса (9-й армии) приостановил свое наступление ввиду сосредоточения против его фланга яко-бы превосходных сил противника; н-к штаба Ю.-З. фронта, от имени Гл-щего, того же 23 апреля (6 мая), приказал: „Энергично продолжать наступление отнюдь таковое не откладывать" [98]); вместе с тем для успешности наступления были предписаны некоторые меры организационного характера. В разговоре по телеграфу 24 апреля (7 мая) 1915 г., после совещания, г.-а. Иванов сообщил, между прочим, ген. Янушкевичу: „участие XXXIII к-са в операциях в Восточной Галиции тем более желательно, что XI к-с переходит завтра в наступление вверх по долине Ломницы и притоков Чечвы". В том же разговоре ген. Янушкевич высказал, что опасность в Буковине пока еще не ясна, и как бы в ответ на это, г.-а. Иванов выразил предположение о возможности перевозки XXXIII к-са на усиление 3-й армии, однако, при условии, если на замен этого к-са будет направлена одна дивизия десантного корпуса.

24 апреля (7 мая) за № 5845 г.-а. Иванов телеграфировал в Ставку: „Сведения о прибытии в район Станиславова и в район Черновицы германских войск подтверждаются показаниями телефониста, захваченного на высоте Макувка. Вывод XXXIII к-са безусловно нежелателен. На следующую ночь была назначена переправа этого к-са. Полагаю, что при

современных условиях является безусловно желательным этой переправы не отменять, ибо она выясняет вопрос относительно нахождения германцев в Станиславовском районе и при успехе может помешать беспрепятственному сбору, а равно уменьшить опасность прорыва тонкого расположения Станиславской группы 9-й армии. Прошу срочного ответа, 5845. Иванов". Ответ последовал немедленно: „5845. Вопрос об использовании XXXIII к-са предоставлен телеграммой 119 вашему усмотрению. 122. Янушкевич." Телеграмма 119 заключает в себе распоряжения Верховного Гл-щего, вызванные совещанием, состоявшимся 24 апреля 1915 года. Итак, к 25 апреля (8 мая) 1915 г. вероятность не только обхода левого фланга всего Ю.-З. фронта, но и давления на этот фланг со стороны противника, является совершенно не выясненною; кроме того, расположение этого фланга в районе Станиславов—Черновицы настолько было удалено от района главной операции, что к 25 апреля (8 мая), даже и при давлении противника на этот фланг, мог бы получиться единственный результат, а именно—отход этого фланга в Галицию с сохранением способности к развитию контр-маневра и удара; это не могло отозваться на главной операции в районе Дунаец-Бяла вследствие удаленности от нее.

Расчет на образование резерва для главной операции из состава 9-й армии представляется совершенно неосуществимым, так как переброска войск по галицийским дорогам неминуемо привела бы к опозданию их прибытия в район действий 3-й армии.

Итак, мысль о сосредоточении резерва витала в эти дни, но она выражалась в недостижимом стремлении добыть эти резервы, не выводя хотя бы некоторых корпусов с Карпат в Галицийскую равнину, не говоря уже об образовании резерва путем полного перехода от замысла Карпатской операции к новому замыслу, т. е. к полной перегруппировке еще мощных в это время сил Ю.-З. фронта.

Необходимость перемены замысла операции. В разговоре 22 апреля (5 мая) 1915 г. с ген. Даниловым—ген. Драгомиров предложил отказаться от дальнейшего развития Карпатской операции и признать своевременным сосредоточение 3-й и 8-й армий Ю.-З. фронта за р.р. Вислу и Сан (от устья р. Сан до Завадки); при этом 11-я армия осталась бы в занимаемом расположении, а 9-я армия одновременно с отходом на р. Сан начала бы наступление в Заднестровье с тем, чтобы упрочить наше новое расположение. Ген. Данилов в ответ на это выразил, что „еще имеются средства, дабы устроить и упрочить положение, не прибегая к столь ридикальным средствам"; кроме того, ген. Данилов находил, что „в настоящее время, накануне возможного выступления на нашей стороне нейтральных го-

сударств, крайне невыгодно и даже опасно принимать столь радикальные меры по изменению нашего стратегического положения, которые вы намечаете, если эти меры не диктуются крайнею необходимостью, которой я лично не усматриваю". Следовательно, все дело было только в том, что ген. Данилов не усматривал крайней необходимости отказа от дальнейшего развития исполнения Карпатской операции, в то время, как более дальновидному ген. Драгомирову этот отказ представлялся и необходимым, и своевременным. Дальнейшие события целиком подтвердили точку зрения ген. Драгомирова... В том же разговоре ген. Данилов еще более углубляет свою мысль о необходимости, вопреки мнению ген. Драгомирова, продолжать Карпатскую операцию словами: „Что касается общей цели, которая ставится войскам Ю.-З. фронта, развернутым в Галиции, то она вполне определенно поставлена в письме н-ка штаба на имя г.-а. Иванова. До сегодняшнего дня, да пожалуй и в настоящее время, едва ли есть основание менять общую идею". Итак, Карпатская операция должна развиваться; ее основной замысел остается неприкосновенным, и даже без частичных изменений, несмотря на действия, развиваемые армией ген. Макензена и очевидные успехи, достигнутые ею за время с 19 по 22 апреля (2—5 мая) 1915 г. Соображения, высказанные ген. Драгомировым, не получили одобрения Верховного главнокомандующего; г.-а. Иванову указано 22 апреля (5 мая), что Верховный главнокомандующий не допускает возможности отхода 3-й армии восточнее реки нижней Вислоки; это повеление подтверждено 23 апреля (6 мая) 1915 г.; к этому добавлено, что при сложившихся условиях „коренная ломка в расположении 4-й армии крайне тягостна и нежелательна"; предложено было взвесить—нельзя ли, пользуясь р. Вислой, промежуток между 4-й и 3-й армиями прикрыть конницей, коей в 3-й армии образовался избыток.

Следовательно, в Ставке была надежда исправить пошатнувшееся положение 3-й армии; средством для этого намечена переброска за правое крыло 3-й армии двух дивизий—13-й Сибирской и 62-й (XXIX к-с); однако, Ставка, видимо, плохо расчитала время прибытия этих дивизий по назначению и не соразмерила этот срок с быстро надвигавшимися событиями, вызванными наступлением и решительным ударом армии ген. Макензена.

Боеспособность армий Ю.-З. фронта. Военная история красноречиво свидетельствует, что весьма тяжелое стратегическое положение не раз благополучно разрешалось, благодаря военному таланту и решительным действиям полководцев, опирающихся на боеспособность и доблесть войск. Свойства полководцев Ю.-З. фронта в период Карпатской опера-

ции достаточно выяснены попутно с изложением боевых событий; остановим теперь наше внимание на боеспособности армий Ю.-З. фронта изучаемого периода.

Корпуса втянулись в Карпатские проходы в зимнее время, преодолевая сопротивление противника, не раз переходившего в наступление; в результате потери убитыми, ранеными, пленными, дезертирами и больными были весьма значительны. По численному составу—корпуса немногим отличались от дивизий полного состава; части нуждались в укомплектовании.

К рассматриваемому периоду времени мобилизованы были многие возрасты запаса армии, поэтому запасные б-ны были переполнены людьми, не получавшими, однако, в них достаточной подготовки. Причиной этому служили: недостаток в кадровых офицерах, которые способны были бы вести правильную подготовку; недостаток ружей в запасных батальонах, что приводило к обучению людей действию оружием по очереди, совершавшей весьма медленный круговорот, так как ружей было во много раз меньше числа людей, требующих обучения; недостаток устроенных стрельбищ в местах расположения запасных батальонов; падение дисциплины среди запасных, поистине не поднимавших—зачем их призвали в запасные войска, оторвав от семьи и мирных занятий и, призвавши, держат в полном бездействии, не предоставив необходимых средств обучения и не устроив их существование, в переполненных людьми бараках, где люди, как вещи в цейхгаузах, нагромождались в несколько этажей... В результате—маршевые роты укомплектования прибывали в войска слабо подготовленными в боевом отношении, с подавленным нравственным состоянием *). В 1914 г. основные кадры войсковых частей были еще настолько устойчивы, что перерабатывали прибывавшие укомплектования, подымая их боеспособность до собственного уровня; в период Карпатской операции кадры были уже менее устойчивы и не всегда были в состоянии переварить недочеты вливавшихся в них укомплектований. В результате—боеспособность войск Ю.-З. фронта в период Карпатской операции была пониженная по сравнению с боеспособностью 1914 г., когда наша 3-я и 8-я армии с боем прошли всю Галицию. Офицерский состав в апреле 1915 г., хотя во многом был слабее офицерского состава августа 1914 г.,—но в это время еще не сошли со сцены все участники Великой Галицийской битвы; однако... пониженная боеспособность войск только до некоторой степени восполнялась более высокими качествами командного состава. Старшие начальники—командиры корпусов и н-ки дивизий Ю.-З. фронта, за немногими исключениями, представляли собою некоторый

*) По результатам осмотра запасных батальонов, произведенного ген. Бонч-Бруевичем согласно данного ему поручения

подбор, благодаря личным свойствам г.-а. Иванова и его н-ка штаба ген. Алексеева, подбор, оставлявший желать много лучшего, особенно, если принять во внимание сложность Карпатской операции.

Ко времени Карпатской операции сильно давал себя чувствовать недостаток огнестрельных припасов, особенно артиллерийских,—приводивший к необходимости вести огонь весьма ограниченным числом патронов в то время, когда германская артиллерия засыпала наши войска снарядами тяжелой и легкой артиллерии. В числе орудий, особенно тяжелых, мы уступали противнику настолько, что это действовало неблагоприятно на наши войска.

Общее заключение. Итак, стратегическое положение армий Ю.-З. фронта к 25 апреля (8 мая) 1915 г. следует признать весьма тяжелым, требовавшим коренного изменения замысла операции и полной перегруппировки сил всего фронта. Вместе с тем наше стратегическое положение являлось безнадежным, потому что Верховный главнокомандующий и с ним Гл-щий фронтом не сознавали необходимости полного отказа от Карпатской операции, на что-то надеялись без какого бы то ни было расчета и действовали в духе лозунга „ни шагу назад, во что бы то ни стало". Своими распоряжениями они только задерживали армии в Карпатской ловушке и вместо исполнения преднамеренного отвода наших армий в Галицийскую равнину,—они готовили отступление армий под ударами противника, при котором, как известно, армии несут наибольшие потери и легче всего утрачивают свою боеспособность.

Распоряжения Верховного Главнокомандующего, вытекающие из совещания на ст. Холм 24 апреля (7 мая) 1915 г.

В 12 часов 40 минут дня 25 апреля (8 мая) 1915 г. из Ставки была отправлена г.-а. Иванову следующая телеграмма: „Верховный Гл-щий в соответствии с результатами сегоднешнего совещания в Холме повелел подтвердить его непреклонную волю, чтобы пределом допустимого отхода 3-й армии считать линию фронта, определяемую меридианом реки нижней Вислоки".

„В подкрепление армиям Ю.-З. фронта немедленно направляются из С.-З. фронта корпусное управление XV корпуса с одной из дивизий этого корпуса по назначению генерала Алексеева, вместе с тем будет подготовлена к отправке и вторая дивизия этого корпуса, если в ней встретится надобность. Независимо от этого отдается распоряжение о направлении из Одессы на Львов 3-й Кавказской стрелковой дивизии. Генералом Алексеевым отдано распоряжение

о перемещении одной из дивизий 5-й армии в район Нове-Място, каковая дивизия при первой необходимости поддержит 4-ю армию. Это обстоятельство должно дать вам возможность в связи с ослаблением противника между верхней Вислой и Пилицей вывести из состава 4-й армии один корпус по вашему усмотрению для переброски его в район действий 3-й армии. Вместе с тем Верховный главнокомандующий требует принятия самых энергичных мер к тому, чтобы выделить в состав резерва 3-й армии не менее корпуса из лево-фланговых корпусов 3-й армии, а также выделения из 8-й армии, насколько то окажется возможным по вашему ближайшему усмотрению, резервов для поддержки ими угрожаемого фронта. Что касается XXXIII корпуса, то хотя на совещании было высказано пожелание привлечь его в район действия 3-й армии, вам предоставляется, в виду сведений о появлении германцев в Буковине, требующих самой строгой поверки, решить вопрос о наилучшем использовании этого корпуса в соответствии с обстановкой, которая может быть оценена вами более детально. Никаких других полевых частей для поддержки девятой армии в распоряжении не имеется 119. Янушкевич" [99]).

Таким образом, намечено следующее сосредоточение резервов в район действий 3-й армии:

XXIX корпус—две дивизии (13-я Сиб. и 62-я)—отчасти уже начавшееся—Мелец.

XV корпус (сначала одна 8-я, а затем другая дивизия)—Ряшев; один корпус 4-й армии—Ряшев; один корпус (XXI) из состава 3-й армии; XXXIII корпус г.-а. Иванов решил оставить для действий в Восточной Галиции.

Назначение четырех корпусов в резерв 3-й армии по первому впечатлению представляется мерой вполне действительной и даже грозной для противника; но если сопоставить уже известное развитие действий армии ген. Макензена к 25 апреля (8 мая) и стратегическое положение 3-й армии—с одной стороны, с временем, потребным на сосредоточение намеченных резервов,—с другой, то станет совершенно очевидным, что сосредоточение резервов состояться не могло и, в лучшем случае, оно свелось бы ко вливанию в боевые участки корпусов 3-й армии войсковых частей корпусов резерва, постепенно прибывающих в район 3-й армии.

В дополнение к распоряжениям, изложенным в телеграмме 119, 25 апреля (8 мая), Верховный гл-щий сделал распоряжение о направлении всего V Кавказского к-са, в составе 3-й Кавказской стрелковой дивизии, 1-й и 2-й Кубанских пластунских бригад—во Львов, в резерв Верховного гл-щего; об этом распоряжении г.-а. Иванов был поставлен в известность.

Вслед за этими оперативными распоряжениями Верховный гл-щий, за свою подписью, отправил г.-а. Иванову следующую телеграмму: „Генерал-адъютант князь Голицын доложил мне, что ныне у генерала Радко-Дмитриева и его штаба, как и подобает, настроение вполне спокойное и уверенное. Ввиду непрерывных попыток штаба вверенного вам фронта отойти по тем или другим причинам попеременно на различных участках фронта, я категорически повелеваю без особых моих указаний и действительной боевой обстановки отход не производить. При нахождении правого фланга 3-й армии на фронте Щуцин—Радомысль никакой надобности в отходе 4-й армии не усматриваю, тем более, что к левому флангу этой армии будут подходить подкрепления с правого фланга. К тому же и сам Командующий армией вполне резонно предпочитает остаться на ныне занятой им позиции. Вообще прошу оставить идею отхода 172. Генерал-адъютант Николай“ [100]).

Внимание Верховного гл-щего обращено было на правое крыло 3-й армии, которому, как доносил К-щий 3-й армией,— ничто не угрожало; между тем в это время армия ген. Макензена, по всем признакам и по донесениям К-щего 3-й армией, сосредоточивала свои силы против центра левого крыла 3-й армии, угрожая опрокинуть его. Какая-то суеверная боязнь за „стыки“ армий, и в данном случае за „стык“ 3-й и 4-й армий,— отвлекала внимание от того района, где вот-вот, по всем признакам, должны были разыграться решающие боевые события.

Все эти распоряжения свидетельствуют, что Верховный гл-щий не охватывал 25 апреля (8 мая) 1915 г. всей обстановки, в которой находилась 3-я армия и весь, вообще, Ю.-З. фронт.

Заключение к III главе.

В этой главе установлено, что к 25 апрелю (8 мая) 1915 г. 3-я армия потеряла всякую возможность дать отпор противнику своими собственными силами, или хотя бы задержать его до сосредоточения мощного армейского резерва. Такое состояние 3-й армии не было твердо усвоено Гл-щим Ю.-З. фронта, хотя его н-к штаба не только докладывал ему о положении 3-й армии и всего Ю.-З. фронта, но с его согласия и одобрения вел разговор на эту тему с генерал-квартирмейстером при Верховном гл-щем, высказавшись вполне определенно как о стратегическом положении, так и относительно дальнейших действий. Предложения ген. Драгомирова не получили одобрения Верховного гл-щего и даже вызвали полное порицание Верховного Гл-щего во время совещания 24 апреля (7 мая) 1915 г. Под несомненным

влиянием взглядов Ставки г.-а. Иванов отдавал распоряжения в духе этих взглядов и в то же время, становясь перед фактами боевой действительности, о которых доносил ему К-щий 3-й армией, в критические минуты—запрашивал Ставку и просил указаний Верховного гл-щего для дальнейших действий. Ген. Радко-Дмитриев долгое время старался распоряжаться в духе указаний г.-а. Иванова, согласованных со Ставкой, но к 24 апреля (7 мая) боевые события убедили его в том, что 3-я армия способна только к отходу с целью уйти от противника. Таким образом, Главнокомандующий фронтом не управлял уже боевыми действиями и только передавал в своей редакции то, что ему диктовала Ставка, одухотворяемая лозунгом — „ни шагу назад — во что бы то ни стало".

ГЛАВА IV.

Отступление 3-й армии за р. Сан. Оборона р. Сан. Расположение Ю.-З. фронта по р.р. Сан и Днестр. (С 25 апреля (8 мая) по 10/23 мая 1915 г).

(Схема № 2, № 3 и № 4).

Подготовка армией ген. Макензена нового удара. Приказ К-щего 3-й армии, от 24 апреля (7 мая) 1915 г. за № 1301, был исполнен корпусами следующим образом:

IX к-с и X к-с — вышли из боя и благополучно заняли указанное им расположение.

III Кавказский к-с — с наступлением темноты, 24 апреля (7 мая), был атакован противником, но при помощи подоспевших резервов все атаки были отбиты и некоторые части корпуса даже переходили в наступление; в конечном результате—к-с вышел из боя и занял указанное ему расположение.

XXIV к-с — благополучно удерживал указанное ему положение.

XII к-с — занял положение, указанное ему в приказе; левофланговой его дивизии (19-й) подтверждено, чтобы была прочно занята высота 706, где 3-я армия входит в связь с 8-й. Воздушная разведка обнаружила движение двух колонн противника, в общем силою более корпуса,—со стороны Дукла на Риманув.

XXI к-с — отходил в резерв, как было ему указано, при чем 44-я дивизия снялась с позиции—с боем.

Поздно вечером 24 апреля (7 мая) ген. Радко-Дмитриев, отдавая Гл-щему отчет о действиях армии, между прочим сообщил: „По всему видно, что противник готовит на завтра решительную атаку X, III Кавказского и XXIV корпусов... Положение армии признаю весьма серьезным". 25 апреля (8 мая) 1915 г. на правом крыле армии (IX и X к-са) противник вел частные атаки в нескольких местах; все они были остановлены огнем; противник не доводил наступление до полного напряжения, видимо, имея в виду этими частными атаками задержать русских на месте, не допустив

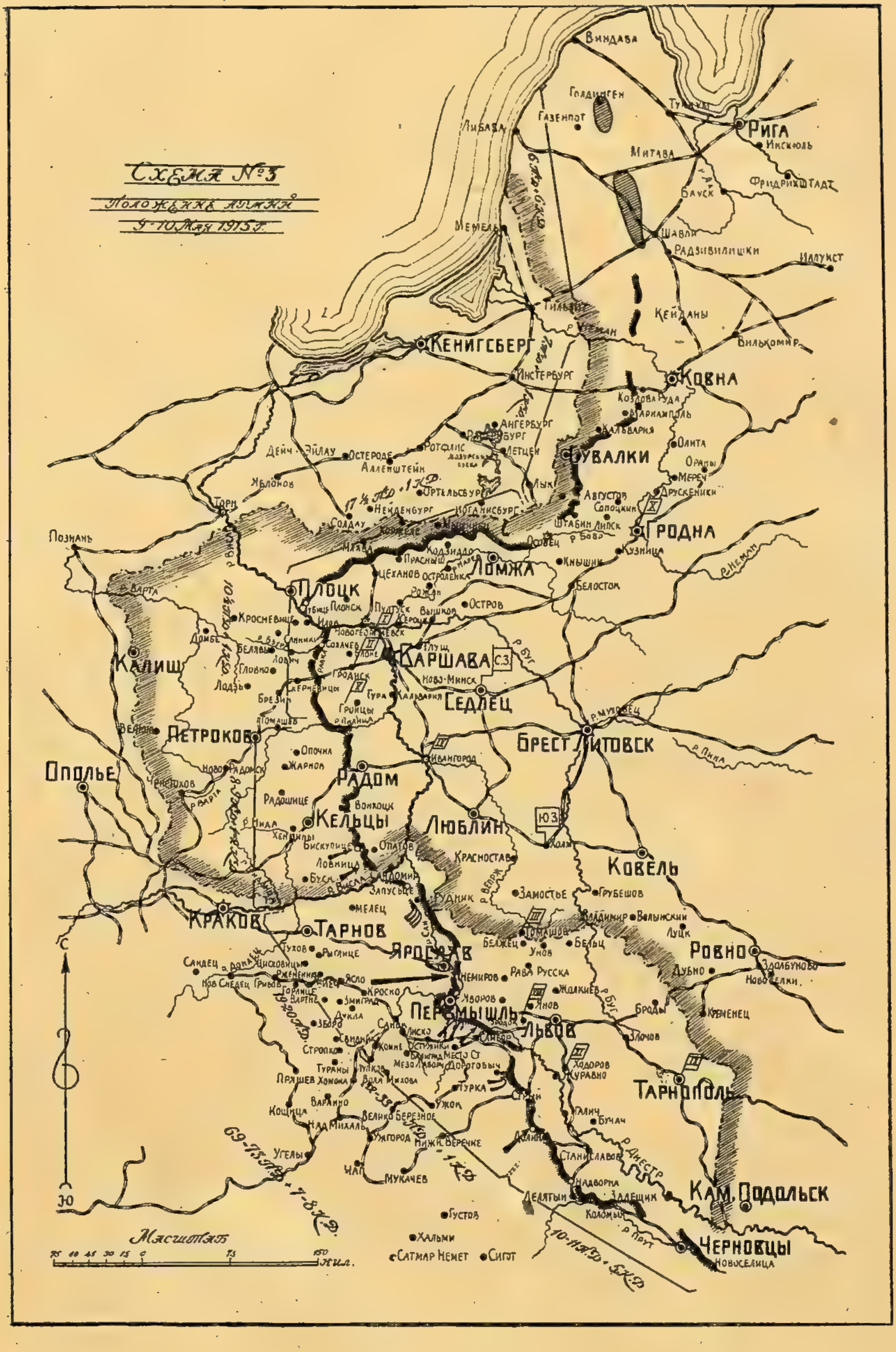


Схема № 5
Положение армий
9-10 Мая 1915 г.
Рига
Митава
Либава
Виндава
Мемель
Шавли
Кенигсберг
Инстербург
Тильзит
Кейданы
Ковна
Сувалки
Гродна
Ломжа
Плоцк
Варшава
Седлец
Брест Литовск
Калиш
Петроков
Ополье
Радом
Кельцы
Ивангород
Люблин
Ковель
Краков
Тарнов
Ярослав
Перемышль
Львов
Ровно
Тарнополь
Кам. Подольск
Черновцы
Масштаб
км.

их переброску на поддержку левого крыла 3-й армии, против которого противник, как видно, готовил свой главный удар.

На левом крыле армии (III Кавк., XXIV, XII к-са) противник вел артиллерийскую подготовку, особенно огнем тяжелой артиллерии, и стремился овладеть тактически важнейшими пунктами местности, а именно: в III Кавк. к-се—овладел высотою у Одржихова и закрепился на ней; в XXIV к-се наступательные попытки противника против тактически-важных пунктов были нами отбиты; в центре XII к-са противник завладел лесистым гребнем, так что центр корпуса подался назад, заняв ряд высот; смычная с 8-й армией высота 706—нами удержана.

Принимая во внимание положение дел 25 апреля (8 мая), ген. Радко-Дмитриев, вместо того, чтобы использовать в интересах вверенной ему армии „подготовительный" период противника к бою и отвести свои корпуса, дабы противнику не удалось атаковать их 26 апреля (9 мая), передал через н-ка штаба армии в 11 часов ночи 25 апреля (8 мая) 1915 г., следующее распоряжение, весьма выгодное для противника: „Ржешув 25 апреля (8 мая) 11 часов вечера. Командующий армией на завтра 26 апреля (9 мая) приказывает всем корпусам закрепить свое положение на занятых ими участках и во-что бы то ни стало удерживаться до прибытия подкреплений. Двадцать первому корпусу по сосредоточении в указанном ему районе перейти в решительное наступление в направлении Беско—Риманув, поддерживая тесную связь с соседними корпусами и содействуя им в исполнении их задач. Коннице не уклоняться от пехотного боя и задерживать противника впереди, а затем и на линии пехотных позиций 1365. Добророльский".

В этом распоряжении дана задача XXI к-су, без указания исходного положения к-са, времени наступления и даже без определенной тактической цели наступления, ибо указанием общего направления наступления, на Беско—Риманув, тактическая его цель, конечно, не определялась. В течении 25 апреля (8 мая) в Мелец высаживались эшелоны 13 Сибирской дивизии.

Атака армией ген. Макензена левого крыла 3-й армии 26 апреля (9 мая) 1915 г. На правом крыле армии—противник обстреливал наше расположение редким артиллерийским огнем; в течение дня противник в нескольких местах пробовал безуспешно атаковать части IX к-са; перед фронтом X к-са наша конница задерживала наступление отдельных колонн противника и с боем отошла в указанное ей расположение; затем, как и в IX к-се, противник безуспешно атаковал некоторые участки нашего расположения.

На левом крыле армии—ночью с 25 на 26 апреля (с 8 на 9 мая) противник атаковал один полк 48-й дивизии (Ларго-Кагульский) и вынудил этот полк отойти на правый берег р. Вислоки, очистив высоты левого берега.

С утра противник энергично атаковал центр и левый фланг III Кавказского к-са; наши части отошли на фронт Козловск—Опарова—Ржепеник—Венглувка. Вследствие отхода левого фланга III Кавказского к-са и напора противника в этом направлении—пришлось отойти и правому флангу XXIV к-са на фронт Суха-Гура—Яблоница-Польска. Бой в III Кавказском к-се носил крайне ожесточенный характер: многие части неоднократно переходили в контр-атаку; во многих местах дело доходило до штыковой свалки. Правофланговая (9-я) дивизия, а за ней и 21-я девизия—вынуждены были отойти; левофланговая (52-я) дивизия удерживала втечение дня свое расположение и частично переходила в контр-атаку. Потери в людях были весьма значительны.

XXIV к-с в течение целого дня выдерживал атаки превосходных сил противника, поддерживаемые огнем могущественной тяжелой артиллерии; корпус понес значительные потери и вынужден был отойти к вечеру за р. Стобница; в бою участвовал сводный полк, образовавшийся из остатков трех полков 48-й дивизии.

XII к-с был атакован в правый участок; противник отбросил здесь наши части из Беско и ближайших высот; но отброшенные части устроились и контр-атакой восстановили свое положение; после этого противник продолжал энергичные атаки обоих флангов 12-й дивизии; все наступательные попытки противника были отбиты огнем и контр-атаками.

XXI к-с к вечеру вышел головами колонн на линию Язмерж—Заршин. Таким образом, бой 26 апреля (9 мая) привел к отступлению левого крыла 3-й армии с большими потерями в людях, особенно в III Кавказском к-се.

Надежды К-щего 3-й армией возлагались на XXI к-с, который с утра 27 апреля (10 мая) должен был перейти в наступление.

Однако, у ген. Радко-Дмитриева были и опасения за действия XXI к-са, что видно из его телеграммы К-щему 8-й армией ген. Брусилову.

„В результате сегодняшних боев", телеграфирует ген. Радко-Дмитриев ген. Брусилову, „центр 3-й армии был оттеснен на линию Стрижув—Лутча—Бржозов. Завтра на рассвете XXI к-с переходит в наступление с фронта Вздув—Заршин на фронт Хочев—Риманув; возлагаю большие надежды на этот маневр, который единственно может поправить тяжелое положение 3-й армии, но надо быть готовыми и на худшее. Таком случае поставлю себе задачей частями XXI к-са прикрывать временно путь Санок—Дынув, дабы дать вашей армии и

моему левому флангу отойти свободно за Сан. О вышеизложенном считаю своим долгом вас предупредить. 1402. Генерал Радко-Дмитриев" 101).

Исходя из результатов боя 26 апреля (9 мая), ген. Радко-Дмитриев отдал следующий приказ в 10 часов вечера 26 апреля (9 мая): „III Кавказский корпус не выдержал сегодня натиска на него неприятеля и вынужден был отойти. Дабы не ставить примыкающий к нему с левого фланга XXIV к-с в затруднительное положение, отвожу оба названных корпуса на новую линию и в связи с этим корпусам армии приказываю: п е р в о е—IX и X к-сам продолжать оставаться на занимаемой ими линии, в т о р о е—III Кавказскому к-су отойти и прочно занять линию Велеполе—Стрижув—Лутча включительно, т р е т ь е—XXIV к-су занять линию р. Стобница от дер. Лутча до Бржозова и далее на Туржеполе—Вздув, ч е т в е р т о е—XII к-су оставаться на ныне занимаемой позиции, п я т о е—XXI к-су развить свое наступление на фронте Вздув—Беско—Риманув согласно отданного мною ранее приказа, ш е с т о е—IX и XII к-сам находиться в самой тесной связи с флангами соседних армий, с е д ь м о е—возлагаю на особую ответственность командира III Кавказского к-са прочно поддерживать связь с флангами смежных корпусов, в о с ь м о е—всем корпусам во что-бы то ни стало держаться на указанной мною линии, имея в виду использовать последствия перехода в наступление XXI к-са и подход к нам свежих подкреплений. Ставлю в особую обязанность XII и XXIV к-сам всемерно содействовать наступлению XXI к-са, д е в я т о е—штабам корпусов оставаться на своих местах, кроме XXIV к-са, которому быть в Блажува. Штаб армии Ржешув. 1399 генерал Радко-Дмитриев" [102]).

Итак, задержка русской 3-й армии на месте 25 апреля (8 мая) и подготовка к бою армии ген. Макензена—того же числа—привели к поражению левого крыла 3-й армии, т.-е. еще более ослабили эту армию, уже истекшую кровью. У К-щего армией не хватило мужества остаться твердым в своем заключении о потере армией боеспособности и о том, что ее удел—выйти из боя, выйграть время и уйти за р. Сан, дабы сохранить остатки своей боеспособности на будущее время.

Высшее командование, далекое от ясного представления об истинном положении дела, своим упорством связывало К-щего 3-й армией, который на 27 апреля (10 мая) поставил свою последнюю сверх-ставку—переход в наступление XXI к-са.

Положение дел в 3-й армии и возможность отхода ее правого крыла вызвали опасения за левый фланг 4-й армии, поэтому ген. Драгомиров 26 апреля (9 мая) 1915 г., телеграммой № 5926, от имени Гл-щего Ю.-З. фронта, запросил ука-

заний ген. Янушкевича относительно возможности отхода 4-й армии на более короткую позицию Ново-Място—Илжа—Юзефов, дабы иметь в готовности соответствующий план действий.

Общее положение 3-й армии к 6 часам вечера 26 апреля (9 мая) н-к штаба этой армии характеризовал следующим особым донесением г.-а. Иванову, который без каких-либо дополнений с своей стороны передал это донесение в Ставку. Вот это донесение: „Правый фланг армии IX и X к-са занимают свое положение прочно и ничего угрожающего против них не представляется. Удар неприятеля направился на три левофланговые к-са армии III Кавказской, XXIV и XII к-са, при чем III Кавказский к-с не выдержал натиска и отходит и вероятно вынужден будет занять линию Велеполе—Стрижув—Лутча; XXIV и XII корпуса пока держатся на своих позициях, хотя положение их тяжелое, особенно XXIV к-са. Для упрочения положеиия армии Командующий армией приказал XXI к-су в духе еще вчера отданного приказа стремительно атаковать под покровом ночи в направлении на фронт Ясионов—Беско, согласно плана, разработанного командиром к-са Правая колонна в составе 44-й дивизии направлена от Юровце на Язмерж, левая колонна в составе 33-й дивизии от Писаровце на Беско—Риманув; стрелковая дивизия составляет резерв, следующий за левой колонной. Такое решение является конечно смелым, но при данном положении вещей на фронте армии единственным, которое позволит при успехе армии сохранить в общем ныне занимаемую линию. При неуспехе атаки или при затяжном характере ее придется войскам XXI к-са занять участок между смежными флангами XII и XXIV корпусов примерно по линии Беско—Бржозов; при этом направление всего фронта армии определится линией Щуцин — Радомысль — Велеполе — Стрижов — Лутча — Бржозов—Беско—Буковско—южная оконечность хребта Буковица у высоты 706". Трудно представить себе—какими соображениями руководствовался ген. Радко-Дмитриев, предполагая, что, в случае успеха атаки XXI к-са, успеха чисто местного,—явится возможность сохранить все положение армии.

8-я армия отошла, сомкнув свой правый фланг с левым флангом 3-й армии у высоты 706; 11-я армия занимала свое прежнее положение; 9-я армия начала наступление, которое запоздало против распоряжения вследствие неготовности всех средств к переправе.

Таким образом, катастрофа в 3-й армии начала уже отзываться на 4-й и 8-й армиях.

Соображения ген. Драгомирова о положении и дальнейших действиях армий Ю.-З. фронта. К 26 апреля (9 мая) 1915 г. между г.-а. Ивановым и ген. Драгомировым сложилось весьма тяжелое деловое отношение: г.-а. Иванов не осмеливался на-

рушить указание Ставки — 3-й армии держаться во что-бы то ни стало, — хотя выслушивал доклады ген. Драгомирова о необходимости принять иное решение, соответствующее сложившейся обстановке; в результате, г.-а. Иванов хитрил и как-то устранялся от управления операцией, ограничившись ролью передатчика в Ставку донесений и запросов ген. Радко-Дмитриева. Создалось для ген. Драгомирова ответственное положение, ясно им сознаваемое... Еще 22 апреля (5 мая), как известно, ген. Драгомиров безуспешно пытался договориться с ген. Даниловым; результатом разговора было недовольство Верховного главнокомандующего. Боевые события 22—26 апреля (5—9 мая) подтвердили известные соображения ген. Драгомирова. Положение 3-й армии и всего фронта к 26 апреля (5 мая) сделалось еще более тяжелым и опасным. Твердый в своих стратегических соображениях ген. Драгомиров, в заключении своей телеграммы от 26 апреля (9 мая) 1915 г. № 5912, сообщавшей о накапливании германских и новых австрийских частей против 9-й армии, вновь подтвердил свой взгляд относительно необходимости принять решение об отводе армий Ю.-З. фронта за Сан и Днестр.

К такому предложению ген. Драгомирова—ген. Данилов, в телеграмме от 26 апреля (9 мая) 1915 г. за № 168—отнесся отрицательно.

Приводим эту телеграмму ген. Данилова полностью, как характеристику стратегической близорукости самого ген. Данилова, по должности генерал-квартирмейстера при Верховном, так сказать, носителя руководящих идей Великой войны 1914—18 гг.

„5912. Ваше мнение не считаю возможным представлять на благоусмотрение Верховного главнокомандующего, так как полагаю, что его императорскому высочеству должны представляться соображения, прошедшие через Главнокомандующего армиями фронта, им одобренные и от него исходящие. Лично же мое мнение по соображениям вами сообщенным таково: все возможности, не исключая и самых тяжелых, конечно должны быть изучены во всех подробностях и для противодействия им приняты необходимые меры. Поэтому вполне разделяю необходимость самым энергичным и настойчивым образом стремиться к тому, чтобы создать из линии рек средней Вислы, Сана и Днестра сильную оборонительную линию, связав таковую системой промежуточных заранее подготовленных позиций вплоть до фронта нынешнего положения юго-западных армий. На эту подготовку надо обратить самое исключительное внимание, употребив на эти работы местное население и военно-пленных и фактически проверяя выполнение работ, дабы не было в будущем таких печальных неожиданностей, как это случилось с позицией левого берега нижней Вислоки, оказавшейся существую-

щей лишь на бумаге. Тем не менее я решительно не вижу никаких данных, дабы отказываться от намеченных активных действий 9-й армии с целью захвата и утверждения в районе Надворная—Делатынь—Коломыя и перерыва той железной дороги, которая связует Станиславовский район и Буковину с внутренними областями Венгрии. Нахожу, что замечающаяся в этом районе перегруппировка неприятельских войск требует того, чтобы наступление 9-й армии началось возможно скорее, дабы не дать противнику закончить выполнение намеченного им плана. Надо полагать, что, пользуясь теми путями и средствами передвижения, о коих вы говорите в вашей телеграмме № 5912, противник не в силах сосредоточить большие силы и выполнить свои предположения в короткий срок, почему полагаю, что наше наступление пока еще возможно. Если же продолжать сохранять нынешнее пассивное положение, то этим противнику предоставляется полная свобода решений и их выполнение и ничего не будет удивительного в том, что противник, собрав все, что только возможно, с фронта 8-й и 11-й армий, обрушится всеми своими силами на пассивно ожидающую своей участи 9-ю армию. Но даже в этом последнем случае никак не могут согласиться с необходимостью сосредоточения новых сил в район Каменца-Подольского и придаю этому направлению совершенно второстепенное значение. Считаю, что силы противника не беспредельны и что накапливание их перед фронтом 9-й армии может происходить только за счет других районов, что надлежит выяснить войсковой разведкой, не строя своих предположений на агентурных данных, всегда шатких. 169. Данилов". [103])

Итак, по существу главной операции 3-й армии—в телеграмме только несколько фраз, но зато целое поучение о второстепенных действиях 9-й армии, которая с отказом от Карпатской операции должна была получить совершенно иную задачу,—хотя бы против нее и появились германские и новые австрийские части, как о том доносила наша агентура. Предложение ген. Драгомирова—возможно скорее отвести армии Ю.-З. фронта за р. р. Вислу, Сан и Днестр, чтобы уйти от противника, перегрумироваться и сохранить их боеспособность,—заслуживало большего внимания и указывало на более глубокое понимание им стратегической обстановки. Ответ ген. Данилова не решал основного вопроса о дальнейших операциях армий Ю.-З. фронта, а между тем—боевые события продолжали развиваться и требовали этого решения...

Около 6 часов вечера 27 апреля (10 мая) 1915 г. ген. Драгомиров пригласил ген. Данилова для переговоров по прямому проводу и сообщил ему следующее: „Только что получил донесение Командующего 3-й армией, что наступле-

ние XXI к-са приостановилось и одновременно с этим противник прорвал III Кавказский к-с. К-щий 3-й армией отдал распоряжение об отходе сегодня ночью (с 27 на 28 апреля) (с 10 на 11 мая) на линию р. Вислока—Сендзишув—Порач; в связи с этим пришлось отдать распоряжение об отходе правого фланга 8-й армии и левого фланга 4-й армии,—первого на линию Порач—Захочевье—Завоз, второго на позицию Кельцы—Лагов—Поланец.

Командующий 3-й армией продолжает и дальнейший отход на Ржешув—Бирча и далее правым флангом за р. Сан. Придется по соответствию назначить и отход 4-й и 8-й армий. Первоначально имелось в виду расположить при этом 4-ю армию на Радомской позиции и занять левым флангом тет-де-поны: устье Сана, Аннополь, Юзефов, так как держаться на позициях Кельцы—Лагов—Поланец все равно будет крайне затруднительно, тем более, что фланг позиции будет охватываться со стороны Вислы вследствие довольно большого промежутка между Развадовским тет-де-поном и левым флангом позиции. Затем остальные войска расположить по Сану, заняв ими Перемышль и далее протянуть линию позиции на Турка—Завадка, где войти в связь с правым флангом 11-й армии; однако,—теперешнее состояние 3-й армии таково, что заставляет серьезно сомневаться возможности занять ею линию Сана на протяжении 80—90 верст. Затем, при этом проекте расположение 8-й армии является очень слабым, так как она своими десятью дивизиями займет промежуток около 100 верст и поддержать ее будет трудно ввиду указанного выше состояния 3-й армии, которое несомненно отвлечет часть резервов. Затем занимать Перемышль—значит тоже напрасно расходовать войска, которые там станут довольно легкой добычей; поэтому является желательным расположить 3-ю армию по Сану, занять 8-й армией промежуток между Саном и Днестром, заняв только правобережный форт Перемышля у высот Седлиска. Таком положении 8-я армия в состоянии будет держаться. Сообразно с этим отвести 11-ю и 9-ю армии за соответствующие участки Днестра, заняв и предмостные позиции. Действия 9-й армии временно могут продолжаться для отвлечения сил противника и более нормального расположения нашего фронта, если будут достигнуты существенные успехи; сегодняшний день этот вопрос выяснит. Затем крайне важно знать как распределить войска, если бы потребовался дальнейший отход; иметь известную цель в виду весьма важно для правильного решения вопроса. Лично полагал бы направить 8-ю, 9-ю и 11-ю армии тылом на Киевский округ, а 3-ю и 4-ю на Привислинский край. Вот все, что имел вам сказать. Благоволите сообщить взгляды Ставки, дабы наметить соответствующие распоряжения. События не ждут". [104])

„Ответ будет дан по телеграфу после обсуждения и доклада Верховному главнокомандующему“,—так лаконически на этот раз ответил ген. Данилов.

К своему разговору ген. Драгомиров добавил, что обеспечение левого фланга Ю.-З. фронта приобретает особое значение и что подвоз резервов в район Хотина становится безусловно необходимым; вместе с тем ген. Драгомиров сообщил, что он отправил ген. Янушкевичу собственноручное письмо, в котором высказал свой взгляд на положение дела.

Таким образом, предполагалось новое расположение армий, а именно: сосредоточение армий Ю.-З. фронта за р.р. Сан и Днестр, обеспечив надежно их левый фланг. Три армии (8-я, 9-я и 11-я) базируются на Киевский военный округ; две армии (3-я и 4-я)—на Привислинский край.

Следовательно, предлагался полный отказ от Карпатской операции; предлагалось признание катастрофы в 3-й армии и принятие мер спасения от катастрофы всего Ю.-З. фронта. Обратимся теперь к письму ген. Драгомирова к ген. Янушкевичу от 27 апреля (10 мая) 1915 г. за № 15/5973 [105]), которое, ввиду его исторического и стратегического значения, приводим полностью:

„Милостивый государь Николай Николаевич! Считаю долгом доложить вашему в-ству свои соображения относительно наших дальнейших действий.

Стратегическое положение наше совершенно безнадежное. Мы занимаем крайне растянутое расположение без возможности перебрасывать наши силы с желаемой быстротой. Ослабление наших армий делает их еще более неподвижными. Наши взгляды на маневр не допускают идеи отхода для сбора и сосредоточения своих сил, хотя только такие маневры позволяют часто избегать поражения по частям, как то было, например, сделано 3-й армией в конце сентября прошлого года. В таких условиях мы в гнетущей степени испытываем все невзгоды линейного расположения и заранее обречены на удары противника и более или менее крупные поражения в том или другом месте. Значительная часть нашей армии связана действиями в горах. Что касается частностей, то борьбу в настоящее время мы будем продолжать упорно, будем держаться до последней крайности, но тем более будет велико расстройство наших войск, а армия надолго потеряет боеспособность. Удержимся ли мы в таких условиях за Саном—бог весть. Наша армия прежде всего нуждается в быстром пополнении. Те слабо обученные люди, которые к нам приходят почти невооруженными, удовлетворить этому не могут. Мы должны теперь же взять наличный состав запасных батальонов, хотя бы с риском совершенно их расстроить, и влить их в нашу армию в полном составе,

организованными единицами, вместе с офицерским составом, и вооруженными. Об этом я просил телеграммой от 25 апреля (8 мая) № 5868. К новой организации этих батальонов следует приступить немедленно. Это первое. Затем следует примириться с возможностью потери Перемышля и не стремиться к обращению его в боеспособную крепость. На это ни времени, ни средств у нас нет. Вместо этого приложить все усилия к снабжению Бреста, дабы он не остался невооруженным и не снабженным, в случае чего, лицом к лицу с врагом. В наших пределах следует немедленно приступить к укреплению местных рубежей, которые послужили бы нам для опоры. Киев, Ровно, Могилев, Черкасы, Кременчуг должны быть укреплены, равно как и линии Иквы, Полквы, Смотрича, Буга, Случа, Днестра и Днепра. Во что-бы то ни стало надлежит снабдить армию запасами огнестрельных припасов в широких размерах.

До восстановления нашей армии следует отказаться от серьезных военных действий, не рискуя полной ее потерей.

Я считаю, что только при этих условиях мы в состоянии, если и не восстановить вполне прежнее положение, то во всяком случае быть для противника грозными и продолжать борьбу.

Смею уверить ваше в-ство, что не пессимистическим настроением, а расчетом диктуется настоящее письмо. Необходимо теперь-же установить план наших действий и твердо его придерживаться, не задаваясь несбыточными надеждами. В частности, считаю долгом отметить положение 4-й армии, которое может стать очень опасным, если противник прорвется к нижнему Сану. Скорейший ее отход к Висле необходим при первых-же признаках этого. Необходимо это и ввиду совершенно невозможного ее расположения. Как только кончится напор в Галиции—ее фронт будет несомненно прорван. Нужны меры предусматривающие возможные перспективы будущего, а не только учитывающие настоящее. Все запоздалые меры, которых мы не в состоянии осуществить, никакой помощи не принесут. Они бесполезны, но могут быть и опасны. Уважающий Вас покорный слуга В. Драгомиров".

Что-же обнаружил ген. Драгомиров в этом письме? Он обнаружил и отметил:

а) Безнадежное стратегическое положение Ю.-З. фронта.

б) Растянутость наших армий и невозможность переброски их вдоль фронта.

в) Ослабление наших армий.

г) Установившийся вредный взгляд на невозможность отходить назад, хотя бы это было выгодно в стратегическом отношении.

д) Невыгоды линейного расположения армий и к-сов.

е) Чем упорнее будем сопротивляться при создавшихся условиях, тем больше будет бесполезная потеря боеспособности армии.

ж) Сомнение в возможности удержаться за р. Сан.

з) Недостаточную подготовку и вооружение прибывающих пополнений.

Все это вполне подтверждено в главах I, II и III настоящего труда, так что тезисы письма ген. Драгомирова являются лишь повторением того, что было обнаружено путем стратегического исследования. Сомневаться в правильности положений Драгомирова, конечно, не приходится и не приходилось в то время, когда письмо было написано.

Исходя из обнаруженного, ген. Драгомиров предлагал:

1. Отвести армии Ю.-З. фронта за р.р. Сан и Днестр для сбора и сосредоточения.

2) Пополнить армию за счет запасных батальонов.

3) Не расходовать силы на укрепление и удержание Перемышля.

4. Снабдить армию огнестрельными припасами.

5. Не рисковать серьезными операциями пока армия не будет восстановлена.

6. Выработать план дальнейших действий и твердо его придерживаться.

7. Предусматривать перспективы будующего и не ограничиваться только учитыванием настоящего.

8. Усилить Брест, как крепость.

9. Подготовить в тылу,—территорию Киевского военного округа в инженерном отношении.

Если отнестись без предвзятости к этим предложениям, то станет совершенно очевидным, что 27 апреля (10 мая) 1915 г. отход армий Ю.-З. фронта за р. р. Сан и Днестр сделался не только неизбежным, но даже запоздалым настолько, что, принимая во внимание события в 3-й армии,—следовало сомневаться в благополучном исходе этого маневра; к тому-же К-щий 3-й армией уже решил и проводил в жизнь такой отход. Соображения, указанные в пунктах 2—7 настолько общеизвестны и очевидны, что против них едва-ли возможны возражения. Наконец, указания о Бресте и подготовке тыла в инженерном отношении только потому могли считаться неприемлемыми, что для исполнения их у нас не было достаточных сил и средств.

Таким образом, письмо ген. Драгомирова является как-бы призывом по адресу Верховного главнокомандования к более правильному образу действий при сложившейся обстановке. В письме ген. Драгомирова выражена горькая правда, конечно, неприемлемая для тех, к кому она относилась.

Ближайшим последствием всех справедливых домогательств ген. Драгомирова, и в частности, его письмо от 27 апреля (10 мая) 1915 г.,—явилось отчисление его от должности н-ка штаба Ю.-З. фронта, состоявшееся 29 апреля (12 мая) 1915 года, по причине „нервного переутомления". Однако, дальнейшие события с поразительною точностью подтвердили соображения и прогноз ген. Драгомирова.

Наступление XXI корпуса 27 апреля (10 мая) 1915 г. В правом крыле 3-й армии ночью и на рассвете 27 апреля (10 мая) противник в нескольких местах пытался атаковать части IX к-са; местами он имел успех, но в конечном результате нашими контр-атаками он был отброшен и корпус удержал свое расположение. Весь день противник обстреливал расположение к-са артиллерийским огнем. Положение X к-са с утра было прочное; противник обстреливал наше расположение преимущественно редким ружейным огнем. Днем, ввиду отхода соседних частей III Кавказского к-са (52-я дивизия), левофланговые части X к-са оттянуты назад под прикрытием арьергардов.

Таким образом, правое крыло 3-й армии—удерживалось сравнительно благополучно.

В левом крыле происходило следующее:

III Кавказский к-с. Противник значительно превосходными силами атаковал правый фланг и отбросил 52-ю дивизию, которая понесла значительные потери; дивизия отошла на фронт: Горна-Весь—Гродзиска—Стрижев. На левом фланге корпуса противник энергичною атакою отбросил наши части на фронт Небылец—Близанка. На поддержку двинуты два полка 13-й Сибирской дивизии и конница.

XXIV к-с. Ночью противник не проявлял активности против этого к-са; с утра 27 апреля (10 мая) противник превосходными силами оттеснил правый участок корпуса на фрон Небылец—Ягонка; левый участок также был атакован и прорван в нескольких местах; наши части отошли на фронт Ягонка—Издебска; крайний левый фланг к-са вел упорный бой в районе Гумниска—Горки.

XII к-с. Правый участок (12-я дивизия) с рассветом 27 апреля (10 мая) перешел в наступление и потеснил противника; затем противнику удалось оттеснить к востоку один полк 12-й дивизии. На остальном фронте XII к-са противник в наступление не переходил, ограничившись артиллерийским, пулеметным и ружейным огнем.

Таким образом, создалось критическое положение в III Кавк. к-се и тяжелое в XXIV-м.

В то время, когда в III Кавказск. и XXIV к-сах происходили только что отмеченные действия,—XXI к-с, к рассвету 27 апреля (10 мая), занял указанное ему исходное положение и перешел в наступление в промежуток между III Кавказск.

и XXIV к-сами, имея целью атаковать во фланг части противника, обрушившиеся на III Кавк. к-с. Правая колонна (44-я дивизия) направлена на фронт Горки—Язмерж; левая колонна—на Беско—Сентава.

Правая колонна очистила себе путь, атаковав высоту у Язмерж и сбросив оттуда германцев; левая колонна также успешно потеснила противника.

Вскоре со стороны Риманув, в С.-В. направлении, было замечено выдвижение германских резервов в сопровождении бронированных автомобилей. Наступление XXI к-са продолжало развиваться вполне успешно. В это время уже начали отходить под напором противника соседние левофланговые части XXIV к-са.

Между тем, германская колонна, выдвинувшаяся из Риманув на Гумниска, продолжала свое наступление, несмотря на наш артиллерийский огонь; направление движения этой колонны от Риманув на Мильча—Тржесниов—Ясниов—Гумниска показывало, что эта колонна выдвигается для удара в правый фланг XXI к-са; колонна совершала свой смелый фланговый марш под нашим артиллерийским огнем. Таким образом, прикрывшись от XXI к-са выдвинутым заслоном, противник рвал центр 3-й армии в направлении участка Дынув—Ржешув и отбросил совершенно истощенные потерями части III Кавк. и XXIV к-сов. Дальнейшее наступление XXI к-са сделалось после этого совершенно бесполезным, как с точки зрения выручки атакованного центра, так и ввиду значительно превосходных сил противника; кроме того, и для самого XXI к-са было бы крайне опасно, если бы он продолжал развивать свое наступление. Основываясь на донесениях III Кавказского, XXIV и XXI к-сов, К-щий 3-й армией признал, что ввиду превосходства сил противника маневр XXI к-са не удался и что центр армии не в состоянии оказывать серьезное сопротивление; армия исполнила свой долг до конца; многие дивизии насчитывали только несколько сот бойцов...

К-щий армией решил отвести к-са в ночь с 27 на 28 апреля (10 на 11 мая) на фронт: устье Вислоки—Мелец—Сандзишув — Чудец — Издебки — Заршин — Пораз — в тесной связи с правым флангом 8-й армии. Но и на этом новом фронте, по мнению К-щего армией, ввиду запоздания в прибытии подкреплений, 3-я армия не имеет никаких шансов удержаться, а потому придется отвести ее на фронт Развадов—Пржеворск—Канчуга—Дубецко—Бирча. О таком решении и необходимости дальнейшего отхода К-щий армией сообщил Гл-щему фронтом, а также К-щим 4-й и 8-й армиями, и просил распоряжения Гл-щего о согласовании отхода 4-й и 8-й армий с отходом 3-й армии. Г.-а. Иванов, ввиду категорического приказа Верховного гл-щего, „пределом до-

пустимого отхода 3-й армии считать линию фронта, определяемую меридианом реки нижней Вислоки,—в свою очередь, запросил указания Ставки телеграммой № 5979 того же 27 апреля (10 мая).

К-ру XXI к-са отдано следующее распоряжение: „Если представится возможность, то сегодня же ночью отойдите на правый берег Сана, заняв его для обороны от Седлиска до Залужа, оставив часть ваших сил на левом берегу для обороны участка от Издебки до Седлиска. Во всяком случае соображайте свой отход с отходом 8-й армии, поддерживайте тесную связь с XXIV к-сом. Обозы и излишнюю артиллерию свою, по возможности скорее, перебросьте на правый берег Сана, направляя их на Бирчу и Перемышль".[106])

Распоряжение К-щего 3 армией. В 4 часа дня 27 апреля (10 мая) 1915 г. К-щий 3 армии отдал следующий оперативный приказ: „Ввиду неудавшегося маневра XXI к-са и сильного натиска на наш центр—армии отойти на всем фронте для чего: IX к-су отойти на линию устье р. Вислока—Сендзишув—северная окраина Загожице (выс. 286) включительно; X к-су занять линию от Загожице до выс. 410 у с. Вышнева исключительно; III Кавк. к-су от той же высоты 410 до Близняна включительно; XXIV к-су с прибывающими к Дынову частями 62-й дивизии—от Близняна до Издебки южной включительно; XII к-су—от Заршина до Тарнава, при чем отход XII к-са должен быть строго согласован с отходом VIII к-са. Все обозы направлять по своим корпусным дорогам, имея в виду не держать их ближе 15 верст. Штабы корпусов: IX—Кольбушова, X и III Кавк.—Ржешув, XIV—Дынув, XXI и XII—Санок. Штаб армии Ярослав. Отход начать в 9 часов вечера 27 апреля (10 мая) № 1429 Генерал Радко-Дмитриев." [107])

Однако, события в центре армии продолжали развиваться крайне для нас неблагоприятно и с такою быстротою, что уже в 7 часов вечера 27 апреля (10 мая) 1915 г. ген. Радко-Дмитриеву пришлось отдать другой оперативный приказ следующего содержания: „По только-что полученным донесениям, видимо, III Кавк. и XXIV к-са не в состоянии будут завтра занять и остаться на линии, указанной в приказе № 1429. Ввиду этого приказываю этим корпусам отойти несколько глубже, заняв линию: XXIV — Блазува — Издебка, III Кавказскому—Богухвала—Блазува. В связи с этим X к-су отойти на линию Трчяны—Богухвала, а IX загнуть свой левый фланг до этого последнего пункта. Излишнюю артиллерию отправить назад, так как дальнейшие бои будут носить арьергардный характер. На этой линии завтра 28 апреля (11 мая) удерживаться во что бы то ни стало. Штабы всех к-сов и армии остаются в местах, указанных в приказе № 1429 точка 1439. Генерал Радко-Дмитриев" [108]). Эти распоряжения

явно свидетельствуют о том, что силы 3-й армии к вечеру 27 апреля (10 мая) 1915 г. были исчерпаны до конца, и армия совершенно утратила свою боеспособность; вставка фразы „удерживаться во что бы то ни стало" являлась лишь формальною данью по адресу Верховного главнокомандующего, даже в это время не понимавшего истинного положения дел в 3-й армии, которая находилась уже в состоянии полного разгрома. Отдав вышеприведенные оперативные приказы, ген. Радко-Дмитриев донес Гл-щему, что его решение отойти всей армией—только санкционирует совершившийся факт отхода центра армии. Мало того, ген. Радко-Дмитриев выразил в своем донесении, что этот отход является лишь палиативною мерою; для выхода из тяжелого положения в данный момент необходимо более радикальное решение. Состояние 3-й армии в это время было, действительно, безвыходное: в дивизиях X и XXIV к-сов осталось в каждой не более 1.000 штыков; в таком же состоянии находились 61-я, 63-я и 81-я дивизии; дивизии III Кавказского к-са—в таком же состоянии; пострадали сильно и другие дивизии. Прикрыть отступление армии за р. Сан могли еще сохранившие боеспособность дивизии IX и XXI к-сов. Для спасения остатков 3-й армии ген. Радко-Дмитриев считал необходимым—развернуть 2—3 свежих к-са по р. Сан, которые могли бы принять на себя отходящие разбитые части 3-й армии.

В течение всего 27 апреля (10 мая) Гл-щий фронтом держался как-то в стороне от происходившего и только передавал телеграммы К-щего 3-й армии в Ставку.

Итак, сама боевая обстановка, независимо от воли высшего командования, продиктовала теперь 3-й армии отход за р. Сан, который не мог быть уже отмененным никакими приказами и самыми строгими повелениями.

Девятидневными боями 3-я армия была доведена до полного истощения и перестала существовать, как боевая сила.

Распоряжение Верховного гл-щего. Только под давлением уже совершившегося факта полного разгрома и отхода 3-й армии Верховный гл-щий отдал, 27 апреля (10 мая) 1915 г. повеление Главнокомандующим Ю.-З. и С.-З. фронтов следующего содержания: „После неудачно сложившихся боев на фронте Дунаец—Горлице—3-я армия вынуждена к отходу на фронт устье Вислоки — Сендзишув — Пораз, который она займет к утру 28 апреля (11 мая). Не рассчитывая удержаться на этой линии, К-щий 3-й армией имеет в виду дальнейший отход на фронт Развадов—Пржеворск—Бирча.

В соответствии с сим Гл-щий армиями Ю.-З. фронта отдал распоряжение об изменении ныне занимаемого расположения 4-й и 8-й армий. Ввиду наличной обстановки ставлю в настоящее время главной задачей армий Ю.-З.

фронта — напрячь все силы к тому, чтобы отстоять завоеванную нами часть Галиции, пользуясь для сего, как крайним восточным рубежом оборонительными линиями рек Сан и Днестр, которые необходимо оборонять активно, сохраняя за собою полную возможность вновь перейти в решительное наступление против нашего врага при первом к тому благоприятном случае. Прошу Гл-щего армиями Ю.-З. фронта всегда иметь в виду те жертвы, какие принесены нашими доблестными войсками для завоевания Галиции, почему ставлю на его ответственность наблюдение за тем, чтобы без крайней надобности не уступать противнику лишнего пространства особенно на фронте 9-й и 11-й армий, оставление которых на ныне занимаемых местах с продвижением 11-й армии даже вперед в районе Надворная—Делатынь—Коломыя представляет существенные выгоды. При предстоящей перегруппировке войск, Перемышль, ввиду состояния его верков и недопустимости выделения для его обороны самостоятельного гарнизона, надлежит считать не крепостью, а участком заблаговременно укрепленной позиции, который должно занимать и оборонять лишь в соответствии с действительными пользою и нуждами оперирующих в его районе войск. Что касается 4-й армии, то задача ее должна попрежнему заключаться в прикрытии подступов к реке Висле на участок от устья р. Сана до р. Пилицы. Направление фронта этой армии должно быть строго согласовано с расположением соседних армий (3-й и 5-й), дабы не открывать их внутренних флангов. Главнокомандующему армиями Северо-Западного фронта, выяснив сношением с Главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта возможность расположения 4-й армии, представить мне соображения, находит ли он необходимым внесение каких-либо изменений в расположение вверенных ему армий, находящихся на левом берегу Вислы, принимая во внимание, что задачи армий его фронта остаются в общем прежними с добавлением задачи по ограничению наступательной операции германцев в Риго-Шавельском районе. Повелеваю Главнокомандующему Юго-Западного фронта принять самые настойчивые меры к тому, чтобы перегруппировка армий вверенного ему фронта была произведена в полном порядке и с соблюдением необходимой связи между армиями. 195. Генерал-адъютант Николай“ [109]). В ответ на это повеление Гл-щий Ю.-З. фронта сообщил, что положение 3-й армии, потерявшей почти девять дивизий, настолько тяжело, что без поддержки 4-й армии она не в состоянии будет справиться с задачей обороны р. Сан. Противник, повидимому, уже прорвался к Сану, поэтому трудно рассчитывать на благополучный отход наиболее боеспособных XII и XXI корпусов; между тем, без сохранения этих корпусов не только

не мыслима оборона Сана, но даже следует опасаться за вторжение противника в сторону уже незащищаемого расположением 3-й армии района правого берега Вислы. Г.-а. Иванов находил, что при таких условиях требуется немедленный отвод левого крыла 4-й армии к Висле, заняв правым ее крылом позицию Высмержице—Радом—Цижа—Юзефов, тем более, что при необходимости занять тет-де-поны, у 4-й армии не хватило бы сил для занятия растянутых позиций на левом берегу Вислы, к западу от нее. Всякое промедление в решении этого вопроса г.-а. Иванов считал опасным. Что касается 8-й армии, то г.-а. Иванов приказал ей отойти: в ночь с 27 на 28 апреля (10 на 11 мая) на линию Тарнава — Захочевье — Завоз; следующий переход правому флангу 8-й армии назначен на линию Бирча — Ольшаница — хребет Одрит.

Обратимся теперь к содержанию вышеприведенного повеления Верховного гл-щего от 27 апреля (10 мая) 1915 г. за № 195. Основною, главною задачею Ю.-З. фронту в нем поставлено: „отстоять завоеванную нами часть Галиции". Эта задача является совершенно несвойственною современному понятию о задачах войны, заключающемуся, главным образом, в уничтожении боевых сил и средств противника и прежде всего его живой силы — армии. Никаких „завоеваний" территорий и областей современное военное искусство не знает, ибо известно, что приобретение новых территорий является, обыкновенно, следствием победоносной войны и совершается во время мирной конференции, после окончания военных действий. Временный захват стратегически-важных районов и пунктов не знаменует собою завоевания, а удержание таких территорий и пунктов, т.-е. борьба за обладание ими, допустима только до тех пор, пока они не потеряли своего стратегического значения. В апреле 1915 г. стратегическое значение Восточной Галиции (к востоку от р. Сан) сводилось к тому, что войска, оперировавшие на этом театре, являлись прикрытием левого фланга всего нашего расположения по р. Висле от устья р. Сан и далее к северу. Это прикрытие требовало искусного маневрирования с нашей стороны и вовсе не сводилось к непременному удержанию столь слабого рубежа, каким является р. Сан. Войска, оперировавшие в Восточной Галиции с целью прикрытия и обеспечения нашего левого фланга, в свою очередь, должны были обеспечивать себя от ударов противника из-за Карпат, т.-е. со стороны Карпатских проходов. Центральным пунктом такого рода операций в Восточной Галиции являлся Львов, удержание которого, действительно, являлось стратегически-важным и потому—обязательным. Направление ко Львову V Кавказского к-са являлось в это время вполне целесообразным. Но тен-

денция „ни шагу назад, во что бы то ни стало" и в данном случае взяла верх над стратегическими соображениями.

Таким образом, в то время, когда 3-я армия перестала существовать, как боевая сила, и когда вслед за нею сосредоточенно наступала армия ген. Макензена, представляющая грозную силу для развития удара—в С.-В. направлении—во фланг и тыл 4-й армии, или в Ю.-В. направлении—во фланг и тыл 8-й и смежных с ней армий (11-й, 9-й)—Верховное главнокомандование ставило армиям Ю.-З. фронта и, в частности 3-й армии,—невыполнимые задачи, совершенно уничтожавшие своею определенностью и несоответствием действительной обстановке возможность проявления какого бы то ни было творчества со стороны Главнокомандующего армиями Ю.-З. фронта и подчиненных ему Командующих армий.

При обстановке 27 апреля (10 мая) был необходим решительный отказ от удержания „завоеваний" в Галиции; нужна была выработка совершенно нового замысла операции всего Ю.-З. фронта и постановка иных задач, вытекающих из этого замысла.

Постоянные опаздывания в постановке нового задания, в связи с запаздыванием подвоза резервов, приводили к излишне продолжительным задержкам корпусов в неблагоприятном для них расположении; это было выгодно только для противника, поочередно уничтожавшего наши войсковые части.

Новое распоряжение К-щего 3-й армией. Едва был воспринят корпусами приказ № 1439, отданный в 7 часов вечера 27 апреля (10 мая), как, вслед за приказом № 1429, отданным в 4 часа дня 27 апреля (10 мая), К-щий армией отдал новый приказ (третий по счету) в 3 часа ночи 28 апреля (11 мая) за № 1447. Этим приказом ген. Радко-Дмитриев отводит все корпуса 3-й армии за р. Сан, на участок от Развадув исключительно до Перемышля включительно, с таким расчетом, чтобы корпуса заняли указанные им участки за р. Сан к 6 час. утра 30 апреля (13 мая). Конница была оставлена этим приказом на левом берегу р. Сан для освещения местности и всемерного замедления наступления противника; конные дивизии—распределены по корпусам [110]): 2-я казач. сводн. и 3-я Кавк. каз.—IX к-су; 5-я Донск. див.—X к-су; 7-я кавалер.—III Кавк. к-су; 11-я кавалер.—XXIV к-су; 16-я кавалер.—XXI к-су. Об отходе за р. Сан был поставлен в известность К-щий 8-й армией особой телеграммой.

Этот приказ, как и ему предшествовавшие, точно санкционировал то положение, которое создалось в корпусах под влиянием боевой обстановки; отступление 3-й армии за р. Сан, а за нею и соседних армий, являлось теперь совершившимся фактом.

Общее состояние и численный состав частей 3-й армии к 28 апреля (11 мая) 1915 г.[1]). Решение Командующего 3-й армией отвести армию за р. Сан—являлось единственно-возможным, потому что потери в боях убитыми и ранеными, а также пленными, были столь значительны, что нельзя было и думать об исполнении какой-нибудь перегруппировки сил и, конечно, не могло быть и речи о переходе в наступление.

XXI к-с	129-й Бессарабский полк	700 штыков.
	131-й Тираспольский полк . . .	200 „
	132-й Бендерский „ . . .	1.300 „
	174-й Роменский „ . . .	250 „
	175-й Батуринский „ . . .	1.000 „

Всего в XXI к-се вместе с 3-й стрелк. дивизией—не более 10.000 штыков.

IX к-с—наиболее сохранившийся, потерял не более 20% своего состава.

X к-с—вместе с 61-й и 63-й дивизиями—в общей сложности не более 10.000 штыков.

III Кавказск. к-с вместе с 81-й и 9-й дивизиями—не более 10.000 штыков.

XXIV к-с вместе с 12-й Сибирск. дивизией—не более 5.000 штыков.

XII к-с—не более 8.000 штыков.

Согласно отчета германской главной квартиры, в сражении при Горлице—Тарнов и при последующем преследовании, т.-е с 19 апреля (2 мая) по 29 апреля (12 мая) 1915 г., взято в плен русских: около 140.000 пленных, 100 орудий и 300 пулеметов. Насколько русские части перемешались, видно из того, что „правофланговый к-с армии эрц.-гер. Иосифа-Фердинанда только в один день преследования установил пленных, принадлежавших к 51 различным русским полкам". (См. „Kriegsberichte aus dem grossen Hauptquartier", Heft 7, стр. 13).

Если к этому прибавить недостаток в артиллерийских снарядах и в ружейных патронах и общее утомление войск 10-дневным боем, окопными работами и передвижениями под напором противника, то станет вполне понятным, что К-щий 3-й армией считал, что положение армии продолжает быть самым серьезным и что усилий войск едва хватит на то, чтобы только выйти из-под непосредственных ударов противника.

Резервы, прибывавшие по частям, давали возможность несколько усиливать части, уже введенные в бой; но они таяли в бою, так что за все время 10-дневного боя не уда-

[1]) Боевые расписания 3-й армии в архивах найти не удалось.

лось ни за одним участком фронта сосредоточить достаточно сильную ударную группу.

Преследование армией ген. Макензена 28 апреля (11 мая) 1915 г. Правое крыло. С наступлением темноты 27 апреля (10 мая) части IX к-са, не преследуемые противником, начали отходить под прикрытием конных арьергардов и к утру 28 апреля (11 мая) заняли указанное им расположение.

X к-с начал отход также с вечера 27 апреля (10 мая), преследуемый противником; утром 27 апреля (10 мая) обнаружено было движение двух значительных колонн противника: одна—от Ивержице на Трщана, другая—от Носовка на Бзенка; к-р к-са, судя по силе этих колонн, не признал возможным задерживать их наступление и потому решил продолжать отступление, поддерживая связь с соседними корпусами; утром 28 апреля (11 мая), под прикрытием арьергардов, к-с занял назначенное ему расположение.

Центр. III Кавк. к-с, понеся 27 апреля (10 мая) тяжелые потери, сильно расстроенный, отступил и к утру 28 апреля (11 мая) остановил свое отступление; однако, утром обнаружено было наступление колонны противника по шоссе Бабица—Богухвала; под давлением противника главные силы к-са, прикрывшись арьергардами, продолжали отступление.

XXIV к-с. Остатки 49-й дивизии отошли и к вечеру 27 апреля (10 мая) у Блазува собралось до 400 человек этой дивизии, прикрывавших отход своей артиллерии; затем они отошли на Ржешув, откуда направлены на Пржеворск на присоединение к к-су. Другая группа этой дивизии, около 1000 человек, выдержав бой у Барича, преследуемая противником, заняла к вечеру 27 апреля (10 мая) высоты у Уязды; около полуночи противник вновь перешел в наступление на Уязды; ввиду превосходства сил противника пришлось отойти на Яворник-Польский и Дынув. На Яворник направлены свежие части 62-й дивизии, высадившиеся в Пжеворске; эти части составили основу для сбора остатков XXIV к-са. Таким образом, разбитые части XXIV к-са отошли в С.-В. направлении; вследствие этого образовался промежуток между XXIV и XXI к-сами, куда и направилась колонна противника, двигавшаяся 27 апреля (10 мая) от Риманув фланговым маршем относительно XXI к-са, угрожая флангу XXIV и XXI корпусов.

12-я Сибирская дивизия, вместе со сборным полком 48-й дивизии, понесла большие потери, вынуждена была отступать, направляясь к Пржеворску, где собирались отстатки XXIV к-са.

Левое крыло. Части XXI к-са с наступлением темноты 27 апреля (10 мая) начали отходить в связи с частями XII к-са на фронт Издебки — Страхоцина — Саночек — Тарнова-Горна. При дальнейшем отступлении XXI к-с под сильным напором противника, а XII к-с без особого давления, отошли за р. Сан

через переправы у Залуж, Санок, Мржиглод и Улуга и продолжали отступать на Бирча, прикрываясь заслонами, куда к вечеру 28 апреля (11 мая) прибыли штабы обоих корпусов. Противник стремился пересечь путь на Бирчу, но безуспешно. На направлениях от Писаровице на Санок, а также со стороны Новотанец и Буковско движения противника не обнаружено.

Таким образом, главные силы корпусов 3-й армии 28 апреля (11 мая) отходили частью под прикрытием арьергардов, частью с боем, под непосредственным напором противника. Главный свой напор противник развивал на центр 3-й армии, т.-е. на III Кавказск. и XXIV к-са, которые в совершенно разбитом состоянии, группами, вынуждены были уступать клину, который вбивала армия ген. Макензена в центр 3-й армии, в общем по кратчайшему направлению на участок р. Сана: Ярослав—Перемышль; к этому же участку спешили XXI и XII к-са, более кружным путем через Бирча, с целью занять его для обороны и прочного удержания, чтобы дать возможность прочим корпусам 3-й армии расположиться вдоль р. Сан к северу от них на участке до Развадов. Корпусам предстояли на 29 апреля (12 мая) трудные переходы для выхода к р. Сан: XXI и XII к-сам—по 40 верст, прочим корпусам по 25 верст,—правофланговой колонне IX к-са—30 верст,—имея в виду, что приказом № 1447 было установлено „на означенных участках реки корпусам быть к 6 часам утра 30 апреля“ (13 мая).

Для ускорения марша—излишняя артиллерия и обозы были направлены ускоренным движением на правый берег р. Сан.

По восстановлении связи с XXI и XII к-сами ген. Радко-Дмитриев объединил командование ими в лице к-ра XXI к-са, которому приказано: „форсировать марши до крайности“ и занять двумя дивизиями южный и западный сектора крепости Перемышль; остальные три дивизии форсированно должны направиться для занятия р. Сан от Перемышля исключительно до Радымно включительно. Таким образом, на один и тот же участок р. Сан устремлялись: армия ген. Макензена и объединенная группа XXI и XII корпусов.

Действия 29 апреля (12 мая) 1915 г. Согласно приказа к-щего 3-й армией за № 1447: „29 апреля (12 мая), к 6 часам утра, корпусам достигнуть линии Баранув—Майдан—Ранишув—Ланцут—Канчуга—Прухник—Крживча—Бирча“.

События развернулись следующим образом:

IX, X и III Кавказск. к-са, преследуемые авангардами противника, к утру 29 апреля (12 мая) заняли фронт Баранув—Майдан—Ранишув—Ланцут—Канчуга, т.-е. выполнили приказ.

XXIV к-с разбился на группы: 49-я дивизия (около 1500 чел.) при 36 пол. ор. и 6 мортирах сосредоточилась к 4 часам ночи у Канчуга; 12-я Сибирская дивизия и остатки 48-й дивизии, с дивизионом полевой артиллерии, мортирным дивизионом и горным дивизионом, отступали с боем к Дынув и не могли отойти к Яворнику: вся эта группа сосредоточилась к утру 29 апреля (12 мая) у Прухник; арьергарду (2 полка 62-й дивизии с артиллерией) приказано удерживать Канчуга; в общем, к-с отошел на фронт по приказу.

XXI к-с около полуночи с 28 на 29 апреля (11 на 12 мая) занял район Мржиглод—Тырава-Волоска—Лешава—Кузьмина; полки других корпусов, оказавшиеся в XXI к-се, прибыли в Бирча. Для дальнейшего отхода частей корпуса на фронт Прухник—Крживча—Бирча являлась угроза со стороны противника, наступавшего от Дынув на Дубецко; для обеспечения дальнейшего движения частей к-са выдвинуты были боковые авангарды: из Бирча на Бржеска и от главных сил к-са на Липа; под прикрытием этих боковых авангардов к-с отошел на указанный ему фронт.

XII к-с к полуночи с 28 на 29 апреля (11 на 12 мая) сосредоточился, не испытывая давления противника, в районе Станкова—Пассова (к югу от Тырава-Волоска), предполагая в ту же ночь продолжать безостановочное движение к Перемышлю по дорогам южнее шоссе Тырава-Волоска—Бирча—Перемышль.

Таким образом, к утру 29 апреля (12 мая) к-са отошли на фронт, указанный им приказом № 1447; XXI и XII к-са, в мере своих сил, форсированно двигались к Перемышлю. Того же 29 апреля (12 мая) ген. Радко-Дмитриев отдал дополнительный приказ № 1486 следующего содержания: „В дополнение моего оперативного приказа № 1447 подтверждаю, что ближайшею целью корпусам 3-й армии ставлю упорную активную оборону реки Сан от Перемышля через Радымно и далее на север до Развадув. Корпуса на своих участках занимают прочно предмостные позиции на левом берегу Сана и удерживаются до крайности, оказывая друг другу взаимную поддержку переходом в наступление против неприятеля, угрожающего соседу. Промежутки между позициями наблюдать и оборонять пассивно, главным образом кавалерией, поддержанной небольшими пехотными частями. 1486. Генерал Радко-Дмитриев". [111])

Наконец-то после целого ряда бессвязных распоряжений корпусам к-щий 3-й армией поставил всей армии вполне определенную задачу: оборонять р. Сан от Перемышля до Развадув.

Во исполнение этой задачи XXI и XII к-са были двинуты для занятия участка Радымно—Перемышль, а прочие к-са отходили к р. Сан, прикрываясь арьергардами, вслед за кото-

рыми непосредственно наступала армия ген. Макензена, надавливая своими авангардами на арьергарды корпусов 3-й армии; следовательно, надо было ожидать, что противник не даст времени к-сам 3-й армии организовать оборну р. Сан. Необходимо еще раз отметить, что силы 3-й армии были вполне истощены и потому заранее следовало предвидеть, что и со стороны мощности отпора противнику на р. Сан—3-я армия также не представляла собой надежной силы, хотя доблесть ее остатков даже и в эти дни была несомненною.

В дополнение к вышеприведенным данным о численном составе к-сов 3-й армии могут служить еще следующие детальные цифры:

В III Кавказ. к-се: Дагестанский полк—344 бойца, Самурский—786, Ширванский—614.

В XII к-се: Азовский полк—800 бойцов, Днепровский—500, Украинский—300, Одесский—700; вся 19-я дивизия—2.000 штыков.

Итак, вследствие удара армии генерала Макензена, остатки 3-й армии были отброшены к р. Сан; вследствие же давления Ставки в духе лозунга „ни шагу назад во что бы то ни стало" к-щий 3-й армии решил этими остатками „упорно", „активно" оборонять р. Сан от Перемышля до Развадув, несомненно сознавая, что противник не даст времени более или менее сносно подготовить такую оборону.

Распоряжения г.-а. Иванова 30 апреля (13 мая) 1915 г. 30 апреля (13 мая) 1915 г. г.-а. Иванов вызвал ген. Радко-Дмитриева для переговоров по прямому проводу [112]).

В этом разговоре г.-а. Иванов обещал поддержать 3-ю армию артиллерийскими снарядами и ружейными патронами. Затем ген. Радко-Дмитриеву предложено было высказаться относительно положения дел в 3-й армии, т.-е. осветить общее положение и, в частности, расположение по р. Сан. Ген. Радко-Дмитриев признал общее положение самым серьезным; армия с большими усилиями отошла к р. Сан, но настолько ослабленной, что из корпусов и дивизий остались только жалкие тени; это было подтверждено ген. Радко-Дмитриевым цифровыми данными о составе корпусов и дивизий армии. К-щий 3-й армией заявил, что весь вопрос теперь в том, позволит ли противник хоть сутки отдохнуть, и, чтобы выиграть эти сутки, уже выдвинуты вперед четыре кавалерийские дивизии, которые и постараются замедлить наступление противника. Ген. Радко-Дмитриев также выразил, что в резерве у него только одна бригада 45-й дивизии, другая бригада опоздала и неизвестно когда прибудет. Ген. Радко-Дмитриев высказал мнение, что против 8-й и 9-й армии силы противника ничтожны и что поэтому возможно оттуда притянуть резервы к 3-й армии, а равно возможно было бы оказать помощь решительным переходом 4-й армии в наступле-

ние из района Сандомир—устье р. Вислоки. Г.-а. Иванов обратил внимание на неудобства и рискованность расположения частей армии для обороны на левом берегу р. Сан и категорически выразил, что он не требует удержания левого берега Сана. Ген. Радко-Дмитриев ответил, что до устья р. Любачовки оборона будет пассивная, а южнее его—активная; такое решение является единственно возможным; к этому обязывает поставленная 3-й армии цель—„удерживать Ярослав и обеспечивать Перемышль от обхода со стороны Радымно", а также свойства р. Сана, как преграды весьма слабой, и местность, преимущественно командующая на левом берегу. Ген. Радко-Дмитриев, сославшись на ранее полученные распоряжения об удержании Ярослава, просил категорического указания—следует ли непременно удерживать Ярослав; оставив Ярослав, придется бросить Радымно, а это поведет к опасному положению для Перемышля, удержание которого повидимому решено; необходимо также вполне определенно решить—будем удерживать Перемышль или нет? Неопределенность в этом отношении вредно отзывается на свободе маневрирования 3-й и 8-й армии. Затем ген. Радко-Дмитриев просил указаний на тот случай, если бы противник, прорвав наше тонкое расположение, потеснил нас к востоку.

Задав ряд столь существенных вопросов г.-а. Иванову, как Главнокомандующему, ген. Радко-Дмитриев не получил от него на них ни одного определенного ответа.

Между тем, еще до разговора с ген. Радко-Дмитриевым г.-а. Иванов отдал следующую директиву армиям Ю.-З. фронта от 30 апреля (13 мая) 1915 г. за № 6159 [113]): „Повелеваю армиям отойти на линию Радомской позиции, рек Вислы, Сана и Днестра: первое—4 армии отойти, заняв позицию Тарнобжег—Развадов между 30 апреля и 1 мая, а остальную указанную линию между 2 и 3 мая. Своим расположением армия прикрывает среднюю Вислу и пути через Нижний Сан в обход оборонительной линии средней Вислы; второе—3-й армии отойти за Сан и к утру 30 апреля расположиться для его упорной обороны на участке от Перемышля до Развадов. При выполнении 3-й армией ее задачи ей должна быть оказана энергичная помощь как маневрированием левого фланга 4-й армии в районе Развадов—Станы—Уланов, так и непосредственною поддержкою частей правого фланга 3-й армии. Третья армия своим расположением должна прикрыть пути в пределы России и к Львову. Важнейшим участком обороны представляется участок Лежайск—Радымно; третье—8-й армии оборонять участок от северных фортов Перемышля до направления Волоща—Сусулов и Днестр включительно. Армии этой ставится целью прикрытие путей между этими напра-

влениями к тому же пункту; четвертое—11-й армии оборонять активно участок Днестра от Сусулов исключительно до линии Букачевцы—Хватова включительно, заняв особенно прочно район Миколаев, Жидачев и Журавно. Главное назначение армии прикрытие путей из Стрыя ко Львову и Тарнополю; пятое—9-й армии оборонять Днестр от направления Букачевцы—Хватов до устья р. Онуть и далее нашу границу от Днестра до Прута, оттеснив противника за Надворную и Коломыю и к горным проходам Буковины. Во исполнение настоящей директивы 3-я армия отходит за Сан в ночь с 29 на 30 апреля (с 12 на 13 мая); 11-й армии отойти тою же ночью на линию река Стрый—Синевудско—Энгельсберг; в ночь с 30 апреля на 1 мая (с 13 на 14 мая) на линию Борислав—Лубенце—Болехов; в ночь с 1 мая на 2 мая (с 14 на 15 мая) на линию Груды на р. Тысменица—Волица—Руда—Журавно. Следующей ночью перейти на левый берег Днестра. Указанные пункты определяют места нахождения голов колонн главных сил, считая за голову часть, обращенную к противнику. Штаб армии вправе частично видоизменить эти пункты, сообразуясь с местными условиями. Ночные марши выполнять с расчетом, чтобы арьергарды проходили головой колонны в 1 час ночи указанные рубежи. Сообразно этим данным 8-й и 9-й армиям сообразовать марш своих колонн. Тыловые районы, согласно указаний, данных в телеграмме 27 апреля (10 мая) № 5990 и № 6143 сего числа для 4-й армии. Командующие армиями распределяют сообразно с этим тыловые учреждения армий. С переходом за Днестр, а в 9-й армии при первой возможности, выделить в состав маневренного резерва в мое распоряжение: от 8-й армии одну дивизию в район Мосциска, от 11-й армии одну дивизию в район Щержец, от 9-й армии одну дивизию в район Сивки—Мартынов. Переправы и участки обороны реки осмотреть заблаговременно, составить проекты занятия участков реки и развести войска особо назначенными офицерами, дабы избежать всяких недоразумений. Напоминаю, что одно из условий успешной обороны состоит в поддержании деятельной связи всеми способами (сигналы, телефоны и проч.). Кроме вышеуказанных 3 дивизий у, каждого начальника участка должны быть свои резервы с тем, чтобы отпор противнику мог быть дан этими резервами, не рассчитывая на дивизии резерва, оставленные в моем распоряжении. Приречные позиции, где они нужны, позиции по наиболее важным дорогам, а равно боковые позиции, которые преграждали бы распространение противника вдоль реки,—прочно укрепить. При отражении переправы противника части нашего расположения при прорыве в каком-либо месте загибают фланги и продолжают борьбу в таком положении. По сигналу или по телефонному сообщению к месту прорыва подходят резервы, направляя

подход с разных сторон. Резервы всегда должны быть готовы к немедленному выступлению. 6159. Иванов".

Этот приказ Главнокомандующего армиями Ю.-З. фронта в отношении 3-й армии как бы подтверждал приказ Командующего 3-й армией от 28 апреля (11 мая) № 1447 и дополнение к нему—от 29 апреля (12 мая) за № 1486. Таким образом, вместо того, чтобы управлять действиями армий фронта, давая своевременно новые задания, Главнокомандующий фронтом только подтверждал своею директивою приказ Командующего армией и фактическое положение армии. Директива № 6159 в отношении всех армий Ю.-З. фронта была согласована с повелением Верховного главнокомандующего от 27 апреля (11 мая) 1915 г. за № 195, в которой поставлена главная задача армиям Ю.-З. фронта—„отстоять завоеванную нами часть Галиции", пользуясь для сего крайним восточным рубежом—„оборонительными линиями рек Сана и Днестра".

Итак, расположение 3-й, 8-й и 11-й армий по р.р. Дунаец и Бяла и далее по Карпатам,—которое они занимали до удара по 3-й армии армией ген. Макензена, т.-е. до 18 апреля (1 мая) включительно,—к 30 апреля (13 мая) под влиянием удара армии ген. Макензена сменилось расположением этих армий по р.р. Сан и Днестр, при чем правофланговую 4-ю армию Ю.-З. фронта пришлось оттянуть левым ее крылом на позицию Тарнобржег — Развадов; левофланговую, 11-ю армию, — оттянуть к р. Днестр и к государственной границе между р.р. Днестр и Прут.

3-я армия отошла на р. Сан совершенно разбитой, утратившей надолго свою боеспособность; прочие армии Ю.-З. фронта, вследствие катастрофы в 3-й армии, отошли на Сан и Днестр неукомплектованными и без достаточного количества огнестрельных припасов, так как и укомплектования и огнестрельные припасы в значительном количестве поглощались 3-й армией.

Армия ген. Макензена продолжала во время отступления 3-й армии к р. Сан свое преследование, сосредоточивая главный напор на центр 3-й армии. Вследствие запоздалых оперативных распоряжений и несвоевременности отказа от замысла похода „через Карпаты в Венгрю" — 3-й армии не удалось выиграть пространство от преследующего противника, следовательно, в ее распоряжении не оказалось времени, достаточного для того, чтобы привести себя в порядок, хотя бы наскоро укомплектоваться, пополнить запасы и разработать „упорную" оборону на подступах к р. Сан. А между тем боевые потрясения 3-й армии неизбежно должны были передаваться во все армии Ю.-З. фронта, которые все время неизменно сохраняли кордонное расположение своих корпусов

и не использовали указанный им отход для перегруппировки своих сил, с целью расстаться с невыгодами кордона и перейти к такому развертыванию сил Ю.-З. фронта, которое давало бы свободу маневрирования и позволило бы избежать такого положения, когда армия ген. Макензена, своим давлением против одной только 3-й армии, достигала чрезмерного успеха, вынуждая все армии фронта безнадежно отступать, не оказывая содействия атакованной 3-й армии. Иначе говоря, кордон 18 апреля (1 мая) переместился к востоку и обратился в кордон 30 апреля (13 мая) на р.р. Сан и Днестр; предположение о направлении V Кавказского к-са ко Львову, конечно, не придавало ни устойчивости, ни активности этому кордону. При таких условиях едва ли имелись основания ожидать от обороны р.р. Сан и Днестр каких-нибудь положительных результатов.

Весьма характерно сходство повеления Верховного главнокомандующего № 195 с директивой г.-а. Иванова № 6159, выразившиеся в стремлении удерживать территорию и прикрывать пути, — в качестве главной основной оперативной задачи.

Повеление требует „отстоять завоеванную нами часть Галиции"; директива ставит задачу „прикрытие путей"—в пределы России, ко Львову, к Тарнополю...

Оба эти распоряжения совершенно упускают из виду, что и то и другое, т.-е. и удержание Галиции и прикрытие путей, наивернейшим образом достигается путем поражения живой силы противника,—в данном случае армии ген. Макензена. В обоих распоряжениях противник совершенно упускается из виду и как будто заранее предрешается его победоносное шествие вперед, вперед... Какая-то безнадежность, отсутствие веры в свои силы сквозит в обоих распоряжениях. И если допустить, что такая безнадежность являлась следствием каких-либо действительных причин, то становится совершенно непонятным, что наряду с представлением о безнадежности положения дел в Ю.-З. фронте, принимаются такие полумеры, как оборона р.р. Сан и Днестра, вместо радикального пересмотра всех заданий этого фронта и, в соответствии с этим, полной перегруппировки его сил.

Вынужденным отступлением на р.р. Сан и Днестр в значительной мере была подорвана боеспособность армии Ю.-З. фронта и вполне выведена из состава его сил 3-я армия. Следовало предвидеть, что при дальнейшем вынужденном отступлении являлся риск разложения всего Ю.-З. фронта, которому были отданы лучшие войска и большая часть всякого снабжения.

Оборона участка р. Сан 3-й армией.

Согласно приказа Командующего 3-й армией № 1447 к-са 3-й армии должны были оборонять следующие участки по р. Сан:

IX к-с	от	Развадов	исключительно до	Кржешов	включительно;
X „	„	Кржешов	„ „	Лежайск	„
III Кавк. к-с	„	Лежайск	„ „	Лезахов	„
XXIV к-с	„	Лезахов	„ „	Ярослав	„
XXI „	„	Ярослав	„ „	Барич	„
XII „	„	Барич	„ „	Перемышль	„

Эти участки для „активной“ обороны должны быть заняты к-сами к 6 часам утра 30 апреля (13 мая) 1915 г.

Сосредоточение корпусов к. р. Сан и развертывание армии для обороны. Втечение дня 29 апреля (12 мая) X к-с, без давления со стороны противника, отошел на правый берег р. Сан и расположился на участке Кржешов—Лежайск, оставив арьергарды на левом берегу и заняв предмостное укрепление у Лежайска.

Прочие к-са исполняли отступательные марши к р. Сан, без давления со стороны противника. Предмостная позиция впереди Ярослава была занята одним полком 62-й дивизии, к которому вскоре подошли еще два полка той же дивизии. Вечером XXI к-с сосредоточился у Перемышля; XII к-с сосредоточился у Перемышля в ночь с 29 на 30 апреля/12 на 13 мая. Втечение дня 29 апреля (12 мая) части 4-й армии постепенно занимали позицию Тарнобржег—Развадов.

К утру 30 апреля/13 мая IX и X к-са устраивались для обороны на правом берегу, занимая вышеуказанные участки; их арьергарды и конница—на левом берегу; наступление значительных сил противника против этих корпусов не обнаружено.

III Кавказский к-с благополучно отошел на свой участок на правый берег р. Сан; конница оставлена на левом берегу; арьергард 21-й дивизии, оставленный у Уржковице, ночью был потеснен противником и отошел к Пржеворску.

XXIV к-с прибыл на участок Ярослав—Радымно—Запалов, выдвинув 12-ю Сиб. дивизию на предмостную позицию впереди Радымно; эту дивизию впоследствии должны были сменить части XXI к-са.

XXI к-с, по сосредоточении у Перемышля, развертывался постепенно на указанном ему участке.

XII к-с, сосредоточившись у Перемышля, развертывался на своем участке. Во время передвижения XXIV, XXI и XII к-сов на указанные им участки конница была выдвинута на левый берег для прикрытия развертывания этих корпусов.

Конной разведкой на левом берегу обнаружено, что на фронт Ярослав—Радымно наступает сорок первый германский корпус; головы колонн этого к-са, к вечеру 29 апреля (12 мая), были на фронте Канчуга—Панталовице—Прухник.

Для замедления движения противника К-щий армией приказал коннице IX и X к-сов, всего двум кавалерийским дивизиям, произвести набег во фланг и тыл противнику, наступающему к р. Сан, поддержав конницу пехотными частями.

Сведения о противнике. Кроме частей XLI германского корпуса, наступавших на фронте Канчуга—Прухник, утром 30 апреля (13 мая) обнаружено наступление двух неприятельских колонн: одной, силою около бригады пехоты с 4 эскадронами,—в направлении Соколув — Гурно; другой, силою около дивизии пехоты,—в направлении Ланцут—Пржеворск; к 6 часам вечера 30 апреля (13 мая) район Соколув—Жолыня был занят крупными частями противника; кроме того, утром 30 апреля (13 мая) наблюдалось движение колонны противника от Косина (близ Ланцут) на Бялобоки; к вечеру 30 апреля (13 мая) против участка устье р. Вислоки—Лезахов появились пехотные разведчики противника, поддержанные небольшими пехотными частями.

На основании этих сведений К-щий 3-й армией пришел к заключению, что главное направление наступления противника на участок Ярослав—Радымно; после чего им отдан оперативный приказ армии 30 апреля (13 мая) 1915 г. № 1503 [114]).

Распоряжения К-щего 3 армией. Приказ № 1503 устанавливает упорную оборону участка р. Сан от Развадова (исключительно) до Перемышля (исключительно); при чем участок от Сенявы (исключительно) до Перемышля (исключительно)—оборонять активно. Участки IX, X и III Кавк. корпусов в этом приказе оставлены, как было выше указано; участок XXIV к-су назначен от Лезахова до с. Тыченпы включительно; XXI к-су—Тыченпы—Замойце (включительно), XII к-су Замойце—до северного фронта фортового пояса крепости Перемышль. Армейский резерв в составе бригады 45-й дивизии в Моковиско (к востоку от Ярослава). В приказе не указано каким частям расположиться на левом берегу; но так как вскоре обнаружилось, что части XXI и XII к-сов располагаются именно на левом берегу р. Сан, то по этому поводу произошел обмен мнений между штабом армии и штабом фронта; в конечном результате этого обмена г.-а. Иванов, 1/14 мая 1915 г., выразил свое мнение в резолюции: „удержание на левом берегу Сана—Ярослава и позиции Перемышль — Радымно — желательно, но решение сего предоставляю К-щему 3-й армией, сообразно местным условиям. О своих предположениях по сему вопросу прошу ставить меня

в известность и предупреждать К-щего 8-й армией" [115].

Н-к штаба фронта ген. Драгомиров считал, что лучше ограничиться занятием „только предмостных укреплений у Ярослава и Радымно, не располагая остальных войск на левом берегу Сана" [116].

К-щий 3-й армией находил, что XXI к-с должен сохранить расположение на левом берегу, так как позиция Тыченпы—Замойсце включает в себя укрепления Радымно, оказавшиеся в хорошем состоянии; сохранение расположения на левом берегу еще более важно и потому, что, по мнению К-щего 3-й армией,—с переводом XXI к-са на правый берег, войска XXIV к-са вынуждены будут очистить Ярославские укрепления, так как расположение XXIV и XXI к-сов взаимно дополняют друг друга. К-р XII к-са также настаивал на сохранении левого берега Сана, по крайней мере от Радымно до Перемышля, что крайне необходимо для будущей операции, а также потому, что отдача левого берега Сана „поставит в трудное положение весь фронт".

К-р XII к-са умолял К-щего 3-й армией оставить его к-с на левом берегу, так как он рассчитывает „сохранить плацдарм между Радымно и Перемышлем в своих руках для будущего нашего удара во фланг противнику" [117].

К-р XXI к-са также обратился телеграфно к К-щему 3-й армией с просьбой оставить к-с на левом берегу Сана; эта телеграмма, от 1/14 мая 1915 г., была передана г.-а. Иванову. В результате всех этих мнений и заявлений—явилась вышеприведенная резолюция г.-а. Иванова.

Приводим дословно телеграмму К-ра XXI к-са [118]: „Я лично был сейчас в Радымно, где познакомившись на месте с положением дел, считаю долгом доложить следующее: занимаемая на левом берегу Сана позиция довольно сильна по местным условиям, имеет хороший обстрел и совершенно активна; она в настоящее время интенсивно укрепляется и многое уже сделано; старых укреплений на правом берегу Сана никаких нет, а позиция на самом берегу по местным условиям абсолютно не выгодна, ибо войска на ней будут безнаказанно расстреляны противником с командующих высот левого берега Сана; отойти же от этого берега—значит отказаться от обороны самой реки, а самый отход равносилен в настоящее время дальнейшему отходу, ибо уже находящийся в непосредственной близости противник тотчас же устремится за нами, и я сомневаюсь, чтобы мы смогли упорно задержаться на совершенно неподготовленной, гладкой, как стол, местности правого берега санской долины, и тогда действительно может начаться разложение корпуса, которого пока нет. Кроме того, позиция на левом берегу отвечает

силам, на правом же берегу слишком растянута и явится кордоном. Все начальники дивизии убедительно просили меня доложить вашему высокопревосходительству, что они считают оборону реки Сана на правом берегу делом почти не осуществимым, а самый отход за Сан крайне нежелательным и по причинам нравственным: мы не были разбиты, мы были только чрезмерно утомлены; масса людей с окровавленными ногами, но теперь мы все время численно увеличиваемся, ибо прибывают отсталые; бодрость духа растет с отдыхом и сознанием того, что раз мы на левом берегу Сана,—значит мы наступаем: отход за Сан ухудшит общее положение, ибо лишает нас могучей огневой поддержки фортовой артиллерии; добровольная отдача предмостных позиций повлечет за собой необходимость огромных жертв при форсировании Сана, не говоря уже о том, что лишает нас свободы маневрирования и возможности вести разведку; наконец, отход дурно отзовется на местном населении, сильно обеспокоенном—не будем ли отходить на правый берег Сана. Ввиду всего изложенного я прошу ваше высокопревосходительство оставить нас на занимаемых местах, где мы уже изготовляемся дать должный отпор врагу 510. Генерал Шкинский".

С своей стороны, ген. Радко-Дмитриев,—подтвердил левофланговым трем корпусам (XXIV, XXI и XXII) упорно удерживать свои позиции на левом берегу Сана, указав, что силы противника, наступающие на Ярослав-Перемышль, дают все основания быть уверенным, что мы дадим решительный отпор неприятелю на левом берегу Сана и что на этих позициях надо умирать, но не отходить на правый берег.

Таким образом, путем необоснованного набадривания войск, создавались условия, при которых последние остатки боеспособности 3-й армии ставились на путь полного уничтожения без крайней к тому необходимости. К этому набадриванию обязывало повеление Верховного гл-щего считать Сан и Днестр восточным переделом нашего отхода.

Итак, К-щий 3-й армией решил: „ввиду закрепления положения XII и XXI корпусов на левом берегу Сана от Тыченны через Радымно до Перемышля, а также ввиду прочного положения XXIV к-са у Ярослава — удерживаться на участке этих трех корпусов на левом берегу Сана; остальным корпусам прочно утвердиться на правом берегу, сохраняя мосты неразрушенными до серьезного непосредственного на них натиска противника.

Действия армии ген. Макензена 1/14 мая 1915 г. Против участка IX к-са, около полудня, противником заняты селения Залесье и Ята — отрядом в составе: 1 батальона, 2 эскадр., 4 орудий; небольшими пехотными частями занята опушка леса, что к западу от Рудник; к вечеру батарея противника, расположенная к северу от Ежов обстреливала стан-

цию Рудник. Селение Волина, южнее Нико, занято 1—2 эскадронами.

Против участка X к-са—две колонны, каждая силою около бригады пехоты, наступали: одна от Соколув на Кржешув, другая от Жолыня на Лежайск; к вечеру авангард второй колонны силою около двух батальонов атаковал наши 2 роты, занимавшие Старое-Място, против переправы через Сан; атака была отбита, но противник удержался на восточной окраине Старое-Място. Наступление этих двух колонн велось на широком фронте и носило характер демонстрации.

Против участка III Кавказского к-са противник повел энергичное наступление силами около бригады пехоты, в направлении Ягелла—Лезахов; все его атаки успеха не имели; противник отхлынул и начал окапываться перед нашим расположением.

Против участка XXIV к-са—с утра огонь тяжелой артиллерии по нашему расположению у Ярослава; втечение дня противник накапливался в районе Павлосов—Розвеница—Хлопице и окапывался; около 5 час. дня со стороны Пелкине—Ставки началось наступление около 3 полков пехоты противника, при содействии интенсивного огня артиллерии, на северный участок предмостной позиции у Ярослава; наступление остановлено огнем — артиллерии с правого берега во фланг, пехоты—с фронта. С наступлением темноты противник начал окапываться против русских позиций.

Против участка XXI к-са—артиллерийский огонь по Ловце и Лутков. В районе—Добковице—Тапин—Рокетнице—сосредоточение значительных сил противника, около корпуса; здесь противник, развернув около дивизии,—повел медленное наступление, направляя удар, повидимому, на правый фланг нашего расположения, на Тыченпы.

Против участка XII к-са — появились лишь мелкие части пехоты и конницы, видимо, производившие разведку. Таким образом, наибольшее скопление неприятельских сил—против участка Замойце—Ставка (к сев. от Ярослава). Принимая во внимание эти действия противника — г. Радко-Дмитриев отдал в 11 часов вечера 1/14 мая 1915 г. оперативный приказ за № 1564, которым на 2/15 мая приказано „упорно оборонять занятые нами позиции".

Состав корпусов 3-й армии к вечеру 1/14 мая 1915 г. [119]) ([1]).

IX корпус.

42-я див., 70-я див., 3 полка 5-й див., 2-я каз. св. див. 51-й Сибирский стрелковый полк; 21-я, 25-я, 26-я, 27-я, 81-я оп. бриг.

[1]) Боевое расписание 3-й армии в архивах найти не удалось.

X корпус.

31-я див., 61-я див., 63 див., 3-й Донск. каз., 1 полк 5-й див., 52-й Сиб. стр. полк, 2 батал. Солигалич. полк.

III Кавк. корпус.

21-я див., 52-я див., 9-я див., 7 кав. див., 45-й и 50-й Сиб. стр. полк, 10 бат. 81-й див.

XXIV корпус.

62-я див., 48-я див., 3 полка 49-й див., 12-я Сиб. стр. див., 3 полка 11-й кав. див., 3-я Кавк. каз. див., Дрогичинский и Бугульминский полки, Троицко-Сергиевский полк.

XXI корпус.

3 полка 33-й див., 44-я див., 3-я стрелк. див., 3 полка 16 кав. див., Окский и Радомысльский полки.

XII корпус.

12-я див., 19-я див., 1 полк 33-й див.

17-й гусарский полк и 1 полк 45-й дивизии—в распоряжении К-щего 3-й армией.

Из приведенного состава видно, что к 1/14 мая не удалось восстановить организацию корпусов нарушенную предыдущими боями и что эта пестрая организация в значительной степени затрудняла правильность и быстроту укомплектования частей.

Бой 2/15 мая 1915 г. Главные действия 2/15 мая происходили в районе главной атаки противника — Ярослав — Радымно.

Ранним утром противник, в значительных силах, атаковал с севера нашу предмостную позицию у Ярослава; атаки повторялись несколько раз, но все они были отбиты частями 62-й дивизии. Против XXI и XII к-сов противник не проявлял ночью активных действий; его мелкие пешие и конные части разведывали перед русским фронтом. Войсковая разведка обнаружила занятие противником селений Замехов, Кашице, Дмитровице и, в общем, наблюдалось стремление противника продвигаться в направлении на Замойсце. Замечено также передвижение артиллерии противника от Рокетнице в направлении на Радымно. С утра противник начал обстреливать легкой и тяжелой артиллерией все расположение XXIV к-са и накапливал значительные силы между р. Сан и железной дорогой Пржеворск—Ярослав. К-щий армией признал, что главный удар надо ожидать на Ярослав, т.-е. на участок XXIV к-са, поэтому к-ру XXI к-са приказано

притянуть корпусной резерв ближе к правому флангу к-са, чтобы быть в состоянии поддержать XXIV к-с в случае надобности; к-ру XXIV к-са подтверждено „твердое решение удерживаться во что-бы то ни стало на левом берегу Сана".

Весь день 2/15 мая тяжелая артиллерия противника громила расположение XXIV к-са, засыпая окопы снарядами и нанося защитникам тяжелые потери. Против XXIV к-са германцы сосредоточили около трех к-сов, охватив наше расположение с трех сторон; положение XXIV к-са становилось особенно тяжелым еще и вследствие того, что артиллерия противника поражала не только с фронта, но и во фланг, а на северном участке даже и в тыл. К концу дня противник атаковал XXIV к-с тремя дивизиями, из которых две— германские; атака была встречена нашим огнем, при чем батареи правого берега поражали противника во фланг; первая атака была отбита с большими потерями для противника. К вечеру неприятель повторил атаку превосходными силами; ему удалось потеснить части 62-й дивизии, которая с наступлением темноты начала отходить к городу; частям этой дивизии приказано переправляться на правый берег р. Сан, очищая, следовательно, Ярославскую предмостную позицию. В этом бою русская артиллерия понесла значительные потери в личном составе. В Ярославе жители стреляли по русским войскам; замечены были сигналы, которые подавались жителями Ярослава для указания противнику места расположения наших штабов и резервов, которые после этого немедленно подвергались жестокому обстрелу артиллерии противника. Ночью весь XXIV к-с вынужден был отойти на правый берег р. Сан. Против XXI и XII к-сов в течении дня противник продолжал накапливаться, вел разведку и обстреливал их расположение артиллерийским огнем.

Отход XXIV к-са вынудил К-щего 3-й армией предупредить Гл-щего, К-щего 8-й армией и коменданта Перемышля, что при создавшемся положении дел можно сомневаться, чтобы XXI и XII к-са могли оставаться хоть один день на левом берегу Сана.

При обстановке, сложившейся к вечеру 2/15 мая, ген. Радко-Дмитриев в 11 часов вечера 2/15 мая отдал приказ за № 1607 [121]) „XXIV к-су своим правым флангом отойти через Ярослав, а левым флангом через Высоцко на правый берег Сана и занять для обороны старую нашу позицию от устья р. Любачевки до Ветлина исключительно; XXI и XII к-сам— сегодня же ночью отойти на правый берег Сана, где упорно обороняться, заняв XXI к-сом линию от Ветлина через Лазы по р. Вишниовка до селения Донковицы включительно, XII к-су от Донковицы исключительно до селения Медына включительно".

Этот приказ вызвал протест Верховного гл-щего, который срочным распоряжением повелел XXI и XII к-сам оставаться на левом берегу, дабы обеспечить Перемышль.

Это повеление повело к немедленной отмене ген. Радко-Дмитриевым своего приказа за № 1607; об этой отмене, об оставлении XXI и XII к-сов на левом берегу и о замене приказа за № 1607 новым приказом—были срочно уведомлены все командиры к-сов 3-й армии и комендант Перемышля.

В 2 часа ночи со 2/15 на 3/16 мая 1915 г., т.-е. вслед за отходом XXIV к-са, К-щий 3-й армией отдал следующий приказ за № 1.610 [122]). „Вследствие срочного повеления Главнокомандующего, в отмену отданного мною приказа от 2/15 мая за № 1607, приказываю: первое XXI к-су с 3-й стрелк. дивизией оставаться на ныне занимаемых корпусом позициях на левом берегу Сана, уперев правый фланг корпуса у селения Тыченпы в р. Сан; второе XII к-су оставаться на левом берегу Сана на нынешней своей позиции; третье—XXIV к-су своим правым флангом отойти через Ярослав, а левым флангом через Высоцко, на правый берег Сана и занять для обороны старую нашу позицию от устья р. Любачевки до Ветлина включительно; четвертое прочим корпусам оставаться на ныне занимаемых ими позициях; пятое всем штабам корпусов и армии оставаться в ныне занимаемых местах 1610. Генерал-Радко-Дмитриев".

Таким образом, создалась для XXI и XII к-сов весьма неблагоприятная обстановка на 3/16 мая, так как противник уже был сосредоточен для удара, а у нас не было ни времени, ни средств, чтобы подготовить противодействие намеченному удару противника.

Отходя на правый берег, XXIV к-с уничтожил переправы и занял позицию от устья р. Любачевки до селения Ветлина; его части были перемешаны между собою и сильно утомлены; втечение ночи они устраивались. Вследствие отхода XXIV к-са—XXI к-с упер свой правый фланг в р. Сан южнее Мунин.

С утра 3/16 мая противник, оставив заслон против XXIV к-са, начал сосредоточиваться против XXI к-са; туда-же двинулась и его тяжелая артиллерия. Противник занял положение, охватывающее правый фланг XXI к-са, благодаря повороту, который делает р. Сан у Мунин.

Ген. Радко-Дмитриев находил, что при таких условиях, с помощью XII к-са,—XXI к-с сможет удержаться на левом берегу втечение 3/15 мая, но в дальнейшем надо опасаться, что эти два левофланговых к-са (XXI и XII) будут окончательно расстроены, не достигнув никаких результатов. Удержание позиции на левом берегу, по мнению ген. Радко-Дмитриева, имело бы значение в том случае, если бы могли через 1—2 дня перейти в решительное наступление, введя

для этого свежие силы, но таковых в 3-й армии не имеется, и весь армейский резерв составляют только 8 батальонов 45-й дивизии. Ген. Радко-Дмитриев высказал г.-а. Иванову эти соображения по телеграфу и добавил, что „если ваше в-ство можете ввести в дело тут собирающийся V Кавк. к-с, тогда наша задержка на левом берегу еще на один день оправдывается и сделаем все возможное, чтобы задержаться; если-же такой маневр V Кавказским к-сом не входит в ваши намерения, то лучше всего принять бесповоротное решение сегодня-же ночью (с 3/16 на 4/17 мая) отвести оба названные к-са на правый берег реки. Испрашиваю спешно ваших указаний. 1618". [120]).

Между тем противник продолжал громить наши войска сильным огнем тяжелой и легкой артиллерии; к-щему армией стало совершенно ясно, что XXI и XII к-са удерживаться дальше на левом берегу не в состоянии; поэтому в 1 час дня 3/16 мая 1915 г. он отдал следующий оперативный приказ за № 1624 [123]). „Верховный главнокомандующий повелел остановиться окончательно на ныне занимаемых позициях и оборонять их во что бы то ни стало, обеспечивая этим владение нами Перемышлем. Для этого приказываю: IX, X, III Кавказскому и XXIV корпусам оборонять реку Сан пассивно на занятых участках. XXI и XII корпусам закрепиться прочно на занимаемых позициях на левом берегу Сана и удерживаться во что бы то ни стало. Приказываю командиру XXIV корпуса, кроме всех частей 3-й стрелковой дивизии, выделить еще и немедленно передать в распоряжение генерала Шкинского один более сохранившийся полк 45-й дивизии, который форсированно направить к селению Ветлин. Моему армейскому резерву в составе двух полков 45-й дивизии под начальством свиты генерал-маиора Николаева оставаться у станции Бобрувки 1624. Генерал Радко-Дмитриев".

Таким образом, 3-й армии приказано удерживать позиции по р. Сан, обеспечивая этим за собою Перемышль. Однако, совершенно очевидно, что в это время ни позиции по р. Сан, ни крепость Перемышль—не имели решительно никакого стратегического значения; поэтому направление дальнейших усилий уже истекшей кровью 3-й армии к удержанию занимаемого положения не имело никаких оснований.

Правда, в это время предполагалась поездка Государя и Верховного гл-щего в Перемышль; это, как видно, и приводило к желанию удержать этот пункт во что бы то ни стало.

Действия на правом крыле 3-й армии 2/15 и 3/16 мая 1915 г. Пока в корпусах левого крыла происходили только что описанные действия, приведшие к-щего 3-й армии к сознанию необходимости отвести всю армию на правый берег р. Сан, в корпусах правого крыла происходило следующее

В IX к-се—противник вел артиллерийский огонь по всему расположению и занял селение Верхуты и жел.-дорожную станцию Рудник.

В X к-се—около дивизии противника развернулось перед фронтом расположения; никаких активных действий в ночь с 1/14 на 2/15 мая противник не предпринимал; 2/15 и 3/16 мая противник разведывал мелкими пехотными частями и в некоторых местах безуспешно пытался переправиться на правый берег.

В III Кавказком. к-се—в ночь с 1/14 на 2/15 мая германская дивизия неоднократно переходила в наступление против двух Сибирских полков, защищавших переправу у Лезахова; все атаки были отбиты ружейным огнем; днем 2/15 мая небольшие пехотные части противника пытались подходить к Сану на участке Лежайск—устье Вислока, но были отгоняемы огнем; южнее, до устья Любачувки, — противник вел сильный огонь тяжелой и легкой артиллерии по нашему расположению, сосредоточив против южного участка к-са около бригады пехоты, которая укрылась в лесу южнее Трынчи. В течении ночи с 2/15 на 3/16 мая—противник продолжал накапливаться против южного участка III Кавк. к-са и энергично разведывал наше расположение своею пехотою. Таким образом, против трех русских корпусов правого крыла армии активных действий крупными частями противник не предпринимал, как-бы придерживая наши войска на месте огнем и действиями мелких пехотных частей.

Попытки неприятеля переправиться на правый берег р. Сан. Во второй половине дня 3/16 мая на фронте XXIV к-са небольшому отряду противника удалось переправиться на правый берег у Шуско; нашей контр-атакой этот отряд был отброшен на левый берег. С наступлением темноты противнику снова удалось переправиться на правый берег у Гарбарже; для контр-атаки были направлены части из резерва. Противник пытался накапливаться в нескольких пунктах на левом берегу р. Сан, передвигаясь вдоль берега реки под прикрытием огня своей тяжелой артиллерии, но все скопления сил противника были рассеяны огнем нашей артиллерии; наибольшее накапливание противника происходило в районах: Мунин—Тученпы, Капице—Замойсце, т.-е. против правого и левого флангов XXI к-са. В общем, в течении 3/16 мая противнику не удалось переправиться на правый берег р. Сан.

Изменение состава 3-й армии. Директивой Гл-щего фронтом 3/16 мая 1915 г. № 6256 из состава 3-й армии выделены XXI и XII к-са и переданы в 8-ю армию; в состав 3-й армии, тою-же директивою, введен XV к-с; 8-я дивизия этого к-са, прибывающая по назначению, должна оборонять участок от р. Цыган до Розвадув, переданный в 3-ю армию из 4-й армии.

Задачи 3-й армии и распоряжения к-щего 3-й армией. На 3-ю армию возложена задача „упорно оборонять позиции от р. Цыган на Развадув и далее по правому берегу Сана до селения Ветлины включительно". Согласно этого задания к-щий 3-й армией отдал приказ в 11 час. вечера 3/16 мая 1915 г. за № 1645, которым все корпуса армии оставлены на своих участках и им приказано: „прочно оборонять течение Сана, решительно отбрасывая всякую попытку неприятеля форсировать реку Сан", армейскому резерву, в составе 12 батальонов 45-й дивизии, оставаться у станции Бобрувка.

Итак, на протяжении 110 верст пять корпусов, ослабленных предыдущими боями и вытянутых в одну линию,—должны были задержать противника, который сосредоточенно долбил участок XXIV к-са, и не проявлял активности против остальных корпусов, хотя развернул против них свои силы. Оборона при таких условиях требовала сильного резерва, как ударной группы; в данном случае, 12 батальонов 45-й дивизии, конечно, не могли исполнить этого назначения. Образовать резерв из корпусов, растянутых по фронту обороны, в это время уже не было возможности, так как надвинувшийся неприятель не давал ни пространства, ни времени для исполнения перегруппировки сил, и корпуса были настолько обессилены, что уже не были способны оказывать сопротивление и, тем более,—действовать активно; между тем перегруппировка неизбежно привела-бы к необходимости выдерживать бой в одних корпусах в то время, когда другие к-са исполняли-бы указанные им маневры. Для примера:—маневр XXI к-са 27 апреля/10 мая развивался в условиях, когда соседние с ним к-са еще обладали самостоятельностью для ведения боя, но и этот маневр замер, как только выяснилось, что III Кавказский и XXIV к-са, обессиленные,—были отброшены противником; XXI к-с, наступавший из глубины, оказался слабым для того, чтобы восстановить бой проигранный двумя корпусами и, восстановивши, нанести удар противнику. Совершенно ясно, что 12 батальонов 45-й дивизии—не были в состоянии исполнить роль ударной группы. Следствием такого положения вещей—являлась невозможность разработать надлежащим образом упорную оборону; приходилось, следовательно, положиться на силу сопротивления корпусов, выдвинутых вперед, и на их способность отстаивать вверенные им участки обороны. Такое положение богато всякими случайностями и потому, вообще говоря, результат обороны в этом случае, даже и при наличии боеспособности к-сов,—всегда остается сомнительным; в данном частном случае, когда заведомо известно было, что к-са утратили в значительной мере свою боеспособность,—неудачный исход обороны следовало предвидеть и признать, что „у п о р н а я" оборона р. Сан ни к чему иному повести не может, как

только к выбытию из строя еще нескольких частей и к обязательному отступлению по всему фронту. Только решительные, героические меры, доходящие до постановки совершенно иных заданий всему Ю.-З. фронту и каждой из его армий, при условии полной свободы маневрирования и отказа удерживать во что бы то ни стало местные рубежи, крепость Перемышль и т. п.,—являлись бы уместными и могли-бы привести к выходу с честью из создавшегося положения, при условии сохранения оставшейся боеспособности войск для дальнейших действий. Совершенно определенно можно утверждать, что главнокомандование Ю.-З. фронта в это время не способно было проявить такую доблесть, поэтому единственно-практическим решением следует признать полную его смену в дни 1/14—3/16 мая. Подобно тому, как для оживления С.-З. фронта в начале сентября 1914 года—была произведена полная смена главнокомандования фронтом, а затем и освежение в верхах каждой армии этого фронта,—теперь, после катастрофы в 3-й армии, распространившейся на весь фронт,—ничего другого не оставалось, как прибегнуть к той же мере и в Ю.-З. фронте. Однако, Верховный гл-щий предпочел оставить г.-а. Иванова на своем посту, чем и предоставил ему полную возможность—беспланными действиями распространить утрату боеспособности с 3-й армии на остальные части Ю.-З. фронта, т.-е. в полной мере сыграть в руку противника.

Тем-же приказом № 1645 К-щий армией требовал особого внимания к тщательному и энергичному укреплению позиций, а также к укреплению позиций тыловых, как будто для всего этого было и время, и рабочая сила, и необходимые средства...

Бой 4/17 мая 1915 года. С наступлением ночи с 3/16 на 4/17 мая германцы повели наступление на средний участок XXIV к-са, обрушившись на него огнем тяжелой артиллерии, который разбивал окопы и наносил нашим войскам тяжелые потери. Утром некоторые части противника, незамеченные в XXIV к-се, переправились на правый берег р. Сан у Вязовницы и утвердили там свое расположение. Кроме того, еще вечером 3/16 мая некоторые части противника успели переправиться у Гарбарже, и противник накапливался здесь втечение ночи. Контр-атака 49-й дивизии против противника, скопившегося в излучине Сана западнее Вязовницы, успеха не имела; наши отброшенные части заняли опушку леса от Мильницы до Пивода; на поддержку отброшенных частей 49-й дивизии были двинуты остатки 48-й дивизии и 11-я кавалерийская дивизия; в распоряжение к-ра XXIV к-са передан еще один полк 45-й дивизии из армейского резерва. Около 6 часов вечера неприятельские густые цепи атаковали центр и правое крыло к-са; русские части начали отходить;

вскоре выяснилось, что XXIV к-с не может удержать свои позиции; корпус напрягал последние усилия, чтобы удержаться на фронте Мельники (на р. Любачувке)—Хутки—Ольхова—Маковиска—Ветлины.

Одновременно с успешной атакой на XXIV к-с германцы повели наступление на левое крыло III Кавказского к-са, развив сильный огонь тяжелой артиллерии; затем германцы атаковали густыми цепями и отбросили наши части на линию Мышковка—Сенява—Лезахов. В общем, XXIV и III Кавказский к-са были атакованы силами около трех германских корпусов. К-щий 3-й армией просил указаний Гл-щего Ю.-З. фронта, сообщив ему, что „надежды удержаться совершенно мало“ [124]). Таким образом, 4/17 мая XXIV и III Кавказский к-са были отброшены от р. Сан, а противник переправился через р. Сан и утвердился на правом берегу между Лежайском и Ветлины. В IX и X к-сах втечение 4/17 мая противник обстреливал наше расположение артиллерийским огнем; огонь особенно усилился по левому участку X к-са в то время, когда развивалось наступление на XXIV и III Кавказский к-са; пехотные цепи противника приблизились к нашему расположению, окопались и обстреливали наши войска с левого берега Сана. Попыток переправиться на правый берег со стороны противника здесь не было.

Переход в наступление 5/18 мая 1915 г. В состав 3-й армии введен Сводный корпус, образованный из 3-й Кавказской стрелковой дивизии и из частей 77-й дивизии; в состав этого к-са введена также 16-я кавалерийская дивизия. Сводный корпус сосредоточился за левым флангом участка XXIV к-са, т.-е. к Ю.-З. от Любачув; 3-я Донская казачья дивизия притянута в Любачув.

5/18 мая в 11 часов утра ген. Радко-Дмитриев отдал оперативный приказ за № 1702, в котором поставлена задача 3-й армии „перейти в решительное наступление для нанесения удара правому флангу неприятеля, переправляющегося через Сану Ярослава и севернее“; переход в наступление назначен в 12 час. ночи с 5/18 на 6/19 мая. Нанесение удара возложено на Сводный к-с, который должен наступать с линии Менкиш Новый—Менкиш Старый на фронт Маковиско—Собецин для овладения переправами, устроенными противником в излучине реки у Гарбарже, и для дальнейшего наступления вдоль правого берега реки Сан, т.-е. во фланг противнику, наступающему на XXIV к-с.

XXIV к-с у приказано держаться на фронте Мельники—Хутки—Ольхова—Маковиско—Ветлин.

III Кавказскому и X к-сам—приказано наступать и отбросить переправившегося противника на левый берег р. Сан.

IX и XV к-с а м—приказано ударить по неприятелю вдоль левого берега Сан.

Сводному корпусу назначено к 12 час. ночи быть на линии Бобрувка—фольв. Дрезина; между всеми к-сами установлены разграничительные линии [125]).

В 3 час. 30 мин. дня 5/18 мая к-р Сводного к-са получил лично подробные указания от К-щего 3-й армией о предстоящем наступлении и в 4 ч. 30 м. дня отправился в Менкиш Старый, где уже сосредоточилась 3-я Кавказская стрелк. дивизия.

К переходу 3-й армии в наступление обстановка сложилась следующим образом: в XV к-с е 8-я дивизия, отбив несколько ночных атак противника (в ночь с 4 на 5), продвинулась вперед и заняла окопы противника; в IX и X к-с а х—спокойно, со стороны противника редкий артиллерийский огонь, местами—ружейный; некоторые части этих к-сов переправились на левый берег для атаки противника.

В III К а в к а з с к о м к-с е против правого фланга противник развил сильный артиллерийский огонь; некоторые части противника переправились на правый берег у Лезахов; против центра и левого фланга к-са противник втечение дня переходил несколько раз в наступление значительными силами. Атака противника со стороны Лезахов на Сеняву, утром 5/18 мая, сначала была успешна, для него, но затем противник был отброшен нашею контр атакою на свои позиции.

Более настойчивые атаки противник вел против крайнего левого фланга к-са со стороны Монастержа; здесь густые неприятельские цепи, поддержанные огнем артиллерии, вели атаку и, продвигаясь вдоль р. Любачувки, обошли фланг 52-й дивизии. Наши части вынуждены были отойти на фронт сначала Сенява—Шмуле, а затем на линию Пичаны—Вылева—Тварда—Быки.

В XXIV к-с е противник успел переправить на правый берег значительные силы у Ярослава ночью; втечение всего дня 5/18 мая противник жестоко громил своею тяжелою артиллерией расположение всего к-са; во второй половине дня начались атаки со стороны противника по всему фронту; на правом фланге наши части вскоре отошли на фронт Радова—Цетула, где и задержались; атака со стороны противника в центре успеха не имела и была с большими потерями для противника отбита частями 45-й дивизии; с наступлением темноты германцы снова перешли в наступление против левого фланга к-са на участке 12-й Сибирской стрелковой дивизии. При такой обстановке Сводный к-с в 9 часов вечера 5/18 мая 1915 г., в составе 3-й Кавказск. стрелков. дивизии и бригады 77-й дивизии, всего 24 батальона, выступили с линии Менкиш Новый—Менкиш Старый согласно приказа

за № 1702; другая бригада 77-й дивизии опоздала высадкой на ст. Олешица на пять часов.

Одновременно с атакой Сводного к-са, в 8-й армии также предположен был переход в наступление.

Результат наступления 3-й армии. Ночные повторные атаки Сводного к-са (в ночь с 5/18 на 6/19 мая) не удались, так как противник сильно закрепился на фронте Маковиско-Собицин—Тученпы и, поддержанный мощным артиллерийским огнем с левого берега Сана, не позволил захватить эту линию. Противник сам перешел в наступление и заставил русских перейти к обороне. Одновременно с этим противник развил свое наступление на Радава и отбросил правый фланг XXIV к-са за р. Любачувку. На помощь была двинута 7-я кавалерийская дивизия, которая несколько задержала противника на линии Быки—Копань. К вечеру 6/19 мая русские части перешли в наступление и оттеснили противника за р. Любачувку. По недостатку резервов не представлялось возможным принять серьезные меры противодействия неприятелю и потому ген. Радко-Дмитриев признал положение в районе Ярослав—Сенява все более и более, и притом безнадежно, ухудшающимся настолько, что нет возможности удержаться даже на линии р. Любачувка; ген. Радко-Дмитриев просил у г.-а. Иванова срочных указаний, дабы избежать опасного прорыва фронта 3-й армии, который могбы поставить ее левый фланг и 8-ю армию в весьма опасное положение. Действительно, между Сенявой и Ярославом части армии ген. Макензена глубоко прогнули к востоку расположение русских и потому угрожали прорывом в глубокий тыл 8-й армии, которая с непонятным для данного момента упорством стремилась удерживать занимаемый ею фронт. При таком положении ген. Радко-Дмитриев 6/19 мая приказал к-ру Сводного к-са оставить строго необходимые для удержания занятого им положения силы, а все остальное из состава к-са спешно направить на линию Запалов—Молодич с тем, чтобы решительной атакой во фланг противника, находящегося между III Кавказск. и XXIV к-сами восстановить положение. Следовательно, частям Сводного к-са предстояло рискованное фланговое наступление с левого фланга XXIV к-са к правому флангу этого корпуса. На остальном фронте XXIV к-са атаки противника успеха не имели. К вечеру 6/19 мая III Кавк. к-с, под давлением противника загнул свой левый фланг назад по линии Пичаны—Вылева—Тварды—Кравчи—Копань, и так как в XXIV к-се правый фланг уже был откинут назад на линию Цу Молодич—Баты—Цетула, то, таким образом, образовался значительный прорыв между XXIV и III Кавказским к-сами, наблюдаемый у Молодич—7-й, 11-й, 16-й кавал., 3-й Донск. каз. и 3-й Кавказск. каз. дивизиями при поддержке направленных сюда частей 77-й ди-

визии из Сводного корпуса (сводная бригада). В прочих к-сах 3-й армии переход в наступление выразился в следующем:

XV к-с встретил упорное сопротивление противника, которое было сломлено, и к вечеру 6/19 мая к-с занял Стале—Езерко—Бурджи.

IX к-с переправился на левый берег и продвигался успешно, заняв к вечеру 6/19 мая Варце—Подволина—Боровина—Стружа; части переправившиеся из Уланув, были встречены контр-атакой от Подволина и остановлены.

X к-с переправил до половины своих сил на левый берег; при дальнейшем наступлении противник оказал упорное сопротивление, особенно в районе Лежайска, и даже перешел в контр-атаку; в результате переправившиеся части X к-са понесли значительные потери и отошли обратно на правый берег р. Сан.

Таким образом, „решительное" наступление не состоялось, и в результате в общую линию к-сов 3-й армии вошел Сводный к-с слабого состава, составивший левый фланг армии. Корпуса попрежнему, были расположены на правом берегу р. Сан и только часть IX к-са, что к северу от Уланув, и XV к-с располагались на левом берегу.

Во фронте армии к вечеру 6/19 мая образовалась серьезная брешь—между III Кавказским и XXIV корпусами, откуда противник, накопившись, имел возможность атаковать в тыл 8-ю армию, заслонившись от обессиленных боями III Кавказского и XXIV к-сов.

Ген. Радко-Дмитриев, 6/19 мая 1915 г., вполне определенно выразил, в телеграмме за № 1744, г.-а. Иванову, что по его оценке „обстановка требует безусловно—отвести армию назад", чтобы спасти ее от окончательного расстройства и поражения. Принять на себя это решение ген. Радко-Дмитриев не мог, так как оно было связано с положением 8-й армии, которая неизменно оставалась на месте, как видно, для удержания Перемышля, не имевшего в это время решительно никакого стратегического значения.

Ген. Радко-Дмитриев просил у г.-а. Иванов „определенного и категорического указания—оставаться ли на месте или воспользоваться еще возможностью отойти более или менее в порядке".

Распоряжение командующего 3-й армией. Осведомившись о неудачном переходе в наступление Сводного к-са, командующий 3-й армией в 3 часа 40 мин. дня 6/19 мая 1915 г. отдал оперативный приказ за № 1743 [127]). Этим приказом предписывалось: „армии продолжать удерживать занимаемое ею ныне положение".

Для исполнения этого указаны следующие меры:

а) XV, IX и правому флангу X к-са—развить возможно большую активность решительным переходом в наступление,

дабы отвлечь на себя внимание и часть сил противника; кавалерию этих корпусов выслать возможно дальше к югу с тем, чтобы, угрожая сообщениям неприятеля, отвлечь его внимание с фронта XXIV и III Кавказского к-сов.

б) III Кавказскому к-су удерживаться прочно на занимаемых позициях и переходом в наступление накоротке сдерживать дальнейшее проникновение противника в образовавшийся прорыв.

в) XXIV к-су удерживаться на занимаемых позициях до последней крайности, выжидая прибытия подкреплений со стороны Сводного корпуса.

г) 7, 11, 16 кавалерийским, 3-й Донской и 3-й Кавказской казачьим дивизиям, сосредоточившись у Молодич, сдерживать дальнейшее проникновение противника в образовавшийся прорыв до подхода частей Сводного к-са.

д) Сводному к-су, оставив строго необходимые силы на участке Маковиско—Ветлины и подчинив их к-ру XXIV к-са, собрать возможно больше сил и двинуться форсированно на фронт Молодич—Цетула и решительно атаковать прорвавшегося противника с целью отбросить его на левый берег р. Любачевки, а если можно, то и в р. Сан.

Если представить себе ясно на карте расположение частей 3-й армии и группировку сил противника, сосредоточившего свою главную массу против промежутка между III Кавказским и XXIV к-сами,—то с внешней стороны все эти меры представляются как-бы исчерпывающими, обещающими верный успех; но если принять во внимание, что все части, которым указано „решительно наступать“ или „прочно удерживаться“ обладали к этому времени незначительною боеспособностью и уже израсходовали свой наступательный порыв,—то станет вполне очевидным, что совершенно невозможно было ожидать успеха от всех вышеперечисленных мероприятий. Сущность боевых событий, попрежнему, оставалась неизменной и состояла в том, что германцы сосредоточенной массой решительно давили на III Кавказский и XXIV к-са, создавая таким образом угрозу разгрома 3-й армии по частям, и в то же время—угрозу атаки в тыл 8-й армии; такое положение вынуждало 3-ю армию к отступлению, а в связи с нею приходилось отступать соседним 4-й и 8-й армиям; отступление трех упомянутых армий, в свою очередь, приводило к необходимости отхода 11-й армии, а затем и частей 9-й армии. Неизменно наблюдая эту механику, Верховное главнокомандование и Главнокомандование фронтом, с 19 апреля/2 мая по 6/19 мая, не нашло возможным решитьея на фундаментальное изменение замысла всей операции Юго-Западного фронта, а вместе с тем и на полную перегруппировку всех его сил, вытекающую из нового замысла. Совершенно не обращая внимания на причины наших

неудач и не изыскивая серьезных мер их устранения,—Ставка неизменно твердила: „ни шагу назад, во что бы то ни стало" г.-а. Иванов дословно повторял это настояние, а ген. Радко-Дмитриев, попадая в общий тон таких распоряжений, отдавал храбрые приказы, внутренне не одобряя ни одного из них и, как видно, не ожидая от них достижения поставленных целей, что и выражалось им, обыкновенно, в телеграммах г.-а. Иванову, сопутствовавших большинству отданных им оперативных приказов. Войсковые начальники неизменно заявляли о недостаче боевых припасов и об отсутствии в их распоряжении тяжелой артиллерии, естественно усматривая в этом причину их неудач.

Однако, если дать себе отчет в том, что боевые неудачи крупных сил всегда являются последствием многих причин, и если припомнить все действия Юго-Западного фронта и 3-й армии, начиная с 19 апреля/2 мая 1915 г., то не трудно прийти к простому выводу, что при наличии всех оперативных дефектов, выше обнаруженных, даже крепчайшие духом, отлично вооруженные и обильно снабжаемые армии—все-таки были бы обречены на неудачу и полный разгром. Этот вывод известен военной истории относительно всех веков и всяких армий, он блестящим образом подтвердился и на весенней операции Юго-Западного фронта в 1915 году, которая явилась естественным последствием замысла Карпатской операции. Лучшие части русской армии были подведены под полный разгром, благодаря бесталанности высших руководителей войны и данной операции.

Смена командующего 3-й армией и начальника штаба армии. 7/20 мая 1915 г. в командование 3-й армии, вместо ген. Радко-Дмитриева, вступил ген. Леш. Вскоре был сменен и н-к штаба 3-й армии; в эту должность вступил генерал-квартирмейстер штаба той же армии. Выпустивший из своих рук управление армиями Юго-Западного фронта г.-а. Иванов—оставлен на посту.

Новый Командующий армией вступил в командование как раз в тот день, когда противник сделал перерыв в своих наступательных действиях. Некоторое давление со стороны противника было оказано в течение 7/20 мая на левый фланг III Кавказского к-са и имело своим последствием отход 52-й дивизии к северу в направлении на Добрча; дивизии приказано восстановить положение; в то же время правый фланг XXIV к-са, вследствие обнаруженного вечером 6/19 мая отхода неприятеля за р. Любачевку, в течение ночи на 7/20 мая, снова занял свои позиции Хуле—Соколы—Ценке—Цетула. На левом фланге 3-й армии оставлены: 3-я Кавказская стрелковая дивизия—в Менкиш Старый, 2-я пластунская бригада—в Менкиш Новый, 1-я пластунская бригада—в Вельки Очи;

таким образом сосредоточился V Кавказский к-с, которому дан участок от восточной окраины Маковиско до Ветлин. Сводный корпус—расформирован с уходом частей 77-й дивизии в направлении на Молодич.

Новый Командующий армией ген. Леш выразил свое мнение новому н-ку штаба Юго-Западного фронта ген. Савичу (ген. Драгомиров также был заменен): „раз нет на нас сильного напора—начать отход не следует". В ответ на это н-к штаба фронта сообщил, что „мнение Главнокомандующего — уступать как можно меньше занятого нами пространства и уступать только под давлением крайней необходимости, исчерпав все средства для отстаивания занятого нами" [128]). Таким образом, установлена цель действий в виде борьбы за пространство—вместо создания нового замысла операции.

Распоряжения нового Командующего 3-й армией. В 8 час. вечера 7/20 мая 1915 г. новый Командующий 3-й армией отдал следующий оперативный приказ за № 1769 [129]): „Сегодня с наступлением темноты части 12-й Сибирской и 77-й пехотной дивизий на участке Маковиско—Ветлин сменить 3-й стрелковой Кавказской дивизией. Участок этот вверяется командиру V Кавказского к-са с тем, чтобы обе пластунские бригады этого корпуса были сосредоточены в районе Корженица—Бржезина. Бригады эти составляют мой резерв. При занятии участка Маковиско—Ветлин надлежит обратить особенное внимание на прочное удержание Ветлина и на тесную боевую связь с XXI к-сом. Освободившуюся после смены бригаду 77-й дивизии ночью же направить в распоряжение к-ра XXIV к-са, с тем, чтобы участок до Четербоки бригада эта перешла в темноте, после чего бригаде иметь отдых в течение не менее пяти часов. Дальнейшее движение бригады из Четербоки распоряжением к-ра XXIV к-са. 12-ю Сибирскую стрелковую дивизию, также освободившуюся после смены, сегодня же ночью сосредоточить в Запалове. Дивизия эта вместе с 45-й дивизией, занимающей участок позиции от Цетула через Ольхову до Маковиско включительно, образует XXIX корпус. во временное командование которым вступить генералу Сулимову со штабом XXIX к-са. Корпусу этому вверяется названный выше участок, занимаемый ныне 45-й дивизией. Командиру XXIV к-са, получив в свое распоряжение всю 77-ю дивизию, принять все меры для остановки продвижения противника между его правым флангом и левым флангом III Кавказского к-са. В ночь с 8/21 на 9/22 мая войсками XXIX к-са сменить части XXIV к-са на участке от Цетулы до Скуратки включительно. Пользуясь сокращением своей позиции с ее левого фланга, к-ру XXIV к-са продлить для выполнения поставленной ему задачи свой правый фланг для

сближения его с левым флангом III Кавказского к-са до Лечманы включительно. Ввиду того, что XXIV к-су приходится действовать в лесах, ему усиленно использовать по просекам пулеметы; лес привести в возможно более непроходимое состояние, устроив засеки и завалы. 9-ю пехотную дивизию в полном составе немедленно с получением сего передать из III Кавказского к-са в X корпус вместе с участком позиции, занимаемым ею ныне, а именно от высоты 176 к югу от Дорнбаха до высоты 189 у Пискоровице. Разграничительные линии между X и III Кавказским к-сами, между XXIV и XXIX к-сами и между XXIX и V Кавказским будут даны дополнительно. Корпусной дорогой для XXIV и XXIX к-сов временно назначается дорога XXIV корпуса, пользование которой устанавливается к-ром XXIV к-са. Штабам корпусов быть: XXIV на прежнем месте в Старосело, XXIX корпуса временно в Олешице, V Кавказского—в Нова Гробля. Об исполнении генералам Зуеву, Цурикову, Ирманову, Истомину и Сулимову донести не позже 5 час. дня 8 мая. 1769. Генерал от инфантерии Леш".

Этим приказом вносился некоторый организованный порядок и более равномерно распределялись участки обороны между корпусами; но никакого оперативного задания корпусам не ставилось, так как решено было отстаивать пространство, т.-е. удерживаться на занимаемых позициях; единственной активной задачей являлось распоряжение XXIV к-су восстановить положение его правого фланга, что должно было привести и к восстановлению левого фланга III Кавказского к-са.

Затишье на фронте 3-й армии. В течение ночи с 7/20 на 8/21 мая противник на всем фронте 3-й армии нигде не предпринимал серьезных наступательных попыток.

8/21 мая Командующий армией приказал прекратить наступательные попытки XV и IX к-сам и закрепиться на занимаемых позициях; того же числа левый фланг III Кавказского к-са начал продвигаться вперед, так как было замечено ослабление противника. В течение всего 8/21 мая противник нигде на фронте армии не предпринимал серьезных наступательных попыток; надо предполагать, что он—или подготавливал новую атаку, или перебрасывал свои силы на фронт против 8-й армии.

В ночь с 8/21 на 9/22 мая противник четыре раза пытался атаковать 70-ю дивизию (IX к-с) в направлении на Рудник; все атаки нами отбиты; в ту же ночь была безуспешно атакована в оба фланга 3-я Кавказск. стрелк. дивизия (V Кавказск. к-са). Втечение всего 9/22 мая противник держался пассивно на всем фронте 3-й армии и закреплял занятые им позиции устройством проволочных заграждений. 9/22 мая К-щий 3-й армией донес Гл-щему фронтом, что принятыми

мерами прорыв между III Кавк. и XXIV к-сами окончательно устранен и что положение армии на занимаемом ею фронте является вполне прочным. „С получением укомплектования", добавляет К-щий 3-й армией, „можно будет приступить к активным действиям и постараться отбросить противника за Сан. Положение XV и IX к-сов, занявших позиции по линии Моржихов — Бурдзе — Запуще — Вархали — высота 177 восточнее Отрозе, выгодно как исходное положение для наступления на сообщения противника" [130]).

К таким утешительным выводам пришел ген. Леш под впечатлением затишья со стороны противника на всем фронте армии с 7/20 по 10/23 мая включительно. В это время соседние с 3-й армией XXI и XII к-са 8-й армии постепенно продвигались вперед, обеспечивая удержание за нами Перемышля.

Заключение к IV главе. Итак, под давлением армии ген. Макензена русская 3-я армия отошла на р. Сан и, расположившись для обороны за этою рекою, неизменно преследовала одну и ту же цель—не уступать захваченное пространство. Эта цель была поставлена Верховным гл-щим всему Ю.-З. фронту; она парализовала военное творчество Главнокомандующего фронтом, который даже не пытался нарушать эту заповедь и потому обратился только в наблюдателя за тем, что происходило в подчиненных ему армиях, не оказывая никакого влияния на их боевую деятельность. Стремление всюду бороться за удержание пространства оправдывало кордонное расположение армий и их корпусов и исключало, таким образом, искусство группировки сил, в соответствии с поставленным замыслом операциями; исключало маневр, как боевое средство. Главная цель — уничтожение живой силы противника — была забыта с нашей стороны. Между тем, противник, искусно сосредоточивая свои силы, последовательно разбивал сначала корпуса 3-й армии, а затем, разбив 3-ю армию, приступил к поражению 8-й армии; выигрыш пространства для него явился следствием поражения русской живой силы, постепенно терявшей силу своего сопротивления.

Действуя сосредоточенно в направлении главного удара, германцы привлекали к содействию этому удару усилия прочих своих частей, действия которых так или иначе могли способствовать развитию главного удара до высшей степени напряжения. Несомненно, превосходство в тяжелой артиллерии облегчало задачу противника, но у него все боевые средства и действия были направлены к достижению единой цели; в частности, маневр получал всюду должное развитие. Со стороны русских маневр был ограничен до крайности, и это происходило вследствие отсутствия какого бы то ни было замысла операции, подмененного сначала прямолинейным

стремлением „через Карпаты—в Венгрию", а затем приказом—„ни шагу назад,—во что бы то ни стало". Взаимная поддержка крупных частей с русской стороны не проводилась в жизнь ни оперативными приказами крупных начальников, ни самодеятельностью их: одни корпуса и дивизии спокойно располагались на своих позициях в то время, когда другие выдерживали жестокие атаки и истощали свои последние силы. Доблесть русских войск достигала высокого проявления, но усилия войск расходовались на стратегически-ничтожные цели. В 3 армии произошла катастрофа, которая привела к отступлению прочих армий Ю.-З. фронта, т.-е. к крушению замысла Карпатской операции и к замене его бесславным отступлением по всему фронту под напором противника, с потерею боеспособности многих частей.

ГЛАВА V.

Отступление из Галиции.

(Схемы № 3 и № 4).

Состав и расположение частей 3-й армии к вечеру 9/22 мая 1915 г. [1]).

Штаб армии — Томашев.

XV корпус. Штаб к-са — Радомысль.

8-я дивизия, 7-й Заамурский пех. полк.	В районе: Стале—Езерко—Бурджи, Радомысль.

IX к-с. Штаб к-са — Здзяры.

42-я, 70-я, 5-я (10 батал.) дивизии, 2-я казачья сводная дивизия, 21-я, 25-я, 26-я, 81-я опол. бриг.	В районе: Сволы — Вархоль—Прендзель—Рудник-Кржешов—Здзяры.

X к-с. Штаб к-са — Липины.

31-я, 61-я, 63-я, 9-я дивизии.	В районе: Кржешов — Ожанна — Пискаровицы — Липины.

III Кавказск. к-с. Штаб к-са — Доброполь.

21-я. 52-я, 13-я Сиб. (3 полка) дивизии, 7-я кав. дивизия, Юрьевецкий и Клязминский полки (81-й див.), 27-я ополч. бриг.	В районе: Пискаровице — Добра, выс. 227, в 2-х верстах севернее Сцишки — Доброполь.

XXIV к-с. Штаб к-са — Старосело.

48-я, 49-я, 62-я, 77-я дивизии, 16-я кав. дивизия (3 полка), 3-я Донск. каз. и 3-я Кавк. каз. дивизии; Бугульминский полк.	В районе: Высота 227 севернее Сцишки—Зарадова первая — Игнаце — Старо-Село.

[1]) Боевые расписания 3-армии в архивах найти не удалось.

XXIX к-с. Штаб к-са—Олешице.

45-я, 12-я Сиб. дивизии.	В раойне: Игнаце—Маковиско—Олешице.

V Кавказск. к-с. Штаб к-са—Нова-Гробля.

3-я Кавк. стрелк. дивизия, 1-я и 2-я пластунские бриг.	В районе: Маковиско — Ветлин—Корженицы—Нова Гробля.

В распоряжении К-щего армией.

17-й Гусарский Черниговский полк — Томашев.

1-я и 2-я пластунские бригады—в районе V Кавк. к-са.

2 батал. 5-й дивизии и Костромской полк той же дивизии переходят в свой (IX) к-с; 52-й Сиб. полк переходит в III Кавк. к-с—в свою (13-ю Сиб.) дивизию; Солигаличский и прибывший из 8-й армии Окский полки (81-й див.) — сосредоточиваются в Олешице.

Из этого видно, что за время передышки были приняты меры восстановления организации дивизий. Большинство корпусов имели по 4 дивизии; но, принимая во внимание слабый их состав, следует признать, что только по мере укомплектования частей возможно было оттянуть некоторые дивизии в армейский резерв, настоятельно необходимый при кордонном расположении корпусов и при склонности противника перебрасывать свои силы вдоль нашего фронта.

На следующий день последовало распоряжение К-щего армией о новом распределении кавалерийских дивизий по корпусам, а именно:

16-я кав. дивизия—в III Кавказск. к-с.
3-й Донск. каз. див. — в XXIX к-с.
7-я кав. дивизия—в X к-с.

Остались в корпусах:

2-я каз. сводн. дивиз.—в IX к-се.
3-я Кавказск. каз. дивиз.—в XXIV к-се.
V Кавказский к-с оставлен без конницы.

На донесении штаба армии о распределении конницы г.-а. Иванов положил резолюцию:„ Опять кавалерию раздергивают по корпусам; 7-ю, 16-ю кав. дивизии и 3-ю Донск. дивизию собрать в одну группу". Следует признать, что кордонное расположение к-сов и близость противника не оставляли поля для работы крупных конных сил, поэтому следовало: или распределить конницу по корпусам, или отвести часть конных дивизий в более глубокий тыл на поправку.

Новое наступление ген. Макензена 11/24 мая 1915 г. Около 5 часов утра 11/24 мая германцы открыли сильный артилле-

рийский огонь по участку 45-й дивизии (XXIX к-са) и повели наступление на фронт Цетула — Ольхова. Наступление было остановлено нашим огнем; противник отошел на 300—600 шагов от нашего расположения и окопался. Одновременно с этим австрийцы открыли сильный огонь тяжелой артиллерии по центру участка 3-й Кавк. стр. дивизии (V Кавк. к-с) и затем энергичным наступлением превосходными силами заставили эту дивизию отойти на фронт Бобрувка—Дрезина после того, как дивизия, отразив несколько атак, понесла значительные потери.

В это время соседний корпус 8-й армии (XXI к-с) переправлялся под давлением противника на правый берег р. Сан. К-щий 3-й армией приказал левому флангу армии: XXIV, XXIX и V Кавк. к-сам перейти в наступление; атака эта предположена была на 8—9 час. вечера 11/24 мая. Однако, вскоре выяснилось, что, развивая свое наступление днем 11/24 мая, германцы обошли фланг 45-й дивизии, которая, отбив все атаки на ее фронт, стала отходить на Запалов, несмотря на категорическое приказание держаться во что бы то ни стало. Отступавшим 45-й пех. и 3-й Кавк. стр. дивизиям приказано восстановить положение; к-рам XXIX и V Кавк. к-сов приказано ни в каком случае не отходить—под ответственностью всех начальствующих лиц.

В свою очередь г.-а. Иванов отдал распоряжение К-щему 3-й армией—поддержать XXI к-с 8-й армии; но это распоряжение пришлось как раз в то время, когда положение в V Кавк. к-се было вполне неопределенным; на поддержку XXI к-са была двинута 2-я пластунская бригада.

Между тем, вследствие того, что левый фланг XXIX к-са оказался глубоко обойденным, как видно, благодаря отходу 3-й Кавк. стр. дивизии,—к-р этого к-са приказал всему к-су отойти за р. Любачувку и вдвинул между своим левым флангом и правым флангом V Кавк. к-са 3-ю Донск. каз. дивизию. Узнав об этом распоряжении, К-щий 3-й армией приказал XXIX к-су остановиться, но под давлением противника XXIX к-с, в ночь с 11/24 на 12/25 мая, отошел за р. Любачувку и занял фронт Игнаце — Сурмачовка — Поланка; V Кавк. к-с занял фронт Загроды — Лазы.

Потери в полках 3-й Кавк. стр. дивизии оказались весьма значительные: в полках 9-м и 11-м осталось по 1.000 человек, в 10-м—300 чел., в 12-м—200 чел.; выбыли из строя некоторые командиры полков и батарей.

В промежуток между XXIX и V Кавк. к-сами, кроме 3-й Донск. каз. дивизии,—направлены были 3-я Кавк. каз. дивизия и один полк 77-й дивизии из XXIV к-са.

Осуществив удар по двум лево-фланговым корпусам (XXIX и V Кавк.) 3-й армии, противник прекратил свои атаки. Ясно, что атаками XXIX и V Кавк. к-сов, противник

закреплял их на месте в то время, когда достигалась главная его цель—отбросить XXI и XII к-са на правый берег р. Сан с целью овладения местностью к северу от Перемышля, т.-е. подступами для овладения Перемышлем. Прекратив атаки, противник пока ограничился огнем тяжелой и легкой артиллерии по участкам XXIX и V Кавк. корпусов.

Утром 12/25 мая замечено было движение значительных сил противника в направлении Маковиско, Бобрувка, но активных действий противник не предпринимал.

12/25 мая V Кавказский к-с был передан в 8-ю армию.

Между тем атаки противника на 8-ю армию и неустойчивое положение на левом фланге 3-й армии привели к тому, что к-щий 8-й армей ген. Брусилов приказал армии, в ночь с 13/26 на 14/27 мая отойти на фронт Шутков—Вельки-Очи—Краковец—Мосциска, т.-е. оставить Перемышль и отбросить правое крыло армии к востоку. Во избежание разрыва ген. Леш просил, чтобы правый фланг 8-й армии упирался в Нова-Гробля. Для усиления своего левого фланга ген. Леш, к вечеру 13/26 мая, сосредоточил за левым флангом армии 4 конных дивизии.

Для содействия благополучному отходу правого крыла 8-й армии К-щий 3-й армией приказал 13/26 мая 1915 года перейти в наступление III Кавк., XXIV и XXIX к-сам; осуществление этого было намечено на 9—10 часов вечера 13/26 мая.

Действия левого крыла 3-й армии 13/26, 14/27 и 15/28 мая 1915 г. Отход 8-й армии и оставление Перемышля были отменены, так что только фланговые к-са (XXI и XII) отошли под напором противника. Наступление III Кавк., XXIV и XXIX к-сов методически развивалось с вечера 13/26 мая. К утру 14/27 мая III Кавк. к-с завладел фортом Слава Гура, окопами к северу от Синявы и деревнями Вилема, Цыганы, захватив 1.000 чел. пленных, 2 тяжелые пушки, 4 мортиры, обозы и порционный скот; XXIV к-с, продвигаясь успешно, захватил дер. Скоратки, высоту южнее Игнаце, лес у высоты 198, дер. Соколы, дер. Седыты; XXIX к-с продвигался медленно, встречая упорное сопротивление; однако, ему всюду удалось перейти через р. Любачувку, но вследствие напора противника к-с отошел за р. Любачувку, откуда вновь перешел в наступление. На фронте X и III Кавк. к-сов замечено ослабление сил противника; как видно, противник стягивал свои резервы в районе Цетула — Запалов, т.-е. перед фронтом 45-й дивизии (XXIX к-са).

Наступление всех трех к-сов продолжалось успешно; сопротивление противник оказывал, главным образом, XXIX к-су, который вследствие этого продвигался медленно. Наибольшее количество пленных и орудий захвачено III Кавк. к-сом. Для развития успеха двинута в район III Кавк. к-са дивизия X к-са (31-я див.).

14/27 мая выяснилось, что на фронте III Кавк. к-са германцы в полном отступлении; к-с захватил пленных и орудия; XXIV к-с успешно продвигается; XXIX корпус с боем медленно продвигается вперед; во всех трех к-сах потери весьма значительные. Германцы в значительных силах накапливались в долине р. Скло, к северу от Залеска-Воля, с очевидным намерением атаковать части 8-й армии в направлении на Вельки-Очи, т.-е. глубоко в тыл правого крыла 8-й армии. Принимая это во внимание, К-щий 3-й армией приказал 14/27 мая 1915 года двум кавалерийским дивизиям, сосредоточенным в районе Суха-Воля, под общим начальством ген. Рерберга, немедленно выступить из Суха-Воля на Нова-Гробля, Корженица и далее на фронт Бобрувка—Дрезина для исполнения следующих задач: 1) движением вперед прикрыть промежуток между XXIV и V Кавк. к-сами; 2) ударом в левый фланг германцев, накапливающихся против 8-й армии в долине р. Скло, отвлечь их от наступления на восток; 3) войдя в район Бобрувка—Маковиско, сделать сильное нападение на тыл противника, наступающего против XXIX к-са и правого фланга 8-й армии. [131]) Задачи эти не были исполнены потому, что конница другим распоряжением была переброшена на правый фланг армии. К полудню 15/28 мая XXIX к-с, благодаря упорному сопротивлению германцев, должен был приостановить свое наступление.

Распоряжения К-щего 3-й армией. Согласно приказа, отданного в 11 ч. 50 м. ночи с 14/27 на 15/28 мая за № 2001, на корпуса 3-й армии возлагались следующие задачи:

XV, IX и X к-са—оставаясь в своем расположении, всемерно беспокоить противника, высылая возможно дальше сильные партии;

III Кавк. к-с—продолжать наступление с целью утвердиться на правом берегу р. Сан от Пискоровице (включ.)—Сенява—Кравчи (исключ.) и, утвердившись на этой линии, дальнейшие активные действия развивать лишь при особо благоприятных обстоятельствах;

XXIV к-с—продолжать операцию по овладению Радавой с тем, чтобы утвердиться на линии Кравчи (включ.)—Шмюле—Радава—Скоратка (исключ.);

XXIX к-с—наступать, направляя левый фланг на Бобрувка—Маковиско, а центр на Каты и Ольхово.

Несомненно, что, при отсутствии какого-либо нового задания армии со стороны Гл-щего фронтом, ничего иного нельзя было приказать к-сам, принимая во внимание их слабую боеспособность. Сами по себе все эти пункты, которыми приказано было овладеть и у которых утвердиться, не имели в общем ходе событий никакого значения, так как 14/27 мая было уже ясно, что противник сосредоточивает свои силы для действий в тыл Перемышля с севера, и что именно ради

этой цели он атаковал и отбросил XXI и XII к-са 8-й армии на правый берег р. Сан и вынудил их отойти на фронт Загроды—Камениско—Залазы. Видимо, противник, не обращая никакого внимания на частный успех, достигаемый III Кавк. и XXIV к-сами, решил допустить тактическую неудачу в районе этих к-сов с тем, чтобы и тактически, и стратегически одержать успех в районе Перемышля, действуя из района между Ярославом и р. Любачувка, который он упорно удерживал.

Соображения русского высшего командования. Оставаясь при убеждении в необходимости во что бы то ни стало удержаться на р. Сан и, в частности, удержать Перемышль,— Ставка наметила сосредоточение XIV к-са и конного к-са из трех дивизий у Развадова для действий в тыл противнику с нижнего Сана по левому его берегу. Кроме того, в район Цешанув—Любачув направлен II Кавк. к-с (51-я и Кавк. гр. дивизии) для действий им в том направлении, какое выяснится по мере развития активных действий противником.

Таким образом, действия Ю.-З. фронта поглощали все большее и большее количество сил, прибывающих последовательно и потому вводимых в бой также последовательно. Бои велись ради удержания „завоеванного" пространства и Перемышля, который приковывал весь фронт к занимаемому им положению и лишал возможности предпринять какой-либо маневр хотя бы для того, чтобы заставить противника отказаться от намеченного и строго проводимого им плана действий—долбить в наиболее чувствительное место в расчете на нашу неподвижность, которую мы сами себе навязали. Цель, ради которой мы бросали в бой прибывающие силы, не стоила тех жертв, которые мы приносили, подвергая свои войска последовательному истреблению. Корпуса таяли в 3-й и 8-й армиях; слабость корпусов восполнялась числом их. Корпуса щедро направлялись в Ю.-З. фронт, который поглотил лучшую часть русской армии.

Соображения К-щего 3-й армией. Принимая во внимание, что противник очистил правый берег р. Сан к северу от устья р. Любачувка, т.-е. на участке III Кавк. к-са, а также и то, что перед левым флангом XXIV к-са и перед фронтом XXIX к-са противник оказывает упорное сопротивление,— ген. Леш приказал овладеть Радавой, чтобы выйти во фланг и в тыл укрепленной позиции германцев в районе Цетула (против XXIV к-са). Кроме того, приказано III Кавк. к-су перебросить часть сил на левый берег р. Сан и обеспечить за собою переправу у Лезахова, для возможности развить действия в тыл противнику.

Все эти соображения и распоряжения являются попыткой ударить во фланг и в глубокий тыл той группы противника, силою не менее двух корпусов, которая сосредоточивалась между рекой Сан и р. Любачувка, видимо, для удара в тыл Перемышля с севера. Совершенно правильные геометрически, эти замыслы являлись лишь слабой угрозой противнику, который, конечно, был осведомлен в степени боеспособности наших корпусов. Если бы в районе III Кавк. к-са была сосредоточена мощная ударная группа, то несомненно соображения ген. Леша получили бы реальное осуществление, грозное для противника, подготовлявшего глубокий обход правого крыла 8-й армии вместе с Перемышлем.

Действия 16/29 и 17/30 мая 1915 года. В течение всего 16/29 мая противник не наступал. III Кавк., XXIV и XXIX к-са готовились к наступлению общим фронтом в ночь с 16/29 на 17/30 мая; решительная атака этих к-сов назначена на 3 часа утра 17/30 мая. Наступление началось своевременно, но все наши попытки утвердиться на левом берегу р. Любачувка окончились неудачею, при чем наши части понесли значительные потери. Части отошли на свои позиции на правом берегу р. Любачувки.

Распоряжения Гл-щего фронтом (общее наступление). Г.-а. Иванов, принимая во внимание сосредоточение сил противника в районе Ярослава и его активные действия против левого крыла 8-й армии, приказал перейти в общее наступление, в ночь с 18/31 мая на 19/1 июня, нанося главный удар 8-й армий между р. р. Любачувкой и Вишней, т.-е. той группе противника, которая заносила свой удар в глубину правого фланга 8-й армии и отрезала Перемышль.

Распоряжения К-щего 3-й армией. Во исполнение приказа Гл-щего ген. Леш приказал 3-й армии наступать, заходя право-фланговыми к-сами: IX, XIV и X на линию Ржешув—Пржеворск, во фланг и тыл оборонительной линии противника по р. Сану; к-сам указаны полосы наступления; прикрытие этого наступления возложено на XV к-с.

III Кавк., XXIV и XXIX к-са—энергичным наступлением должны приковать противника, не позволяя ему перебросить свои силы с фронта Ярослав—Сенява.

IV к-ному к-су ринуться между XV и IX к-сами, как только образуется прорыв, в тыл главной группе противника; общее направление конницы на Боянув—Кольбушева.

Весь день 18/31 мая прошел на всем фронте спокойно. Наступление 3-й армии началось в ночь с 18/31 мая на 19 мая (1 июня), согласно приказа, отданного 18/31 мая в 12 час. 20 мин. ночи за № 2088.

Результаты общего наступления 19, 20, 21 и 22 мая (1, 2, 3 и 4 июня) 1915 г. XV к-с, — занял селение Каймув, Оцице, Суликов; ураганный артиллерийский огонь остановил

здесь наступление; недостаток тяжелой артиллерии затруднил наступление. После упорного боя удалось овладеть северной окраиной Виджа. Попытки германцев атаковать русскнй левый фланг были отбиты. В ночь на 21 мая/3 июня велся упорный бой на линии Виджа—Кравце.

IX к-с. Правый фланг продвинулся успешно,—овладел двумя линиями окопов противника; левый фланг встретил упорное сопротивление и продвинуться не мог. Контр-атаки германцев были отбиты. Блестящим штурмом 42-й дивизии. 20 мая/2 июня в районе Верхоле—Подволина—Боровина была разбита австрийская дивизия, захвачены пленные, пулеметы; в прорыв направлена конница; дивизия преследовала противника в направлении на Новоселец. 21 мая/3 июня корпус по всему фронту продвинулся вперед и занял фронт Мазярне—Новоселице—Кошице.

XIV к-с захватил селение Струза; перед этим к-сом противник поспешно отходил; правый фланг корпуса содействовал левому флангу IX к-са. Заняв Струза, части к-са повели наступление на Рудник, которым и овладели. Участок Рудник—Заржины являлся наиболее удобным для развития успеха, но резерва для этого не было. Ночью на 21 мая/3 июня к-с успешно продвинулся на участке к югу от Рудник; подошел к Новосельцы и продолжал наступать. 22 мая/4 июня занято с. Гробле.

X к-с выжидал успеха соседних к-сов и только тогда предполагал перейти в наступление; к-ру к-са приказано действовать энергичнее; перед фронтом всего к-са противник укрепился и устроил сильные проволочные заграждения. Передовые части переправились на левый берег Сана и овладели передовыми окопами противника и фольварками; затем в ночь на 21 мая/3 июня удалось занять Тарногура и Заржины; атаки противникасо стороны Старо-Място были отбиты. В дальнейшем к-с встретил сильное сопротивление и перешел к обороне.

III Кав. к-с встретил упорное сопротивление, но все-таки переправился на левый берег р. Любачувка; наступление затруднялось огнем тяжелой артиллерии противника. Части к-са накапливались на левом берегу р. Любачувки. Поведенная затем атака не удалась и части с большими потерями отошли за р. Любачувку.

XXIV к-с также встретил упорное сопротивление и сначала не достиг никаких результатов, так как очутился перед сильно укрепленной позицией; постепенно некоторые части переправились на левый берег р. Любачувка, где и стали накапливаться; попытки перехода в наступление были неудачны; к-с остался на своих прежних позициях.

XXIX к-с взял сильно укрепленную позицую у Цетулы своим правым флангом; левый фланг продвигался менее

успешно. Под влиянием артиллерийского огня противника правому флангу пришлось отойти на прежние позиции; затем левому флангу удалось вновь занять высоту 204 севернее Запалова; 20 мая/2 июня правый фланг вновь занял высоту 186 севернее Цетулы; в ночь на 21 мая/3 июня пришлось вновь очистить высоту 204 и отойти на свои позиции.

В корпусах чувствовался недостаток тяжелой артиллерии и в снарядах к имеющимся орудиям.

18/31 мая в Ю.-З. фронте был Верховный гл-щий и предъявил категорическое требование о сбережении патронов и снарядов.

В общем, противник сильно укрепился и оказывал всюду упорство, преодолеть которое возможно было бы только при наличии достаточной тяжелой артиллерии и боевых припасов.

Слабый состав корпусов 3-й армии не позволял развивать достигнутый успех; 22 мая/4 июня наступление приостановилось, так как всюду наступавшие части встречены были сильным огнем артиллерии из глубины расположения противника. 8-я армия атакованная противником, отошла, очистив Перемышль 21 мая/3 июня.

При такой обстановке 23 мая/5 июня 1915 года в 3 часа 15 мин. дня К-щий 3-й армией отдал следующий приказ за № 2226: „Главнейшей целью армии Ю.-З. фронта Верховный главнокомандующий в настоящее время ставит закрепление и упрочение их положения на фронте, определяемом в общем течение рек Сана, Днестра и Прута. Во исполнение этого Главнокомандующий приказал 3-й армии, имея целью прикрывать направле́ние с фронта Тарнобржег—Запалов включительно к Люблину и Замостью, прочно укрепиться в ныне занимаемом положении, энергично работая над укреплением своих районов, производя непрерывные поиски и разведки противника и держать прочную связь с соседними четвертой и восьмой армиями. Левее нас 8-я армия, примыкая к нам правым флангом у Запалова имеет назначение обеспечивать Львовский район с запада, прикрывая направление с фронта Запалов—Сусулов включительно к Томашеву—Львову и Коморно. Для выполнения повелений Верховного главномомандующего и Главнокомандующего приказываю: п е р в о е—всем корпусам армии прочно утвердиться в занимаемом ими расположении, постоянно особенно ночью производить поиски сильными партиями и возможно более глубокие разведки с непременной поимкой каждый день пленных; теперь же приступить к укреплению корпусных районов согласно особых указаний, рассылаемых вслед за сим, и в случае наступления противника не отдавать ему занятого нами пространства, при чем для возможности маневрирования в целях противодействия прорывам и обходам противника к-рам корпусов и начальникам дивизий иметь по возможности сильные

резервы; в т о р о е—четвертому конному корпусу сосредоточиться в районе Розвадув и составить мой резерв; т р е т ь е—3-й Кавказской каз. дивизии в Потек, дивизия включается в состав X к-са, но без моего разрешения не может быть использована; ч е т в е р т о е—16-й кав. дивизии сосредоточиться у Тарнограда, дивизия включается в состав III Кавк. к-са, но без особого моего разрешения не может быть использована".

Затем в приказе указываются места штабов и разграничительные линии между корпусами и соседними армиями [133]).

Так закончился переход в наступление, преследовавший по приказам недосягаемые цели—глубокого удара в тыл противнику, а на самом деле имевший в виду восстановить положение на Сане и удержаться, как на р. Сан, так и в Перемышле. В результате это наступление расширило наш плацдарм на левом берегу нижнего Сана; восстановило наше положение на р. Сан от Пржендзель до устья р. Любачувка, но не дало возможности овладеть плацдармом на правом берегу р. Сан—от устья р. Любачувка, между р. р. Сан и Любачувка,—в котором противник успел сосредоточить значительные силы и укрепиться.

Такого рода частный успех был достигнут дорогою ценою: в бой втянуты еще два к-са (XIV в 3-й армии и II Кавк.—в 8-й армии), боевой состав прочих к-сов сильно уменьшился, так что теперь корпуса по своему боевому составу оказались гораздо слабее дивизий. Тесное сближение с противником прекрепило русские войска на занятом ими расположении еще до перехода в наступление 19 мая/1 июня, поэтому общее наступление всем фронтом, предписанное г.-а. Ивановым в первый раз со времени первой атаки армии ген. Макензена (в ночь с 18/31 мая на 19 мая/1 июня,—явилось уже несвоевременным, лишенным свободы маневрирования, и потому представляло собой неудачную попытку г.-а. Иванова взять в свои руки упущенное управление вверенными ему армиями Ю.-З. фронта и спасти уже потерявший стратегическое значение Перемышль. Приказ № 2226, между прочим, вполне определенно указывает на то, что Ю.-З. фронт разделен на две группы: одна—4-я и 3-я армия—базируется на Люблин, другая—8-я, 11-я и 9 я армии—базируется на Киевский военный округ.

События после 23 мая/5 июня 1915 года. 24 мая/6 июня 1915 г. корпусным к-рам были даны указания относительно укрепления корпусных районов, при чем приказано было иметь вторые и третьи линии обороны; в наставлении ясно выявилось стремление обратить полевые позиции в у к р е п л е н н ы е п о л о с ы, составленные из групп опорных пунктов. Одним словом, распоряжения явно указывали на стремление перейти к так называемой позиционной войне. Весь вопрос,

следовательно, сводился к тому—даст или не даст противник время для устройства обороны укрепленной полосы...

С 23 по 29 мая (с 5 по 11 июня) противник оставался пассивным и продолжал усиленно развивать свои укрепления, строил засеки, устраивал проволочные заграждения, закладывал фугасы. Некоторые дивизии (63-я, 12-я Сиб., 13-я Сиб.) с Ю.-З. фронта были направлены в С.-З. фронт; укомплектование частей задерживалось недостатком в ружьях; замечался всюду недостаток в пополнении боевых припасов.

В 7 часов утра 30 мая/12 июня противник открыл сильный артиллерийский огонь по правому флангу XXIV к-са (48-я дивизия) и левому флангу III Кавк. к-са (52-я дивизия). В 9 час. утра противник повел наступление, при чем его наиболее густые цепи направлены вдоль шоссе на Монастерж, на Мельник, на участок между Запонце и Шмуле.

Упорно отбиваясь от наседавшего противника втечение всего дня 30 мая/12 июня,—52-я дивизия к вечеру отошла к северу и заняла фронт Сенява—Цедылы, что в одной версте к востоку от Черце.

48-я див. была оттеснена на север от р. Любачувка на линию Цедылы—высота 189; прибывшими резервами положение было отчасти восстановлено; к вечеру 30 мая/12 июня—48-я див. заняла фронт Цедылы—Веремецке.

Предположено было перейти в наступление 52-й и 48-й дивизиями ночью с 30 на 31 мая (12 на 13 июня), чтобы отбросить противника за р. Любачувка; сначала наступление имело успех, но вскоре противник повел контр-наступление со стороны Сенявы 31 мая/13 июня. Под напором противника—III Кавк. к-с отошел на заранее подготовленную тыловую позицию—Пискоровице—Рудка—Добра, понеся значительные потери.

XXIV к-с удержался на своих позициях, несколько осадив назад свой правый фланг; потери в некоторых частях к-са дошли до 70%. Противник открыл сильный артиллерийский огонь против левого фланга XXIX к-са и вечером 31 мая/13 июня атаковал XXIX к-с; сам понес большие потери, но вынудил XXIX к-с отойти на вторую линию обороны: Сурмачевка—Онишка—Козаки. К-щий 3-й армией двинул свой резерв,—IV конный корпус на поддержку правого фланга 8-й армии, также атакованного противником. Таким образом, 30 и 31 мая (12 и 13 июня) противник развивал действия против лево-фланговых корпусов 3-й армии с целью осуществить главный удар в направлении правого фланга 8-й армии.

1/14 июня 1915 г. противник, продолжая развивать действия против левого крыла 3-й армии, атаковал сначала левый фланг XXIV к-са (62-я дивизия) и несколько оттеснил его, а затем и весь к-с; к полудню 1/14 нюня XXIV к-с, понеся большие потери, отошел под натиском противника на

фронт Иваны—Храпы—Бучина; XXIX к-с отошел на фронт Бучина—Суха-Воля. Попытки противника возобновить атаки против III Кавк. к-са окончились для него неудачей.

Одновременно с левым крылом 3-й армии были атакованы право-фланговые к-са 8-й армии, при чем II Кавк. к-с понес значительные потери, был отброщен, но все-таки успел восстановить свой фронт; прочие части 8-й армии благополучно отошли на фронт Лубене—Хоросница—Стоянце—Мокржаны—Купновице—Конюши—Сусулов, который заняли к утру 1/14 июня 1915 г.

Образование группы корпусов в промежутке между 3-й и 8-й армиями под начальством ген. Олохова. Ввиду того, что германцы сосредоточили в районе Сенява—Ярослав—Радымно значительные силы, перекинув сюда некоторые части со своего западного фронта, и повели здесь энергичное наступление, которое вынудило III Кавк., XXIV, XXIX, II Кавк. и V Кавк. к-са отойти на фронт: Пискоревице—Добра—Лихаче—Залесе—Борхув—Луковец—В. Очи, г.-а. Иванов объединил управление XXIX, II Кавк., V Кавк., XXI и IV конными к-сами, подчинив их ген. Олохову [134]). Группа ген. Олохова образована и включена в 3-ю армию 1/14 июня 1915 г.

Группе ген. Олохова приказано остановить наступление противника и обеспечивать направление на Владимир-Волынский, поддерживая связь с правым флангом 8-й армии, которому приказано упорно задерживать противника на путях от В. Очи к Рава Русска и от Руды на Львов. Ясно, что образованием этой группы как бы предвиделась возможность отхода северной группы Ю.-З. фронта (4-й и 3-й армии) на Люблин, южной группы (8-й, 11-й и 9-й армии)—на Львов и Киевский военный округ; в таком случае группа ген. Олохова обеспечивала бы промежуток, естественно образовавшийся между этими двумя группами. Кроме того, группе ген. Олохова было приказано атаковать противника, если бы последний направил свои силы в обход правого фланга 8-й армии.

Прочим к-сам 3-й армии: XV, IX, XIV, X, III Кавк. и XXIV,—приказано упорно до последней степени оборонять занимаемые ныне ими позиции и этим обеспечить направление на Люблин.

Действия 2/15 и 3/16 июня 1915 года. С того времени, когда 8-й армией был оставлен Перемышль (21 мая/3 июня)—левое крыло 3-й армии и правое крыло 8-й армии оторвались от р. Сан и только правое крыло 3-й армии держалось на нижнем его течении—от устья до правого берега р. Любачувка у Лезахова включительно. Следовательно, из всех задач, которые преследовались Ю.-З. фронтом, по требованию Ставки—осталась к исполнению только одна задача—удержание „завоеванного" нами пространства, иначе говоря,—удержание Восточной Галиции. Конечно, отступление из

Восточной Галиции при условии, что левый фланг всего нашего расположения на Германо-Австрийском фронте находился в это время на нижнем Сане,—открыло бы противнику возможность глубоко обойти этот фланг в направлении на фронт Люблин—Холм и далее на Брест, но следует отметить, что 8-я и 11-я армии, оттянутые к востоку, направленные должным образом и базирующиеся на Киевский военный округ,—в таком случае, в свою очередь, висели бы на фланге противника, избравшего для себя операционное направление на Брест, и всегда могли бы своими активными действиями создать ему критическое положение. Для достижения этого необходимо было бы—С.-З. фронту не только удерживать пассивно свое кордонное расположение армий и корпусов, но перегруппировавшись, начать наступательные действия одновременно с ударом 8-й и 11-й армии. Отчасти к наступлению армии С.-З. фронта, как известно, склонялся и Гл-щий этого фронта ген. Алексеев в то время, когда в 3-й армии еще не создалось катастрофическое положение и когда еще можно было резко изменить план всех наших операций... Переработка общего плана тогда не состоялась; главный удар попрежнему возлагался на Ю.-З. фронт. Только этим обстоятельством и возможно объяснить направление целой серии дивизий и к-сов в общий котел Ю.-З. фронта, где эти части быстро таяли, где к-са в лучшем случае быстро обращались по своему составу в дивизии, а зачастую — и в бригады.

Происходило замечательное в боевой практике явление: на второстепенном для нас Ю.-З. фронте мы добивались стратегически ненужной цели — „удержания завоеванного пространства“; разбивали ради этой задачи свои лучшие войска, обращая их в слабые кадры; и в то же время, во имя той же стратегически ничтожной цели — истощали С.-З. фронт переброской корпусов и дивизий на юг, т.-е. своими собственныи руками готовили будущее поражение и этого важнейшего для нас фронта. В общем, главнейший во все периоды войны, по существу, С.-З. фронт—был обращен теперь не только во второстепенный, но в какой-то резерв для второстепенного на самом деле Ю.-З. фронта.

Такое положение вещей, в значительной степени, создалось, благодаря несоответствию Главнокомандующих фронтами г.-а. Иванова и ген. Алексеева тому высоко-ответственному положению полководцев, которое они занимали, а также вследствие отсутствия при них таких сотрудников (начальников штабов), которые, будучи солидарно с ними ответственными за операции своего фронта,—дополняли бы своими качествами и своим влиянием столь существенный их недостаток.

При слабоволии в верхах фронтов—твердая воля Верховного главнокомандующего поглощала не только присущую

ему часть распоряжения ведением операций во фронтах, но и далеко заходила за эти пределы, стесняя, а подчас и вовсе уничтожая, творчество и свободу действий Главнокомандующих в пределах задач, им поставленных. Верховный главнокомандующий управлял действиями главнокомандующих фронтами не полководчески, а по-командирски. Этою болезнью, как известно, и в прежние войны болело командование русской армии.

Вследствие такого соотношения волевых элементов в верхах управления действующей армии, ошибки, допущенные Верховным главнокомандующим в основе дела, не находили удержу в своем дальнейшем развитии; и чем шире развертывались события, тем сильнее давали себя чувствовать эти ошибки, которые и довели большую часть сил Ю.-З. фронта до истощения, а 3-ю армию до полного уничтожения, т.-е. до обращения ее частей в немощные кадры. Тактически 3-я армия понесла неудачи; несуразность ее стратегического положения довершила дело, приведя к ряду совершенно ненужных истощающих кровавых столкновений. Истощение 3-й армии свидетельствует о высоком боевом духе ее строевых начальников и всей массы рядовых бойцов. Они сделали все, но высшее управление создавало для них такие положения, благодаря которым они гибли, поставленные в невозможность одержать успех: они принимали к исполнению всякого рода задачи и выходили из всякого рода тяжелых положений, не достигая этим геройством никакого положительного результата в области ведения всей войны и, в частности,—операций Ю.-З. фронта.

В таком же духе развивались действия 3-й армии после образования группы ген. Олохова 2/15 и 3/16 июня, а именно:

XV к-с. В течение 2/15 и 3/16 июня противник держался пассивно.

IX к-с. В течение 2/15 и 3/16 июня противник держался пассивно; корпус продвигался вперед.

XIV к-с. В течение 2/15 и 3/16 июня противник держался пассивно; корпус продвигался вперед.

X к-с. 2/15 июня 9-я дивизия отброшена на правый берег Сана на фронт Дорнбах-Ржухов; противник возобновил свои атаки против этой дивизии. Ввиду отхода III Кавк. и XXIV к-ов—приказано загнуть левый фланг к-са на Домбровицы. Повторные атаки австрийцев на 9-ю дивизию—отбиты; 3/16 июня наступление противника против 9-й дивизии медленно развивалось.

III Кавк. к-с—2/10 июня 81-я дивизия под давлением противника отошла на общий фронт с 9-й дивизией; утром значительные силы противника перешли в наступление против обоих флангов к-са; 52-я дивизия начала отходить на Добчи. Вследствие вынужденного отхода XXIV к-са К-щий армией

приказал корпусу отойти на фронт Домбровицы—Адамовка—Цевкув; к утру 3/16 июня к-с занял указанное ему положение.

XXIV к-с—2/15 июня 48-я и 49-я дивизии отбили атаки австрийцев; введя резервы, противник вновь атаковал к-с по всему фронту; 48-я и 49-я дивизии начали отходить на фронт Добча—Молодыч, противник неотступно теснил;—ввиду этого Командующий армией приказал III Кавк. и XXIV к-сам занять линию Домбровица — Адамовка — Цевкув — Дзикув Старый; к утру 3/16 июня к-с занял указанное ему положение.

Группа ген. Олохова—С утра 2/15 июня 77-я дивизия (XXIX к-са) под давлением противника отошла на фронт Молодыч — Олешице. В течение дня 2/15 июня группа вела упорный бой с превосходными силами германцев, под напором которых начала отходить: XXIX к-с на Молодыч—Футоры, II Кавк. к-с — Олешице — Вулька Кравицка. К утру 3/16 июня группа заняла фронт: XXIX к-с—Дзикув Новый—Футоры; II Кавк. к-с Футоры—Башня; части IV кон. к-са прикрывали отход. С 2 час. дня части группы, под сильным напором противника с фронта, начали отходить на север; многие пехотные части пришли в сильное расстройство.

Во всех корпусах части, ведя непрерывные бои с превосходными силами противника, понесли очень большие потери; для примера: в 3 дивизиях XXIV к-са осталось всего около 5.000 штыков; в III Кавк. к-се всего 6.000 штыков; во II Кавк. к-се—5.300 штыков; в 61-й дивизии—1.200 штыков и т. д. Командиры к-сов и начальники дивизий доносили о крайнем утомлении войск и о чрезвычайно больших потерях. Ген. Олохов донес, что его группа отходит на фронт Боровец—Рудка; 8-я армия отошла на Городокскую позицию, к западу от г. Львова (по р. Верешице).

Положение 3-й армии. Положение 3-й армии представлялось К-щему армией днем 3/16 июня в следующем виде: с утра 3/16 июня противник начал давить на X к-с, около 2 час. дня на III Кавк. к-с, а к 4 час. дня — на группу ген. Олохова; группа держаться не может и отходит. Обнаруживается стремление противника обойти левый фланг 3-й армии. Перейти в наступление части 3-й армии, вследствие их малочисленного состава и сильного утомления людей,—не в состоянии. Под огнем превосходной артиллерии противника, при недостатке боевых припасов и при неудобных позициях—держаться невозможно. Войска дерутся отлично, наносят противнику большие потери, но можно опасаться за полное их истребление, после чего путь противнику на север будет открыт. По мнению ген. Леша, единственным средством сохранить уцелевшие еще кадры корпусов и преградить путь противнику на Люблин и Томашев—являлся отход 3-й армии за р. Танев, в ночь с 3/16 на 4/17 июня [135]).

Распоряжения К-щего 3-й армией; (отступление за р. Танев). Принимая во внимание вышеизложенные соображения, ген. Леш отдал 3/16 июня 1915 г. в 12 часов дня следующий оперативный приказ за № 2504 [136]). „Ввиду отхода 8-й армии на Городокскую позицию приказываю корпусам армии в ночь с 3/16 на 4/17 июня отойти на новые заранее подготовленные позиции по правому берегу реки Танев, для чего: первое—XV к-су продолжать занимать свои нынешние позиции на левом берегу Сана; второе—IX к-су, оставаясь на левом берегу Сана, занять позицию от Бурдже на Пржишув Камеральный—Вархоли—Боровицы—Пржедзель; третье—XIV к-су перейти на правый берег Сана и занять позицию от устья реки Танева вверх по этой же реке до впадения в нее реки Лада; четвертое—X к-су занять позицию от устья р. Лада до деревни Глины включительно; пятое—III Кавк. к-су от дер. Глины включительно до впадения в р. Танев реки Шум (против дер. Шостаки); шестое—XXIV к-су от устья р. Шум до деревни Боровец исключительно; седьмое—группе ген. Олохова от дер. Боровец включительно через Люблинец—Нови—Жуков—Гораец до Брусно-Нове включительно; восьмое—моему резерву бригаде 61-й дивизии и 2-й казачьей сводной дивизии (последней по выполнении задачи прикрытия отхода III Кавк. к-са) под начальством генерал-лейтенанта Павлова сосредоточиться в Белгорае; девятое—на указанных позициях обороняться до крайней степени, постепенно усовершенствуя их укрепления и устраивая на реке запруды; для усиления препятствия—запруды сделать непроходимыми или минировать; десятое—с отходом армии на названные позиции ее общая задача и в частности задача группы ген. Олохова остается прежняя, указанная приказом моим № 2465; одиннадцатое—штабы: группа ген. Олохова и XV к-с остаются на прежних местах; остальные переходят: IX к-с Здзяры, XIV к-с—в Гройцы; X и III Кавк.—в Белгорай; XXIV—в Юзефов; двенадцатое—разграничительные линии и корпусные дороги дополнительно; тринадцатое—отход начать в 10 час. вечера 3/16 июня; четырнадцатое—как при отходе, так и при расположении на новой позиции корпусам и группе ген. Олохова держать прочную связь с соседями. Ген. Олохову обратить особенное внимание на связь его левого фланга с правым флангом 8-й армии; пятнадцатое—командирам корпусов заблаговременно произвести разведку путей отхода, назначенных корпусам участков позиции и принять меры к тому, чтобы части корпусов хорошо знали как те, так и другие, дабы следовали к позициям и занимали их без суеты и в полном порядке; шестнадцатое—командирам корпусов принять самые решительные меры к тому, чтобы при отходе частей нижние чины не разбредались и под предлогом прикрытия обозов не

уходили бы вместе с ними; при принятии против этого соответствующих мер число штыков в дивизиях несомненно увеличится. 2504. Л е ш".

Корпуса благополучно отошли на указанные им позиции за р. Танев; группа ген. Олохова заняла XXIX и II Кавк. к-сами участок Домбрувка—Жуков—Рудки; промежуток между XXIV к-сом и правым флангом XXIX к-са обеспечивался частями 3-й Кавк. каз. дивизии.

Так ушла из Галиции разбитая 3-я русская армия, победоносно и с малыми потерями прошедшая ее с востока на запад в августе 1914 года, под командой ген. Рузского.

По данным германской главной квартиры, потери германцев выразились следующими цифрами: гвардейского к-са, XXXXI рез. к-са, X арм. к-са, 11-й баварской и 119-й пех. дивизий за май месяц: у б и т ы м и: 208 оф., 5.354 унт.-оф. и солдат; р а н е н ы м и: 498 оф. и 20.697 унт.-оф. и солдат; п р о п а в ш и м и: 3 оф. и 1.107 унт.-оф. и солдат; в с е г о 709 оф. и 27.158 унт.-оф. и солдат. По тем же данным, за май месяц 11-й армией ген. Макензена захвачено русских: 398 оф. и 152.254 н. ч. н е р а н е н ы м и п л е н н ы м и, 160 орудий и 403 пулемета (см. „Der Grosse Krieg; Gorlice—Tarnow; Generalstab des Feldheeres", стр. 86).

Мнение Главнокомандующего Ю.-З. фронта о распоряжениях К-щего 3-й армией. Приказ ген. Леша за № 2504 не встретил одобрения г.-а. Иванова. Г.-а. Иванов выразил, что ему с о в е р ш е н н о н е п о н я т н о — п о ч е м у 3-я а р м и я о т в о д и т с я з а р. Т а н е в. Отход 8-й армии на Городокскую позицию, казалось бы, не должен влиять на это распоряжение, так как 3-я армия занимает фланговое положение по отношению неприятеля, давящего на 8-ю армию. Гл-щий, образовав группу ген. Олохова, подчинил ее К-щему 3-й армией только потому, что она действовала в районе этой армии. Образование этой группы вытекло из того, что в силу необходимости 3-я и 8-я армии должны были отходить по расходящимся направлениям, что приводило к невозможности сохранять в дальнейшем такое положение, которое позволяло бы 3-й и 8-й армиям держаться плечо к плечу и требовало образования более или менее значительного между ними промежутка; для обеспечения этого промежутка и пришлось создать отдельную группу, которая не должна была держаться плечом к плечу к флангам названных армий, а действовать самостоятельно, маневрируя и прикрывая данное ей направление; 3-я и 8-я армии должны иметь с нею непрерывную оперативную связь и не упускать возможности нанести удар неприятелю, увлекшемуся преследованием группы ген. Олохова. Принимая во внимание эти соображения, г.-а. Иванов считал, что для 3-й армии нет оснований добровольно уступать 10—20 верст занятого нами пространства

и притом частью русской территории. Если группа ген. Олохова не выдержит и будет отходить, а неприятель будет продолжать наседать на нее, то тем самым он подставит свой фланг и тыл под удары 3-й армии. Г.-а. Иванову был тем более непонятен отход 3-й армии за р. Танев и добровольная отдача занятого пространства, что он неоднократно и категорически требовал не уступать противнику ни одной пяди земли добровольно.

Эти соображения, высказанные ген. Лешу, являлись ничем иным, как только исполнением требования Верховного главнокомандующего—„ни шагу назад во что бы то ни стало". Цена этого требования неоднократно была выяснена в настоящем труде, а потому и недовольство г.-а. Иванова приказом ген. Леша представляется лишь отвлеченным рассуждением, идущим поперек требования живой действительности.

Отступление 8-й армии. Под напором противника 8-я армия в ночь с 6/19 на 7/20 июня 1915 г. отошла с Городокской на Львовскую позицию. Слабый состав частей, отсутствие резервов, недостаток патронов—исключали всякую возможность перехода 3-й армии в решительное наступление для облегчения положения 8-й армии, а между тем по своему направлению,—такое наступление могло бы иметь серьезное значение; но при сложившихся условиях это наступление могло повести только к полному уничтожению слабых кадров войсковых частей и к бесполезной трате патронов.

XII к-с, составлявший правый фланг 8-й армии, отходил на Рава-Русская—Унув—Белз. Промежуток между группой ген. Олохова и правым флангом 8-й армии прикрывала конница.

Под сильным напором противника, в ночь с 8/21 на 9/22 июня 1915 года 8-я армия очистила Львовскую позицию и отошла на фронт Корне—Ржачки—Вулька-Мазовецка—Желдец—Остров.

На фронте 11-й армии противник держался пассивно. Гл-щий Ю.-З. фронта приказал 8-й армии во что бы то ни стало задержаться правым своим флангом, не отходя далее Унува.

В дальнейшем 3-я армия под давлением противника отходила в пределах России в северном направлении; в то же время 8-я армия, под напором противника, отступала на восток, к российской государственной границе, очищая Восточную Галицию. В связи с 8 армией отходили 11-я и 9-я армии.

Из Галиции обе армии—3-я и 8-я—ушли с полной потерей боеспособности, неспособными к ведению наступательных операций.

Обо всех действиях на Галицийском театре во время Карпатской операции Ставка доносила Николаю II-му; копии

этих донесений (с 15/28 апреля по 10/23 июня 1915 г.) даны в Приложении II-м.

Общее заключение о донесениях Верховного главнокомандующего Николаю II-му за время с 15/28 апреля по 10/23 июня 1915 года. Приведенные в Приложении II-м донесения охватывают весь период времени от подготовки удара армией ген. Макензена до окончательного отступления из Галиции армий Ю.-З. фронта; следовательно, по своему содержанию эти донесения, в общей сложности, должны были бы представлять собою изложение, в основных чертах, стратегического развития всей Карпатской операции, с указанием наиболее важных, в том или ином отношении, тактических эпизодов. Таким образом, в этих донесениях должны были отразиться: а) основной замысел этой операции хотя бы с того момента, когда было замечено сосредоточение значительных сил противника в районе Горлице (15/28, 16/29, 17/30 апреля), и все его последующие изменения; б) план исполнения основного замысла операции, хотя бы в главных характерных чертах, и все его дальнейшие изменения, явившиеся следствием изменения замысла операции и обстановки; в) главнейшие данные о группировке сил противника и наиболее крупные изменения этой группировки; г) характерные сведения о состоянии наших войск; д) краткие отчеты о частных операциях, вытекавших из плана наших действий или развивавшихся случайно; е) характерные тактические эпизоды; ж) заключения о стратегических и тактических результатах, достигнутых нашими операциями, а также о стратегических и тактических успехах, достигнутых противником, з) основные данные о снабжении наших армий; и) характерные данные о наших потерях в людях и материальной части.

Такая ориентировка являлась обязанностью Верховного гл-щего; требовать такой ориентировки—было неотъемлемым правом главы государства. Если припомнить общее содержание всех приведенных донесений (с 15/28 апреля по 10/23 июня 1915 г.) и сравнить его с фактами, изложенными в главах I—V настоящего труда, то нетрудно прийти к заключению, что донесения в общей их совокупности, не могли в достаточной степени ориентировать в положении дел Ю.-З. фронта. Удачные и неудачные действия наших армий и корпусов появляются в этих донесениях как-то случайно, без взаимной связи с предшествующими действиями, при отсутствии каких бы то ни было указаний на зависимость этих действий от наших оперативных планов. В изложении тактических действий войск обращает на себя внимание полное отсутствие указаний на задачи, поставленные армиям и к-сам, принимавшим участие в боях и потому полная невозможность судить о том—насколько войскам удалось или не удалось выпол-

нить эти задания. До того времени, когди наши к-са, напрягая все свои силы, еще удерживались на реке Сан,—донесения носят характер слишком необоснованных надежд и рисования картины кажущегося внешнего благополучия; после кровопролитных боев на реке Сан, во время отступления из Галиции, донесения более правильно отмечают живую действительность, сложившуюся для нас весьма неблагоприятно, но все-таки и в этом периоде общее положение в Галиции представлено каким-то смягченным, совершенно не дающим понятия об истинном положении вещей, которое состояло в том, что лучшие боевые силы русской армии, сосредоточенные в Ю.-З. фронте, наиболее полно снабженные, оказались разбитыми, лишенными способности действовать активно. Если бы это состояние надломленности наших боевых сил Ю.-З. фронта, при условии чрезмерной слабости С.-З. фронта, истощенного переброской корпусов и дивизий на юг, с некомплектом в частях, оставшихся на этом фронте, было представлено в истинном свете верховному главе государства и освещено фактами боевых неудач,—то это могло бы вызвать некоторые решительные мероприятия, какие, обыкновенно, принимаются в общегосударственном масштабе в годины тяжелых испытаний, когда на весы мирового правосудия кладется сомнение в возможности положиться на вооруженную силу, а вместе с ним и опасение за благополучный исход всей войны.

Верховная власть государства, питаясь недостаточными официальными сведениями с театра войны, естественно находилась под влиянием сообщений, доходивших побочными путями через великих князей и свитских генералов; эти сведения носили в себе не столько стремление осветить положение вещей на театре военных действий, сколько отраву интриги как бы против враждебного лагеря—Ставки Верховного гл-щего.

ГЛАВА VI.

Влияние западных союзников России на Карпатскую операцию 1915 г. в период ее замысла и в период кризиса.

(Схемы № 1 и № 3).

Задачи, поставленные С.-З. и Ю.-З. фронтам в январе 1915 г. Как известно, 5/18 января 1915 года телеграммой № 7373 [138]), Верховный гл-щий одобрил результат совещания, состоявшегося в штабе армии С.-З. фронта 4/17 января 1915 г. с участием генерал-квартирмейстера при Верховном гл-щем ген. Данилова. На этом совещании решено было развить наступление вновь формируемой 12-й армией в Восточную Пруссию, с фронта Пултуск—Остроленка, на фронт Сольдау—Ортельсбург, совместно с 10-й армией действующей в районе Мазурских озер. Между тем, Гл-щий Ю.-З. фронта отдал по армиям Ю.-З. фронта директиву, переданную в Ставку Верховного главнокомандующего 7/20 января 1915 г. за № 276 [139]), указывавшую на необходимость „нанести австрийцам хотя бы частное поражение, поставить в угрожаемое положение Венгрию, занять более выгодное, чем ныне, положение, не растягивая при этом общего стратегического фронта. Цель эта может быть достигнута переходом в наступление 3-й, 8-й и части 11-й армии для овладения первоначально линией р. Дунайца до Нового Сандеца, далее Эпириеш—Кашау—Уйгель—Чап—Хуст—Сигет—Румынская граница".

Одновременно с решением Верховного главнокомандующего сосредоточить силы на севере для удара в Восточную Пруссию,—Гл-щий Ю.-З. фронта проводил в жизнь самостоятельное решение — сосредоточение к югу для движения в Карпаты и далее в Венгерскую равнину.

Верховное гл-ние было поставлено перед фактом состоявшегося без его ведома и участия решения „вторгнуться в Венгрию", для чего необходимо было форсировать Карпаты зимою 1915 года.

С точки зрения Верховного гл-щего, к концу января 1915 г. ближайшей задачей войны являлась операция в Восточной

Пруссии, а действиям в Карпатах принадлежало лишь значение „частной операции", развиваемой Ю.-З. фронтом „в пределах собственных сил".

Изменение взгляда Верховного главнокомандующего на Карпатскую операцию. Директивой 10/23 февраля 1915 г. за № 8254 [140]), Верховный гл-щий выразил, что „германцы, объединив в своих руках управление австрийской армией, приступили к выполнению плана давления на оба фланга нашего общего стратегического фронта, развивая удар со стороны Восточной Пруссии против 10-й армии и со стороны Восточных Карпатских проходов против левого фланга 8-й армии. Насколько можно судить, идея такого плана заключается в том, чтобы этими действиями вынудить нас очистить левый берег Вислы". „Единственным способом действий", говорится далее в той же директиве,—„подсказываемым обстановкой, является ослабление до крайнего предела, допускаемого обстановкой, войск левого берега Вислы, с целью соответственными контр-маневрами на правом берегу Вислы и в Карпатах, в направлениях, кои должны быть избраны в соответствии с обстановкой Гл-щими армиями фронтов, остановить попытки противника в развитии им наступательных действий и нанести ему хотя бы частичное поражение". Этою директивой действия в Карпатах признаются равнозначущими действиям в Восточной Пруссии; в этом и заключается первое изменение взгляда Верховного гл-щего на Карпатскую операцию, предпринятую по почину Ю.-З. фронта.

Придание Ставкой несколько иного значения Карпатской операции совершилось под влиянием предположения о новом оперативном плане, якобы принятом германцами, т.-е. под влиянием чисто стратегических соображений, хотя и не вполне обоснованных.

Докладная записка г.-а. Иванова, от 17 февраля/2 марта 1915 г. № 1718 [141]), проводит мысль, что в Восточной Пруссии „все благополучно" и что германцы здесь дальше не пойдут; хотя к такому уверению в половине февраля 1915 г. не было решительно никаких прочных оснований, потому, что именно 17 февраля/2 марта устойчивость нашего положения в районе 10-й армии далеко не была еще восстановлена и действия 12-й армии не предвещали решительного успеха.

Благоприятной оценке нашего положения в Восточной Пруссии в докладной записке г.-а. Иванова противоставляется грозный призрак, надвигающийся на нас в районе Станиславова, хотя обстановка того времени не давала никаких оснований считать, что в районе Станиславова „противник готовится искать решительной развязки настоящего периода войны".

Доводы докладной записки не находили себе подтверждения в живой действительности, и вся записка сводилась к единой цели—доказать необходимость Карпатской операции и вместе с тем—усиления Ю.-З. фронта за счет С.-З. Однако, записка достигла своей цели.

После этой записки, в разговоре по прямому проводу ген.-квартирмейстер Ставки ген. Данилов заверял г. Рузского, что Ставка совершенно определенно понимает ту обстановку, в которой находится С.-З. фронт, но „положение на Балканах складывается так, что, надо думать, проливы будут открыты и нам придется принять участие в десантных действиях... Вопрос имеет ту сторону, что может втянуть в орбиту нашу нейтральные колеблющиеся государства, особенно, если будет развит тот полууспех, который мы уже имеем в Восточных Карпатах и даже на Галицийском направлении". Такими полунамеками из области внешней политики ген. Данилов старался оправдать склонность Ставки признать целесообразность Карпатской операции. Свой разговор ген. Данилов закончил словами: „Участие наших союзников и возможность привлечь нейтральные государства—позволяют рассчитывать, если, конечно, предположение осуществится, раздавить Австрию и тогда пути вглубь Германии будут иные, не требующие овладения Восточной Пруссией".

Итак, выражаясь образно, путь в Германию избирался через Австрию; проводилась мысль, будто бы теперь операционное направление через Карпаты в Венгрию приобретало первенствующее значение как в оперативном, так, особенно, в политическом отношении.

Верховный главнокомандующий подтверждает необходимость Карпатской операции. Ознакомившись с распоряжениями г.-а. Иванова относительно наступления в Карпатах, Верховный гл-щий одобрил переход к широким наступательным действиям. Вместе с тем г.-а. Иванову было сообщено 4/17 марта 1915 года телеграммой № 8822 [142]), что „политическая обстановка настоящего времени требовала бы развития возможно энергичных действий в Восточной Галиции и Буковине". Таким образом, мысли Ставки с этого времени сосредоточились на Карпатской операции Ю.-З. фронта из-за тех политических выгод, которые будто бы достигаются этою операцией.

Верховный главнокомандующий признал Карпатскую операцию Ю.-З. фронта главнейшею задачею будущего периода кампании. Признание целесообразности и даже необходимости Карпатской операции совершилось, главным образом, по причинам политического характера, которые

вскоре вполне определенно были выяснены в совершенно секретном циркулярном письме н-ка Штаба Верховного Гл-щего ген. Янушкевича, от 6/19 марта 1915 г. за №№ 1717/3311 и 1718/3312[143]), Главнокомандующим фронтами — г.-а. Иванову и г.-а. Рузскому, следующего содержания: „Верховный гл-щий имеет своей основной целью перейти всем С.-З. фронтом к чисто оборонительного характера действиям, а Юго-Западному фронту предназначает главнейшую задачу будущей части кампании. Общая при этом идея та, чтобы действовать активно, нажимая с левого фланга Ю.-З. фронта, продвигаясь в направлении, примерно, на Буда-Пешт и далее в обход всей линии Краков—Познань—Торн.

Почему, по мере возможности, в зависимости от обстановки, от успешности пополнения кадров укомплектованиями, соответствующее количество войск будет переброшено на Ю.-З. фронт для его усиления и обеспечения успеха его действий. Это направление и этот характер действий избраны еще и потому, что они дают нам возможность войти в связь с Румынской армией, в случае ее присоединения к нам.

Это все было сообщено присланному ген. Жоффром офицеру для связи, для его сведения и руководства.

Характер этих предположений и действий не только одобрен государем императором, но его величество изволил выразить, что **„это именно то, что он сделал бы сам"**. Этим письмом окончательно утверждалась задуманная Ю.-З. фронтом еще 7/20 декабря 1914 г. Карпатская операция, т.-е. переход через Карпаты в Венгрию.

Новый Главнокомандующий Северо-Западного фронта ген. Алексеев считает Карпатскую операцию частной второстепенной задачей. Между тем, ген. Алексеев, вступив в управление С.-З. фронтом с 17/30 марта 1915 г. и, конечно, осведомленный еще по должности начальника штаба Ю.-З. фронта о содержании вышеприведенного совершенно секретного письма ген. Янушкевича от 6/19 марта 1915 г. за № 1717[143]), — 24 марта (6 апреля) отправил ген. Янушкевичу следующее секретное письмо за № 1436-б[144]): „Сегодня я отправил вам свою записку, как результат первоначального изучения обстановки и состояния вверенного мне фронта. Перед отъездом фельдъегеря получил вашу телеграмму от 24 марта (6 апреля) № 9361 о назначении одного корпуса из состава вверенных мне армий на Ю.-З. фронт. Позволяю себе по этому поводу высказать общее соображение, касающееся задач всей вооруженной силы, собранной нами на западной границе.

Основною задачею русской армии был и остается разгром германской армии. Поражение австрийской армии являлось задачей промежуточной, облегчающей достижение основной.

Переход в наступление 3-й и 8-й армий был предпринят, как следствие заминки дел на С.-З. фронте, как контр-маневр против сбора значительных сил противника на путях к Перемышлю с попутным нанесением австрийцам поражения.

Основной операционной линией на Берлин, по моему глубокому убеждению, должна остаться сеть путей от Варшавы. Только здесь мы имеем обеспеченную основную базу на Висле, кратчайшие пути. Пути через Австрию по своей длине, сложности, необеспеченности не могут почитаться желательными. Операция представляет большие опасности, потребует много времени. На основании непродолжительного разговора с генерал-адъютантом Ивановым, я пришел к заключению, что в этом вопросе наши взгляды сходятся.

Наступление на Карпаты нужно по военным и политическим соображениям, но Ю.-З. фронт никогда не рассматривал это наступление, как головной этап иной более обширной операции. От Вислы до Берлина 500—550 верст. От Перемышля—Львова—Тарнополя, если принять эту линию за базу, 1.300—1.400 верст. Одно сравнение длины операционной линии говорит за несомненное преимущество первой. Начертание путей, преграды на путях, свойства местностей еще более убеждают в том, что наступать серьезно к Берлину мы можем только с Вислы. Я не вдаюсь в обсуждение вопроса, когда настанет минута для этого наступления, но во всяком случае с Вислы мы достигнем Берлина скорее, с меньшей затратой времени, с меньшими жертвами, с большею безопасностью. Если вы признаете справедливость этих соображений, то к операции от Вислы нужно готовиться теперь же и, если бы германцы ослабили себя существенно переброскою войск в Венгрию (чего лично я не допускаю), ответить им контр-маневром на левом берегу Вислы и немедленною переброскою наших войск за Карпаты. Наступление через Моравию грозит Германии через столь продолжительное время, что немцы будут иметь возможность не один раз ответить контр-маневром на Висле и создать нам здесь тяжелое положение...

Заканчиваю свое письмо изложением и повторением своего убеждения, что появление главной массы обоих фронтов, под общим руководством Верховного гл-щего на главном операционном направлении на Берлин ознаменует собою новый период войны. Успех здесь достижим и притом скорее и безопаснее, чем через Буда-Пешт—Вену. Каждая верста, отвоеванная нами на этом направлении, тревожно для противника приближает нас к жизненному для него центру. Он будет отстаивать дорогие для него земли частными ударами, но наносимыми на том же театре, где будет главная масса наших войск. Парирование этих ударов будет для нас проще и возможнее, не говоря уже о том, что появление мощной

силы на прямом Берлинском направлении неминуемо заставит перенести и противника борьбу на этот именно театр.

Для частной операции за Карпаты не далее Буда-Пешта наличных войск Ю.-З. фронта, особенно с присоединением III Кавк. к-са, 18 батальонов Заамурских, 116 батальонов своей пограничной стражи, 40 батальонов, освободившихся из-под Перемышля, достаточно".

Так думал и писал в Ставку ген. Алексеев относительно главной задачи всей войны. Теперь он признал, что главная задача войны заключается в нанесении главного удара германцам на левом берегу Вислы и, вообще, в действиях по главному операционному направлению Варшава—Берлин.

Таким образом, ген. Алексеев присоединился к тому плану наших действий, на котором настаивал прежний Гл-щий С.-З. фронта г.-а. Рузский после Лодзинской операции, т.-е. в декабре 1914 года, рассчитывая, что войска сосредоточатся и главный удар состоится в январе 1915 года.

По соображениям ген. Алексеева, 24 марта (6 апреля) 1915 г., так же как и по мысли г.-а. Рузского,—Карпатская операция являлась лишь второстепенною частною задачею.

Несмотря на доводы ген. Алексеева, Верховный гл-щий утвердил Карпатскую операцию, как главнейшую задачу ближайшего периода войны, и повелел С.-З. фронту обратиться к оборонительным действиям.

Итак, перенесение Верховным гл-щим главной задачи войны на Карпатскую операцию совершилось вследствие стремления вызвать выступление Румынии и вопреки стратегическим соображениям; между тем, выступление Румынии было бесполезно для России, но этого весьма настойчиво добивались Франция и Англия.

Какое значение для России могло иметь выступление Румынии?

Румыния своей территорией примыкает непосредственно к России, поэтому присоединение ее к державам Согласия увеличивало русской Западный театр военных действий и распространяло этот фронт до Дуная. Другие державы Согласия, не соприкасающиеся с Румынией, могли только стремиться к согласованию действий румынской армии со своими оперативными планами и поддерживать ее материально, направляя все ей необходимое кружным путем через Россию. Таким образом, выступление Румынии привело бы к непосредственным совместным действиям русской и румынской армий на

одном театре военных действий, что обязало бы румынскую армию развивать свои действия по одному общему плану с русской армией, который, указывая задачи С.-З. и Ю.-З. фронтам, должен был бы установить задачу и для румынской армии; короче говоря, румынская армия получила бы значение третьего — „румынского фронта", наряду с нашими двумя фронтами. В боевых действиях этих трех фронтов установилась бы также и взаимная тактическая связь—насколько, вообще, она может существовать между армиями соседних друг другу фронтов. Такого рода связность действий румынской армии и наших фронтов была бы безусловно выгодна для России в том случае, если бы в лице Румынии, этого нового союзника, Россия могла бы рассчитывать на сильную армию с высокой боевой подготовкой, мощно вооруженную, обильно снабженную всем необходимым... если бы в лице Румынии в войну выступала страна, подготовленная к войне в экономическом отношении и в смысле подготовки территории, как театра военных действий; в таком случае выступление Румынии усилило бы мощь России на западном театре военных действий, между Балтийским морем и Дунаем.

Ожидая выступления Румынии, весьма желанного для Франции и Англии, русское Верховное главнокомандование совершенно отчетливо представляло себе военную мощь этого государства.

Ему известно было, что Румыния могла выставить армию всего около 250 тыс. человек; что эта армия не имеет боевого опыта текущей войны, что, вообще, она слаба в боевом отношении, благодаря невысоким качествам офицера и солдата; что в румынской армии не было тяжелой полевой артиллерии; что армия недостаточно обеспечена боевыми припасами, снаряжением и продовольствием; что в армии недостаточно транспортных средств...

Известно было и то, что Румыния торговала с самого начала Великой войны продуктами своего сельского хозяйства, продавая их одновременно и державам согласия, и центральным государствам, и что в то же время ее армия не была в достаточной степени обеспечена запасами собственного продовольствия, а слабая промышленность страны не позволяла рассчитывать на обеспечение армии собственным оружием, боевыми припасами и снаряжением. Дороги в Румынии были слабо разработаны, поэтому передвижение войск и транспортов было весьма затруднительно.

Все это, вместе взятое, приводило к ясному представлению о том, что Румыния представляет собою слабого союзника, который может добиться боевого успеха только при оказании ему помощи всякого рода со стороны государств Согласия. Признавалось, что такая помощь в материальном отношении может быть получена от Франции и Англии впо-

следствии, но на первых порах необходимость оказания такой помощи этому новому союзнику целиком ложилась на Россию. Поддержка румынской армии живой силой (войсками) полностью падала на русскую армию, так как наши западные союзники всегда были очень осторожны в отношении оказания поддержки там, где это можно было возложить на Россию и, конечно, в начале 1915 года, не могло быть речи о посылке французских или английских войск на румынский фронт.

Итак, русская армия, оперирующая с румынской на одном театре военных действий, должна была учитывать возможность выделения части своих сил на усиление румынской армии. Эта тяжелая обязанность, пока только предполагаемая, внушала русскому Верховному главнокомандованию серьезные опасения при учете им стратегического положения будущего румынского фронта, если бы состоялось выступление Румынии.

Стратегическое положение будущего румынского фронта характеризовалось в то время следующими особенностями:

1. Протяжение фронта около 600 верст—не соответствовало величине румынской армии—не свыше 250 тысяч человек.

2. Левый фланг румынского фронта (Добруджа) открыт, доступен удару со стороны Болгарии и потому требовал серьезного обеспечения; во всех переговорах о выступлении Румыния выдвигала требование—усилить ее посылкой войск в Добруджу.

3. Левый фланг доступен удару с водного пространства—с Черного моря и Дуная.

4. Правый фланг румынского фронта требовал обеспечения, которое целиком ложилось на наш Ю.-З. фронт.

Из этого краткого перечня стратегических особенностей румынского фронта вытекает, что:

1. Русская армия должна была выделить некоторую часть своих сил для усиления румынского фронта; между тем в начале 1915 г. (январь—март), когда постепенно назревал вопрос о выступлении Румынии, русский С.-З. фронт, по плану г.-а. Рузского, должен был сосредоточить свои силы и, сверх того, получить подкрепление с Ю.-З. фронта—для нанесения решительного удара германцам; в то же время Ю.-З. фронт подготавливал Карпатскую операцию, которая к марту 1915 года, как известно, была признана главнейшей задачей „будущей части кампании". Следовательно, усиление румынского фронта можно было бы достигнуть только уменьшением наших сил на том или другом из главных операционных направлений; это отозвалось бы болезненно на наших главных операциях, потому что даже значительный успех румынского фронта, имеющего во всяком случае второстепенное значение,—не вознаградил бы наших неудач на главных операционных направ-

лениях, неудач вполне возможных именно вследствие недостаточно полного сосредоточения наших сил на главных направлениях.

2. Требовалась отправка войск в отдаленный район военных действий, в Добруджу, имеющую специальное значение для Румынии, принимая во внимание румыно-болгарские отношения; отправленные в Добруджу части ни в каком случае не могли бы быть притянуты к участию в наших главных операциях.

3. Пришлось бы привлечь наш Черноморский флот к совместным действиям с румынским фронтом.

Таким образом, по отношению к Карпатской операции образование румынского фронта представляется обстоятельством уменьшающим шансы на ее успешность.

С точки зрения интересов России и русской армии выступление Румынии вовсе не являлось настолько полезным, чтобы ради его достижения стоило решаться на Карпатскую операцию и тем более—признавать ее главнейшей задачей будущей части кампании.

Это было сделано под давлением и в пользу Франции и Англии, но в ущерб интересам России... Карпатская операция в том значении, какое ей было придано Верховным гл-щим в марте 1915 г.,—совершенно не соответствовала стратегической обстановке на театре между Балтийским и Черным морями. В это невыгодное кровавое предприятие русская армия была вовлечена ее западными союзниками, для которых выступление Румынии, а потому и Карпатская операция, как один из призывов к такому выступлению, являлись несомненно выгодными.

Какое значение для западных союзников России могло иметь выступление Румынии?

Неготовность вооруженных сил Англии, подготовка Северо-Американских Соединенных Штатов к участию в Великой Европейской войне, наконец, бережное отношение Франции к расходованию своего людского материала, безусловно требовали возможно большего отвлечения германских сил на русский фронт.

С точки зрения интересов России и стратегической обстановки на театре между Балтийским и Черным морями всякого рода выступления и боевые предприятия, направленные к отвлечению германских сил с англо-французского фронта,—являлись задачами политического характера, а не оперативными. Таким образом только „политика“, а не „стратегия“ диктовала Карпатскую операцию, как призыв к выступлению Румынии.

„Политика дает задачи стратегии"—такова общая формула отношений политики к стратегии. Однако, для практического приложения этой формулы безусловно необходимо в каждом частном случае осуществление, по крайней мере, следующих условий:

а) Повелевающая политика должна быть выгодна той стороне, которой она ставит задачи. Политика вовлечения Румынии в войну, как выше было выяснено, была невыгодна для России; с точки зрения России наибольшие выгоды достигались „нейтралитетом Румынии".

б) Даже и выгодная политика должна ставить стратегии посильные задачи. Было ли по силам России развивать Карпатскую операцию и притом в интересах политики? Все выше выраженное приводит к следующему совершенно точному ответу на этот вопрос: у России не было достаточных сил и средств для одержания успеха в Карпатах. Следовательно, политика вовлечения в войну Румынии прежде всего вовлекала русскую армию в безнадежную Карпатскую операцию, для нее непосильную.

в) Политика не должна разрушать стратегические планы, вытекающие из наличной стратегической обстановки, уже назревшей и требующей определенного решения.

В это время (январь—март 1915 г.) стратегическая обстановка требовала нанесения германцам удара на левом берегу Вислы (план г.-а. Рузского и ген. Алексеева); этот удар назрел, благодаря целому ряду предшествующих боев в этом районе, которые поставили находившиеся здесь силы германцев в весьма затруднительное положение. Решение Верховного гл-щего перенести главную операцию в Карпаты, уступая требованиям политики, в конец разбивало стратегические планы, уже находящиеся в периоде исполнения, облегчало положение германцев и ставило дальнейшую судьбу русской армии в зависимость от явно проигрышной Карпатской операции, в которую была втянута лучшая половина всех наших сил, действовавших на театре между Балтийским и Черным морями. Выходило так, что одна операция (Карпатская) срывала другую, (левого берега Вислы), еще не законченную.

Но... это совершилось ради воздействия на Румынию, выступление которой было более желательно нашим союзникам. С самого начала войны русская армия своими решительными действиями неоднократно отвлекала на себя силы центральных держав, облегчая этим положение своих западных союзников, эгоизм которых, видимо, не нашел в этом себе полного удовлетворения. Не дав времени русской армии оправиться от потрясений Галицийской битвы, Варшавской операции, Лодзинской операции и ее затянувшегося оконча-

ния в виде боев на р.р. Бзуре и Равке—они продолжали требовать от нее новых кровавых жертв, ради достижения собственных целей и, главным образом,—для сохранения своего людского материала, по их мнению гораздо более драгоценного по сравнению с русским солдатом...

Со стороны союзников уже в это время (январь—апрель 1915 г.) было заметно стремление умалить значение России в Великой войне. Стремясь противодействовать такому умалению, ген. Янушкевич, в своем письме от 20 марта/2 апреля 1915 г. за № 1860, сообщил министру иностранных дел Сазонову материалы по этому вопросу. Между прочим в этом письме говорится: „За истекший период войны Россией принесено очень много жертв ради общей пользы союзников и проявлено не менее самопожертвования ради облегчения положения Франции на ее восточном фронте. Ради облегчения этого положения Россия начала преждевременное наступление в Восточную Пруссию и заставила этим немцев, оставивших с началом войны на нашем фронте, не считая второочередных войск, всего 9 пехотных и 1 кавал. дивизию, уже в августе перебросить с западного фронта на наш 4 пехотных и 1 кавал, дивизию. Затем, предпринятый нами, опять таки ради облегчения наших союзников на западе и по их просьбе, перенос действий на левый берег Вислы, который пришлось связать с добровольным отказом от представлявшегося возможным и выгодным предварительного полного разгрома австрийских армий, заставил немцев перебросить в ноябре с их западного фронта на наш еще 8 пехотных и 5 кавал. дивизий. Наконец, в январе вновь было переброшено с западного фронта на наш 2 полевых дивизии. В общем, за истекший период войны всего было переброшено немцами с их западного фронта на восточный 14 пехотных и 6 кавал. дивизий. Кроме того, из числа вновь сформированных немцами дивизий за время войны было направлено против России 8 дивизий. Весьма характерным является то обстоятельство, что за истекший период войны число первоочередных, т.-е. полевых и резервных, германских дивизий, по сравнению с началом войны увеличилось на нашем фронте с 9 пехотных и 1 кавалерийской до 31 пехотной и 7 кавалерийских (общее же число дивизий на нашем фронте, считая и ландверные, доходит ныне до 50), тогда как на западном фронте число первоочередных пехотных дивизий, считая и принявший участие в сухопутных действиях к-с морской пехоты, совершенно не увеличилось и осталось равным 72, а число кавал. дивизий даже уменьшилось с 10 на 4.

Таким образом, Россия решительно не допустила за минувший период войны усиления германских войск против Франции и Англии, дав этим возможность своим союзникам приобрести численное превосходство в силах. Необходимо

при этом отметить, что наряду с постоянной переброской германских войск с западного фронта на наш, до сих пор не было ни одного случая, чтобы германская часть, появившаяся на нашем фронте, была переброшена на западный. Россия крепко держит перед собою все то, что направляется противником против нее"... „Но значение России в общей борьбе союзников станет еще более рельефным, если вспомнить, что Россия притянула на себя всю австро-венгерскую армию, силою, не считая ландштурма, до 46 пехотных дивизий, облегчая этим ведение переговоров с Италией и Румынией и остановив новый удар против Сербии и что Россия же нанесла грозный удар Турции на Кавказе под Сарыкамышем, приведший к упадку духа последней, и по настоящее время притягивает к себе на Кавказском фронте свыше 200 батальонов турецкой армии, облегчая тем самым борьбу союзников не только в районе Дарданелл, но и в Египте, и в Месопотамии" [145]).

Приведенное письмо ясно указывает на то, что втечение 1914 и в начале 1915 года все наши операции предпринимались, развивались или заканчивались—к выгоде союзников, с подчинением их требованиям, а именно: преследование австро-венгерской армии после Галицийской битвы (август-сентябрь 1914 г.) было нами ограничено, так как часть сил была направлена на среднюю Вислу для развития наступления со средней Вислы между Новогеоргиевском и Ивангородом, на запад, на левый берег Вислы; наступление на левом берегу Вислы (сентябрь—октябрь 1914 г.), втянувшее нас в Лодзинскую операцию,—было предпринято ради облегчения положения союзников. Наконец, Карпатская операция была признана главнейшею задачею будущего периода кампании (начала 1915 г.)—ради привлечения Румынии к выступлению против центральных держав. Это выступление во всяком случае должно было оттянуть и действительно оттянуло, некоторые силы германцев с англо-французского фронта; это было выгодно для западных союзников России во всяком случае, т.-е. не считаясь с тем—к чему бы привело Румынию ее выступление и как бы оно отозвалось на положении и действиях русской армии. Известно, что выступление Румынии закончилось разгромом ее армии, а для России это бесполезное выступление досталось ценою разрушения всех ее стратегических планов, вытекавших из положения дел на театре действий между Балтийским и Черным морями и, в частности, ценою Карпатской операции, совершенно ненужной с точки зрения войны России против центральных держав. Но, повторяем,—все это было выгодно западным союзникам, которые ставили вопросы так, что они (Франция и Англия) ведут мировую войну, а Россия, хотя и состоит их союзником, но представляет из себя лишь вспомогательную силу, обла-

дающую численно-большим человеческим материалом, и потому обреченную всегда жертвовать своими собственными интересами ради достижения целей на западно-европейском театре, который, таким образом, возводился нашими западными союзниками на степень главного театра всей мировой войны. Между тем следует признать, что значение русского театра войны между Балтийским и Черным морями этим взглядом несомненно умалялось, а вместе с тем упускались и те возможности, которые могли бы иметь решительное влияние на сокрушение могущества центральных держав. В пренебрежении значением русского театра военных действий заключается, между прочим, одна из причин затяжного характера войны на сокрушение Германии.

В то-же время вынужденная подчиненность действий русской армии оперативным планам ея западных союзников, признававших себя главными участниками развернувшейся борьбы,—приводила к тому, что русская армия не могла в своих действиях руководствоваться определенным, цельным, стратегическим, вполне выработанным планом, и должна была многократно, с явным вредом для себя, бросаться от одного замысла операции к другому, вовсе не вытекающему из стратегических соображений и обстановки или из интересов России, а диктуемому лишь требованиями союзников.

В этом дергании бесспорно повинно Верховное главнокомандование, слишком чувствительное и исполнительное по отношению к эгоистическим требованиям союзников.

В 1914/15 годах военное могущество России позволяло разговаривать с союзниками иным тоном, но этот тон не был во-время взят теми, кто обязан был его взять и держать на должном уровне. В результате—выработалась покорность западным союзникам, ради выдержки каких-то сантиментальных, сверхсоюзнических обязательств, не вытекающих из каких-либо конвенций, а вслед за этим, как следствие, явился ряд кровавых боевых операций, начатых и развиваемых ради удовлетворения чрезмерных требований союзников, и притом с недопустимою степенью пожертвования интересами России и русской армии.

Итак, выступление Румынии давало союзникам надежду на переброску некоторой части германских сил с западного германского театра на восточный; в этом его главное значение для наших западных союзников.

Отношение Франции и Англии к неудачам русской армии в Карпатской операции.

Карпатская операция началась наступлением русских в Галиции и в Карпатах, которое, развившись сначала удачно, вскоре встретило упорное сопротивление со стороны противника и... приостановилось.

В течение времени с 19 апреля (2 мая) по 9/22 мая 1915 г. 3-я армия была отброшена за реку Сан, а затем и далее в направлении на Люблин—Холм. Соседние с нею армии и все армии Ю.-З. фронта вынуждены были также к отступлению.

Верховный гл-щий сообщил Жоффру и Китченеру о неудачах русской армии, вызванных наступлением армии ген. Макензена, телеграммами от 24 апреля/7 мая 1915 г. за № 225 [146]), в которых, между прочим, говорилось: „Новая переброска германских войск с западного фронта в количестве по крайней мере 4 дивизий и их сосредоточение в Галиции на фронте Дунаец—Горлице с большим количеством других войск, собранным нашим противником в этом районе, а также большое превосходство в артиллерии и в особенности в снарядах— позволили нашим противникам в последних боях одержать тактический успех, который заставляет нас оттянуть наши войска несколько к востоку на подготовленную позицию с тем, чтобы сократить фронт и присоединить их к прибывающим резервам. Временный успех наших врагов на одном из секторов нашего обширного фронта не может повлиять на общий ход операций, в особенности в виду решительного наступления, которое вы обещали предпринять, и если совершенно необходимая посылка снарядов, обещанных французским правительством, произойдет безотлагательно. Все меры для того, чтобы локализировать успех противника, приняты, но выполнение их потребует известного времени".

Телеграммой 27 апреля/10 мая 1915 г. [147]) Жоффр ответил: „Наступление французских войск, о котором я извещал ваше императорское высочество, началось вчера 9/22 мая в районе к северу от Арраса и будет вестись с самой большой энергией". Кроме того, другой телеграммой Жоффр подтвердил снятие германцами с французского фронта гвардейского к-са и двух или трех вновь сформированных дивизий, только что привезенных в Карпаты, и выразил: „Я считаю всякое новое снятие сейчас невозможным". Относительно присылки снарядов никакого извещения от Жоффра не последовало.

Еще в марте 1915 года Китченер предупреждал русский штаб через посредство Великобританского посольства в Петрограде о готовящемся сосредоточении германских войск под Тарновым.

27 апреля/10 мая 1915 г. за № 631 наш военный агент Ермолов передал ген. Янушкевичу телеграмму Китченера, в которой, между прочим, было сказано: „Я слежу с живейшим интересом за операциями в Карпатах и Западной Галиции, где немцы как будто делают последнее усилие скорее с политическою целью, имеющей в виду Италию. Я спрашиваю, есть ли что-нибудь, что я мог бы сделать, чтобы быть полезным вашему высочеству и императорской армии" [148]).

30 апреля/13 мая 1915 г., ген. Китченер телеграфировал английскому представителю в Ставке: „Я очень хотел бы получить точные сведения относительно русского отступления в районе Карпат и Галиции. Говорят, что русские находятся сейчас на линии Дверник—Санок—Ропчице—Щучин и что они должны были отойти от линии нижней Ниды. Благоволите сообщить мне, имеют ли они намерение еще отступать или находятся сейчас в положении, позволяющем принять действительные меры, чтобы остановить австрийское продвижение. Можете ли вы мне сказать, какие потери они потерпели и понесли".

Верховный гл-щий счел нужным разъяснить положение дел в Галиции и еще раз обратить внимание союзников на переброску на наш фронт германских частей.

1/14 мая 1915 г. за № 238, Верховный гл-щий телеграфировал Жоффру и Китченеру следующее: „В течение месяцев мая и апреля германцы снова перевезли на наш фронт по крайней мере 7 или вернее даже 11 дивизий пехоты и 3—4 дивизии кавалерии. Сосредоточив на Дунайце и в районе Горлице многочисленные войска и массу артиллерии, обильно снабженную снарядами, они перешли в наступление против нашей 3-й армии и одержали успех. Потери в этой армии очень велики. Мы надеемся сохранить линию Сана. Ввиду того, что германские силы значительно уменьшились на западном фронте, содействие союзных армий могло бы выразиться в энергичном и непрерывном наступлении. С начала войны число полевых и резервных дивизий возросло на нашем фронте с 9 до 38 и, быть может, даже до 42-х, а число кавалерийских дивизий с одной до девяти или десяти. Это увеличение включает по крайней мере 80 или даже 90 полков пехоты, а также 48 или 54 полков кавалерии, снятых с западного фронта. Наоборот, ни одна германская часть, раз введенная в действие на нашем фронте, не могла вследствие наших усилий быть переведена на западный фронт. Было бы очень желательным, чтобы в будущем переброска германских войск на наш фронт не могла иметь места. Было бы также желательно заставить Италию ускорить свое вступление в действие, облегченное сейчас начатым союзными армиями наступлением, а также тем обстоятельством, что все австро-венгерские силы, сосредоточенные на нашем фронте, на нем удерживаются. Для нас совершенно необходимо получить как можно скорее артиллерийские снаряды, а также ружья с патронами. Недостаток снарядов был, конечно, одной из главных причин неудачи, которую потерпела наша 3-я армия. Наше положение на всех других участках нашего фронта прочное"[149]).

В ответ на это обращение Верховного гл-щего, Жоффр ответил 11/24 мая 1915 г. телеграммой с выражением сочувствия русской армии, обещая сделать все возможное для ее

поддержки: „Великолепное усилие южных русских армий в течение последних недель возбуждает наше восхищение. Благодаря их храбрости, им удалось, избежав прорыва и не потеряв боеспособность, нейтрализовать превосходные неприятельские силы, нанести им громадные потери и оказать тем громадную услугу общему делу. Это прекрасная страница для славы русской армии... В виду этого доказательства героизма и благодаря также вступлению в действие Италии мы в праве ожидать самых прекрасных результатов. Я со своей стороны стараюсь для этого изо всех сил при содействии наших английских и бельгийских союзников“ [150]).

Телеграммой 5/18 мая 1915 г. ген. Жоффр обещал расследовать, по каким причинам завод Крезо не выполнил до этого времени свои заказы.

Итак, со стороны французского Гл-щего—восхищение, пожелания, надежды и... признание за русской армией „громадной услуги общему делу“; но действительной помощи—оказано не было.

В ответ на обращение Верховного гл-щего от 1/14 мая 1915 г. № 238 Китченер передал 3/16 мая 1915 г. через нашего посла в Лондоне выражение его глубокого сочувствия 3-й армии, в доблестности действий которой он уверен; при этом Китченер добавил, что он предупреждал о сосредоточении германских сил с намерением взять Тарнов. Далее Китченер сообщил, что энергичные меры приняты, чтобы найти в скорейший срок снаряды, которые великий князь просил ему доставить. В виду многочисленных заказов, выполняемых в Америке, будет трудно получить эти снаряды раньше чем через несколько месяцев, но все будет сделано, чтобы сократить этот срок.

Таким образом, со стороны английского Гл-щего—сочувствие, подчеркивание о предупреждении и... обещание помощи, которая, однако, может осуществиться еще не скоро. Верховный гл-щий не был удовлетворен ответами Жоффра и Китченера; телеграммой 10/23 мая 1915 г. он снова обращает внимание Жоффра и Китченера на увеличение на нашем фронте неприятельских сил. „Последние бои“,—телеграфировал Верховный гл-щий,—„доказывают с несомненностью переброску на наш фронт по крайней мере 10 дивизий пехоты, а именно, гвардейского к-са, 10 полевого к-са, 41 резервного к-са и нескольких сводных дивизий. Число перевезенных дивизий, вероятно, еще больше, так как каждый день опознаются новые полки. Эта переброска, хотя она и осложняет стратегическое положение русских армий, является тем не менее с общей точки зрения своевременной для того, чтобы облегчить развите успехов, уже достигнутых наступлением союзных армий на западном фронте“.

Следовательно, в то время (10 мая ст. стиля), когда ставился под сомнение вопрос о возможности для 3-й армии удержаться на р. Сан, когда боеспособность этой армии следует признать потерянной и когда несомненно было, что генерал Макензен готовится к новому удару на 3-ю армию, наши западные союзники видели в этом положении только предмет своего восхищения и признавали действия 3-й армии „громадной услугой общему делу". Это вполне подтверждает выраженное выше соображение о том, что союзники считали главным решительным театром свой западный театр военных действий и смотрели на действия русской армии, как на вспомогательные действия, ценные постольку, поскольку этими действиями русская армия отвлекала германские силы с главного театра, хотя бы это отвлечение стоило потери боеспособности русских войск, отвлекающих на себя германские силы. С такой точки зрения, действительно, ценою крови русской армии достигались благоприятные возможности для армий наших западных союзников.

Верховное главнокомандование русской армии к весне 1915 года вполне ясно представляло себе этот взгляд союзников на значение действий русской армии; это подтверждается следующими словами ответа Верховного гл-щего на извещение Жоффра от 5/18 мая относительно перехода союзных армий в наступление: „Я был очень рад узнать, что вы имеете намерение вести энергичное наступление на западном фронте. Развитие этого наступления мне кажется в настоящее время облегченным не только вследствие переброски германских сил на наш фронт, достигшей числа по крайней мере в 10 дивизий пехоты, но также благодаря выступлению Италии, к счастью ставшему совершившимся фактом".

Однако, и наступление союзников, и выступление Италии не изменили положения дел Ю.-З. фронта: Германия продолжала неуклонно осуществлять свое стремление одержать решительный успех на русском театре; при этом русская армия оставалась предоставленной только своим собственным средствам борьбы, принявшей решительный характер, так как германцы обратили теперь русский (восточный) театр военных действий — в главный. Постепенно развивавшиеся действия, начиная с 10/23 мая закончившиеся полным отступлением русских армий из Галиции, вполне подтверждают эту мысль, которая была установлена в Ставке значительно позже 10/23 мая и была выражена впоследствии Верховным гл-щим Жоффру и Китченеру телеграммой 4/17 июля 1915 г. следующего содержания: „Настоящее положение на нашем фронте заставляет думать, что германцы осуществляют широкую на-

ступательную операцию, имеющую целью район между Наревом и Вислой и линией Ивангород—Холм, при чем действия ведутся одновременно со стороны севера и юга, по направлению к фронтам Остроленка—Пултуск и Люблин—Холм. Есть, кроме того, признаки, что наступление подготовляется также с запада по направлению к Варшаве. В виду большой активности, проявленной нашими противниками на всем нашем фронте, кажется весьма мало правдоподобным, что они могли уменьшить общее число войск, направленных против нас, и можно было бы скорее думать, что вместо нескольких дивизий, возвращение которых на западный фронт доказано, другие свежие дивизии перевезены на наш фронт. Прибытие свежих войск делает гораздо более затруднительными операции наших армий. В виду этих обстоятельств каждое действие союзных армий, устраняющее возможность новых переброс германских войск на восточный фронт, имеет большое значение. Было бы вместе с тем желательно с вашей стороны указать высшему командованию итальянской армии значение ее деятельности в этот период кампании в интересах всех союзников" [151]).

Жоффр оспаривал сведения Ставки о переброске войск с французского фронта, но наша войсковая разведка подтверждала появление новых частей.

В то время, когда велись эти сношения и когда со стороны французского Гл-щего поступали заверения, что им принимаются меры побудить Англию оказать содействие наступлению на западном фронте всеми своими свободными силами и Италию энергично вести свое наступление, дабы освободить Россию от напора германцев,—отступление русских армий Ю.-З. фронта, а затем и С.-З. фронта,—продолжалось в крайне тяжелых условиях, без какой бы то ни было помощи со стороны союзников, видимо вполне удовлетворенных отвлечением главного внимания германцев и их значительных сил на русский фронт.

Восхищения, слова одобрения и выражения благодарности за преданность русской армии обще-союзному делу продолжали поступать от союзных Гл-щих к Верховному гл-щему многострадальной русской армии. Ставка оставалась неудовлетворенной и недовольной всеми этими внешними выражениями междусоюзного этикета; недовольство это еще более увеличивалось при известиях о той медлительности, с которой подготовлялись на западе наступательные операции, и о том, что эти операции отложены „вследствие недостаточной подготовки и необеспеченности в снабжении провиантом и снарядами для тяжелой артиллерии..."

Таким образом, Карпатская операция, закончившаяся отступлением наших армий Ю.-З. фронта, в значительной мере утративших бое-

способность, протекла без помощи со стороны союзников, но оказала им помощь отвлечением с западного фронта значительных германских сил.

Карпатская операция, как средство побудить Румынию к выступлению против Центральных держав, не достигла своей цели: операция закончилась потерей Галиции и обессилением армий Ю.-З. фронта; Румыния не выступила. Остались в выигрыше только западные союзники, так как с их фронта германцы оттянули на русский фронт значительные силы.

Выступление Италии и его влияние на Карпатскую операцию. Новый Гл-щий армиями С.-З. фронта, ген. Алексеев, ознакомившись с положением фронта, прежде всего письмом от 24 марта/6 апреля за № 1436б на имя генерала Янушкевича выразил, что „Карпатская операция является частной второстепенной задачей“ [144]); однако, несмотря на это соображение, обоснованное ген. Алексеевым в том же письме, и не считаясь с запиской ген. Алексеева „О ближайших задачах армий С.-З. фронта“, от 24 марта/6 апреля за № 138б. б. [152]), Верховный гл-щий, как известно, признал Карпатскую операцию „главнейшей задачей будущего периода кампании“.

План ген. Алексеева, сводившийся к нанесению удара германцам на левом берегу Вислы соединенными силами С.-З. и Ю.-З. фронтов, не был одобрен. Свои настояния относительно операций С.-З. фронта ген. Алексеев повторил в особом письме ген. Янушкевичу, который ответил ему следующим письмом от 14/27 апреля 1915 г. за № 2058 [153]): „В ответ на письмо вашего высоко-ства от 11/24 апреля, имею честь сообщить нижеследующее. Верховный гл-щий считает, что его директива, сообщенная мною Гл-щим фронтами и вам известная по письму моему г.-а. Иванову № 1717 [148]) от 6/19 марта 1915 г., не подлежит пока изменению.

Его высочество напоминает лишь, что переход к активным действиям без предварительного предупреждения не подлежит осуществлению.

В то же время великий князь совершенно не допускает мысли хотя бы короткого удара в пределах В. Пруссии.

В настоящее время начавшаяся операция на Карпатах, особенно ввиду только что выяснившегося подписания союзного договора с нами и нашими союзниками Италией (сие последнее обстоятельство сообщается для исключительно вашего личного сведения), сохраняет первенствующее значение и обязывает всемерно способствовать успешному завершению начатого дела. Для этого несомненно придется в ближайшем будущем передать одну пехотную дивизию, о чем и считаю необходимым вас предупредить.

Верховный гл-щий, вероятно, скоро посетит вас, и тогда вы будете иметь возможность доложить ваши новые соображения, считаясь с указанным взглядом его высочества на предполагаемые операции 10 армии".

Это письмо является документом, подтверждающим, что Карпатская операция, кроме побуждения к выступлению Румынии, сохранила свое первенствующее значение также вследствие решенного выступления Италии; иначе говоря, было признано необходимым вести эту операцию до конца для выдержки отношений к Италии и нашим западным союзникам, не считаясь с целесообразностью этой операции с точки зрения стратегической обстановки на русском театре. Ставка осталась до конца верной этому решению, невыгодному для России.

Архивная справка показывает, что 22 апреля/5 мая 1915 г. н-к штаба Ю.-З. фронта, ген. Драгомиров, на основании результатов наступления армии ген. Макензена в течение 19—22 апреля (2—5 мая), пришел к заключению о необходимости немедленного отвода армий Ю.-З. фронта на р. Сан и выразил свои соображения в телеграфном разговоре с генерал-квартирмейстером при Верховном гл-щем; [154]) его соображения были обоснованы фактическими данными.

Это предложение было отклонено Ставкой; армиям было приказано удерживаться в занимаемом ими положении, на условной линии к западу от р. Сан. 27 апреля (10 мая) 1915 г. н-к штаба Ю.-З. фронта повторил свое заявление о необходимости немедленного отвода армий Ю.-З. фронта к востоку, на р. р. Сан и Днестр, и признал создавшееся в Ю.-З. фронте стратегическое положение безнадежным; при этом ген. Драгомировым было выражено сомнение в возможности для 3-й армии удержаться даже на р. Сан., так как корпуса этой армии понесли значительные потери, и противник, усилившись, развивает свое наступление с явным намерением глубокого прорыва фронта. [154]) План дальнейших действий, представленный Драгомировым в письме н-ку штаба Верховного гл-щего от 27 апреля/10 мая 1915 г. [154]),—не получил одобрения.

Таким образом, Карпатская операция продолжала развиваться, как в видах привлечения Румынии к выступлению, так и вследствие сначала ожидаемого, а затем состоявшегося уже выступления Италии,—вопреки оперативным соображениям, вытекавшим из сложившейся обстановки. От выступления Италии ожидались крупные результаты, и особенно оттяжка австрийских сил с русского фронта, где ген. Макензен продолжал развивать свое наступление.

В письме от 22 апреля/5 мая 1915 г. № 1344 [155])— ген. Жоффр выразил Верховному гл-щему свои ожидания, свя-

занные с предстоящим вскоре выступлением Италии, следующими словами: „Приближение итальянского вмешательства ожидается: два офицера, командированных ген. Кадорна, прибыли в мою главную квартиру и произвели на меня наилучшее впечатление искренностью и точностью своих заявлений. Я усиленно настаивал, чтобы срок итальянского наступления, назначенного дипломатическим протоколом самое позднее на 26 мая (13 мая ст. стиля) был несколько приближен. Они не могли принять точное обязательство в этом смысле, но они уверяли меня, что самое позднее 26 мая, а вероятно несколько ранее этого числа, Италия начнет наступление всеми своими силами, в общем, на Лайбах, оставляя против Трентино лишь завесу. Вашему высочеству, конечно, будет принадлежать в совещаниях, предстоящих в вашей Главной квартире, с представителем Италии, определение согласования действий русской, сербской и эвентуально румынской армий на общем их театре военных действий против Австро-Венгрии. Представители итальянского генерального штаба не искали непосредственного согласования действия с французской и английской армиями для предстоящей их операции на австрийской границе, где будут сосредоточены английские войска.

Я в будущем предвижу возможность непосредственного сотрудничества французских армий с итальянскими лишь в случае, если успехи последних—с одной стороны, и положение на нашем собственном театре—с другой—поведут нас к рассмотрению возможности диверсии, например, в Южной Германии. Эта эвентуальность мне кажется еще далекой. Было бы, конечно, весьма желательным, чтобы военное вмешательство Италии дало себя знать возможно скорее.

Я нахожу, однако, что так, как оно происходит, и не высказываясь об его действительном значении, оно не может не иметь значительных последствий, заставляя наших противников ослабить их силы, уже сильно растянутые на их различных фронтах".

Жоффр в этом письме нарисовал картину будто бы предстоящих вскоре совместных действий против Австро-Венгрии—русской, сербской, итальянской и даже румынской армий. Конечно, с такой точки зрения вскоре ожидаемое выступление Италии могло явиться ближайшим облегчением нашего положения в Галиции и в Карпатах; выступление Румынии (эвентуально) рисовалось дальнейшей подмогой.

В письме делался намек на возможность согласования действий скорее русской армии с итальянской, чем итальянской с французской. Такие перспективы были приняты нашей Ставкой „на веру": проблематическое выступление Румынии,—состоявшееся только 27 августа/9 сентября 1916 г. против Австро-Венгрии, 29-го августа/11-го сентября 1916 г.—против Турции, 31 августа/13 сентября 1916 г.—против Германии

и Болгарии,—дало повод признать Карпатскую операцию 1915 г.—„главнейшею"; выступление Италии, ожидаемое 13/26 мая 1915 г., в самый тяжелый период Карпатской операции, подавало надежду на оттягивание австро-венгерских войск с нашего фронта. Но подобно тому, как выступление Румынии явилось обманутою надеждою по отношению к Карпатской операции, так как произошло гораздо позже,—так выступление Италии, хотя и совершившееся в назначенное время, не принесло нам того облегчения, которого мы вправе были ожидать, по уверениям союзников в самый тяжелый период борьбы с армией ген. Макензена—в Галиции и на Карпатах.

В ответном письме Жоффру, спустя почти месяц,—16/29 мая 1915 г. № 2423 [156]),—Верховный гл-щий пишет: „Я с удовольствием узнал, что вы имеете намерение продолжать энергичное наступление на западном фронте. Развитие этого наступления мне кажется сейчас облегченным не только благодаря переброске германских войск на наш фронт, каковая достигла уже, по крайней мере, количества девяти дивизий пехоты, но также благодаря вмешательству Италии, к счастью, ставшему осуществившимся фактом. Это вмешательство осталось как будто пока без большого влияния на число войск, направленных против нас, так как энергия их действия нисколько не уменьшилась. Представляется поэтому возможным, что противники, вынужденные сосредоточить силы против Италии, составят их, главным образом, из частей, снятых с западного фронта".

Вот причина, по которой и выступление Италии не облегчило нашего положения в Карпатской операции: вероятнее всего, что противники большую часть сил, направленных против Италии, снимали с французского фронта и тем облегчали положение только западных союзников.

Таким образом, выступление Италии послужило облегчением положения на англо-французском фронте, так как оно имело своим последствием уменьшение сил противника на этом фронте.

Верховный гл-щий отклонил план ген. Драгомирова, основанный на фактах развития Карпатской операции после 22 апреля/5 мая 1915 г.,—в надежде на ближайшую помощь со стороны итальянской армии и на дальнейшее вступление в действие румынской армии; он довел напряжение сопротивления наших войск наступлению армии ген. Макензена до высшего предела, за которым наступила потеря их боеспособности и неизбежная необходимость непрерывного отступления. Выступление Италии повлияло на Карпатскую операцию в том смысле, что создало во мнении Верховного гл-щего

невозможность своевременно отказаться от этой операции и, затем—надежду на помощь со стороны итальянской армии—в виде оттягивания австро-венгерских сил с нашего фронта на итальянский; эта надежда не сбылась, и наши армии, не поддержанные со стороны, понесли поражение, так как, чрезмерно втянутые в Карпатскую операцию,—израсходовали собственный наступательный порыв до конца.

Выгоды для России от выступления Италии и Румынии не оправдались в действительности, и потому Карпатская операция, связанная с этими выступлениями, оказалась нецелесообразной во всех отношениях, если не считать непосредственного ее влияния на наших западных союзников, выразившегося в уменьшении германских сил на англо-французском фронте. Нецелесообразность Карпатской операции признавалась многими в верхах действующей армии, как в период зарождения ее замысла и в период подготовки к ее исполнению, так и во время ее развития.

Призывы к отказу от Карпатской операции, исходившие от здравомыслящих, и к выводу армий Ю.-З. фронта из боя с тем, чтобы дать им возможность оправиться и перейти к действиям по новому, более подходящему плану,—вполне соответствовали действительным данным обстановки на всем русском (западном) театре военных действий, но они явно противоречили прямым интересам западных союзников, державших Ставку под гипнозом ожидания скорой помощи со стороны итальянской и румынской армий. Союзники оказались на этот раз плохими советчиками, потому что они, ради достижения своих целей, придавали преувеличенное значение выступлениям Италии и Румынии для России и не стеснялись, на основании своих сверхсоюзнических требований, втягивать Россию в явно проигрышное предприятие, каковым являлась Карпатская операция. Несчастие Верховного главнокомандования русской армии в том, что оно, по свойствам своим, оказалось слишком чувствительным к напору союзников, что оно уделяло в своей деятельности слишком много места фантастическим упованиям и что оно как-то избегало и даже просто не умело руководствоваться расчетом.

Заключение к изложенному о влиянии западных союзников России на Карпатскую операцию.

В основе мировой войны 1914—1918 г.г. лежит борьба Франции на сокрушение военного могущества Германии, под прикрытием которого Германия постепенно стремилась к достижению экономического превосходства; к этой борьбе присоединилась Англия по причинам того же порядка. Популярность войны с Германией среди населения Франции в значи-

тельной мере поддерживалась идеей „реванша“ за поражение Франции в 1870—71 г.г.

Задолго до войны 1914—1918 г.г. эта намечавшаяся мировая борьба представлялась в виде решительного столкновения Франции с Германией при обязательном участии России, которого Германии удалось избежать в 1870—71 г.г. Со времени образования франко-русского соглашения твердо установилось представление, что главная роль в борьбе с Германией будет принадлежать Франции; на долю России выпадет роль второстепенная, вспомогательная, состоящая в притягивании на себя хотя бы части германских сил и в борьбе с Австро-Венгрией, которая несомненно выступит против России, как только завяжется борьба между Германией и Францией. Такую роль России усвоила себе Франция; таким взглядом она руководствовалась в течение всей войны 1914—18 г.г. В связи с этим установилось, что западно-европейский театр, франко-германский, является главным театром военных действий и что французской армии, поддержанной теми или иными ее союзниками, будет предстоять главная роль в поражении Германии. Между тем, западно-европейский театр к началу войны 1914—18 г.г. представлял собою укрепленный фронт, образуемый крепостями, находящимися во взаимной связи,—со стороны Франции, и такой же фронт со стороны Германии. К такому театру военных действий были совершенно неприложимы основы той стратегии, которая являлась в это время господствующей и которая выработалась по опытам войн XIX столетия, войн преимущественно подвижных, маневренных. При всякого рода исследованиях возможных действий на западно-европейском театре, его укрепленные фронты принимались во внимание; столкнувшись с их влиянием, военная мысль всегда искала выхода в рассуждениях относительно возможности обхода этих укрепленных фронтов; таким обходом через Бельгию и началась война 1914—18 г.г.

Однако, военная мысль в своих исследованиях оказалась недостаточно проникновенной и не углубилась в разъяснение вопроса о том, во что же может вылиться борьба на западно-европейском театре, если обходом крепостных фронтов с той или с другой стороны не будет достигнуто решение войны? Вера в решающее значение обходного маневра была настолько глубока, что создалось даже убеждение—будто война на западе должна закончиться в 3—4 месяца...

Иначе говоря, военная мысль упустила из виду возможность того положения столкнувшихся сторон, которое во время самой войны 1914—18 г.г. получило название позиционной войны, затянувшей всю кампанию вместо четырех месяцев на 4 года. Если принять в основание, что конечною целью действий держав Согласия являлся разгром Германии и при-

том, разумеется, в кратчайший срок, так как длительная война невыгодна во всех отношениях, то следует признать, что в этой задаче западно-европейский театр был действительно главным театром Великой европейской войны только до тех пор, пока здесь возможен был ее маневренный характер. С того времени, когда на этом театре выявилась, так называемая, позиционная война, западно-европейский театр перестал быть главным театром европейской войны, потому что подступы к жизненным центрам Германии сделались наиболее трудно доступными именно с этого театра военных действий, т. е. с этого театра трудно было нанести Германии смертельный удар.

Только ревнивое упорство Франции, которая решила своим собственным оружием добиться успеха над Германией, втянуло державы Согласия в четырехлетнюю войну совсеми ее тяжкими последствиями, как для победителей, так и для побежденных. Это упорство имело своим последствием признание франко-германского театра военных действий все-таки главным театром и в период позиционной войны, тогда как на самом деле с самого начала позиционной войны этот театр утратил свое главенствующее значение. Достигнуть решения всей войны путем успеха на второстепенном театре, без сомнения, возможно; но это достижение дается слишком тяжелым напряжением: приходится сосредоточивать чрезмерно большие силы, затрачивать слишком много времени, расходовать чересчур большие технические средства; следовательно, нести слишком чувствительные и притом излишние потери во время военных действий и ввергать воюющие государства во все тяжкие потрясения, неразрывно связанные, как учит опыт мировой истории, с каждой войной, чрезмерно затянувшейся. Военное искусство состоит в решении проблемы каждой войны с наименьшим трудом и малою кровию; только такие решения могут оправдывать войну, как неизбежное явление международной жизни, только такие решения делают войну лишь временным испытанием для столкнувшихся государств, вслед за которым наступает их обновление. К достижению верных и быстрых решений в каждой войне существует единственный путь, путь уважения к военному искусству и, в частности, ясное представление в каждый период войны о том, какой именно театр военных действий является главным и потому на каком именно театре в данный период войны надлежит искать ее решения, путем сосредоточения и введения в дело превосходных сил и средств, с уверенностью в том, что достижение успеха на главном театре является вместе с тем решением проблемы всей войны. Таким образом, один и тот же

театр военных действий, вообще говоря, не может оставаться главным во все периоды войны.

Какой же театр военных действий сделался, действительно, главным с того времени, когда после операции на р. Марне англо-французская и германская армии перешли к позиционной войне?

Для ответа на этот вопрос припомним, что в конце сентября и в октябре 1914 года, по требованию союзников, русские армии повели наступление со средней Вислы в плацдарме левого ее берега; это наступление было приостановлено ударом армии ген. Макензена со стороны Торна, в обход правого фланга наших армий, действовавших на левом берегу Вислы. Обход привел к Лодзинской операции, которая окончилась в ничью, благодаря слабости и неправильным действиям нашего Ловичского отряда, наскоро собранного и двинутого тремя колоннами для противодействия обходу армии ген. Макензена, готового уже обратиться в окружение наших право-фланговых к-сов, действовавших к западу от Вислы. В двадцатых числах ноября 1914 г. наши 2-я и 5-я армии вышли из боя и благополучно отошли за реки Бзура и Равка, т.-е. подались несколько к востоку из того положения, в котором их застало начало Лодзинской операции. В течение декабря 1914 г. германцы сделали несколько попыток прорваться к Варшаве; это привело к кровопролитным боям на Бзуре и Равке: у Боржимова, Болимова, Воли Шидловской; прорыв к средней Висле германцам не удался; наши армии удержали свое положение. К концу декабря 1914 г. германцы, видимо ослабев, прекратили свои атаки. Гл-щий армиями С.-З. фронта г.-а. Рузский считал Лодзинскую операцию и последовавшие за нею бои на реках Бзуре и Равке— „подготовкою" к решительному удару для окончательного сокрушения германцев на левом берегу Вислы, к северу от р. Пилицы. Для осуществления этого решительного удара г.-а. Рузский просил Ставку о переброске в С.-З. фронт с Ю.-З. нескольких к-сов, имея в виду, что положение дел в Ю.-З. фронте вполне допускало такую переброску. По тем или иным причинам и, главным образом, из-за Карпатской операции, такая переброска к-сов не состоялась; между тем, силы С.-З. фронта были настолько истощены, что решительная атака его собственными силами представлялась совершенно невыполнимой.

На совещании 4/17 января 1915 г. в г. Седлеце атака на левом берегу Вислы была признана несоответствующей имеющимся в С.-З. фронте силам и боевым средствам; поэтому было решено сдерживать германцев на Бзуре и Равке, не допуская их прорыва к средней Висле, в частности к Варшаве, и нанести германцам решительный удар в Восточной

Пруссии из района Пултуск—Остроленка, действуя отсюда вновь сформированной 12-й армией совместно с 10-й армией; последней—со стороны Мазурских озер. Это решение было половинчатым и даже в случае успеха не открывало пути к сердцу Германии. Сосредоточение сил 12-й армии, рассчитанное к определенным срокам, нарушилось: части запаздывали прибытием. Германцы успели занять водоразделы между правыми притоками р. Нарев; поэтому все действия с нашей стороны выразились в лобовых атаках вдоль водоразделов, что сопровождалось крупными потерями в людях и ничтожными результатами в отношении поставленной задачи. В общем, удар в Восточной Пруссии не состоялся.

Между тем, г.-а. Иванов, как известно, по собственному почину, с 7/20 декабря 1914 г. приступил к подготовке Карпатской операции, решившись устремиться через Карпаты в Венгрию зимою 1915 г. В силу такого решения, конечно, г.-а. Иванов сопротивлялся какой бы то ни было переброске войск из Ю.-З. фронта в С.-З. и даже добился отправки XXII к-са с С.-З. фронта в Ю.-З. фронт.

Таким образом, главным театром военных действий на русско-германском фронте в декабре 1914 г.—феврале 1915 г. был северо-западный театр, потому что здесь после длительных боев возможно было и, действительно, предполагалось нанесение удара заканчивающего Лодзинскую операцию. Конечно, этот удар, даже и при успехе для русских армий С.-З. фронта, вероятно, не повернул бы военное счастье целиком в нашу сторону, но нельзя отрицать, что благоприятный его результат оказал бы полезное влияние.

Этот же театр и, в частности, плацдарм левого берега Вислы, был в это время главным театром всей Европейской войны. И вот почему.

Во-первых, доступы к центральным областям Германии из плацдарма левого берега Вислы, через Польшу, были в достаточной мере открыты, так как имеющиеся здесь германские крепости не представляли собою такого сплошного фронта, как на французской границе.

Во-вторых, германские силы в этом пладцарме были незначительные; если бы под угрозой решительного удара германцы сняли крупные силы со своего западного фронта, то это дало бы возможность англо-французам с успехом развить свои наступательные действия одновременно с ударом, наносимым на левом берегу Вислы.

В-третьих, австро-венгерская армия в это время еще не успела оправиться после поражения, нанесенного ей русской армией в Галицийской битве, вследствие чего наш левый фланг находился в полной безопасности.

В-четвертых, удар на левом берегу Вислы в случае успеха создавал непосредственную угрозу внутренним областям Германии, потому вернее и проще решал вопрос о полном сокрушении Германии, которое являлось основной проблемой войны.

Стратегия союзников не посчиталась с этими соображениями; в то же время их политика создала условия еще более усиливающие вредное влияние этой стратегической ошибки тем, что продиктовала русскому Верховному главнокомандованию Карпатскую операцию.

Таким образом, вместо нанесения решительного удара на левом берегу Вислы—получился длительный процесс позиционной войны на западе, авантюристическая Карпатская операция в Ю.-З. фронте и немощная попытка нанести германцам удар в Восточной Пруссии.

Длительный процесс позиционной войны на западе привел к затяжке всей войны, если и выгодной, то только для Франции и Англии, на помощь которым впоследствии выступила Америка, но к затяжке, вполне убийственной для России.

Карпатская операция явилась отвлечением русских сил от действий против главного противника Германии к несбыточному фантастическому походу на Берлин через Буда-Пешт и Вену, нелепому по своему стратегическому замыслу, но удовлетворявшему запросам политики наших западных союзников. Эта авантюра стоила России потери боеспособности лучшей половины ее вооруженных сил и, конечно, уменьшила потери союзников, так как значительные силы германцев, как известно, были оттянуты в Карпаты и в Галицию.

Попытка нанесения удара в Восточной Пруссии, благодаря подготовке Карпатской операции, была осуществлена недостаточными силами при недостатке технических средств, так как лучшие силы остались в Ю.-З. фронте, куда направлялась и большая часть всякого рода технических средств.

Стремление венчать Лодзинскую операцию ударом на левом берегу Вислы было сорвано в то время, когда наступило время его осуществления.

Для нанесения решительного удара на левом берегу Вислы в январе 1915 г. могли быть сосредоточены достаточные силы переброской их с Ю.-З. фронта, если бы этот фронт не приступил в это время к подготовке и исполнению Карпатской операции.

При широком и правильном понимании державами Согласия основной проблемы войны, состоящей в сокрушении Германии безразлично кем-либо из держав Согласия и на каком

бы то ни было театре,—наши западные союзники должны были сосредоточить в декабре 1914 г. на главный театр военных действий, т.-е. в плацдарм левого берега Вислы, превосходную тяжелую артиллерию и прочие технические средства и настаивать не на авантюристической Карпатской операции, а на сосредоточении наших сил также в плацдарме к западу от средней Вислы—для нанесения здесь сокрушительного удара германцам, достаточно подготовленного боями Варшавской и Лодзинской операций, а также боями на р.р. Бзуре и Равке.

Но... они этого не сделали; не сделали потому, что они, видимо, думали не только о сокрушении Германии, но и о том, что сокрушивший Германию союзник получит в будущем слишком большое влияние и что сильная Россия, вообще, нежелательна для Западной Европы... Соображения чистой стратегии мировой войны они принесли в жертву этим побочным узким соображениям эгоистического склада.

Западные союзники затянули войну; слабое русское правительство оказалось неспособным потребовать от их стратегии более правильных решений и не смогло отстранить от себя давление их политики на нашу стратегию, хотя это давление разрушало все наши стратегические планы с явным ущербом для России, как это резко проявилось в Карпатской операции.

ГЛАВА VII.

Заключение к главам I—VI.

Если проследить всю Карпатскую операцию от 7/20 декабря 1914 г., т.-е. от начала подготовки и до ее конца 9/22 июня 1915 г., со стороны проявления в ней военного искусства, то позволительно притти к следующим выводам:

I. Замысел операции.

I. *Замысел операции* зародился у Главнокомандования Ю.-З. фронта и только впоследствии он был утвержден Верховным гл-щим. Такое положение находится в полном противоречии с основами оперативного творчества: задачу фронту должен был выработать и поставить Верховный главнокомандующий, исходя из общего положения дел на всем театре военных действий и учитывая наши союзнические обязательства.

Карпатская операция ставила конечною целью перемену операционного направления Варшава—Берлин на операционное направление через Буда-Пешт на Берлин; такое изменение равносильно изменению плана всей войны и потому не могло входить в сферу прав Глав-ния фронтом, которое, конечно, не может быть лишено инициативы в принятии самостоятельных решений, но только решений, не противоречащих общей основной идее операций всей действующей армии. В период замысла Карпатской операции—главным операционным направлением, по мысли Верховного гл-ния, было направление Варшава—Берлин, поэтому все свободное творчество Гл-щего Ю.-З. фронта должно было быть направлено на выработку такого замысла операции Ю.-З. фронта, в развитие общей задачи, который не только не противоречил бы этой основной идее главного направления Варшава—Берлин, но, наоборот, способствовал бы всемерно ее успешному осуществлению. Частный почин Гл-щего фронтом не должен выходить из пределов общих оперативных оснований, установленных

Верховным главнокомандующим. В свою очередь, Верховный гл-щий должен своевременно и вполне отчетливо указывать Глав-щим фронтами основные идеи ведения операций. В Карпатской операции не было ни того, ни другого; не было твердо установленных оперативных стремлений свыше, не было и правильного понимания существа частного почина в Ю.-З. фронте.

Кроме всего этого, замысел Карпатской операции не соответствовал силам и средствам Ю.-З. фронта.

II. План операции.

II. *План операции* был разработан в Ю.-З. фронте. В силу этого плана центральная группа должна была форсировать Карпаты; левое крыло фронта должно было продвигаться на общий фронт с центральной группой, перерезав главнейшие пути, необходимые для свободного маневрирования противной стороны; правое крыло фронта должно было удерживаться в занимаемом им положении. Во всех этих частных заданиях совершенно не были учтены свойства местности (Карпатские горы) и наличность противника. Между тем, и то, и другое имело существенное значение при постановке частных заданий; пренебрежение этими данными не замедлило сказаться: центральная группа была остановлена действиями противника и свойствами горной местности; левое крыло не перерезало намеченных путей и не вышло на общий фронт; правое крыло получило сокрушающий удар от армии ген. Макензена, сосредоточение которой как будто не хотели замечать ни Ставка, ни Ю.-З. фронт.

План Карпатской операции совершенно не был соображен с наличной обстановкой на Ю.-З. театре военных действий.

Обращает на себя внимание с нашей стороны—полное пренебрежение противником, которое явилось следствием не только бесталанности Главнокомандования Ю.-З. фронта, но имеет в своем корне особые обстоятельства, сложившиеся еще до войны 1914—18 гг.

Дело в том, что в погоне за новшествами—русская Военная Академия с 1907 года стала на путь искания новых идей в военном искусстве, стараясь выискать их не в примере военно-исторических фактов, а в сочинениях немецких военных писателей, главным образом, Шлихтинга, и других. Истолковывая по своему, так называемую, „германскую доктрину", стратеги и тактики Военной Академии додумались до формул: „навязывать свою волю противнику", „своими действиями создавать обстановку, не подчиняясь действительной обстановке, которую нам (яко-бы) создает противник"... Эти от-

менно храбрые идеи несомненно явились крупным, но вместе с тем и необоснованным новшеством на фоне глубоко-продуманных идей, царивших в Академии до 1907 года. Произошел раскол: Полевой устав 1912 г., в своей основе выражал положения, освященные продолжительным боевым опытам; Военная Академия учила и проповедывала по новому. Семилетний раскол сказался на войне только в 1915 году именно в Ю.-З. фронте, потому что, волею судеб, сюда нахлынула к этому времени волна начальников из академических новаторов, вокруг которых вскоре сгруппировались их ученики, воспрившие на веру и карьеризма ради все непродуманные академические новшества.

Ближайшею поверкою академических новшеств периода 1907—1914 гг., так сказать их боевым испытанием, как раз и явилась Карпатская операция, охватившая собою шестимесячный период действий армий Ю.-З. фронта именно в 1915 году, т.-е. в самый расцвет деятельности начальников нового склада. Нет оснований утверждать, что исключительно только одно влияние ложно-академических взглядов послужило причиною Карпатской катастрофы, но нет сомнений в том, что многие начальники и генеральный штаб Ю.-З. фронта, из числа слепых последователей Академии,—затруднили управление Карпатской операцией, затянули ее кризис и способствовали тому, что ясные и практически-правильные предложения некоторых участников остались без влияния на боевые события Карпатской операции.

Лозунги: „навязывать свою волю противнику", „своими действиями создавать обстановку" и проч. и проч. были во всю ширь и глубь применены в Карпатской операции и потерпели полное крушение; армии Ю.-З. фронта заплатили за этот опыт своею кровью.

Живая действительность заставила считаться с собою; но... этот урок слишком дорого обошелся русской армии, а вместе с нею и всей России.

Пренебрежение действительной обстановкой отразилось не только на постановке частных задач армиям и корпусам Ю.-З. фронта, но также на распределении сил и на обеспечении успеха Карпатской операции. Создав идею удара центральной группой, которой приходилось форсировать Карпаты, Гл-щий Ю.-З. фронта, не считаясь с обстановкой, оттянул силы от правого крыла, имевшего своею задачею. удерживаясь на месте, обеспечивать правый фланг и тыл центральной группы от возможного удара противника, т.-е. от того удара, который в действительности и состоялся.

Уже в марте 1915 г. ясно было, что противник оказывает упорное сопротивление форсированию Карпат; наше наступление, как извеетно, приостановилось; тогда же вполне проявились: недостаток наших сил для Карпатской операции, чрезвычайная медленность прибытия укомплектований, не-

достаток тяжелой артиллерии, недостаток ружей, нехватка в огнестрельных припасах. При таких данных, ясных и несомненных, с прибавкой к ним предупреждения Гл-щего английской армией Китченера—о готовящемся сосредоточении германцев под Тарновым,— ничего другого не оставалось сделать, как пересмотреть замысел и план Карпатской операции. Такова была обязанность Верховного гл-щего, такова же была обязанность и гл-щего Ю.-З. фронта.

Уже в марте 1915 г. было ясно, что наш прорыв за Карпаты не только бесцелен, но и опасен, так как даже и при его удаче, создавалась для германцев благоприятная обстановка разбить отдельно предоставленный самому себе наш С.-З. фронт с его разбитыми, неукомплектованными частями, при еще большем, чем в Ю.-З. фронте, недостатке боевых средств. Сосредоточенные германцами на Краковском направлении силы представляли собою клин, вбиваемый германцами между нашими двумя фронтами, который, благодаря наличию Карпатских гор, мог бы явиться вместе с тем и средством изоляции ушедших за Карпаты русских сил от главного театра военных действий, на котором должна была бы решиться участь всей кампании единоборством германцев— с одной стороны и растерзанного ради Карпатской операции нашего С.-З. фронта—с другой. Исход такой борьбы был вполне очевиден: в то время, когда армии Ю.-З. фронта гонялись бы за химерами операционного направления на Буда-Пешт,—наш С.-З. фронт, прикрывавший жизненные центры России,—истекал бы кровью в непосильной борьбе за их удержание...

План всякой операции, в том числе и Карпатской, не может представлять из себя нечто отвлеченное, незыблемое независимое от положения дел, как в районе самой операции, так и на всем театре военных действий.

План операции должен быть живым, т.-е. видоизменяемым и дополняемым до полного соответствия боевой обстановке в районе самой операции и до соответствия положению дел на всем остальном театре военных действий.

Твердость и устойчивость воли полководства заключаются не в том, чтобы неизменно приводить в исполнения план операции, уже находящийся в полном противоречии со сложившейся обстановкой, а в том чтобы во-время ввести поправки в тот план действий, который еще так недавно представлялся вполне приемлемым, соответствующим действительной обстановке. Твердость и устойчивость первого рода являются ничем иным, как безрассудным упрямством, ничего общего не имеющим с высоким напряжением воли полководца, свободно и своевременно решающегося внести поправки в намеченный план действий.

Итак, в марте 1915 г. план Карпатской операции подлежал полному пересмотру.

Удар армии ген. Макензена подтвердил эту необходимость.

Это предупреждение было настолько еще своевременным, что именно этой своевременности обязана Россия спасением остатков армий Ю.-З. фронта; при более позднем ударе армии ген. Макензена, вероятно, произошло бы нечто иное, еще менее для нас благоприятное... Но и этот урок не был использован ни Верховным главнокомандованием, ни Главнокомандованием Ю.-З. фронта.

Кризис, начавшийся 19 апреля/2 мая 1915 г., вскоре дошел до кульминационной точки своего развития; ясно было, что Карпатская операция давно уже проиграна и что речи быть не может о прорыве за Карпаты в Венгерскую равнину... Выдохлась идея „за Карпаты", но на смену ей пришло повеление: „ни шагу назад во чтобы то ни стало".

Таким образом, сам собою изжился замысел Карпатской операции, а с ним, конечно, и план приведения этого замысла в исполнение; армии Ю.-З. фронта неизменно отступали, не имея в основе своих действий никакого плана, так как повеление „ни шагу назад" не могло, по существу дела, явиться руководящим основанием для их действий.

Наконец, наступил перелом безрассудства,—и армиям Ю.-З. фронта преподана директива 9/22 июня 1915 г., определяющая программу их дальнейших отступательных действий. Но в это время отступление уже получило характер меры спасения остатков армий, безусловно утративших способность к ведению операций,—по причинам и моральным, и материальным.

Итак, упущенная необходимость своевременного пересмотра замысла Карпатской операции, а затем и ее плана,—обратила найстойчивость в их осуществлении—в причину катастрофы всего Ю.-З. фронта, которая осложнилась—недостатком тяжелой артиллерии, ружей и боевых припасов.

III. Распределение сил для исполнения плана операции.

На центральную группу Ю.-З. фронта была возложена главная задача—прорыв через Карпаты в Венгрию,—поэтому, естественно, эта группа была наиболее сильной в период продвижения в Карпаты, но она оставалась сильнейшей и в то время, когда наступление приостановилось, и даже в то время, когда обнаружилось сосредоточение, а затем и наступление армии ген. Макензена. Только под неизбежною необходимостью оказывать сопротивление напору армии ген. Макензена правое крыло (собственно 3-я армия) была усилена не-

сколькими корпусами, введенными в бой последовательно. Корпуса прибывали с другого фронта, издалека, с опозданием. В результате, втечение всего периода кризиса Карпатской операции так и не удалось сосредоточить достаточно сильную группу, чтобы ее мощным ударом ошеломить противника и вырвать у него инициативу действий. При условии сосредоточения сил переброской их на большие расстояния в то время, когда на фронте района сосредоточения кипит горячий бой, невозможно осуществить самое сосредоточение, потому что запросы боя повелительно требуют выдвижения прибывающих частей вперед, зачастую не только для поддержки частей, ведущих бой, но и для спасения положения на том или ином участке общего фронта. Только выдвижение частей из глубины, направляемых концентрически к избранному району сосредоточения, может обеспечить одновременность их прибытия и, следовательно, возможность для них самостоятельного маневра во исполнение определенного оперативного задания.

Отсюда ясно, что для возможности своевременного сосредоточения ударной группы—необходимо в тылу фронта (или группы армий) иметь оперативный резерв, расположенный у железных дорог, хотя бы и на широком фронте.

Этот резерв в начале войны должен быть строго ограничен соображениями плана, составленного в мирное время, и с развитием операций должен непрерывно увеличиваться прибытием из глубины государства частей нового формирования. Эти резервы каждого фронта, или группы действующих армий, методическим обучением,—должны быть доведены до полного соответствия требованиям современного боя, каким он представляется по опыту истекшего периода данной кампании.

В Карпатской операции Ю.-З. фронт не имел оперативного резерва; в качестве такового, конечно, не могут быть признаны некоторые дивизии и даже корпуса,—объявляемые совершенно случайно в распоряжении Главнокомандующего, но фактически находящиеся на общем боевом фронте, в условиях невозможности перебросить их движением вдоль фронта в другие районы.

Между тем, неопределенность обстановки с самого начала Карпатской операции требовала: или образования оперативного резерва, или отказа от самой операции, недопустимой к исполнению. по многим, уже выясненным причинам, без достаточного оперативного резерва.

С того времени, когда приостановилось наступление центральной группы и обнаружилось сосредоточение армии ген. Макензена—ударную группу, взятую из оперативного резерва надлежало сосредоточить в тыловом районе 3-й или 4-й армий,—

в зависимости от оперативного задания для нашего контр-удара, который только и мог исправить создавшееся положение; и если бы все корпуса и дивизии, последовательно влитые в 3-ю армию,—были своевременно сосредоточены для образования ударной группы, то успех действий армии ген. Макензена был бы под большим сомнением.

Верховный гл-щий и Гл-щий Ю.-З. фронта, как известно, втечение всей операции, продолжали считать центральную группу главною под кошмаром мысли о наступлении противника для освобождения Перемышля; между тем, в плане действий противника, как видно, эта мысль давала лишь основание для демонстративного втягивания наших сил в Карпаты, чтобы доставить больший успех удару армии ген. Макензена в тыл русским силам, втянувшимся в горы.

Контр-удар, задуманный К-щим 3-й армией в период наибольшего развития кризиса, представлял собой лишь мечтания, неосуществимые при сложившейся обстановке и при невозможности сосредоточить достаточно сильную ударную группу.

Таким образом, во время развития операции надлежало уловить необходимость переноса главного района действий из центра на правое крыло и соответственно изменить группировку наших сил под влиянием такого переноса; в частности, район сосредоточения ударной группы из оперативного резерва всегда должен быть соображен с возможностью взаимодействия этой ударной группы и сил, действующих в главном, решающем районе.

Действия XXI к-са на левом крыле 3-й армии, как ударной группы, а также предположения К-щего 3-й армией об ударе с нижнего Сана—не удовлетворяли этому требованию, потому что эти действия являлись изолированными вследствие невозможности для истощенных частей 3-й армии одновременно с ними развить наступление. Изолированные действия ударной группы в такой же степени не достигают результата, как и последовательное вливание на фронт частей и даже целых корпусов; между тем, к такому приему все время прибегал К-щий 3-й армией в надежде этим укрепить свой фронт и остановить армию ген. Макензена.

Перегруппировка сил во время начавшейся операции, вызываемая новым замыслом с нашей стороны, или только изменением плана наших действий во исполнение того же замысла,—требуют совершенно свободного отношения к движениям „назад", как бы ни казалось заманчивым удержание уже занятых районов и пунктов. Соображая перегруппировку сил, необходимо выяснять значение районов и пунктов местности по отношению к этой новой группировке и, не стесняясь, бросать ранее занятые, утратившие теперь значение районы и пункты, чтобы занять и удержать новые, получа-

ющие важное оперативное значение в дальнейших наших действиях. Лозунгу—„ни шага назад во что бы то ни стало"—при этом нет никакого места.

Самая перегруппировка сил требует наличия оперативного резерва, который не только должен выделить из себя ударную группу, но и должен благоприятствовать скорейшему занятию важнейших при новом развертывании районов, выдвигая от себя в эти районы необходимые силы; конечно, при этом может произойти смена частей оперативного резерва путем оттягивания в этот резерв частей, отходящих с фронта и наиболее пострадавших в предшествующих боях.

Вместо широкого размаха в перегруппировке сил маневрированием их на обширных полях Галиции, направленной к тому, чтобы разбить и истрепать тяжеловесную армию ген. Макензена,—в Карпатской операции с нашей стороны была проявлена крайняя неподвижность и прикрепленность к местности, т.-е. такие данные, которые играли в руку противнику; выходило так, как будто наши войска задерживались на месте, чтобы вернее подставить себя под удар противника, ибо предполагать возможность нанесения удара противнику, не создавая для этого соответствующей группировки сил и не прибегая к маневру,—не было никаких оснований, особенно при общем недостатке сил, тяжелой артиллерии и боевых припасов.

IV. Обеспечение успеха операции.

IV. Развернув силы Ю.-З. фронта, Гл-щий фронтом, конечно, представлял себе частные задачи—центральной группы, правого и левого крыла в предпринимаемой им крупной операции; однако, вопрос о том,—к каким последствиям может привести вступление в Венгерскую равнину и насколько, например, обеспечен успех действий главной, т.-е. центральной группы, видимо, мало обеспокоил Гл-щего. Между тем, даже и при удачном развитии операции—вступление наших сил в Венгерскую равнину уже само по себе означало изоляцию этих сил, которая была для нас опасна с точки зрения общего положения дел на всем западном театре войны. При вдумчивом отношении к делу следовало бы обратить внимание на то, что сосредоточение армии ген. Макензена являлось прямым указанием на тот образ действий, который предполагали применить германцы для разрушения нашего плана действий и для лишения нас тех полууспехов, которых мы достигли в первый период Карпатской операции... Если бы в это время Главнокомандование Ю.-З. фронта обратилось к вернейшему приему—„решения задачи за противника", то, нет сомнения, ему бы во всей полноте представились возможные перспективы дальнейшего развития задуманной им Карпатской операции.

Следует припомнить, что такая работа по оценке оперативных предположений Ю.-З. фронта была проделана Главнокомандованием С.-З. фронта, которое командировало даже своего генерал-квартирмейстера в Ю.-З. фронт для выяснения на месте явной нецелесообразности Карпатской операции. Как известно, и после этого Гл-щий Ю.-З. фронта все-таки остался при своей прежней вере в достаточную обеспеченность успеха Карпатской операции.

При решении задачи за противника становился бы очевидным удар армии ген. Макензена—и по цели и, по направлению. После этого вполне определенно выяснилась бы полная необеспеченность правого фланга и тыла центральной группы Ю.-З. фронта при наличии растянутого положения IX и X корпусов по р.р. Дунаец и Бяла и при отсутствии резерва. Этот же путь привел бы и к указанию мер обеспечения успеха—ввиде необходимости сосредоточения сильной ударной группы для контр-удара совместно с IX и X к-сами.

Совершенно очевидно, что при таком способе поверки своих решений Гл-ние Ю.-З. фронта еще в половине апреля пришло бы к определенному решению о нецелесообразности дальнейшего развития Карпатской операции при данных силах, средствах и при сложившейся обстановке; но... даже в период наибольшего кризиса, когда перспективы обратились в живую действительность, — Гл-щий фронтом, под давлением Ставки, продолжал твердить: „ни шагу назад—во что бы то ни стало“ и вследствие этого позволил противнику довести армии Ю.-З. фронта до полного истощения.

Не будет ошибкой признать, что после выработки общего плана операции, перед разработкой частных заданий и группировки сил, необходимо подвергать проверке все эти соображения путем решения задачи за противника, исходя из того действительного расположения и состояния его сил и средств и, вообще, из обстановки, которые добыты изучением в мирное время и выяснены нашим разведыванием.

Во избежание кривотолков, не раз уже имевших место по отношению к „решению задачи за противника“,— еще раз напоминаем, что в этом решении не следует искать мотивов для своих собственных решений, потому что собственные решения должны вытекать из ясно поставленной цели действий и обстановки; но решение задачи за противника, конечно, наиболее целесообразное в каждом частном случае,—позволяет критически отнестись к своим собственным сложившимся уже решениям и становится весьма полезным критическим приемом по отношению к вопросу о мерах обеспечения успеха наших действий.

Только имея представление о том—какими способами, при данной обстановке, противник мог бы разрушить или затруд-

нить исполнение наших планов,—мы можем более или менее правильно решать задачу обеспечения успеха наших действий, а иногда даже и вносить поправки в самый план наших действий.

Таким образом, периодически повторяемое решение задачи за противника, основанное на тех данных, которые добываются изучением свойств противника и обстановки его действий, является подсобным приемом, критикующим наши собственные предположения о наших действиях и особенно полезным при разработке мер обеспечения успеха операции.

К этому подсобному приему полезно прибегать, как в самом начале операции, так и во время ее развития, когда обстановка все более и более выясняется.

Само собой очевидно, что обращение этого подсобного приема как бы в основание для постановки собственных решений—делает его глубоко вредным и даже пагубным для свободного боевого творчества полководца. О таком обращении с приемом „решения задачи за противника",—конечно,—здесь не может быть и речи.

Вполне сознавая практическую трудность обращения к этим приемом, тем не менее, мы рекомендуем его применение в современных весьма сложных стратегических операциях.

V. Разведывание.

V. Армия ген. Макензена атаковала правое крыло 3-й армии 19 апреля (2 мая) 1915 г. и только с этого дня для Главнокомандующего фронтом стали очевидными, как существование этой армии, так и ее действия; хотя за несколько дней до этого н-к штаба 3-й армии пришел к заключению, основываясь на данных войсковой разведки, что германцы, повидимому, имеют своею конечною целью сосредоточение в районе Нов. Сандец—Ценжковице—Грибов для перехода в наступление на Горлице, и сообщил об этом в штаб фронта,—но это предположение не привело к каким-либо практическим результатам.

До наступления армии ген. Макензена Гл-щий Ю.-З. фронтом стремился перевалить Карпаты центральною группою, но это стремление встретило отпор противника, и в марте 1915 г. наступление приостановилось; с этого времени явилось опасение атаки уже со стороны противника, в направлении на Мезо-Лаборч. Последующие события показали, что наша разведка не дала достаточных данных—ни для принятия мер своевременного противодействия наступлению армии ген. Макензена, ни для развития нашего наступления в Венгерскую

равнину, ни для обнаружения того, что на Мезо-Лаборчском направлении противник только вел демонстративные действия.

Глубокая, стратегическая разведка — если и предположить, что она была организована, все-таки не дала ощутимых результатов. Войсковая разведка—доставляла ожидаемые от нее сведения и сообщала о том, что должна была гораздо раньше сообшить глубокая развездка, но эти сведения войсковой разведки, конечно, являлись запоздалыми.

Таким образом, разведывание со стороны Гл-щего Ю.-З. фронтом и со стороны К-щего 3-й армией не получило законченной организации. И тот, и другой должны были организовать свою глубокую разведку в сфере действий противника, каждый по собственному почину.

Организация глубокого разведывания была уже неисполнима в то время, когда обнаружилось наступление армии ген. Макензена, потому что органы нашего глубокого разведывания, в большинстве случаев, были в это время лишены возможности проникнуть вглубь расположения противника; точно также организация глубокого разведывания за Карпатами должна была предшествовать, и затем сопутствовать наступлению центральной группы Ю.-З. фронта в Венгерскую равнину.

Иначе говоря: глубокое разведывание должно было предшествовать, а затем сопутствовать действиям войск.

Организованное таким образом глубокое разведывание позволило бы Гл-щему фронтом и К-щему 3-й армией вносить своевременные дополнения и изменения в план действий, а следовательно — и в развертывание сил фронта и армии. В распоряжении Гл-щего и К-щего армией средствами глубокого разведывания являлись: воздушная разведка, шпионы, отдельные разведчики-офицеры, отдельные разъезды, конница; кроме того некоторые сведения могли быть получаемы: из прессы перехватом радио-телеграмм, ориентировкой через наших союзников и т. п.

Из всех перечисленных средств остановимся на воздушной разведке, как на средстве, зародившемся в истекшую войну 1914—18 г.г. и имеющем несомненно широкое будущее в грядущих войнах.

Воздушное разведывание.

В распоряжении Гл-щего Ю.-З. фронтом были авиационные отряды, самолеты которых совершали эпизодические полеты. Главным недостатком в использовании этого средства

для целей разведывания в Ю.-З. фронте являлась слабая связь авиационных отрядов со штабами, как с оперативными органами, и слабое знакомство штабов с авиацией, как с техническим средством; отсюда проистекали: недоверие к авиации и неумение воспользоваться ею для участия во всей системе организованного разведывания.

Личное наше знакомство с постановкой дела разведывания в Ю.-З. фронте во всем его целом [1]), приводит к заключению, что вообще, разведывание всякими средствами, в том числе и авиацией, особенно глубокое разведывание, не было в достаточной степени связано с оперативною работою: разведывание, как то велось само по себе; его задачи не вытекали из оперативной потребности. В то же время разведывание не представляло из себя стройной системы, в которой все средства, по своим свойствам, находили бы себе соответственное применение, взаимно дополняя друг друга; каждое средство разведывания: авиация, конница и проч., действовало как-то независимо одно от другого и в то же время без взаимной связи с другими средствами. Искусство разведывания не культивировалось в Ю.-З. фронте.

Отдельные сведения, преимущественно из области войскового разведывания, поступали от авиационных частей в оперативные органы как то эпизодически, большею частью по инициативе самих н-ков авиационных частей, но попыток систематической организации глубокого разведывания в какомлибо направлении: Краковском, Мезо-Лаборчском или другом,— не обнаруживалось; не обнаруживалось и связности между разведыванием авиации и разведыванием конницы.

При таком состоянии разведывания Ю.-З. фронта необходимо отметить, что в 1915 г., когда развивалась Карпатская операция, качества наших самолетов и всего авиационного оборудования—были весьма не высоки; но это должно было влиять только на степень развития воздушного разведывяния, а не быть причиной пренебрежения им. Необходимо иметь в виду, что у наших противников в первой половине 1915 г. также еще не были разработаны типы самолетов-истребителей (Фокер) и потому воздушный бой в это время являлся лишь случайным фактором (гибель летчика кап. Нестерова); в то же время стрельба по самолетам с земли из орудий и пулеметов не давала достаточного числа попаданий; следовательно, в общем, наши самолеты могли бы вести глубокое разведывание в весьма благоприятных условиях, не завоевывая господства в воздушном пространстве полосы разведывания.

---

[1]) Ген. Бонч-Бруевич, по поручению Верховного Гл-щего, ознакомлялся с постановкой разведывания и контр-разведки во фронтах и армиях; из штаба Ю.-З. фронта ген. Бонч-Бруевич уехал 21 Апреля 1915 г., закончив порученное ему дело.

В будущих войнах в распоряжении Главнокомандующего группой армий несомненно будут в значительном числе эскадрильи самолетов, сведенные в более крупные части, например, в бригады или дивизии. Существование самолетов-истребителей у противника приведет к необходимости составлять разведывательные самолетные части из нескольких типов самолетов с таким расчетом, чтобы самолеты-разведчики были прикрыты от нападения неприятельских истребителей. В этих видах построение самолетов, одной или нескольких эскадрилий, выдвинутых для разведывания,—должно быть соображено с необходимостью завоевания господства в той части воздушного пространства, в которой должна развиваться разведывательная деятельность воздушных сил, высланных для разведывания—в определенном направлении, в полосе или в районе. Часть самолетов, получающих значение прикрытия разведывающих самолетов, завоевывающего господство в воздушном пространстве,—должна быть вооружена пулеметами, специальными легкими орудиями; часть самолетов, обладая необходимым вооружением, должна быть приспособлена к бомбометанию и снабжена достаточным количеством бомб; некоторая часть самолетов должна быть оборудована радио-телеграфом; наконец, должны быть специальные самолеты-разведчики.

Весьма важным элементом воздушного разведывания в будущих войнах явится возможность получать при помощи аэрофотографии точный план той местности, над которой пролетали самолеты-разведчики, с захватом на негатив всего находящегося на местности (войска, обозы и проч.). Дело в том, что уже существуют и в дальнейшем будут совершенствоваться, аэрофотоаппараты - автоматы, дающие несколько сот снимков на одной ленте (фильме) через желательные промежутки времени. Самолеты-разведчики должны быть снабжены этими фотоаппаратами, и для этого они должны иметь достаточную подъемную силу, Самолеты-разведчики, снабженные аэрофотоаппаратами, для разведывания некоторой полосы развертываются в развернутый строй с такими интервалами между самолетами, чтобы полосы местности, снимаемые каждым самолетом при помощи фотоаппарата-автомата более или менее перекрывали полосы, снимаемые двумя соседними с ним (вправо и влево) самолетами; иначе говоря, необходимо, чтобы близ краев каждой заснятой ленты (фильмы) были общие точки с лентами (фильмами), заснятыми двумя соседними самолетами. Если имеется карта разведываемой полосы или района местности, то пользуясь ею, как геодезической основою при вышеуказанном условии перекрытия, возможно получить достаточно точный сплошной фотоплан местности в требуемом масштабе; дешифрирование этого фотоплана даст богатые сведения относительно разведываемой местности.

Если вслед за аэрофотосъемкою с одних самолетов-разведчиков последует аэрофотосъемка с других, следующих за ними самолетов-разведчиков через некоторый промежуток времени, то непрерывность разведывания в течение требуемого периода времени будет вполне обеспечена. Кроме снимков для фотоплана, с самолетов-разведчиков должны производиться с их бортов перспективные снимки разведываемой местности. Для разведывания с применением аэрофотосъемки необходимо в ближайшем тылу крупных частей (отрядов), выдвигающих воздушное разведывание, иметь аэродромы. На этих аэродромах должны находиться самолеты, полевые фотолаборатории и полевые трансформационные отделения. С каждого из таких аэродромов высылаются отряды воздушной разведки для глубокого разведывания по определенным направлениям и для разведывания полос местности от фронта нашего расположения в сторону противника. Если встретится надобность в сплошном разведывании впереди лежащей местности, то одновременным выдвижением разведывательных частей (отрядов) со всех аэродромов, под общим начальством начальника воздушных сил данной крупной части (армии), в течение нескольких часов может быть составлен достаточно точный фотоплан впередилежащей местности, на котором запечатлеются не только все подробности местности, но также войсковые и обозные колонны, укрепления, железнодорожное движение и проч. данные, относящиеся к группировке сил противника. Повторные выдвижения разведывательных отрядов обеспечат достаточную непрерывность разведывания.

Отряды самолетов, выдвигаемые для разведывания, получают вполне определенные задания, составляемые в штабе, организующем разведывание, с таким расчетом, чтобы эти задания, рассматриваемые в общей связи с заданиями прочим органам разведывания, выдвигаемым тем же штабом,—представляли собою исчерпывающую задачу всего разведывания, диктуемую оперативным запросом в данное время.

Организация разведывания.

Напоминаем, что организация разведывания слагается из решения следующих вопросов:

а) постановка определенных конечных целей, которые должны быть достигнуты разведыванием;

б) назначение крупного органа (средства) разведывания на каждую конечную цель или на несколько объединенных целей;

в) подразделение каждой сложной конечной цели на более простые с назначением мелких органов разведывания для достижения каждой простой цели;

г) составление задания и наставления каждому отдельному органу разведывания;

д) принятие мер непрерывности всего разведывания (всеми средствами);

е) решение вопроса о своевременности получения сведений от органов разведывания (доставка донесений);

ж) организация приема, группировки, изучения и сводки полученных донесений.

Если обратиться к организации разведывания в 3-й армии, то следует притти к заключению, что разведывание было организовано только в дивизиях и в полках, выдвинутых на фронт, что и составляло войсковое разведывание, дававшее достаточно полные и своевременные сведения.

Со стороны штаба 3-й армии организации глубокого разведывания не было; лишь эпизодически получались некоторые сведения от шпионов сомнительного качества и порою поступали сведения от авиационных частей; разведывательная деятельность конницы в отношении глубокого разведывания отсутствовала; согласования между воздушной и наземной разведки—не существовало.

Со стороны штаба Ю.-З. фронта, конечно, была необходима организация глубокого разведывания, но, как известно, эта организация не была осуществлена.

VI. Контр-разведка.

VI. Развивая операцию по определенному плану, начальник каждой стороны организует свое непрерывное разведывание всеми имеющимися в его распоряжении средствами.

Разведка начальника крупных сил является глубокой разведкой; органам этой разведки ставятся крупные задания, дающие возможность судить о группировке, действиях и маневрах крупных сил противника. Ясно, что каждая сторона заинтересована в том, чтобы не допустить разведывательные органы противной стороны (тайные и явные) добывать о себе такие же сведения. Для достижения противодействия тайным органам разведывания со стороны противника каждая сторона должна организовать контр-разведку, которая не допускала бы органы тайного разведывания противной стороны добывать необходимые им сведения.

Борьба с явными органами разведывания ведется открытою силою и не входит в обязанность контр-разведки.

Таким образом, штаб Ю.-З. фронта должен был организовать свою контр-разведку. Точно также должен был организовать свою контр-разведку и штаб 3-й армии.

Корпуса и дивизии, выдвинутые на фронт, вели свое разведывание (войсковое); их органы разведывания непосред-

ственно сталкивались с органами войсковой разведки противника и отбрасывали их, не давая разведывать; если же органам разведывания противника где-либо удавалось проникнуть в места расположения наших войск, то борьба с ними составляла обязанность органов сторожевого охранения; в частности, охрана войсковых штабов от разведчиков противника составляла прямую обязанность комендантов этих штабов.

При штабах корпусов были особые жандармские офицеры, ведавшие контр-разведкою со стороны этих штабов.

В штабах всех армий и обоих фронтов были организованы контр-разведывательные отделения, начальниками которых с самого начала войны и в течение всей первой половины 1915 г. были также жандармские офицеры.

Организованная на таких началах контр-разведка характеризовалась следующими недостатками:

а) жандармские офицеры, по привычке мирного времени, обратили военную контр-разведку в политический сыск и не столько в сфере влияния противника, сколько в своих штабах и войсковых частях;

б) контр-разведка не была связана с оперативными заданиями; контр-разведывательные отделения обычно не знали, какую именно операцию развивает фронт, армия, корпус; вследствие этого они совершенно не представляли себе—относительного значения районов нашего расположения в данной операции, поэтому они и не могли представить себе какие именно районы наиболее нуждаются в прикрытии их контр-разведкой;

в) излишняя самостоятельность жандармских офицеров приводила к тому, что руководство контр-разведкою уходило от начальников штабов, а это имело своим последствием полную оторванность контр-разведки от оперативной деятельности штабов и войск;

г) контр-разведывание, вообще, не ставило себе определенных заданий, находящихся в связи с данными об организации разведывания у противника, т.-е. контр-разведывательные отделения не представляли себе системы организации разведывательной деятельности противника и потому в борьбе с разведывательными органами противника сами не имели такой системы контр-разведки, которая наивернейшим образом могла бы перехватить разведывательные органы противника. Контр-разведывательные отделения, руководимые жандармами, не имели представления о системе шпионажа со стороны противника. Работа этих отделений сводилась к улавливанию случайно попавшихся разведчиков и шпионов противника. В общем, в течение вышеуказанного периода времени чувствовался недостаток правильно организованной

контр-разведки. Вследствие этого, по распоряжению Верховного гл-щего было в течение апреля месяца 1915 г. произведено обследование всех контр-разведывательных отделений штабов фронтов и армий.

Результаты этого обследования выразились в следующем:

а) контр-разведывательные отделения на театре военных действий были изъяты из ведения жандармских офицеров; во главе их поставлены офицеры генерального штаба;

б) контр-разведывательное отделение штаба фронта и штаба армии подчинено генерал-квартирмейстеру штаба наравне с разведывательными и другими отделениями;

в) начальники контр-разведывательных отделений, поступив под руководство генерал-квартирмейстеров, стали ближе к оперативным заданиям и к результатам нашего разведывания; вследствие этого вся система контр-разведки стала протекать под углом зрения операций развиваемых фронтом или армией, чем в лучшей степени достигалось обеспечение намеченных действий.

г) составлено, утверждено и предписано к исполнению „Наставление по контр-разведке на театре военных действий“, которое вполне определенно установило задачи контр-разведки, основы методов ее ведения и формальную сторону ее организации до мельчайших подробностей включительно.

Эта реформа проведена была в жизнь только в июле 1915 г., но к самому началу решительного периода Карпатской операции, 19 апреля (2 мая) 1915 г., штабу Ю.-З. фронта и штабам армий Ю.-З. фронта были уже преподаны вышеуказанные необходимые для успеха контр-разведки нововведения. Однако, та осведомленность, которая была проявлена со стороны штаба ген. Макензена относительно состояния армий Ю.-З. фронта, относительно замышляемых ими маневров и других военных мероприятий, красноречиво свидетельствует о том, что в период Карпатской операции контр-разведка штаба Ю.-З. фронта и 3-й армии была слаба и ей не под силу было бороться с искусно-организованной тайной разведкой притивников.

Успех в конт-разведке прежде всего зависит от подбора и пригодности к этой работе личного состава контр-разведывательных отделений; в этом отношении контр-разведывательные отделения штаба Ю.-З. фронта и его армий, как показало обследование, оставляли желать много лучшего.

Затем, для успеха контр-разведки необходимо, чтобы руководители ее знали общую систему и методы тайного разведывания, применяемые противником и, в частности, его современную фактическую систему органов тайного разведывания.

Руководители конт-разведки должны иметь ясное представление о тех мероприятиях с нашей стороны, которые в данное время могут привлекать внимание противника; к таким мероприятиям относятся: формирование новых крупных частей, передвижение резервов, сосредоточение боевых припасов и технических средств и т. д.; а также о состоянии наших вооруженных сил и о тех районах в нашем расположении, которые по своему оперативному значению в данное время должны привлечь внимание противника и подвергнуться разведыванию с его стороны.

Так, например, в период подготовки удара армией ген. Макензена таким районом было—расположение IX и X корпусов по р.р. Дунаец и Бяла; из описания действий против этих к-сов видно, что германцы отлично знали расположение русских сил: где полевые части, где ополчение и проч. Втечение всего дальнейшего развития Карпатской операции неизменно повторялось одно и тоже: германцы всегда отлично знали состояние русских сил и атаковывали их при наивыгоднейших для себя условиях; это вполне ясно указывает на немощность русской конт-разведки в ее борьбе с тайной германской разведкой. Серьезным залогом успеха контр-разведки служит правильная организация агентуры, при которой агенты не мешают работе друг друга, но при которой сведения, добываемые одними агентами, незримо для них проверяются другими; иначе говоря, агентура работает засечками в отношении добываемых данных, но не пересекая на пути к конечной цели работу одних агентов работой других, направленных к добыванию тех же данных.

Для успеха контр-разведки ликвидация контр-разведывательных дел должна производиться бесшумно, без широкой огласки.

VII. Завеса.

VII. Участки всего расположения армий Ю.-З. фронта в период развития Карпатской операции имели различное оперативное значение; так, например, участок по р.р. Дунаец и Бяла, прикрывавший фланг и тыл центральной Карпатской группы, имел первенствующее значение; в то-же время участок, включающий Мезо-Лаборчское направление, являлся предметом демонстрации со стороны противника; участок расположения 4-й армии между р.р. Пилица и Висла имел вполне пассивный характер, особенно в то время, когда обнаружились: удар армии ген. Мекензена и демонстративное значение давления на Мезо-Лаборчском направлении; левое крыло фронта, по плану операции, получило активное значение, имея задачей своим наступлением очистить от противника Заднестровье. Из всего этого ясно, что, сосредоточи-

вая силы на активном левом участке, а также на важнейшем участке по р.р. Дунаец и Бяла, вполне возможно было снять часть сил со второстепенных нассивных участков и перебросить их на более важные участки. В таком случае занятие второстепенных участков свелось бы к расположению на них з а в е с ы.

Втечение всей Карпатской операции германцы не стеснялись снимать войска с пассивных участков фронта своего наступлениями сосредоточивать их на участках главного удара. Весьма поучительно отметить при этом, что германцы, приписав на известный период времени (на несколько дней) некоторым участкам своего фронта второстепенное значение, по мере развития операции, обращали эти второстепенные участки, если это требовалось, в главные и успевали к решительному периоду действий соответственным образом сосредоточивать свои превосходные силы на этих участках,—и обратно. При сосредоточении сил на главных участках, они оставляли на участках второстепенных такое расположение, которое мы называем з а в е с о й. Трудно, по недостатку данных, проследить в подробностях расположение частей германской завесы; однако, вполне возможно указать сущность этого расположения, каким оно выявилось в действительности, если припомнить описанные в настоящем труде действия на второстепенных участках фронта 3-й армии в различные периоды развития Карпатской операции.

С у щ н о с т ь з а в е с ы выражается в следующем:

а) В завесу входят пехота, артиллерия и всякого рода вспомогательные войска; конница придается завесе для действий впереди и на флангах завесы—в крупных единицах, некоторая часть ее придается участникам завесы.

б) На всем протяжении фронта каждого участка завесы должны быть прочно заняты районы и отдельные местные предметы, составляющие остов боевого расположения на этом участке на тот случай, если бы завеса была усилена сосредоточением к тому или иному участку резервов из глубины или с других районов расположения.

в) Между частями завесы, составляющими остов боевого расположения, занимающими отдельные районы и пункты, должна существовать огневая артиллерийская связь, дабы артиллерийский огонь можно было сосредоточивать на подступах к промежуткам между вышеуказанными частями завесы.

г) Все части завесы должны поддерживать между собою взаимную связь всякого рода средствами: телеграфом, телефоном, по радио-телеграфу (в крайнем случае), сигнализацией и проч.

д) За открытыми промежутками в завесе, укрыто от взоров и выстрелов противника, должны быть расположены

поддержки, которые также должны иметь взаимную связь с ближайшими передовыми частями завесы и между собою.

е) Местность впереди каждого участка завесы должна быть непрерывно освещаема войсковой разведкой в пределах ее досягаемости; кроме того, начальник всей завесы должен принять меры глубокого разведывания, дабы можно было своевременно обнаружить сосредоточение и маневрирование противника и не упустить время, необходимое для сосредоточения наших сил к участкам завесы из других районов нашего фронта или из глубины.

ж) Все расположение завесы должно быть прикрыто ложными маневрами (маскировкой) и строжайшей контр-разведкой, дабы расположение в виде завесы не было обнаружено противником и возможно дольше принималось им за мощное боевое расположение.

Такими свойствами обладала завеса, постепенно развернутая нами в марте—июне 1918 г. против германцев на фронте от Балтийского моря, вдоль западной границы до Северного Кавказа. Вся эта завеса была разделена на три участка: северный, западный и юго-восточный.

Важнейшие районы и пункты в каждом из этих участков были заняты добровольческими отрядами разной силы, смотря по важности района или пункта. Сначала за этими отрядами не было поддержек, но вскоре удалось для каждого участка сформировать резерв, который был расположен группами, каждый в виде поддержки для нескольких передовых отрядов завесы.

С переходом от добровольчества к Красной Армии управление несколькими передовыми отрядами с поддерживающей их частью резерва было объединено в руках одного начальника, получившего задание развернуть подчиненные ему отряды, в общей их совокупности,—в пехотную дивизию; так образовались передовые дивизии нашего общего фронта. Участки завесы с этого времени получили наименование фронтов: северный, западный, юго-восточный.

В тылу передовых дивизий, в определенных, стратегически важных пунктах, было приступлено к формированию дивизий, составляющих резервы трех вышеуказанных фронтов.

Расположение передовых дивизий фронтов и дивизий резерва фронтов было соображено с оперативными нашими заданиями, поэтому, в общем, вся наша завеса, по окончании развертывания дивизий, обращалась в стратегическое развертывание наших сил против германцев, а в юго-восточном фронте и против группировавшихся враждебных сил на Дону и на Северном Кавказе; вместе с тем, юго-восточный фронт являлся прикрытием левого фланга и тыла всего нашего развертывания фронтом на запад.

Главная база предположена была к устройству в полосе между Волгой и Уральским хребтом; в этой же полосе было намечено формирование необходимого числа дивизий общегосударственного, т.-е. стратегического резерва.

Главная полевая квартира была расположена в г. Муроме.

В меньшем масштабе, во время Карпатской операции следовало применить завесу в участке 4-й армии и вдоль Карпатского хребта, начав сосредоточение ударной группы к участку 3-й армии хотя бы в то время, когда стало очевидным сосредоточение армии ген. Макензена (около 12/25 апреля 1915 г.).

Вообще, война 1914—18 г.г. на нашем западном фронте, с того времени, когда от действий группами перешли к сплошному фронту,—от моря до моря,—богата случаями, когда следовало от боевого распоряжения на некоторых участках переходить к завесе с тем, чтобы в это же время на других участках быть достаточно сильными для нанесения мощных ударов противнику.

В будущей войне, при господстве авиации и химии, полководцу придется быть особенно чутким к тому или иному развертыванию живой силы противника, чтобы подставить свою завесу там, где противник окажется силен авиацией, химией и всякими механическими силами, и чтобы оказаться в превосходных силах там, где необходимо нанести ему решительный удар, или там, где противник уже задумал наносить удар своею живою силою.

VIII. Маневрирование.

VIII. Первые боевые столкновения войны 1914—18 г.г., развернувшиеся на Ю.-З. фронте в Великую Галицийскую битву, характеризуются подвижностью русских вооруженных сил, которые видели в маневрировании и средство для достижения своих активных целей, и способ выходить из создавшегося порою затруднительного положения, как например, это имело место в период Галицийской битвы в 5-й и 4-й армиях, действовавших на правом крыле Ю.-З. фронта, в Люблинском районе.

Маневрирование в широком масштабе было применено с самого начала войны и в Восточно-Прусской операции, закончившейся трагически, главным образом, вследствие неумелого и бесталанного управления войсками со стороны Гл-щего С.-З. фронта и со стороны к-ших 1-й и 2-й армиями.

Варшавская операция в октябре 1914 г., вполне успешная с нашей стороны, целиком состояла в удачном маневрировании русских, быстро сосредоточившихся к Варшаве, на фланге

противника. Продолжением этой операции явилось наступление русскиих армий со средней Вислы в западном направлении, к которому эти армии, без некоторой передышки, были совершенно не готовы. Это наступление было остановлено наступлением германцев со стороны Торна, вдоль Вислы, с общим направлением на Ленчицу и затем в обход правого фланга 2-й армии. Благополучный выход 2-й и 5-й армий из тяжелого положения, создавшегося для них в районе г. Лодзь, имел место также благодаря маневрированию наших Ловичского отряда и конной массы, поставившего германцев перед необходимостью отойти и... они отошли. Русские 2-я и 5-я армии также вышли из боя и отошли на р.р. Бзуру и Равку, на общий фронт с нашей 1-й армией.

В декабре 1914 г. расположение русских армий на Бзуре и Равке представлялось временным, принятым на предмет приведения в порядок и пополнения армий, значительно потерпевших в Лодзинской операции. Несомненно, германцы правильно оценили такое значение расположения русских на Бзуре и Равке, потому что через несколько дней после остановки русских армий, они повели жестокие атаки на Боржимов, Болимов, Волю Шидловскую и на др. пункты; эти бои не дали германцам успеха, но еще более истощили русских, т.-е. удлинили период их неподвижного расположения, вынужденного необходимостью привести в порядок армии и пополнить их боевой состав. Исполнение замысла нанесения германцам решительного удара в плацдарме левого берега Вислы все откладывалось; этот замысел не находил себе осуществления еще и потому, что в декабре 1914 года уже начались приготовления к Карпатской операции в Ю.-З. фронте, которые не позволили сосредоточить в район Новогеоргиевск—Варшава необходимую ударную группу перевозкой корпусов с Ю.-З. фронта и замедлили пополнение армий С.-З. фронта, потому что запасные части отправляли, по приказу свыше, свой переменный состав преимущественно в части Ю.-З. фронта.

Таким образом, затянулось вынужденное неподвижное расположение по Бзуре и Равке.

Выход из такого положения Гл-щий С.-З. фронта г.-а. Рузский продолжал искать в маневрировании—сначала частями 1-й армии (Праснышская операция), а затем 10-й армией совместно с 12-й. Последняя попытка окончилась неудачей но все-таки весьма важно отметить, что выход из неподвижности на Бзуре и Равке искали в маневре.

В марте 1915 г. остановилось наступление армий Ю.-З. фронта в Карпатах; в то же время развитие маневра на С.-З. фронте являлось невозможным по причине бессилия его армий.

С этого времени командование фронтами и армиями весьма быстро усваивает привычку позиционного расположения на

предмет прегражденія всюду, от моря до моря, наступления, возможного со стороны противника. Нездоровая идея какой-то китайской стены вполне затемняет и поглощает здоровую идею маневрирования, как средства, дающего приращение нашим силам...

Критический период Карпатской операции (апрель 1915 г.) прямо указывает на то, что в это время Гл-щий Ю.-З. фронта и К-щий 3-й армией признавали только два движения: вперед и назад, без каких-либо оперативных замыслов; в то же время Верховный гл-щий допускал только одно движение „вперед" и „ни шагу назад во что бы то ни стало". Такие ограниченные маневрирования быстро приучили большинство подчиненных начальников „бояться маневра", исполняемого во имя какого-нибудь нового оперативного замысла и связанного не только с движением вперед и назад, но и с переброской сил вдоль фронта, как для сосредоточения ударной группы там, где это по замыслу операции необходимо, так и с другими целями.

Боязнь маневра повлекла за собою привычку не задаваться новыми замыслами, требующими перегруппировки сил; на смену оперативного творчества первоначального периода войны (1914 г.) быстро воскресло забытое с XVII—XVIII века кордонное расположение, сдобренное пародией на современное глубокое расположение в пределах мелких войсковых частей, до полков включительно.

К этому времени тактика крупных сил выродилась в уродливую форму китайской стены, кордона, и как бы в оправдание законности его существования, было придумано название: позиционная война, как нечто характерное, самостоятельное. Обленившиеся наши полководцы схватились за все это и уже долгое время не пытались высвободиться из этого кошмара в области военного искусства, представляющего собою ни что иное, как его полное вырождение.

В то же время, как видно из подробного исследования Карпатской операции, наш противник—армия ген. Макензена,—как никогда прежде, все более и более прибегал к маневрированию к перегруппировке своих сил, и клином долбил то тот, то другой участок русского линейного расположения в то время, когда соседние участки оправлялись и были благодарны судьбе за то, что послала им хоть сутки передышки от ударов упорного противника.

В таких условиях и при таких боевых навыках русских полководцев периода кризиса Карпатской операции — единственною целесообразною мерою был выход из боя, т.-е. быстрый маневр назад на значительное расстояние и одновременно с этим создание угрозы флангам армии ген. Макензена, если бы она двинулась энергично вслед за русскими силами. Но повеление „ни шагу назад во что бы то ни стало"

вместе с вырождением военного искусства у полководцев— приковывали русские силы в их линейном расположении, как будто для того, чтобы дать возможность противнику добить их решительными атаками на всех еще сопротивляющихся участках.

Только маневрирование, хотя бы самое простое, но решительное, могло бы облегчить положение русских армий и уменьшить их потери в период ясно выразившегося кризиса Карпатской операции, потому что ни сосредоточения значительной ударной группы, ни усиления тяжелой артиллерии, ни подвоза значительного количества боевых припасов, как известно, уже нельзя было ожидать в эти тяжелые дни.

Если перенестись в вероятное будущее и представить себе боевое столкновение европейских армий, то следует отметить, что ко всем боевым средствам, применявшимся в минувшую войну 1914—18 г.г., в будущей войне прибавятся два новых средства: мощные—авиация и химия.

Авиация примет участие в завоевании воздушного пространства над стратегически и тактически важными районами местности для их разведывания, для уничтожения оружием, бомбометанием и газами живой силы противника, находящейся в этих районах, и, наконец, для разрушения сооружений и всякого рода запасов, находящихся в них. Современники много говорят об уничтожении авиацией совместно с химией целых городов вместе с мирными жителями в глубоком тылу противника, но... на этот способ действий у столкнувшихся армий едва ли хватит времени, сил и средств, если представить себе, что эти армии будут достаточно сильны, а также снабжены всякого рода боевыми средствами и запасами.

Химия, кроме подсобного средства в авиации, получит самостоятельное значение, отравляя целые районы местности, занятые противником, а также районы, разобщающие группы войск противника, стремящиеся к совместным действиям. Во время сражений, химия перейдет к более детальной работе и, подобно сосредоточению артиллерийского, пулеметного и ружейного огня, сгустит свою газовую отраву на важнейших участках полей сражения как по фронту, так и в глубину, содействуя этим решению боя в ту или другую сторону.

Что же может противопоставить тактика этому мощному сочетанию всех боевых средств, в том числе авиации, химии и постепенно нарождающимся физико-химическим средствам в виде лучей особого свойства?

Прежде всего тактика должна еще более расчленить по фронту и в глубину как боевой, так и походный порядок, не считаясь со степенью дальнобойности артиллерийского, пулеметного и ружейного огня, что приведет к отказу от обяза-

тельного сосредоточения огня в промежутках незанятых войсками.

Взамен сосредоточения огня—в этих промежутках, должны будут действовать авиация и химия, как только в них появятся угрожающие силы противника. Сосредоточению огня по тем или иным целям останется строго ограниченная роль, определяемая дальнобойностью орудий. Затем тактика должна провозгласить раз навсегда окончательный отказ от такого способа действий, который в минувшую войну был назван позиционною войною, так как при неподвижном расположении вооруженных сил, в окопах и укреплениях, — эти силы неминуемо сделаются легкой добычей авиации и химии противника. Неподвижное расположение должно уступить место маневрированию во исполнение замысла операции по вполне определенному плану. Маневрирование потребует большей подвижности всех частей боевого порядка, до рот включительно.

Боевые столкновения в войнах ближайшего будущего получат характер встречных столкновений, происходящих на более значительных пространствах по фронту и в глубину, чем это было до появления мощной авиации и химии, как обязательных боевых средств. Оборона будет только вынужденною, временною, с конечною целью перехода в наступление. Боевые столкновения попрежнему, будут решаться ударом превосходных сил, в решительный период боя, в решительном районе, но приэ том сосредоточение сил на земле должно происходить совместно с сосредоточением воздушных сил и химических средств, внезапно, путем маневрирования, при чем самое передвижение боевых сил по земле должно производиться быстро: железными дорогами, автомобителями и всякими другими средствами, его ускоряющими.

Начало маневра и его развитие должны быть скрыты от противника настолько, чтобы даже и обнаружив маневр— противник уже не был в состоянии предпринять контр-маневр. Скрытность маневра выдвигает на первое место глубокое разведывание противника, ночные действия и необходимость прикрытия маневра контр-разведкою, а также подвижность частей всех родов войск.

В маневре будущего все движения: вперед, назад, в стороны и в облическом направлении должны быть одинаково законны, лишь бы они соответствовали замыслу операции и сложившейся обстановке. В области тактики мелких единиц должна осуществиться полная свобода расположения стрелков и пулеметов в рассыпном строю, как при наступлении, так и при обороне: группами, цепями, местами даже сомкнутыми взводами, отделениями, мелкими группами (пучками); это расположение должно быть чуждо какой бы то ни было

механизации всегда уменьшающей подвижность; необходимо лишь, чтобы каждый взвод в рассыпном строю вместе с приданными ему пулеметами и другими боевыми средствами располагался так, как это требуют: поставленные ему задача и свойства местности; мало того, группировка внутри взвода также должна изменяться в зависимости от дополнительных заданий и с переходом от одной местности к другой, отличной от нее по своим тактическим свойствам. Все взводы роты должны достигать единства действия в бою. Шаблон в тактике мелких единиц пехоты должен быть раз навсегда забыт и заменен умелою приспособляемостью этих единиц к задаче и обстановке, в частности, к свойствам местности.

Все это требует еще большего, чем прежде, индивидуального развития и более высокой подготовки стрелка и строевых начальников.

Авиация и химия должны вызвать к жизни искусство маскировки—активной и пассивной, а также тонкого применения к местности, не только с точки зрения наступательных действий, но и со стороны оценки местности, более или менее благоприятствующей применению химического воздействия с нашей стороны и со стороны противника. Атмосферическим явлениям—направлению и силе ветра, степени солнечного освещения и характеру тени, влажности и температуре воздуха и проч.—в будущих боях должно быть придано гораздо большее значение, чем придавалось в минувшие войны, так как этими данными определяются до некоторой степени сила воздействия химии и авиации.

Итак, среди многих особенностей будущая война выдвигает на первое место быстрое и скрытное маневрирование войск в связи с действиями авиации и химии.

IX. Управление.

IX. Управление войсковыми массами в период Карпатской операции состояло в том, что Верховный гл-щий отдал Гл-щим фронтами повеление (директиву), устанавливающее общую задачу каждому фронту на целый период войны.

Гл-щий Ю.-З. фронта отдал директиву 23 марта (5 апреля) 1915 г. не столько устанавливающую задачу армий, сколько наставляющую К-щих армиями фронта относительно способов действий при наступлении через Карпаты в Венгрию.

К-щий 3-й армией на каждый день отдавал приказ (эти приказы также почему-то именовались директивами), в котором точно выражались цели действий корпусов и отрядов в виде указания преимущественно на то—какие пункты должны быть ими заняты к определенному сроку, когда должно начаться движение и проч. Никаких конкретных оперативных заданий

не ставилось—ни армиям фронта, ни корпусам армий; все сводилось только к движению вперед или к расположению на месте.

При таких привычках управлять крупными войсковыми соединениями ни Главнокомандующий армиями фронта, ни Командующие армиями, собственно говоря, не получали оперативных заданий, охватывающих некоторый период времени, ограничиваемый каким-нибудь вполне определенным оперативным достижением: Верховный гл-щий ставил задания расплывчато и чуть не на целый год вперед; Гл-щий фронтом совершенно не ставил оперативных заданий, определяемых во времени какими-нибудь оперативными достижениями; К-щий 3-й армией, не получив в свое распоряжение определенного промежутка времени для того или иного оперативного достижения, своими приказами определял только суточные передвижения корпусов и отрядов, изредка решаясь распорядиться на двое суток.

При растянутости фронтов, зачастую, бывало так, что приказ К-щего армией получался в корпусах после того, когда те или иные передвижения уже были совершены, или когда не представлялось уже никакой возможности исполнить выраженное в приказе и т. п.

Директивы Гл-щего Ю.-З. фронта в период кризиса Карпатской операции не имели ровно никакого практического значения и являлись лишь отголоском настойчивых указаний Ставки на тему: „ни шагу назад во что бы то ни стало".

Совершенно очевидно, что при вышеочерченных условиях К-щие армиями не имели возможности задаваться каким-либо замыслом армейской операции, вытекающим из оперативного задания, поставленного Гл-щим фронтом, и согласованным с действиями других армий.

В свою очередь, отсутствие замысла армейской операции и времени на его исполнение по разработанному плану,— отнимало от К-щих армиями почин в действиях и оставляло творчеству их решение единственной задачи: как выйти из затруднительного или тяжелого положения, уже созданного противником, целиком захватившим почин действий в свои руки.

Корпусами управляли, как обыкновенно управляют ротами, но только с тою разницею, что ставили им также боевые задачи в то время, когда эти задачи или уже утратили всякое оперативное значение или оказывались совсем неисполнимыми...

Оперативное управление совершенно отсутствовало во всех высших командных ступенях.

При таком положении—войска были совершенно слепыми в отношении исполняемых ими действий, и не только каждый воин не понимал своего маневра, но даже н-ки дивизий и очень часто к-ры корпусов, не отдавали себе отчета, и не

могли отдать отчета в том—какую же оперативную идею преследует вся данная армия икакая существует связь между этой идеей и тем, что исполняется данным корпусом или дивизией.

Полки, не управляемые свыше, бродили, предпринимая иной раз то или иное передвижение за собственный страх, рискуя стать в тяжелое положение и понести потери, совершенно неоправдываемые.

Хаос блуждания войск во избежание гибели,—в период кризиса Карпатской операции,—сделался обычным явлением, и если надо удивляться, то только не тому, что войска несли значительные потери и падали духом, а тому, что они не были вовсе уничтожены и не разложились до самой последней степени.

Не следует скрывать, что изображенное здесь состояние оперативного управления войсками и, как его последствие, состояние разгрома армий Ю.-З. фронта,—является точным изображением того, что в действительности происходило в период кризиса Карпатской операции...

Для будущей войны это урок, показывающий как именно не следует управлять войсковыми массами.

Основы управления крупными силами были выработаны и изложены задолго до войны 1914—18 г.г. и в академических курсах, и в уставах: этими основами руководствовались в русской армии большинство начальников; но уже с первых дней войны высшее командование С.-З. фронта резко отклонилось от них и заплатило за это разгромом 1-й и 2-й армий в Восточной Пруссии.

Главнокомандование Ю.-З. фронта еще в Галицийской битве (1914 г.) показало войскам свою неспособность к управлению армиями в составе фронта, но это не привело к неудаче только потому, что К-щие армиями Ю.-З. фронта в Галицийской битве умели корректировать неправильные распоряжения свыше и в решительные минуты принимать решения на собственный страх. Во время Карпатской операции 1915 г. К-щие армиями Ю.-З. фронта такой доблести не проявили...

Для будущей войны, еще более сложной, чем война 1914—18 г.г., основы и правила управления войсками должны быть отчеканены в стальные формы; это требует издания „Положения о полевом управлении войск в военное время“, исправленного по опыту минувшей войны и в соответствии с прогнозом будущей войны, а также усовершенствования „Устава полевой службы“ по опыту войны 1914—1918 г.г.

Но этого мало; „Положение“ и „Устав“ должны быть твердо усвоены высшим командным составом, по духу и по форме, еще в мирное время. Для достижения этого, кроме искусного подбора начальников вообще, необходимо заблаговременно выработать список лиц, которые в военное время

будут управлять группами армий (по прежнему фронтами) и армиями: необходимо также заблаговременно предназначить: начальников штабов армейских групп и армий, начальников оперативных управлений, начальников снабжений и начальников тылов.

Все эти органы управления должны быть обработаны в отношении однообразного понимания „Положения" и „Устава"; над ними надо поработать будущему Верховному гл-щему и его начальнику штаба с целью установления согласования в деле исполнения того или иного плана возможных операций против наших вероятных противников на различных театрах военных действий, свойства которых также должны быть изучены еще в мирное время.

Управление строевыми частями от дивизии и ниже—в период Карпатской операции было на должной высоте; несогласованность действий между ними происходила большею частью от вышеуказанных недочетов в высшем управлении.

Для будущей войны необходимо подготовить строевых начальников к умению сочетать все современные боевые средства в одном и том же боевом действии и в навыках противодействовать вредному влиянию новейших боевых средств, каковыми в будущей войне явятся: авиация, химия и физико-химические средства, не теряя, однако, при этом активной энергии в достижении поставленной задачи.

Обучение войск должно обнимать знание всех боевых средств, которые могут быть применены на войне, и умение применять эти средства в различных сочетаниях, при разнообразных тактических действиях, в различной обстановке.

Лозунг: „учить в мирное время только тому, что нужно на войне и в бою" должен решительно проводиться в жизнь, и только тогда войска поймут, что представляет собою будущая война и что нужно знать и уметь исполнить начальнику войсковой части и отдельному бойцу для успеха в этой войне.

Воспитание войск надлежит поставить в тесную зависимость, вернее, в прямое соответствие с теми нравственными качествами, которые требуются от бойца и начальника на войне и в современном бою. Иначе говоря, необходимо вести еще в мирное время боевое воспитание бойца, начальника и войсковой части, разумея под этим выработку в них таких духовных качеств, которые необходимы для достижения поставленных целей в тяжелой обстановке современного и тем более будущего боя, так как одно только политическое воспитание войск и начальников недостигает этой цели; оно не исключает, а только дополняет их боевое воспитание, без которого войска, начальники и войсковые части не могут быть пригодны в боях будущей войны.

Общее заключение.

Карпатская операция по обширности своего замысла является для русской армии самою крупною операцией всей войны 1914—1918 г.г. Задуманная без расчета сил и боевых средств, без учета влияния местности и времени года, без связи с развитием операций нашего С.-З. фронта и обстановкой, сложившейся там к этому времени, — Карпатская операция явилась какой-то отчаянной ставкой в игре всей войны. Такого рода ставка в конце 1914 и в начале 1915 г.г. ровно ничем не вызывалась и явилась следствием отсутствия должного управления со стороны Верховного гл-щего при неспособности Главнокомандующего Ю.-З. фронта возместить этот недостаток своею творческою деятельностью.

Главнокомандованию Ю.-З. фронта принадлежит в этой операции еще более мрачное участие, чем отсутствие творческой деятельности, выражающееся в том, что именно оно создало эту операцию, как видно, под влиянием недопустимого на войне желания влиять на судьбу всей войны, явившегося следствием критического отношения к Верховному главнокомандованию и уверенности в его полной оперативной немощи.

При таких условиях Карпатская операция явилась, так сказать, переломным событием всей Великой войны для русской армии.

Успех этой операции, понимаемый не только в оперативном смысле, но и в политическом, как будто сулил большие выгоды для нас и для наших союзников; но успех этот был мало-вероятен, как по причинам только что указанным, так и вследствие того, что Карпатская операция затевалась в то время, когда в С.-З. фронте оставались еще не доведенными до конца целый ряд операций: Варшавская, Лодзинская с ее последствиями на Бзуре и Равке.

Между тем неудача Карпатской операции вполне определенно вела к общей катастрофе и для всех вооруженных сил русского западного фронта, от моря до моря.

В марте 1915 г. вполне выяснилось, что Карпатская операция имеет значительно больше шансов на неудачу, чем на успех.

Верховное главнокомандование не прислушалось к этому суждению и довело дело до конца, который естественно ознаменовался катастрофой всего Ю.-З. фронта, т.-е. разгромом лучшей и большей части вооруженных сил России.

После Карпатской операции русская армия уже не могла оправиться и сделаться способной для нанесения таких ударов, которые она умела наносить в 1914 г.

Вера в успех войны для России была окончательно подорвана именно Карпатской операцией, и только беспочвенно-

упрямые верхи правительства и армии, не считавшиеся с наличной обстановкой, твердили одну и ту же формулу: „война до победного конца".

Эта формула не только не ободряла армию, чувствовавшую истинный пульс военных событий, но, наоборот, раздражала и порождала недовольство в ее рядах по адресу верхов, не желавших понять и усвоить истинный смысл событий театра военных действий.

Катастрофа в Ю.-З. фронте явилась началом конца могущества русской армии, а вместе с тем и предвестником неудачи для России всей войны 1914—18 г.г. со всеми обычными последствиями такой неудачи.

С точки зрения военного искусства Карпатская операция заслуживает полного внимания, потому что она дает блестящие подтверждения основных положений военного искусства, как в области стратегии, так и в области тактики, и красноречиво свидетельствует, предостерегая на будущее время, о том, что нарушения основ военного искусства жестоко наказываются и притом очень часто немедленно вслед за нарушениями.

Исследование действий противника в Карпатской операции не входило в нашу задачу, поэтому эти действия вошли в настоящий труд только в качестве фактических данных и притом только в такой мере, которая необходима для выяснения действий русской стороны.

В общем, следует признать, что удача действий ген. Макензена в Карпатской операции покоится, главным образом, на высоком качестве подготовки этой операции германцами, а затем—на бесконечных ошибках и проявлении безволия с русской стороны.

В Карпатской операции авиационные средства применялись в незначительном размере; химия в этой операции совершенно не применялась. Эти два обстоятельства дают повод некоторым любителям быстрых заключений выражать, что операции войны 1914—18 г.г., и, в частности, Карпатская операция, не могут служить поучением для будущей войны. По поводу таких заключений считаем своим долгом напомнить из прошлого, что как только в свое время появились магазинные ружья, пулеметы, скорострельные артиллерийские орудия и проч.,—тотчас же нашлись и крикуны, провозглашавшие, что с появлением этих новых боевых средств вся прежняя стратегия и тактика совершенно отменяются, и что впредь все будут руководствоваться иными правилами и приемами войны и боя, которые, кстати сказать, тут же и преподносились в изобилии этими господами доверчивому читателю.

Но вот наступила война 1914—18 г.г., и весь мир увидел, что количество боевых средств пополнилось не только теми

средствами, которые известны были до войны, но и теми, которые до поры до времени держались в секрете или были изобретены во время самой войны.

И не взирая на все эти средства весь мир был свидетелем того, что военные операции и бои решались все-таки ничем иным, как только войсками, умело, или неумело, применявшими современные многочисленные боевые средства и, зачастую, даже доводившими дело до штыкового удара.

Так будет и впредь. И в будущей войне, с обширным применением авиации, химии и других, пока не обнаруженных еще средств, вершать бои будут войска, живая сила, более или менее истощенная предварительным применением всей совокупности современных могущественных боевых средств, в том числе—авиации и химии.

С твердостью, доходящей до степени полного убеждения, мы утверждаем, что в будущей войне, как и в прежних войнах,—на первом месте будет стоять человек, живая сила, а в нем—его нравственная энергия, и что, поэтому, заботясь об умножении боевых средств, об усовершенствовании каждого из них и об умении применять их в бою и на войне,—еще более надлежит прилагать усилий к усовершенствованию человека-воина путем боевого воспитания отдельного бойца, начальника и войсковых частей, начиная с самых мелких.

М. Бонч-Бруевич.

ССЫЛКИ НА ДОКУМЕНТЫ.

(Бывшего Военно-Ученого Архива).

1. Д. Шт. Верх. Гл. 369-к, № 3/ч. XI, л. 50—59.
2. Д. Шт. Верх. Гл. 369-к, № 3/ч. XI, л. 60—61.
3. Д. Шт. Верх. Гл. 369-е, № 3/ч. X, л. 294.
4. Д. Опер. отд. Упр. Ген.-Кв. Штаба Гл-щего армиями Ю.-З. фр. № 10/ч. XI, л. 189—191.
5. Д. Шт. Верх. Гл. 369-к, № 3/ч. XI, л. 66—73.
6. Д. Шт. Верх. Гл. 369-е, № 3/ч. X, л. 317.
7. Д. Шт. Верх. Гл. 369-е, № 3/ч. X, л. 316.
8. Д. Шт Верх. Гл. 369-к, № 3/ч. XI, л. 74—78.
9. Д. Шт. Верх. Гл. 369-е, № 3/ч. X, л. 313.
10. Д. Шт. Верх. Гл. 369-е, № 3/ч. X, л. 299—302.
11. Д. Шт. Верх. Гл. 369-е, № 3/ч. X, л. 303—304.
12. Д. Шт. Верх. Гл. 369-е, № 3/ч. X, л. 305—308.
13. Д. Шт. Верх. Гл. 369-е, № 3/ч. X, л. 316.
14. Д. Шт. Верх. Гл. 369-к, № 3/ч. XI, л. 10.
15. Д. Шт. Верх. Гл. 369-к, № 3/ч. XI, л. 24—25.
16. Д. Шт. Верх. Гл. 369-к, № 3/ч. XI, л. 28.
17. Д. Шт. Верх. Гл. 369-к, № 3/ч. XI, л. 37.
18. Д. Шт. Верх. Гл. 369-к, № 3/ч. XI. л. 39.
19. Д. Шт. Гл. Ю.-З. фр. № 40—930.
20. Д. Шт. Гл. Ю.-З. фр. № 40—931.
21. Д. Шт. Гл. Ю.-З. фр. № 40—932.
22. Д. Шт. Гл. Ю.-З. фр. № 40—933.
23. Д. Шт. Гл. Ю.-З. фр. № 40—934.
24. Д. Шт. Гл. Ю.-З. фр. № 40—935.
25. Д. Шт. Гл. Ю.-З. фр. № 40—936.
26. Д. Шт. Гл. Ю.-З. фр. № 40—939.
27. Д. Шт. Гл. Ю.-З. фр. № 40—493.
28. Д. Шт. Гл. Ю.-З. фр. № 40—940.
29. Д. Шт. Гл. Ю.-З. фр. № 40—944.
30. Д. Шт. Гл. Ю.-З. фр. № 40—946.
31. Д. Шт. Гл. Ю.-З. фр. № 3, ч. 10, № 12—447, л. 131—133.
32. Д. Шт. Гл. Ю.-З. фр. № 3, ч. 10, № 12—447, л. 98—100.
33. Д. Шт. Гл. Ю.-З. фр. № 3, ч. 10, № 12—447, л. 111.
34. Д. Шт. Гл. Ю.-З. фр. № 3, ч. 10, № 12—447, л. 120—121.
35. Д. Шт. Гл. Ю.-З. фр. № 3, ч. 10, № 12—447, л. 128—129.
36. Д. Шт. Гл. Ю.-З. фр. № 3, ч. 10, № 12—447, л. 130.
37. Д. Шт. Гл. Ю.-З. фр. № 3, ч. 10, № 12—447, л. 134.
38. Д. Шт. Гл. Ю.-З. фр. № 3, ч. 10, № 12—447, л. 137.
39. Д. Шт. Гл. Ю.-З. фр. № 3, ч. 10, № 12—447, л. 135.
40. Д. Шт. Гл. Ю.-З. фр. № 3, ч. 10, № 12—447, л. 157.
41. Д. Шт. Гл. Ю.-З. фр. № 3, ч. 10, № 12—447, л. 159.
42. Д. Шт. Гл. Ю.-З. фр. № 3, ч. 10, № 12—447, л. 161—162.

43. Д. Шт. Гл. Ю.-З. фр. № 3, ч. 10, № 12—447, л. 142—144.
44. Д. Шт. Гл. Ю.-З. фр. № 3, ч. 10, № 12—447, л. 153—155.
45. Д. Шт. Гл. Ю.-З. фр. № 3, ч. 10, № 12—447, л. 160.
46. Д. Шт. Гл. Ю.-З. фр. № 3, ч. 10, № 12—447, л. 167—168.
47. Д. Шт. Гл. Ю.-З. фр. № 3, ч. 10, № 12—447, л. 165—166.
48. Д. Шт. Гл. Ю.-З. фр. № 3, ч. 10, № 12—447, л. 169.
49. Д. Шт. Гл. Ю.-З. фр. № 3, ч. 10, № 12—447, л. 172—174.
50. Д. Шт. Гл. Ю.-З. фр. № 3, ч. 10, № 12—447, л. 179.
51. Д. Шт. Гл. Ю.-З. фр. № 3, ч. 10, № 12— 447, л. 175—176.
52. Д. Шт. Гл. Ю.-З. фр. № 3, ч. 10, № 12—447, л. 177—178.
53. Д. Шт. Гл. Ю.-З. фр. № 3, ч. 10, № 12—447, л. 180.
54. Д. Шт. Гл. Ю.-З. фр. № 3, ч, 10, № 12—447, л. 188.
55. Д. Шт. Гл. Ю.-З. фр. № 3, ч. 10, № 12—447, л. 195.
56. Д. Шт. Гл. Ю.-З. фр. № 3, ч. 10, № 12—447, л. 198—204.
57. Д. Шт. Гл. Ю.-З. фр. № 3, ч. 10, № 12—447, л. 210—211.
58. Д. Шт. Гл. Ю.-З. фр. № 3, ч. 10, № 12—447, л. 209.
59. Д. Шт. Гл. Ю.-З. фр. № 3, ч. 10, № 12—447, л. 214—216.
60. Д. Шт. Гл. Ю.-З. фр. № 3, ч. 10, № 12—447, л. 217—218.
61. Д. Шт. Гл. Ю.-З. фр. № 3, ч. 10, № 12—447, л. 219—220.
62. Д. Шт. Гл. Ю.-З. фр. № 3, ч. 10, № 12—447, л. 221—224.
63. Д. Шт. Гл. Ю.-З. фр. № 3, ч. 10, № 12—447, л. 226—230.
64. Д. Шт. Гл. Ю.-З. фр. № 3, ч. 10, № 12—447, л. 231—232.
65. Д. Шт. Гл. Ю.-З. фр. № 3, ч. 10, № 12—447, л. 234—235.
66. Д. Шт. Гл. Ю.-З. фр. № 3, ч. 10, № 12—447, л. 236—239, 233.
67. Д. Шт. Гл. Ю.-З. фр. № 3, ч. 10, № 12—447, л. 242—243.
68. Д. Шт. Гл. Ю.-З. фр. № 3, ч. 10, № 12—447, л. 244—246.
69. Д. Шт. Гл. Ю.-З. фр. № 3, ч. 10, № 12—447, л. 247—251.
70. Д. Шт. Гл. Ю.-З. фр, № 3, ч. 10, № 12—447, л. 252—261.
71. Д. Упр. Ген.-Кв. при Верх. Гл-щем № 369-к, л. 62.
72. Д. Шт. Гл. Ю.-З. фр. № 3, ч. 10, № 12—447, л. 263.
73. Д. Шт. Гл. Ю.-З. фр. № 3, ч. 10, № 12—447, л. 264—265.
74. Д. Шт. Гл. Ю.-З. фр. № 3, ч. 10, № 12—447, л. 267—285.
75. Д. Шт. Гл. Ю.-З. фр. № 3, ч. 10, № 12—447, л. 303.
76. Д. Шт. Гл. Ю.-З. фр. № 3, ч. 10, № 12—447 л. 302.
77. Д. Шт. Гл. Ю.-З. фр. № 3, ч. 10, № 12—447, л. 304—313.
78. Д. Шт. Гл. Ю.-З. фр. № 3, ч. 10, № 12—447, л. 316—318.
79. Д. Шт. Гл. Ю.-З. фр. № 3, ч. 10, № 12—447, л. 292.
80. Д. Упр. Ген.-Кв. при Верх. Гл. № 3, ч. XI, № 369-к, л. 154.
81. Д. Упр. Ген.-Кв. Шт. Ю.-З. фр. № 3, ч. 11, № 12448, л. 1—2.
82. Д. Упр. Ген.-Кв. Шт. Ю.-З. фр. № 3, ч. 11, № 12448, л. 3.
83. Д. Упр. Ген.-Кв. Шт. Ю.-З. фр. № 3, ч. 11, № 12448, л. 47—48.
84. Д. Упр. Ген.-Кв. Шт. Ю.-З. фр. № 3, ч. 11, № 12448, л. 36—40.
85. Д. Упр. Ген.-Кв. Шт. Ю.-З. фр. № 3, ч. 11, № 12448, л. 34—35.
86. Д. Упр. Ген.-Кв. при Верх. Гл. № 3, ч. XI, № 369-к, л. 165—168.
87. Д. Упр. Ген.-Кв. при Верх. Гл. № 3, ч. XI, № 369-к, л. 170—171.
88. Д. Упр. Ген.-Кв. при Верх. Гл. № 3, ч. XI, № 369-к, л. 172—173.
89. Д. Упр. Ген.-Кв. Ю.-З. фр. № 3, ч. 11, № 12448, л. 63—65.
90. Д. Упр. Ген.-Кв. при Верх. Гл. № 3, ч. XI, № 369-к, л. 183—184.
91. Д. Упр. Ген.-Кв. Ю.-З. фр. № 3, ч. 11, № 12448, л. 115—116
92. Д. Упр. Ген.-Кв. Ю.-З. фр. № 3, ч. 11, № 12448, л. 121.
93. Д. Упр. Ген.-Кв. Ю.-З. фр. № 3, ч. 11, № 12448, л. 138.
94. Д. Упр. Ген.-Кв. Ю.-З. фр. № 3, ч. 11, № 12448, л. 128—131.
95. Д. Упр. Ген.-Кв. при Верх. Гл. № 3, ч. XI, № 369-к, л. 205.
96. Д. Упр. Ген.-Кв. при Верх. Гл. № 3, ч. XI, № 369-к, л. 225—227
97. Д. Упр. Ген.-Кв. при Верх. Гл. № 3, ч. XI, № 369-к, л. 187—192.
98. Д. Упр. Ген.-Кв. при Верх. Гл. № 3, ч. XI, № 369-к, л. 199—200.
99. Д. Упр. Ген.-Кв. при Верх. Гл. № 3, ч. XI, № 369-к, л. 228—231.
100. Д. Упр. Ген.-Кв. при Верх. Гл. № 3, ч. XI, № 369-к, л. 257—258.
101. Д. Упр. Ген.-Кв. Ю.-З. фр. № 3, ч. 12, № 12449, л. 24.
102. Д. Упр. Ген.-Кв. Ю.-З. фр. № 3, ч. 12, № 12449, л. 30—31.

103. Д. Упр. Ген.-Кв. при Верх. Гл. № 3, ч. XI, № 369-к, л. 265—269.
104. Д. Упр. Ген.-Кв. при Верх. Гл. № 3, ч. XI, № 369-к, л. 280—281.
105. Д. Упр. Ген.-Кв. при Верх. Гл. № 3, ч. XI, № 369-к, л. 292—293.
106. Д. Упр. Ген.-Кв. Ю.-З. фр. № 3, ч. 12, № 12449, л. 49.
107. Д. Упр. Ген.-Кв. Ю.-З. фр. № 3, ч. 12, № 12449, л. 33.
108. Д. Упр. Ген.-Кв. Ю.-З. фр. № 3, ч. 12, № 12449, л. 48.
109. Д. Упр. Ген.-Кв. при Верх. Гл. № 3, ч. XI, № 369-к, л. 285—291.
110. Д. Упр. Ген.-Кв. Ю.-З. фр. № 3, ч. 12, № 12449, л. 53—54.
111. Д. Упр. Ген.-Кв. Ю.-З. фр. № 3, ч. 12, № 12449, л. 96.
112. Д. Упр. Ген.-Кв. Ю.-З. фр, № 3, ч. 12, № 12449, л. 86—92.
113. Д. Упр. Ген.-Кв. при Верх. Гл. № 3, ч. XI, № 369-к, л. 375—383.
114. Д. Упр. Ген.-Кв. Ю.-З. фр. № 3, ч. 12, № 12449, л. 118—119.
115. Д. Упр. Ген.-Кв. Ю.-З. фр. № 3, ч. 12, № 12449, л. 122.
116. Д. Упр. Ген.-Кв. Ю.-З. фр. № 3, ч. 12, № 12449, л. 123.
117. Д. Упр. Ген.-Кв. Ю.-З. фр. № 3, ч. 12, № 12449, л. 129.
118. Д. Упр. Ген.-Кв. Ю.-З. фр. № 3, ч. 12, № 12449, л. 131—133.
119. Д. Упр. Ген.-Кв. Ю.-З. фр. № 3, ч. 12, № 12449, л. 146—148.
120. Д. Упр. Ген.-Кв. Ю.-З. фр. № 3, ч. 12, № 12449, л. 157—159.
121. Д. Упр. Ген.-Кв. Ю.-З. фр. № 3, ч. 12, № 12449, л. 154.
122. Д. Упр. Ген.-Кв. Ю.-З. фр. № 3, ч. 12, № 12449, л. 167.
123. Д. Упр. Ген.-Кв. Ю.-З. фр. № 3, ч. 12, № 12449, л. 156.
124. Д. Упр. Ген.-Кв. Ю.-З. фр. № 3, ч. 13, № 12451, л. 27.
125. Д. Упр. Ген.-Кв. Ю.-З. фр. № 3, ч. 13, № 12451, л 44—45.
126. Д. Упр. Ген.-Кв. Ю.-З. фр. № 3, ч. 13, № 12451, л. 80.
127. Д. Упр. Ген.-Кв. Ю.-З. фр. № 3, ч. 13, № 12451, л. 73—76.
128. Д. Упр. Ген.-Кв. Ю.-З. фр. № 3, ч. 13, № 12451, л. 90—91.
129. Д. Упр. Ген.-Кв. Ю.-З. фр. № 3, ч. 13, № 12451, л. 93—96.
130. Д. Упр. Ген.-Кв. Ю.-З. фр. № 3, ч. 13, № 12451, л. 110.
131. Д. Упр. Ген.-Кв. Ю.-З. фр. № 3, ч. 13, № 12451, л. 165—166.
132. Д. Упр. Ген.-Кв. Ю.-З. фр. № 3, ч. 14, № 12450, л. 27—30.
133. Д. Упр. Ген.-Кв. Ю.-З. фр. № 3, ч. 14, № 12450, л. 79—80.
134. Д. Упр. Ген.-Кв. Ю.-З. фр. № 3, ч. 14, № 12450, л. 132—134.
135. Д. Упр. Ген.-Кв. Ю.-З. фр. № 3, ч. 14, № 12450, л. 153—162.
136. Д. Упр. Ген.-Кв. Ю.-З. фр. № 3, ч. 14, № 12450, л. 168—170.
137. Д. Упр. Ген.-Кв. при Верх. Гл. № 9, ч II, № 569, л. 43—103.
138. Д. Шт. Верх. Гл. 369-в, № 3, ч. VII, л. 141.
139. Д. Шт. Верх. Гл. 379-в, № 3, ч. VII, л. 182.
140. Д. Шт. Верх. Гл. 369-д, № 3, ч. IX, л. 93.
141. Д. Шт. Верх. Гл. 369-л, № 3, ч. IX, л. 214—216.
142. Д. Шт. Верх. Гл. 369-е, № 3, ч. X, л. 39.
143. Д. Шт. Верх. Гл. 369-е, № 3, ч. X, л. 81-а.
144. Д. Шт. Верх. Гл. 369-е № 3, ч. X, л. 245.
145. Труды Военно-Историч. К-сии. Н. Валентинов. „Сношения с союзниками по военным вопросам во время войны 1914—1918 г.г.“ Часть I, стр. 42 и 43.
146. То же, стр. 44.
147. То же, стр. 45.
148. То же, стр. 45—46.
149. То же, стр. 46—47.
150. То же, стр. 48.
151. То же, стр. 49—50.
152. Д. Шт. Верх. Гл. 369-е, № 3, ч. X, л. 245.
153. Д. Шт. Верх. Гл. 369-к, № 3, ч. XI, л. 62.
154. Д. Шт. Верх. Гл. 369-к, № 3, ч. XI, л. 166—168, 280—281, 292—293.
155. Труды Военно-Историч. К-сии. Н. Валентинов „Сношения с союзниками по военным вопросам во время войны 1914—1918 г.г.“. Часть I, стр. 74—75.
156. То же, стр. 75.

СОСТАВ

11-й германской армии ген. Макензена к 18 апреля (1 мая) 1915 г.

Сводный корпус (германск.).

11-я баварская пехотная дивизия.
119-я пех. дивизия.

XXXXI резервный корпус (германск.).

81-я резервная дивизия.
82-я „ „

Гвардейский корпус (германск.).

1-я гвард. пех. дивизия.
2-я „ „ „

VI армейский корпус (австрийск.).

12-я пехотная дивизия.
39-я „ „
11-я кавалерийск. дивизия.

X армейский корпус (германск.).

19-я пехотная дивизия.
20-я „ „

Донесения Верховного главнокомандующего Николаю II-му.

15/28 апреля 1915 г. В Карпатах видимо происходит сосредоточение больших неприятельских сил в районе Горлице. 9880.

16/29 апреля 1915 г. Все яснее обозначается сосредоточение новых частей германцев в районе Горлице, где определились полки трех корпусов, которые считались на западе; в их числе второй гвардейский полк имени императора Франца Иосифа. 9899.

17/30 апреля 1915 г. Продолжается сосредоточение германо-австрийских войск на фронте Западной Галиции. Неприятель ведет энергичную воздушную разведку расположения нашей 3-й армии; наступление двух неприятельских батальонов к Горлице, в ночь на 16/29 апреля, также явилось повидимому усиленной разведкой. В соответствии с новыми данными обстановки производится надлежащая перегруппировка наших сил. 9936.

20 апреля/3 мая 1915 г. Неприятель, сосредоточившийся в течении последних двух недель в Галиции, перешел в решительную атаку в ночь на 19 апреля/2 мая. IX к-с в общем удержался на своих позициях, хотя неприятелю удалось у Отфинова, где позиции были заняты ополченцами, переправиться через Дунаец, и в районе Ценжковице оттеснить левофланговую бригаду к-са. На фронте расположенного далее к югу X к-са неприятелю удалось продвинуться у Лиозно, Горлице и Сеньково, вследствие чего командир корпуса принял решение осадить фронт к позициям у Биеча. Сюда подходят войска генерала Ирманова. 10006.

21 апреля/4 мая 1915 г. В Галиции на нижнем Дунайце неприятель не проявляет энергии. На фронте главной неприятельской атаки образовавшиеся в нашем расположении прорывы заполнены; намеченный командиром к-са переход на новые позиции в районе Биеча выполняется. 10034.

22 апреля/5 мая 1915 г. Несмотря на подошедшие подкрепления отход X к-са продолжается; фронт его теперь на линии Ясло—Змигород. Представляется вероятным, что мы будем вынуждены уступить неприятелю пространство между

Дунайцем и Вислокой. Атаку ведет германо-австрийская армия генерала Макензена; в число входящих в ее состав германских к-сов повидимому входит полностью прусский гвардейский к-с с весьма многочисленной легкой и тяжелой артиллерией. 74.

23 апреля/6 мая 1915 г. В Галиции, в районе атаки неприятеля, наши войска находятся на линии Щуцина на Пильзно до Ясло. В Карпатах наши войска, находившиеся на Бартфельдском направлении, также соответственно оттягиваются. К северу от Змигрода неприятель пытается прорвать вновь занятое нами расположение. 91.

24 апреля/7 мая 1915 г. В 3-й армии бои продолжаются с прежним упорством. Наши войска мужественно отбивают превосходные по числу силы неприятеля. К вечеру 23 апреля/6 мая армией занят фронт: устье Ниды—Олесно—Липны—Махова—Слотова—Букова—Ясло—Едличе—Сентава—Ясел—высота 805 к северу Телепоч. Введен в бой III Кавк. к-с и другие подкрепления. Ген. Радко-Дмитриев ожидает сегодня со стороны немцев и австрийцев решительную атаку на X, III Кавк. и XXIV к-са на фронте Слотова—Сентава. Положение армии им признается серьезным. 114.

25 апреля/8 мая 1915 г. Успешный отпор, данный неприятелю 23 апреля/6 мая на многих участках фронта армии существенно облегчил отход наших войск и занятие ими нового расположения. По донесению штаба 3-й армии положение на ее левом крыле, возбуждавшее большие опасения, упрочилось. 48-я дивизия пробилась ценой геройских усилий в составе 8 батальонов и 14 орудий; начальник дивизии ген. Корнилов ранен. 8-я армия между Лупковским и Ужокским перевалами стягивается к северу от главного хребта, что представит значительные выгоды для обороны и позволит образовать новые резервы. 129.

26 апреля/9 мая 1915 г. На Галицийском и Карпатском фронте движение наших войск для занятия нового расположения выполняется, повидимому, без особой помехи со стороны неприятеля. 164.

27 апреля/10 мая 1915 г. В Западной Галиции неприятель продолжает атаку против центра и левого фланга 3-й армии. С верхнего течения Вислока ген. Ирманов отошел в район Стришова. К-щий 3-й армией двинул подошедший с юго-востока резерв для производства решительной контр-атаки против фланга наиболее зарвавшихся частей неприятеля. В Буковине наш переход в наступление начат вполне удавшейся переправой через Днестр 187.

28 апреля/11 мая 1915 г. Контр-атака XXI к-са в районе Беско-Яжмирз хотя и достигла некоторых успехов, тем не менее не остановила неприятельского натиска на центр 3-й армии, который под прикрытием ее продолжал отступ-

ление. Четвертая армия соответственно отходу 3-й армии оттягивается несколько назад. 224.

29 апреля/12 мая 1915 г. 3-я и 8-я армии продолжают намеченный отход на фронт определяемый течением Сана ниже Перемышля. Все корпуса вышли из боя, хотя понесли очень тяжелые потери. В соответствии с новым фронтом производится перегруппировка 4-й армии на левом берегу Вислы. Наступление 9-й армии развивается достаточно благоприятно. 249.

30 апреля/13 мая 1915 г. В Западной Галиции почти все корпуса 3-й армии уже вышли из боя и отходят к Сану. Неприятель более упорно теснит наши арьергарды лишь к северу от Дынува. В Заднестровском районе к вечеру 28 апреля/11 мая были достигнуты значительные успехи; дальнейших донесений не получено. 277.

1/14 мая 1915 г. Отход 3-й армии к Сану совершается почти без давления со стороны неприятеля. В Буковине 30 апреля/13 мая наши войска должны были достигнуть р. Прута. 292.

2/15 мая 1915 г. На Сане наши войска устраиваются без помехи со стороны германцев; из захваченной у неприятельских самокатчиков диспозиции видно, что на участок Радымно—Ярослав направлен 41-й германский корпус. Южнее Перемышля отход наших войск выполнен спокойно. На Пруте нами одержаны дальнейшие успехи. 317.

3/16 мая 1915 г. Крупные силы германцев сосредоточены к северу от Перемышля; после двухдневного боя наши войска, оставив предмостные укрепления Ярослава, 2/15 мая перешли на правый берег Сана. Предписаны меры по закреплению за нами на левом берегу Сана участка от Радымно до Перемышля, так как дальнейший отход наших войск за Сан становится угрожающим для Перемышля, неподготовленного для самостоятельного сопротивления. Настроение К-щего 3-й армией к сожалению недостаточно твердое. На Пруте 1/14 мая неприятель продолжал оказывать сопротивление. 352.

4/17 мая 1915 г. В бою на Ярославских предмостных укреплениях наши полевые батареи понесли тяжелые потери в личном составе; вследствие значительного преимущества неприятеля в количестве батарей и обильного снабжения их боевыми припасами нашим войскам приходится вести бой в очень трудных условиях. При отступлении через Ярослав жители стреляли по нашим войскам. 378.

5/18 мая 1915 г. К северу от Ярослава обнаружен весь X германский к-с, находившийся до сих пор на французском фронте; таким образом за апрель неприятель перебросил с запада на наш фронт не менее 10 пехотных дивизий, вернее же больше. У Ярослава неприятель несколько распространился на правом берегу Сана. 401.

6/19 мая 1915 г. Главные силы германцев группируются на Сане ниже Ярослава; кроме всей гвардии и сорок первого корпуса, установлена переброска в этот район с запада еще десятого полевого корпуса и не менее двух сводных германских дивизий. Против Перемышля неприятель держится пассивно, ограничиваясь бомбардировкой. По показаниям пленных, германский император находится близ Ярослава. 417.

7/20 мая 1915 г. 5/18 мая на нижнем Сане к востоку от Ярослава и к северу от Перемышля наши войска переходили значительными силами в контр-атаки, которые, однако, имели лишь местный успех и не помешали неприятелю распространиться на правом берегу Сана к Радаве, что несколько усложнило наше положение. 438.

8/21 мая 1915 г. Неприятельский успех у Сенявы несколько развился в течении 6/19 мая, но бой на левом берегу Сана к северу от Перемышля вынудил германцев оттянуть часть резервов от Ярослава в юго-западном направлении, и наше положение на Сане оценивается ныне более благоприятно. Днем 6/19 мая у Луткова, к юго-востоку от Перемышля, неприятелю удалось большими силами прорвать наш фронт на участке целой дивизии, но к утру 7/20 мая наши войска, перейдя в контр-атаку, частью восстановили занимавшееся ранее положение. В общем, положение, хотя остается серьезным, но несколько более устойчиво. 454.

9/22 мая 1915 г. Хотя взятые на Сане пленные говорят о недостатке снарядов у неприятельской артиллерии, но в ближайшие дни неприятель ожидает пополнения своего боевого комплекта, после чего возможно возобновление его атаки. Устойчивость нашего положения на Сане возросла. 481.

10/23 мая 1915 г. Неприятель продолжает ослаблять свои силы на Сане, повидимому оттягивая их из боевых линий; положение наших войск упрочивается. На фронте от Перемышля до Днестра мы успешно отражаем атаки в центре и продвигаемся вперед левым флангом. В Заднестровском районе неприятель поспешно укрепляется и в районе Черновиц замечается подготовка к переправе через Прут и подход подкреплений к неприятелю. 500.

11/24 мая 1915 г. Наше наступление по левому берегу верхнего Днестра в районе деревень Бурчице, Чернихув, Долобово и Острув развивается успешно вследствие достаточной поддержки артиллерийским огнем; наоборот, исключительно недостатком снарядов объясняется остановка наших войск перед предмостной позицией у Коломыи. 533.

12/25 мая 1915 г. На рассвете 11/24 мая неприятельская тяжелая артиллерия в районе Ярослава подавила огонь наших легких батарей и наш фронт в районе Радымно—Ветлин вынужден был податься назад. Превосходство неприятеля в тяжелой артиллерии, которую германцы втечение войны

значительно усилили, а австрийцы сумели создать заново, ставит наши войска в весьма неблагоприятное положение. Мы же до сих пор не имели возможности получить в действующие армии формируемые с января текущего года тяжелые дивизионы, к отправлению коих создаются все новые препятствия. Сверх того, с каждым днем становится все более острым вопрос о недостатке ружейных и артиллерийских патронов. 565.

13/26 мая 1915 г. Натиск неприятеля на примыкающие к Перемышлю участки наших позиций, имеющий целью порвать связь между последним и полевыми войсками, продолжается с большой энергией, при чем между Любачувкой и Саном, а также у Радымно, неприятель, вследствие превосходства своего артиллерийского огня, достиг некоторых успехов. Бой продолжается. В Заднестровском районе и в Буковине замечается ослабление противника. 598.

14/27 мая 1915 г. Втечение 13/26 мая неприятелю удалось еще несколько продвинуться в районе к северу от Перемышля; наши войска будут продолжать упорно защищать подступы к последнему. По свидетельству всех войсковых начальников наши потери происходят преимущественно от перевеса неприятеля в числе батарей, особенно тяжелых, и в снабжении их огнестрельными припасами. Генерал Брусилов доносит: „враг не страшен лицом к лицу, а выбиваются почти поголовно целые части войск его многочисленной тяжелой артиллерией".

Верховный г-щий настойчиво указывает на необходимость с полной энергией продолжать формирование тяжелых дивизионов, при чем первой мерой должно служить, повидимому, использование всех скорострельных тяжелых орудий, стреляющих без платформ, находящихся во Владивостоке и на пути из него. 623.

II. Только что получено известие, нуждающееся еще в подтверждении, что левый фланг 3-й армии перешел в наступление, переправился через Любачувку, захватил в плен до 1.000 австрийцев и 6 тяжелых орудий и продолжает развивать свой успех. 627.

15/28 мая 1915 г. Наступление ген. Ирманова, начатое в ночь на 14/27 мая развивалось с успехом и настолько пошатнуло неприятельское положение в районе Сенявы, что вынудило германцев перебросить резервы на север из района их главной атаки из Радымно. Однако левый берег Сана мы были принуждены очистить под влиянием губительного артиллерийского огня неприятеля вплоть до Перемышля; на правом берегу Сана Накло и Кальникув переходили из рук в руки, при чем, по последним донесениям, остались в нашем владении. Положение остается по прежнему серьезным. 662.

16/29 мая 1915 г. Успешное наступление ген. Ирманова на Сеняву и натиск других частей 3-й армии на Любачувке

отражается на общем положении на правом берегу Сана. По данным воздушной разведки, еще не проверенным, начинается оттягивание неприятельских резервов и артиллерии с наиболее угрожавшего нам участка к юго-востоку от Радымно. Тем не менее положение еще нельзя считать упроченным. 691.

17/30 мая 1915 г. К вечеру 16/29 мая, с. Кальникув перешло вновь в руки неприятеля, а село Накло было оставлено нами вследствие сильного обстрела его неприятельской тяжелой артиллерией. Однако, в общем, наше положение за истекшие сутки несколько упрочилось; генерал Ирманов овладел Лезаховым и продвинулся до устья Любачувки; между шоссе и железной дорогой к Ярославу мы заняли фронт Бучины—Загроды. Между Перемышлем и Днестром неприятельские атаки прекратились и силы неприятеля здесь вероятно уменьшились, так как ближайший к Перемышлю участок неприятельской позиции занят теперь спешенной кавалерией. Выясняется вероятность оттяжки части неприятельских сил с нашего галицийского фронта для отправления против Италии. 733.

18/31 мая 1915 г. Сегодня виделся с генерал-адъютантом Ивановым в Холме, чтобы установить ближайшие задачи юго-западного фронта. На фронте особых перемен нет. 757.

19 мая/1 июня 1915 г. 18/31 мая у южной окраины г. Стрыя неприятелю удался прорыв в небольших размерах; меры против прорвавшейся бригады приняты. Взятый австрийцами форт № 7 Перемышля оборонялся ополченцами. С прибытием 45 Азовского полка положение восстановилось путем блестящего штурма названным полком, который вернул в наши руки форт и захватил 600 пленных 45 имперского полка. 793.

20 мая/2 июня 1915 г. Утром 19 мая/1 июня наши войска атаковали неприятеля на левом берегу Сана, в районе Кравце-Рудник, а также на правом его берегу, между речками Любачувка и Вишня; нами достигнуты некоторые успехи, однако, неприятель на многих участках сохраняет преимущество в артиллерийском огне и оказывает упорное сопротивление. Ополченцы, занимавшие форты Перемышля №№ 10 и 11, не выдержали огня тяжелых мортир, до 42-сантиметрового калибра включительно, и неприятель захватил эти форты вечером 18/31 мая. Бой ведется к югу от этих фортов. К северу от Стрыя XXII к-с понес значительные потери и отошел на тыловые позиции 813.

21 мая/3 июня 1915 г. Еще во время пребывания вашего императорского величества на ставке, обстановка в Галиции сложилась в таком виде, что удержание полуразрушенного Перемышля при отсутствии достаточной артиллерии и крайней скудости боевых припасов, и невозможности удержать

в наших руках Ярослав и Радымно, стало задачей весьма трудной. Принципиально тогда же было решено смотреть на Перемышль не как на крепость, а как на участок заблаговременно подготовленной позиции, удержание коей в наших руках с военной точки зрения являлось целесообразным лишь до тех пор, пока оно облегчало нам маневрирование в районе Сана. Ваше императорское величество изволите помнить, что оставление Перемышля было предрешено еще в ночь с 7/20 на 8/21 мая , и только соображения о том впечатлении которое произведет на общество оставление этого пункта, заставляли выбиваться из сил, чтобы сохранить его за нами. Втечение почти двух недель войска ген. Брусилова с доблестью стремились сохранить таковой. Однако, упорные и настойчивые атаки противника, имевшие успех по свидетельству многих высших начальников лишь в силу неизмеримого превосходства в числе и мощности артиллерии, но не искусстве стрельбы из нее, и в обильном питании огнестрельными припасами, вырвавшей из наших рядов многочисленные жертвы, сделали дальнейшую борьбу невозможной, почему генерал-адъютант Брусилов признал необходимым в ночь на сегодня эвакуировать Перемышль. Ныне ген. Брусилов доносит, что гарнизон Перемышля отошел под сильным натиском подавляющих сил противника и части этого гарнизона заняли группу фортов Седлиска, укрепившись на фронте Медыка-Седлиска. Генерал-адъютант Брусилов добавляет: „потери гарнизона тяжелые, особенно от артиллерийского огня. Удержаться в Перемышле дальше возможности не было. Артиллерия вся вывезена, запасы тоже, кроме хлеба, который сожжен". 847.

22 мая/4 июня 1915 г. 21 мая/3 июня неприятель настойчиво атаковал наши позиции между Саном и Вишней, повидимому с целью заставить нас очистить группу фортов Седлиска; сведений об отражении этой атаки неприятеля до сих пор еще не получено. Бой продолжается. Между Седлиской и Днестром неприятель в районе Крукеница прорвал наш фронт, но железные стрелки вскоре успели восстановить положение. Вследствие отхода XXII к-са в предмостные укрепления на Днестре генерал Щербачев отводит сегодня левое крыло своей армии на фронт Журавно-Калуц. Вероятно соответственно придется отвести и правый фланг армии генерала Лечицкого. За время с 26 апреля/9 мая, не считая III Кавк. к-са и 62-й дивизии, генерал-адъютант Иванов в Галиции был усилен за счет Северо-Западного фронта и Кавказа на 12 дивизий. 879.

23 мая/5 июня 1915 года. После лихой атаки 42-й дивизии, коей удалось 20 мая/2 июня прорвать фронт австрийцев, наступление 3-й армии продолжает развиваться вполне благоприятно. В настоящее время на нижнем Сане мы закрепились

на фронте от дер. Каймув близ Вислы до ст. Лентовля на железной дороге Рудник—Лежайск. Однако, на правом берегу Сана развить наступление не удается. Из различных агентурных источников поступают сведения, что Германия готова на дальнейшее ослабление своих войск на западе, чтобы добиться решающих успехов на нашем фронте. Указывают на возможность нового натиска на Варшаву. Чтобы облегчить положение на Северо-Западном фронте, в случае осуществления немцами этого плана, имеется в виду принять некоторые подготовительные меры, но рассчитывать на значительное усиление Северо-Западного фронта трудно. 903.

24 мая/6 июня 1915 г. Между Саном и Днестром неприятельские части атакующие нас у Чишки—Пакость, продвинулись на несколько сот шагов к нашим окопам, в ночь на 23 мая/5 июня окопались и с утра продолжают попытки продвинуться дальше. На Днестре наши войска отошли к предмостным укреплениям у Жидачева и Журавно, перед последним пунктом замечено накапливание неприятеля. Выше Коломыи наши войска закрепились на правом берегу Прута у селения Седзавка, Ланчин и против Тлумачика. 944.

24 мая/6 июня 1915 г. Для характеристики общего нашего положения в Галиции дословно передаю телеграмму генерал-адъютанта Иванова, служащую ответом на мой запрос: „общее положение на вверенном мне фронте характеризуется следующим: наступательные операции противника пока еще не прекращаются, при чем главные силы его остаются все еще сосредоточенными на фронте от Вислы до Днестра, группируясь главным образом на направлениях от Ярослава и Перемышля к Львову. Только самые последние дни начало обнаруживаться как бы перемещение частей противника из района Самбора в район Стрыя и сгущение его сил на направлениях на Миколаев, Жидачев и Галич. Железные дороги до Ярослава и Самбора противником восстановлены, чем и объясняется участие в бомбардировании Перемышля 42-сантиметровых орудий, огнем которых совершенно уничтожались форты и искусственные препятствия. Быстрая подача укомплектований, о которой свидетельствуют пленные и непрекращающийся приток огнестрельных припасов позволяют противнику вести эту длительную операцию без перерывов. Я считаю своим нравственным долгом свидетельствовать, что не искусство маневров, не боевые качества солдат противника, а только одно превосходство артиллерийского огня, вызывающего громадные потери и потрясающего моральные силы бойцов, могли сломить стойкость и упорство доблестных наших войск и вынуждает их к постепенному отходу и очищению занятого нами района Галиции. Благодаря силе этого огня противник получает возможность достигать быстрых результатов своих наступательных операций на выбранных

направлениях. К сожалению мы не можем ответить ему тем же вследствие недостатка у нас ружейных и легких патронов, о котором я подробно сообщил сегодня генералу Янушкевичу телеграммой 6994.

Наши наступательные операции и контр-атаки, лишенные поддержки необходимого могущественного артиллерийского огня развиваются или очень медленно или даже вовсе не осуществляются, встречая огневую завесу противника и искусственные препятствия, не разрушенные артиллерийским огнем. Этой медленностью противник пользуется для развития удара на других направлениях и быстрым достижением успеха там создает новую обстановку, при наличии которой или теряется совершенно целесообразность продолжения нами предпринятого наступления или даже создается явная опасность ухудшить общее положение. К 16/29 мая некомплект винтовок, а следовательно численного боевого состава в армиях фронта достиг 300.000. Ожидать в ближайшее время быстрое восстановление численного боевого состава армии вследствие некомплекта винтовок не приходится. При наличии в составе фронта в последних боях 848 батальонов, не считая VI к-са, боевая численность выражается в 540.000 штыков, вследствие чего фронт в общем лишен того превосходства, которое должен был бы иметь над противопоставленными ему силами австро-германцами в 575 батальонов, получающих пока довольно интенсивно вооруженное пополнение. Несмотря на неблагоприятно сложившиеся условия борьбы в данное время, я считаю необходимым всеми средствами, силами и способами не допускать противника развивать быстро операции на Юго-Западном фронте в расчете исчерпать его колоссальные запасы боевых припасов на необходимость брать каждую позицию путем значительной затраты снарядов. Уже теперь начали поступать сведения из боевых линий, что качество его снарядов значительно понизилось, много снарядов не разрывается, снаряды большей частью изготовления 1915 г., что указывает на истощение бывших запасов. С французского фронта также поступают известия о вынужденном ослаблении там огня германцев в силу недостатка снарядов. Такое положение, имея в виду, что своим успехом противник обязан только затрате громадного количества артиллерийских снарядов, позволяет рассчитывать, что противник может лишиться наконец средств для доведения до конца своего намерения достигнуть решительных результатов на русском фронте. Вместе с тем для противодействия могущественному артиллерийскому огню я приказал войскам развить нашу систему укрепления позиций в смысле придания им возможно большей силы и глубины, так как большее количество фортификационных сооружений прикрытых искусственными препятствиями вынуждает противника или рассеивать свой огонь

или постепенно обстреливать целый ряд участков обороняемой площади сосредоточенным огнем. В обоих случаях для достижения результатов противнику потребуется значительно больше затратить снарядов". Конец телеграммы. 962.

25 мая/7 июня 1915 г. 23 и 24 мая/5 и 6 июня в деревне Старжава, что на левом берегу Вишни, шел упорный бой; северная часть деревни осталась в руках неприятеля. Результаты упорного боя к югу от Мосциска еще не выяснились. У Журавно нашим войскам пришлось уступить 23 мая/5 июня противнику переправу на Днестре между сел. Голешов и Журавенко; к этому участку направлены наши подкрепления. 973.

26 мая/8 июня 1915 г. На левом берегу Вишни от Старжавы наши войска отошли к Годыне; потери наши здесь очень велики. У Журавно неприятель распространился до Молодычне и Новосельце и наступает на Букачевцы; большие потери у Каспийцев и Самарцев. Наши общие потери на юго-западном фронте с 15/28 апреля до 15/28 мая достигают трехсот тысяч, в том числе без вести пропавшими около 112 тысяч. Так как в числе без вести пропавших имеется много убитых и тяжело раненых, то число попавших в плен к неприятелю значительно меньше этой цифры. Неприятель же, показавший в своих официальных сообщениях за это время около 300 тысяч пленных, несомненно преувеличил их число в несколько раз. 1003.

27 мая/9 июня 1915 г. В Галиции к востоку от Перемышля сравнительно спокойно; усилия неприятеля сосредоточены на правом берегу Днестра у Журавно. Предмостная позиция у Галича атакована неприятелем, маневр которого, в общем, заключается в перекатывании резерва вдоль нашего фронта, начиная от Самбора по правому берегу Днестра. Станиславов и Надворная оставлены нашими войсками в силу общей стратегической обстановки, вынуждающей изменить направление нашего фронта на левом его фланге. 1026.

28 мая/10 июня 1915 г. 1. В Галиции на некоторых участках фронта на Любачевке, германцы заменены австрийцами. У Ярослава весьма оживленное движение поездов, атака на Мосциску вечером 26 мая/8 июня не захватила всего фронта между Вишней и Днестром, а имела лишь местный характер. На Днестре, между реками Тисменицей и Стрыем переход наших войск в частичное наступление встречает сравнительно слабое сопротивление. В районе Журавно наблюдаются признаки оттягивания назад неприятельских резервов. Атаку на Галичскую предмостную позицию неприятель вел 26 мая/8 июня без особого напряжения. Однако, в настоящее время еще не выяснилось,—имеем ли мы дело с временным перерывом неприятельского наступления в Галиции или же главные усилия германцев переносятся на другой фронт. 1050.

II. В течении сегодняшнего дня геройскими усилиями наших войск противник отброшен на правый берег Днестра на фронте от Журавнова до Сивил. Нами взято с боя 17 орудий, 49 пулеметов, 188 офицеров и до 6500 австрийцев и германцев; в числе последних рота прусского гвардейского фузилерного полка в полном составе 1.063.

29 мая/11 июня 1915 г. В районе Мосциска атаки неприятеля в ночь на 28 мая/10 июня отражены Люблинским и Замосцким полками; неприятель окопался в двухстах шагах и даже ближе перед нашей позицией. Успех у Журавно достался нам дружной работой 3-й гвардейской, 4-й пехотной, 2-й и 3-й финляндских дивизий на фронте, составляющем участок XVIII к-са. 1085.

30 мая/12 июня 1915 г. В районе Перемышля до пяти германских дивизий армии Макензена более на фронте не замечается; возможна их переброска на другое направление, так как с несомненностью устанавливается новая перегруппировка противника на Галичском фронте. Против неприятельского наступления через Днестр, на участке Незвиска—Залещики, сдерживаемого до сих пор преимущественно конницей и ополчением, принимаются меры. На итальянском фронте документально обнаруживаются преимущественно части австрийской армии, находившейся до сих пор против Сербии. Германских войск против итальянцев пока нет. Сведения из различных источников говорят, что Германия якобы предоставит бороться с Италией австрийцам и будет содействовать им, лишь замещая германскими войсками уводимые с нашего фронта австрийские части. Если эти сведения оправдаются, то видимо в этом решении кроется желание не дать итальянцам нравственного права официально объявить Германии войну. 1116.

31 мая/13 июня 1915 г. Положение 9-й армии на Днестре ниже Нижниова до сих пор не упрочилось. 1149.

1/14 июня 1915 г. Главные силы неприятеля сосредоточены в районе Ярослава; в течении последних дней неприятель, вновь перейдя в наступление, направил удар против III Кавк. к-са на нижней Любачевке, при чем захватил Сеняву, а затем начал развивать наступление в восточном направлении и у сел. Тухла, между Любачевкой и Скло, прорвал фронт Кавказской гренадерской дивизии. На других участках всего поля сражения между сел. Пискоровице и Мосциска нам пришлось, в соответствии с этим, оставить часть наших позиций и перейти к подготовленным в тылу окопам. Вновь обнаружены части германского гвардейского к-са и 119-й дивизии. На Днестре блестящую конную атаку у Жожавы 30 мая/12 июня произвели 4 сотни 3-го и 4-го Заамурских конных полков. У Залещиков, на следующий день, вместе с батальоном заамурцев успешно наступала 212-я дружина ополчения. 1177.

2/15 июня 1915 г. В Галиции обнаружены части XXII резервного германского к-са, считавшегося до сего времени в Бельгии. Несмотря на чисто-фронтальный характер неприятельских атак на Любачевке и правом берегу Скло, наши войска понесли чрезвычайно большие потери, частью от артиллерийского огня, а частью в рукопашном бою. Во многих полках осталось меньше тысячи штыков, а Одесский полк сведен в одну роту. Мосциска оставлена нами. Утром 1/14 июня крупных разрывов нашего фронта не было; неприятель на некоторых участках понес также значительные потери. Третий Кавказский к-с успел даже захватить 31 мая/13 июня до 600 пленных. На Днестре выше Нижинова наше положение несколько упрочилось. Между Жидачевым и Журавно наша 3-я гвардейская пехотная дивизия имела успешный бой с частями 3-й прусской гвардейской дивизии. Атаки трех неприятельских дивизий на Нижинов, поддержанных огнем 150 тяжелых и легких орудий, до полудня 1/14 июня отражены, но наблюдался подход к неприятелю еще новой дивизии. Между Прутом и Днестром наши войска отошли на меридиан Хотина. 1198.

3/16 июня 1915 г. Германские атаки к востоку от Сана продолжаются, при чем противник, оттеснив наши войска от Любачевки и Сана до Ржухова включительно, развивает главные усилия против фронта Любачев—Краковец; генерал-адъютант Брусилов, которому угрожал обход его правого фланга, отдал приказ об отходе его армии в ночь на 3/16 июня на Городокскую позицию; потери наши очень велики. Наиболее пострадали войска на направлении к Любачеву, где 51-я дивизия насчитывает только 2.400 штыков. На Днестре у Нижниова гарнизон предмостных укреплений в ночь на 3/16 июня отошел на левый берег; однако, ввиду начавшейся высадки подкреплений у Монастержиска, Тлусте и Каменец-Подольска, положение на всем Днестровском фронте не является пока угрожающим. 1222.

4/17 июня 1915 г. 3/16 июня наш фронт находился в пятнадцати верстах к северу от первоначальных позиций на реке Любачевке, при чем г. Любачев еще удерживался нами; наиболее пострадал XXIV к-с, в трех дивизиях которого только 5.000 штыков. Армия генерала Брусилова отошла на Городокскую позицию без натиска неприятеля. На Днестре наше положение улучшилось; неприятель на Миколаевском направлении, видимо, деморализован; на нижнем течении Днестра фронт неприятеля образует большие разрывы; на Хотинском направлении действует повидимому совершенно изолированный его отряд, который мы начали успешно теснить. 1260.

5/18 июня 1915 г. Неприятель продолжает усиливаться на правом берегу Сана; у Любачува обнаружились части XXV резервного к-са, находившиеся ранее на Равке. Город Любачув

после ожесточенного штыкового боя на улицах перешел в руки неприятеля, который продолжает двигаться за нашими войсками при отходе их на новые позиции. В ночь на 4/17 июня неприятель начал приближаться к Городокской позиции; на следующее утро к северу от Городка неприятель начал атаку Каменного Брода. Между Нижниовым и Незвиска значительные силы неприятеля переходят Днестр у Долины; однако, попытки их распространиться на левом берегу Днестра успешно отражаются нами. Вчера после совещания в Холме мною приняты некоторые решения, о коих рассчитываю доложить вашему императорскому величеству лично в Ставке. 1275.

6/19 июня 1915 г. Неприятель не теснил войска, устраивающиеся на Таневской и Городокской позициях, но в промежутке между ними, к северу от железной дороги Любачув—Рава-Русская, продолжает атаковать группу генерала Олохова, на усиление коего из Журавно переброшена 3-я гвардейская дивизия. Из полученных донесений выяснилось, что 2/15 июня к западу от Любачува явилась опасность глубокого прорыва нашего фронта вследствие отступления расстроенной пехоты от Олешице в направлении на Футоры. Тогда генерал Володченко бросил в конную атаку черниговских гусар, 11-й Донской Казачий полк и эскадрон Кинбурнских драгун, коим удалось изрубить и переколоть 91-й пехотный германский полк, вызвать панику в рядах германцев и заставить перейти последних к обороне. При этом было захвачено 5 пулеметов; наша пехота оправилась, перешла в наступление и захватила пленных; наши потери 2 раненых и один пропавший без вести офицер и до 200 нижних чинов. 1307.

7/20 июня 1915 г. Натиск неприятеля на направлении к Белжицу, Раве-Русской и Жолкиеву продолжается, при чем 6/19 июня мы понесли здесь значительные потери. Генерал Брусилов, вследствие неуспешного хода боя на его правом фланге, был вынужден в ночь на 7/20 июня начать отводить свою армию с Городокской позиции к Львовским укреплениям. Правый берег Днестра в районе Миколаева нами очищен. Ввиду состояния войск, образующих левый фланг 3-й армии и правый фланг 8-й армии, а также действующей между ними группы ген. Олохова, трудно рассчитывать удержать в нашей власти Львов. 1340.

8/21 июня 1915 г. В Галиции неприятель образовал против нашего Таневского фронта заслон преимущественно из австрийских войск, а главная масса собрана на направлении к Раве-Русской и в районе Немиров — Краковец — Яворов. Львовские позиции заняты нами на фронте, пролегающем в нескольких верстах к западу от шоссе Жолкиев—Миколаев. Оиход наших войск к Жолкиеву и севернее был выполнен под

напором противника, от Городка же к Львову войска отходили беспрепятственно. 1372.

9/22 июня 1915 г. На фронте между Цишановым и Жолкиевым наше положение остается все еще непрочным. В ночь на 8/21 июня третья гвардейская дивизия находилась в упорном штыковом бою в районе сел. Новины, что посредине между городами Любачув и Рава-Русская; ввиду больших потерь она была отведена на фронт Рудка—Верхрата. Между Равой-Русской и Жолкиевым неприятель утром 8/21 июня потеснил наши войска в районе к северу от Добросина. На Днестре наше положение вполне твердое. Только что получено донесение, что генерал-адъютант Брусилов отдал распоряжение об отходе с Львовских позиций 8-й армии. 1408.

10/23 июня 1915 г. В промежутке между 3-й и 8-й армиями неприятель 8/21 и 9/22 июня вел атаки на группу генерала Олохова к югу от Нароля, на участке Рудка — Верхрата. Наша конница, двинутая на разведку восточнее, на участок между с. Верхрата и Рава-Русская, нашла в этом районе лишь небольшие части неприятеля, главные силы коего, повидимому, сосредоточились в районе Жолкиева для охвата Львовской позиции с севера. Генерал Брусилов отдал приказ об отступлении с Львовских позиций в девятом часу утра 9/22 июня вследствие того, что втечение ночи группа генерала Каштелинского, состоящая из двух корпусов, начала отходить за Жолкиев и обнажила правый фланг XVII к-са, находившегося в тяжелом бою у Вейзенберга, Мержвице и Зарудце. 1450.

Приведенные донесения относительно действий Ю.-З. фронта за время с 15/28 апреля по 10/23 июня 1915 г. представляют из себя точные выдержки из телеграмм Верховного гл-щего Николаю II, в которых излагалось положение в С.-З. и Ю.-З. фронтах. Копии этих телеграмм, одновременно с телеграммами Николаю II, передавались военному министру.

ОГЛАВЛЕНИЕ II ЧАСТИ.

Стр

От редакции 3
Предисловие ко II части 5

ГЛАВА I.

Общая задача и план действий Ю.-З. фронта в апреле 1915 г. Задача 3-й армии.

Директива 23 марта (5 апреля) 1915 г. 9
Оценка замысла Карпатской операции Ю.-З. фронта и плана ее исполнения 12
Оперативный резерв 15
Задача 3-й армии 17
Оценка задачи 3-й армии с точки зрения роли этой армии в Карпатской операции Ю.-З. фронта 18
Армейский резерв 18
Состав и расположение 3-й армии 20
Сомнения Верховного главнокомандующего 22
Положение дел в Карпатской группе Ю.-З. фронта в апреле 1915 г. 22
Разъяснения ген. Ивановым плана действий в Галиции 24
Взгляд Ставки на план действий галицийской группы 27
Намек на опасения ген. Иванова относительно 3-й армии 29
Ставка признает необходимость иметь в резерве Верховного гл-щего один корпус 31
Заключение 33

ГЛАВА II.

Положение в 3-й армии перед наступлением армии ген. Макензена (С 1/14 по 18 апреля/1 мая 1915 г.)

Стремление Ю.-З. фронта сосредоточить резерв в районе 3-й армии . 34
Разведывание и сведения о противнике 35
Разведывание и контр-разведывание—обязательные спутники каждой операции 39
Силы и подробное расположение частей 3-й армии к вечеру 2/15 апреля 1915 г. 42
Обзор боевых действий в районе 3-й армии с 1/14 по 18 апреля/1 мая 1915 года. 43
Силы и подробное расположение частей 3-й армии к вечеру 10/23 апреля 1915 г. 56
Заключение о боевых действиях с 1/14 по 18 апреля/1 мая 1915 г.; усиленная рекогносцировка и демонстрация 63

ГЛАВА III.

Удар армии ген. Макензена. Катастрофа в 3-й армии. (с 19 по 24 апреля/2—7 мая 1915 г.).

Стр.

Завязка боя армией ген. Макензена на участке X к-са 69
Завязка боя на участке IX к-са 70
Результаты первого натиска германцев 70
Развитие германцами успеха, достигнутого в бою 19 апреля/2 мая 1915 г. 71
Предположения К-щего 3-й армией для дальнейших действий . . . 73
Предположения н-ка штаба Ю.-З. фронта о сосредоточении сил и о дальнейших действиях 3-й армии 75
Распоряжения К-щего 3-й армией 76
Положение к вечеру 20 апреля/3 мая 1915 г. 77
Бой 21 апреля/4 мая 1915 г.; его результаты 78
Обмен мнениями н-ка штаба Ю-З. фронта со Ставкою и его результаты 83
Бой 22 апреля/5 мая 1915 г.; его результаты 87
Распоряжения К-щего 3-й армией 89
Распоряжения Верховного главнокомандующего 91
Исполнение приказа Командующего 3-й армией № 1255 от 23 апреля/6 мая 1915 г. 93
Распоряжения Командующего 3-й армией 94
Бой 24 апреля/7 мая 1915 г. 96
Оперативный приказ Командующего 3-й армией 24 апреля/7 мая 1915 г. № 1301 98
Распоряжения Гл-щего Ю.-З. фронтом и влияние Ставки 101
Стратегическое положение армий Ю.-З. фронта к 25 апреля /8 мая 1915 г.: направление удара противника, действия противника, действия армий Ю.-З. фронта, местность, возможность глубокого обхода левого фланга Ю.-З. фронта, необходимость перемены замысла операции, боеспособность армий Ю.-З. фронта; общее заключение 103
Распоряжения Верховного гл-шего, вытекающие из совещания на ст. Холм 24 апреля/7 мая 1915 г. 112
Заключение к III главе 114

ГЛАВА IV.

Отступление 3-й армии за р. Сан. Оборона р. Сан. Расположение Ю.-З. фронта на р. Сан и р. Днестр. (С 25 апреля по 10 мая 1915 г. ст. ст.).

Подготовка армией ген. Макензена нового удара 116
Атака армией ген. Макензена левого крыла 3-й армии 26 апреля/9 мая 1915 г. 118
Соображения ген. Драгомирова о положении и дальнейших действиях армий Ю-З. фронта 121
Наступление XXI к-са 27 апреля/10 мая 1915 года 128
Распоряжения К-щего 3-й армией 130
Распоряжения Верховного гл-щего 131
Новое распоряжение К-щего 3-й армией 134
Общее состояние и численный состав частей 3-й армии к 28 апреля/ 11 мая 1915 г. 135
Преследование армией ген. Макензена 28 апреля 1915 г. 136
Действия 29 апреля/12 мая 1915 г. 137
Распоряжения ген. Иванова 30 апреля/13 мая 1915 г. 139

Оборона участка р. Сан 3-й армией. Стр.

Сосредоточение корпусов к р. Сан и развертывание армии для обороны . . . 144
Сведения о противнике . . . 145
Распоряжения К-щего 3-й армией . . . 145
Состав корпусов 3-й армии к вечеру 1/14 Мая 1915 г. . . . 148
Бой 2/15 мая 1915 г. . . . 149
Действия на правом крыле 3-й армии 2/15 и 3/16 Мая 1915 г. . . . 152
Попытки неприятеля переправиться на правый берег р. Сан . . . 153
Изменение состава 3-й армии . . . 153
Задачи 3-й армии и распоряжения К-щего 3-й армией . . . 154
Бой 4/17 мая 1915 г. . . . 155
Переход в наступление 5/18 мая 1915 г. . . . 156
Результат наступления 3-й армии . . . 158
Распоряжения к-щего 3-й армией . . . 159
Смена К-щего 3-й армией и начальника штаба армии . . . 161
Распоряжения нового К-щего 3-й армией . . . 162
Затишье на фронте 3-й армии . . . 163
Заключение к IV главе . . . 164

ГЛАВА V.

Отступление из Галиции.

Состав и расположение частей 3-й армии к вечеру 9/22 мая 1915 г. . 166
Новое наступление ген. Макензена 11/24 мая 1915 г. . . . 167
Действия левого крыла 3-й армии 13/26, 14/27 и 15/28 мая 1915 г. . 169
Распоряжения К-щего 3-й армией . . . 170
Соображения высшего командования . . . 171
Соображения к-щего 3-й армией . . . 171
Действия 16/29 и 17/30 мая 1915 г. . . . 172
Распоряжения Главнокомандующего фронтом (общее наступление) . 172
Распоряжения К-щего 3-й армией . . . 172
Результаты общего наступления 19, 20, 21 и 22 мая/1, 2, 3, 4 Июня 1915 г. . . . 172
События после 23 мая/5 июня 1915 г. (с 23 мая/5 июня по 1/14 июня) . 175
Образование группы корпусов в промежутке между 3-й и 8-й армиями под начальством ген. Олохова . . . 177
Действия 2/15 и 3/16 июня 1915 г. . . . 177
Положение 3-й армии . . . 180
Распоряжения К-щего 3-й армией (отступление за р. Танев) . . . 181
Мнение Гл-щего Ю.-З. фронта о распоряжениях К-щего 3-й армией . 182
Отступление 8-й армии . . . 183
Общее заключение о донесениях Верховного гл-щего Николаю II за время с 15/28 апреля по 10/23 июня 1915 г. . . . 184

ГЛАВА VI.

Влияние западных союзников России на Карпатскую операцию 1915 г.: в периоде ее замысла и в период кризиса.

Задачи, поставленные С.-З. фронтом в январе 1915 г. . . . 186
Изменение взгляда Верховного г-щего на Карпатскую операцию . . . 187
Верховный гл-щий подтверждает необходимость Карпатской операции. 188
Верховный гл-щий признал Карпатскую операцию Ю.-З. фронта главнейшею задачею будущего периода кампании . . . 188
Новый гл-щий С.-З. фронта ген. Алексеев считает Карпатскую операцию частично-второстепенною задачею . . . 189

Стр.

Какое значение для России могло иметь выступление Румынии . . 191
Какое значение для западных союзников России могло иметь выступление Румынии 194
Отношение Франции и Англии к нашим неудачам в Карпатской операции 198
Выступление Италии и ее влияние на Карпатскую операцию 204
Заключение к изложенному о влиянии западных союзников России на Карпатскую операцию 208

ГЛАВА VII.

Заключение к главам I—VI.

I. Замысел операции 215
II. План операции 216
III. Распределение сил для исполнения плана операции 219
IV. Обеспечение успеха операции 222
V. Разведывание 224
Воздушное разведывание 225
Организация разведывания 228
VI. Контр-разведка 229
VII. Завеса 232
VIII. Маневрирование 235
IX. Управление 240
Общее заключение 244

Ссылки на документы 247

Приложение 1-е. Состав 11-й германской армии ген. Макензена к 18 апреля/1 мая 1915 г. 250
Приложение 2-е. Донесения Верховного главнокомандующего Николаю II 251

СХЕМА №2.

Расположение 3й армии и соседних с нею частей 18-19 Апреля 1915 г.

Масштаб

10 0 20 30 нил

Схема №4.
Расположение 3й армии и соседних с нею частей 9-10 Мая 1915 г.
Масштаб

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА
КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ
Инв №.....

ИЗДАНИЯ
УПРАВЛЕНИЯ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ И ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ОПЫТА ВОЙН
ШТАБА Р. К. К. А.

Выпуск 5. **Меженинов** — Начало борьбы с поляками на Украине в 1920 г. 60 стр., 4 схемы. Цена 35 коп.

„ 6. **Иссерсон** — Мартовское наступление германцев в Пикардии в 1918 г. 48 стр., 5 схем, 11 чертежей. Цена 32 коп.

„ 7. **Ефимов** — Действия 2-й конной армии в 1920 г. 80 стр., 5 схем в красках. Цена 80 коп.

„ 8. **Оськин** — Хозяйственная работа 2-й особой армии. 110 стр. Цена 80 коп.

„ 9. **Шехаев** — Боевая жизнь 16 стр. Ульяновской имени Киквидзе дивизии. 4 п. л. с 5 схемами, и фотографиями.

„ 10. **Корольков** — Сражение под г. Шавли в июле 1915 г. 79 стр., 4 схемы. Цена 70 коп.

„ 11. **Редкин-Рымашевский** — Действия XXXII русского корпуса в Луцком прорыве. 30 стр., 6 схем. Цена 30 коп.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Н. Корсун — Стратегический очерк войны на Кавказском фронте 1914—17 г. Т. I.

Рогвольд — Конница I-й армии Вост. Пруссии в авг.—сент. 1914 г. 12 п. л., 24 схемы.

Бонч-Бруевич — Потеря Галиции в 1915 г. Часть II. Катастрофа 3 армии. 264 стр.

Л. Федоренко — Основы территориального строительства конницы. 7 п. л.

Вл. Иванов — Служба материальной части артиллерии по опыту мировой и гражданской войны 1914—20 годов. 5 печ. листов.

А. Зайончковский — Подготовка России к мировой войне в международном отношении.

Цена 2 руб.

14672

СКЛАД ИЗДАНИЯ:

Книжные и писчебумажные магазины Военной Типографии Гл. Упр. РККА:

ЛЕНИНГРАД, Просп. 25 Октября, 4; тел. **5-44-76;**

МОСКВА, Арбат, 21; тел. **5-79-90.**